

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ V.

Книга 21 (1).

— 22 (2) —

Подъ редакціей профессоръ Н. Я. Грота и Л. М. Лопатина.

ЯНВАРЬ 1894 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Нушнеревъ и №,
Пименовская ул., собств. домъ.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Къ вопросу о свободѣ воли.— Льва Толстого	1
Французскій позитивизмъ. — Полупозитивисты: Альфредъ Фуллье.— А. А. Козлова	8
Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи.— Н. Я. Грота	36
О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію (<i>Окончаніе</i>).— Александра И. Введенскаго	55
Смысль любви (статья пятая).— Вл. С. Соловьева	81

Спеціальный отдѣлъ.

О задачахъ исторіи философіи.— Н. Н. Страхова . . .	1
О человѣческой рѣчи (<i>Окончаніе</i>).— А. А. Корнилова . .	35
Философскіе принципы въ современной физиологіи и отношеніе философіи къ естествознанію и медицинѣ.— Н. Я. Пяковского	59
Къ психологіи микроцефаловъ.— С. С. Корсакова . . .	67
«Пространство» Лобачевскаго.— Н. И. Шишкина	115

Критика и библіографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Jos. Royce. The Spirit of modern Philosophy. — А. Н. Гилярова	136
---	-----

Schmekel. Die Philosophie der mittleren Stoa.— А. Н. Гилярова	142
Aulard. Le Culte de la Raison et le Culte de l'Être suprême (1793—1794).— А. Н. Гилярова	144
Wundt. Vorlesungen über Menschen und Thierseele, 2 Auflage.— Е. И. Челпанова	144
Цигенъ. Физиологическая психологія.— Е. И. Челпанова.	146

II. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

The Monist.— С. К.	150
Zeitschr. f. Psychol. u. Physiol. d. Sinnesorgane.— Е. И. Челпанова	153

Новыя книги, присланныя въ редакцію	158
Психологическое Общество	160
Новая книга Б. Н. Чичерина. — Кн. С. Н. Трубецкого	171
Извѣстія и замѣтки	183
Объявленія	184

Къ вопросу о свободѣ воли.

(Изъ неизданнаго сочиненія).

I.

Что бы ни дѣлалъ человѣкъ, онъ поступаетъ такъ, а не иначе, во всѣхъ своихъ сознательныхъ поступкахъ только потому, что онъ или теперь признаетъ, что истина въ томъ, что должно поступать такъ, какъ онъ поступаетъ, или потому, что онъ когда-то прежде призналъ это; теперь же только по инерціи, по привычкѣ поступаетъ такъ, какъ онъ это призналъ должнымъ прежде.

Бѣсть ли человѣкъ или воздерживается отъ пищи, работаетъ или отдыхаетъ, бѣжитъ опасности или подвергается ей,—если онъ сознательный человѣкъ, онъ поступаетъ такъ, какъ поступаетъ, только потому, что считаетъ это должнымъ, разумнымъ,—считаетъ, что истина состоитъ въ томъ, чтобы поступать такъ, а не иначе, или уже давно прежде считалъ это.

Признаніе же или непризнаніе того, что истина состоитъ въ томъ, чтобы поступать такъ, а не иначе, зависитъ не отъ внѣшнихъ, подлежащихъ наблюденію человѣка причинъ, а отъ какихъ-то другихъ причинъ, находящихся въ самомъ человѣкѣ и не подлежащихъ его наблюденію. Такъ что иногда при всѣхъ внѣшнихъ, казалось бы, выгодныхъ условіяхъ для признанія служащей причиной поступковъ

истины, одинъ человѣкъ не признаетъ ея и, напротивъ, другой—при всѣхъ самыхъ невыгодныхъ къ тому условіяхъ, признаетъ ее и поступаетъ сообразно ей.

И потому человѣкъ, чувствуя себя несвободнымъ въ своихъ поступкахъ, всегда чувствуетъ себя независимымъ отъ внѣшнихъ условій, т. е. свободнымъ, въ томъ, что служить причиной его поступковъ — въ признаніи или непризнаніи истины. И чувствуетъ себя свободнымъ не только отъ внѣшнихъ, происходящихъ внѣ его, событій, но даже и отъ своихъ поступковъ.

Такъ человѣкъ, совершивъ поступокъ, противный тому, что онъ признаетъ истиной, остается все-таки свободнымъ въ признаніи или непризнаніи ея, т. е. можетъ считать свой поступокъ хорошимъ, значить, не противнымъ истинѣ, и оправдывать себя въ совершеніи его, — и можетъ, признавая истину, считать свой поступокъ дурнымъ, противнымъ ей, и осуждать себя въ немъ.

Такъ игрокъ или пьяница, не выдержавшій соблазна и подпавшій своей страсти, остается все-таки свободнымъ признавать игру и пьянство—или зломъ, или безразличной забавой.

Точно такъ же человѣкъ, выбѣжавшій изъ горящаго дома, не выдержавъ жара и не спасши своего товарища, остается свободнымъ признать истину о томъ, что человѣкъ съ опасностью своей жизни долженъ служить чужимъ жизнямъ, и считать свой поступокъ дурнымъ и потому осуждать себя за него,—или не признавая эту истину, считать свой поступокъ естественнымъ, необходимымъ и оправдывать себя въ немъ.

Въ первомъ случаѣ—въ томъ, когда онъ признаетъ истину, не смотря на свое отступленіе отъ нея, онъ готовитъ себѣ цѣлый рядъ неизбежно имѣющихъ вытекъ изъ такого признанія, сообразныхъ истинѣ добрыхъ поступковъ; во-второмъ случаѣ, онъ готовитъ себѣ цѣлый рядъ противоположныхъ истинѣ, дурныхъ поступковъ.

Не то, чтобы человѣкъ былъ свободенъ всегда признавать или не признавать всякую истину. Есть истины, давно

уже или признанныя самимъ человѣкомъ или переданныя ему воспитаніемъ, преданіемъ и принятыя имъ на вѣру, слѣдованіе которымъ стало для него привычкой, второй природой: человѣкъ не можетъ не признавать такихъ истинъ и потому несвободенъ по отношенію къ нимъ. Есть еще другія истины, только какъ бы вдалькѣ представляющіяся человѣку и еще не вполне открывшіяся ему; человѣкъ не можетъ по своей волѣ признать ихъ. Въ признаніи тѣхъ и другихъ онъ одинаково несвободенъ: онъ не можетъ не признавать первыхъ и не можетъ еще признавать вторыхъ. Но есть третій родъ истинъ, — такихъ, которыя не стали еще для человѣка безсознательнымъ мотивомъ дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ такою ясностью открылись ему, что онъ не можетъ обойти ихъ и неизбѣжно долженъ такъ или иначе отнестись къ нимъ, признать или не признать ихъ. Въ отношеніи этихъ-то истинъ, и только этихъ истинъ, и проявляется свобода человѣка.

Всякій человѣкъ въ своей жизни находится по отношенію къ различнымъ истинамъ и вообще къ истинѣ въ положеніи путника, идущаго въ темнотѣ при свѣтѣ впереди двигающагося фонаря: онъ не видитъ того, что онъ прошелъ и что закрылось уже темнотой, не видитъ и того, до чего не дошелъ и что еще не освѣщено его фонаремъ; и не властенъ измѣнить своего отношенія ни къ тому, ни къ другому. Но онъ видитъ то, что освѣщено фонаремъ, — на какомъ бы мѣстѣ пути онъ ни стоялъ, — и всегда властенъ выбрать ту или другую сторону дороги, по которой движется. Точно такъ же и для cadaго человѣка, двигающагося въ духовной жизни, есть всегда истины уже пережитыя, усвоенныя имъ и составляющія уже часть его сознанія, — есть другія, не открывшіяся еще его умственному взору и только предугадываемыя имъ, — и есть третьи истины, настолько открывшіяся человѣку, что онъ неизбѣжно долженъ такъ или иначе отнестись къ нимъ: признать или не признать ихъ. И вотъ, въ признаніи или непризнаніи этихъ-то истинъ и проявляется то, что мы сознаемъ, какъ свою свободу.

Вся трудность и кажущаяся неразрѣшимость вопроса о свободѣ человѣка происходитъ отъ того, что люди, рѣшающіе этотъ вопросъ, представляютъ себѣ человѣка неподвижнымъ по отношенію къ истинѣ.

Человѣкъ несомнѣнно несвободенъ, если только допустить что жизнь человѣка и человѣчества не есть постоянное движеніе отъ темноты къ свѣту, отъ низшей степени истины къ высшей,—отъ истины, болѣе смѣшанной съ заблужденіями, къ истинѣ, болѣе освобожденной отъ нихъ, т. е. если представить себѣ человѣка неподвижнымъ.

Человѣкъ былъ бы несвободенъ, еслибъ онъ не зналъ никакой истины, и точно такъ же не былъ бы свободенъ и даже не имѣлъ бы понятія о свободѣ, еслибы вся истина, долженствующая руководить его въ жизни, разъ навсегда во всей чистотѣ своей, безъ примѣси заблужденія, была открыта ему.

Но человѣкъ не неподвиженъ относительно истины: постоянно, по мѣрѣ движенія своего въ жизни, каждый отдѣльный человѣкъ—такъ же, какъ и все человѣчество, все больше и больше освобождаются отъ заблужденій и подчиняются истинѣ. И потому всѣ люди всегда находятся въ тройкомъ отношеніи къ истинѣ: однѣ истины такъ уже усвоены ими, что стали безсознательными причинами поступковъ, — другія только начинаютъ открываться имъ, — третьи, хотя и не усвоены еще ими, открыты имъ до такой степени ясности, что они неизбѣжно такъ или иначе должны отнестись къ нимъ, должны признать или не признать ихъ. И вотъ въ признаніи или непризнаніи этихъ-то истинъ и состоитъ свобода человѣка.

II.

Жизнь человѣческая движется по одному опредѣленному и неизмѣнному закону. И потому она вообще несвободна: всѣ люди неизбѣжно пойдутъ по единственному пути этого закона. Помимо этого пути не можетъ быть жизни. Но законъ жизни человѣческой представляется людямъ въ видѣ

понекому открывающейся истины, которая можетъ быть признана и не признана ими; и потому по пути закона жизни люди могутъ идти двояко: или сами собой, сознательно и свободно подчиняясь закону жизни, или невольно и бессознательно покоряясь ему. Свобода человѣка въ этомъ выборѣ.

Она не въ томъ, что человѣкъ можетъ, независимо отъ хода жизни и уже существующихъ и вліяющихъ на него причинъ, совершать произвольные поступки, а въ томъ, что онъ можетъ, признавая открывающійся ему въ сознаниі, въ видѣ истины, законъ жизни, исповѣдуя его, сдѣлаться свободнымъ и радостнымъ исполнителемъ дѣла не только своей, но и міровой жизни, и можетъ, не признавая истину, сдѣлаться рабомъ закона жизни и быть насильно и мучительно влекомымъ туда, куда онъ не хочетъ идти.

Такая свобода, въ такихъ узкихъ предѣлахъ, кажется людямъ столь ничтожною, что они не замѣчаютъ ея: одни (детерминисты) считаютъ эту долю свободы столь малою, что вовсе не признаютъ ея; другіе, защитники полной свободы, имѣя въ виду свою воображаемую полную свободу, пренебрегаютъ этой, кажущейся имъ ничтожною, степенью свободы.

Свобода, заключенная между предѣлами истины, ставшей инстинктомъ, второю природою, и истины, не открывшейся еще сознанию человѣка,—свобода, состоящая только въ признаніи извѣстной степени открывающейся истины кажется людямъ несвободою,—тѣмъ болѣе, что хочетъ или не хочетъ человѣкъ признать открывшуюся ему истину, онъ неизбежно будетъ принужденъ къ исполненію ея въ жизни.

Лошадь, запряженная вмѣстѣ съ другими въ возъ, не свободна не идти впереди воза, и если она не везетъ, возъ будетъ бить ее по ногамъ, и она пойдетъ туда же, куда пойдетъ возъ, и будетъ невольно везти его. Но, несмотря на эту ограниченную свободу, она свободна везти возъ или быть влекомой имъ.

То же съ человѣкомъ.

Велика ли, не велика ли эта свобода въ сравненіи съ той

фантастической свободой, которую мы бы хотѣли имѣть, свобода эта одна несомнѣнно существуетъ и свобода эта есть свобода. И мало того, что свобода эта есть истинная свобода,—она же есть и истинная жизнь. По учению Христа, человѣкъ, который видитъ смыслъ жизни въ той области, въ которой она не свободна,—въ области послѣдствій, т.-е. поступковъ, не имѣетъ истинной жизни. Истинную жизнь, по христіанскому учению, имѣетъ только тотъ, кто перенесъ свою жизнь въ ту область, въ которой она свободна,—въ область причинъ, т.-е. познанія и признанія открывающейся истины, исповѣданія ея и потому неизбѣжно слѣдующаго (какъ возъ за лошадыю)—исполненія ея. /

// Полагая жизнь свою въ дѣлахъ плотскихъ, человѣкъ дѣлаетъ тѣ дѣла, которыя всегда находятся въ зависимости отъ пространственныхъ и временныхъ, внѣ его находящихся, причинъ. Онъ самъ даже ничего не дѣлаетъ; ему только кажется, что дѣлаетъ онъ, но въ дѣйствительности всѣ тѣ дѣла, которыя ему кажется, что онъ дѣлаетъ, творятся черезъ него Высшею силой, и онъ—не творецъ жизни, а рабъ ея; полагая же жизнь свою въ признаніи и исповѣданіи открывающейся ему истины, онъ, соединяясь съ источникомъ всеобщей жизни, совершаетъ дѣла уже не личные, частныя, зависящія отъ условій пространства и времени, но дѣла, не имѣющія иной причины, кромѣ его сознанія, и сами составляющія причину всего остального, имѣющія безконечное, ничѣмъ не ограниченное значеніе. //

Царство Божіе усилиемъ берется и только дѣлающіе усилие восхищаютъ его, и это-то усилие, когорымъ берется Царство и которое долженъ и можетъ сдѣлать каждый человѣкъ, состоитъ не въ какихъ-либо внѣшнихъ дѣлахъ, а только въ признаніи и исповѣданіи истины каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ.

Пренебрегая сущностью истинной жизни, состоящей въ признаніи и исповѣданіи истины, и напрягая свои усилія, для улучшения своей жизни, на внѣшніе поступки, люди подоб-

ны людямъ на пароходѣ, которые для того, чтобы дойти до цѣли, заглушили бы паровикъ, мѣшающій имъ размѣстить гребцовъ, и въ бурю старались бы, вмѣсто того, чтобы идти готовымъ уже паромъ, грести недостающими до воды веслами.

// Стоитъ людямъ только понять это: перестать заботиться о дѣлахъ вѣшнихъ и общихъ, въ которыхъ они несвободны, а всю ту энергію, которую они употребляютъ на вѣшнія дѣла, употребить на то, въ чемъ они свободны, — на признаніе и исповѣданіе той истины, которая стоитъ передъ ними, на освобожденіе себя и людей отъ лжи и лицемерія, скрывающихъ истину, — для того, чтобы не только каждый отдѣльный человѣкъ достигъ высшаго доступнаго ему блага, но чтобы осуществилась хоть та первая ступень Царства Божія, къ которой уже готовы люди по своему сознанію.

Левъ Толстой.

Французскій позитивизмъ *).

(Полупозитивисты: Фуллье, Гюйо и Тардъ).

I.

Фуллье (Alfred Fouillée), какъ самый выдающійся представитель полупозитивизма.

Я позволю себѣ начать мою краткую характеристику Фуллье парадоксальнымъ, на манеръ Вольтера, предложениемъ. Еслибы въ настоящее время такого философа, какъ Фуллье, не существовало въ дѣйствительности, то его нужно было бы художественно *изобрѣсти* для того, чтобы людямъ, любящимъ философію и интересующимся ея дальнѣйшимъ развитіемъ, было вполне ясно, что на той почвѣ, на которой она двигалась въ своемъ развитіи въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, дальнѣйшихъ успѣховъ она сдѣлать уже не можетъ. Современная философія должна выступить на *новую тропу* въ весьма важномъ и существенномъ отношеніи, а именно: *прежде всего* ей нужно освободиться отъ все болѣе и болѣе укореняющагося *предразсудка*, что философія есть что-то другое, а не наука **). Пусть фило-

*) См. Вопросы филос. и психол., 1892—93, кн. 15, 16 и 19. Позитивисты: Огюсть Контъ и Тэнъ.

**) Нельзя сказать, чтобы эта тропа была абсолютно новая, потому что философія иногда и довольно долгое время шла по ней, какъ, напр., въ лицѣ Платона, Аристотеля и нѣкоторыхъ изъ ихъ преемниковъ, иногда же становилась на нее на короткое время въ дѣятельности того или другого философа (напр., Гегеля), но все это было недостаточно обосновано въ принципѣ, а потому и не прочно.

софѣ не поддается льстивымъ голосамъ, утверждающимъ, что философія есть даже *нѣчто высшее*, чѣмъ наука, что она замѣняетъ религію, что она высшая форма поэзіи, единственная основа для морали и т. п. Пусть, не увлекаясь этими голосами, онъ твердо и безъ колебаній стоитъ на одномъ, что *она есть наука*, хотя бы, по трудности своего предмета, и менѣе совершенная, чѣмъ другія, но все-таки она наука и, притомъ, по важности этого предмета, высшая изъ всѣхъ другихъ отраслей *единого* знанія. Отсюда уже само собою разумѣется, что она должна двигаться самостоятельно къ своей научной цѣли, а не идти, ради якобы вящей научности, на буксирѣ другихъ наукъ или *подражать* имъ въ приемахъ и способахъ пріобрѣтенія и построенія своего содержанія*). Какъ въ эпоху, наприм., „Возрожденія наукъ“ философія поняла, что ей не должно быть „служанкой теологіи“ (**), какъ, далѣе, въ 18-мъ вѣкѣ она поняла, что ей невозможно подражать математикѣ,—такъ и теперь ей уже давно бы нужно перестать видѣть въ естествовѣдѣніи образецъ научнаго знанія вообще и увлекаться *титломъ* „положительной науки“, приличествующимъ только для условныхъ наукъ, каковы—математика, физика, химія и т. под.***).

Теперь спрашивается, почему на Фуллѣ болѣе, чѣмъ на комъ-либо другомъ, можетъ обнаруживаться необходимость для современной философіи въ радикальной перемѣнѣ своего пути и направленія? Отвѣчаю: именно потому, что это вообще наиболѣе выдающійся между современными философами, по соединенію въ немъ многихъ условій для того,

*) Однимъ изъ важныхъ шаговъ для этой радикальной перемѣны направленія было бы ясное сознаніе у философовъ, что дѣленіе нашей познающей дѣятельности на различныя специальности обусловлено не сущностью знанія, а только внѣшними обстоятельствами, напр., ограниченностью силъ у отдѣльныхъ людей, несовершенствомъ общественныхъ формъ жизни и т. под.

**) Къ сожалѣнію, въ то же самое время она начала искать новаго господина и образца для подражанія.

***) Мнѣ случалось встрѣчать въ руководствахъ къ шахматной игрѣ громкое и притязательное названіе: «наука о шахматной игрѣ», и я признаюсь, что этой «наукѣ», по ея полной условности, приличествуетъ титулъ *положительной*, пожалуй, еще въ *высшей* степени, чѣмъ физикѣ, химіи и астрономіи.

чтобы сказать *новое слово* въ области философской дѣятельности. По своей талантливости онъ если не выше, то во всякомъ случаѣ не ниже Тэна или кого-либо другого изъ современниковъ; то же можетъ быть сказано и относительно его общей и спеціально-философской эрудиціи. По тщательной же подготовкѣ къ производительной работѣ въ философіи онъ превосходитъ своихъ современныхъ соотечественниковъ. Точно также едва ли кто превосходитъ его и въ энергіи, съ которой онъ началъ и продолжаетъ свою философскую *миссію*, возникшую изъ убѣжденія въ неудовлетворительности господствующихъ въ настоящее время системъ матеріализма, спиритуализма и даже позитивизма,—убѣжденія, основаннаго на проницательной критикѣ, которой онъ неутомимо подвергалъ ихъ. Изъ этого убѣжденія, конечно, возникло горячее желаніе замѣнить неудовлетворительное собственной работой, а чтобы избѣжать при ней какихъ бы то ни было односторонностей, Фуллье избралъ особое *предохранительное средство*, состоящее въ „методѣ *соглашенія*“ прежнихъ философскихъ доктринъ. Но, несмотря на его талантъ, эрудицію, тщательную подготовку къ труду и энергію въ его выполненіи, все-таки предпріятіе Фуллье я не могу счесть удавшимся, главнымъ образомъ, потому, что и онъ не отрѣшился вполнѣ отъ старой почвы. Отсюда его преобразование философіи неизбѣжно оказывается палліативомъ: главная задача, стоявшая передъ нимъ, заключалась не въ соглашеніи старыхъ доктринъ, а въ открытіи новыхъ принциповъ, или точекъ зрѣнія, съ которыхъ бы можно было, съ одной стороны, яснѣе понять прежнее, а съ другой—вѣрнѣе предвидѣть дальнѣйшее движеніе философіи.

Все сейчасть сказанное я надѣюсь *пояснить*, во-первыхъ, указаніемъ на важнѣйшія сочиненія Фуллье, которыя представляютъ какъ бы *этапы* въ выработкѣ его философской системы, и во-вторыхъ, краткимъ анализомъ основного понятія этой системы, а именно „идей-силъ“ *).

---

*) Разумѣется, по недостатку времени и мѣста, я не могу войти въ какія-

Важнѣйшія подготовительныя къ системѣ „идей-силъ“ сочиненія Фуллье *).

Немного моложе Тэна по возрасту, Фуллье и въ качествѣ философскаго дѣятеля выступилъ нѣсколько позже его, а именно въ концѣ 60-хъ годовъ. Сразу обратилъ онъ на себя вниманіе ученаго міра двумя почтенными, по самостоятельности, эрудиціи и талантливости изложенія, историческими сочиненіями: „Философія Платона“**) и „Философія Сократа“, увѣнчанными преміями „Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ“. Этими самостоятельными изслѣдованіями въ области древней философіи, составляющей и до сихъ поръ источникъ живой силы для производительной философской дѣятельности, Фуллье какъ бы закалилъ себя для будущаго труда. Несомнѣнно, что и мысль объ *идеяхъ*, какъ *творческихъ силахъ*, осуществляющихся въ дѣйствительномъ мірѣ, была впервые подсказана ему платонизмомъ. Уже въ этомъ первомъ сочиненіи обнаруживаются признаки и его методическаго *принципа соглашенія доктринъ*. Такъ, въ спорномъ у толкователей Платона вопросѣ „о трансцендентности и имманентности идей міру вещей“, онъ соединяетъ обѣ точки зрѣнія. По его изслѣдованіямъ выходитъ, что идеи *и трансцендентны, и имманентны*, или, иначе, что міръ идей (или Богъ) хотя самъ по себѣ и не подлежитъ происхожденію, движенію или быванію, но что, тѣмъ не менѣе, онъ, несмотря на свое *единство и неизмѣнность*, все-таки необхо-

либо подробности и долженъ ограничиться, пожалуй, еще болѣе краткими намеками, чѣмъ это сдѣлано относительно Тэна.

*) Сочиненія Фуллье многочисленны и состоятъ, кромѣ цѣлыхъ книгъ, изъ множества статей, напечатанныхъ въ журналахъ („Revue Philosophique“, „Revue des Deux Mondes“). Конечно, я здѣсь упомяну только о важнѣйшихъ для пониманія генезиса и развитія системы Фуллье.

**) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ это сочиненіе появилось во 2-мъ изданіи, гдѣ Фуллье подкрѣпляетъ свои взгляды, высказанные въ 1-мъ изданіи, новыми доказательствами и объясненіями и обогащаетъ его новыми изслѣдованіями (какъ, наприм., объ отношеніи платонизма къ христіанству и о платонизмѣ въ философіи новаго времени).

димо связанъ съ міромъ *многихъ* вещей и участвуетъ въ его движеніи *).

Второй этапъ въ выработкѣ міровоззрѣнія Фуллье является результатомъ изученія другого великаго философа, Канта, безъ надлежащаго знакомства съ которымъ невозможно пониманіе философіи новѣйшаго времени. Послѣдствіемъ этого изученія было самостоятельное рѣшеніе основного вопроса, поставленнаго Кантомъ, о возможности свободы, а съ нею и морали,—рѣшеніе, ставшее исходнымъ пунктомъ и для собственной системы Фуллье. Ставъ лицомъ къ лицу съ вѣковой борьбою въ философіи двухъ непримиримыхъ воззрѣній — *индетерминизма и детерминизма*, или защитниковъ и противниковъ свободы воли **), Фуллье въ своей книгѣ (2-е изд.) старается „по методѣ соглашенія“ примирить борющіяся воззрѣнія: детерминизмъ и индетерминизмъ должны совпасть, потому что (по теоріи „идей-силъ“) идея свободы, постоянно реализуясь на практикѣ, будетъ все болѣе и болѣе освобождать *человѣческое* существо отъ *природной* зависимости, такъ что, въ концѣ концовъ, оно сдѣлается настолько свободнымъ, какъ будто бы оно было таковымъ и первоначально, по своей природѣ. Однако, и самъ Фуллье сознается, что еще невозможно вполнѣ доказать этого совпаденія теорій детерминизма и свободы, потому что, можетъ быть, число

*) Одаренный богатымъ воображеніемъ и чрезвычайно находчивый въ сравненіяхъ и объясненіяхъ, Фуллье *весьма картинно* сравниваетъ участіе неподвижныхъ, по своей природѣ, идей въ теченіи міра вещей—съ центромъ колеса, неподвижнымъ въ то время, какъ его радіусы находятся въ постоянномъ движеніи.

**) Сочиненіе, въ которомъ Фуллье касается этого вопроса, носитъ заглавіе: „La liberté et le déterminisme“, и появилось въ двухъ изданіяхъ. Первое вышло въ началѣ 70-хъ годовъ,—второе въ 80-хъ. Въ силу плодovitости Фуллье и неутомимости, съ какою онъ развиваетъ всякую мысль до ея послѣднихъ предѣловъ, а также вслѣдствіе нѣкотораго колебанія въ пониманіи и формулировкѣ изслѣдуемыхъ имъ основныхъ началъ, первое изданіе не мало страдаетъ отъ недостатка въ ясности. Такъ, наприм., Фуллье то называетъ волю абсолютомъ, то считаетъ разумъ за начало ея опредѣляющее, то, наконецъ, подчиняетъ и волю, и разумъ, и чувство какому-то „нѣчто“, которое не исчерпывается ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ.

фактовъ, долженствующихъ быть согласенными, *безконечно*, хотя для практики совершенно достаточно того теченія мысли, которое выходитъ изъ гипотезы соединимости обѣихъ теорій, а вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно и для устраненія безконечнаго историческаго спора *).

Третій шагъ въ философскомъ движеніи Фуллье представляетъ его сочиненіе „L'idée moderne du droit en Allemagne, en Angleterre et en France“, служащее какъ бы заключеніемъ предыдущаго. Въ немъ онъ дѣлаетъ анализъ идеи права вообще и краснорѣчиво, хотя не безъ примѣси реторики, характеризуетъ ея пониманіе у трехъ главныхъ народностей Европы. Народность германская, думаетъ онъ, имѣетъ склонность къ замѣнѣ идеи права *идеєю силы* (грубаго факта), англійская—*идеєю пользы*, и только французская вѣрна *идеѣ права*, потому что служила въ своей исторіи идеямъ независимости и свободы.

Хотя Фуллье и отклонялъ сдѣланный ему упрекъ въ гегельянствѣ, гдѣ народность должна вообще проявить въ исторіи свою идею, но все-таки въ этомъ упрекѣ, по-моему, есть своя доля правды, потому что народности, какъ собирательныя существа, заключаютъ въ себѣ индивидуумовъ разнообразнаго происхожденія и съ самыми разнообразными свойствами, тенденціями и задатками. Если же какія-либо тенденціи въ тотъ или другой историческій періодъ и возобладали у многихъ индивидуумовъ одного народа, такъ что какъ будто сдѣлались признакомъ характера цѣлаго народа, то это все-таки—не болѣе, какъ продуктъ историческихъ условій, побуждающихъ многихъ индивидуумовъ идти по одному и тому же пути (жители острововъ, наприм., во всей исторіи и у разныхъ племенъ, всегда и въ разныхъ формахъ имѣли тенденцію быть болѣе или менѣе морскими

---

*) Второе изданіе сочиненія вообще интересно по многимъ пунктамъ, которые оно въ себѣ заключаетъ, каковы, наприм., критическій обзоръ теорій детерминизма и индетерминизма (въ ученіяхъ Платона, Плотина, Лейбница, Канта, Шеллинга и проч.), или попытка Фуллье къ примиренію платонизма и кантіанства съ христіанствомъ.

грабителями); съ переменною этихъ условій видоизмѣняется или даже исчезаетъ совсѣмъ *мнимое* свойство цѣлаго народа (народъ, вѣдь, не субстанція). Значить, мысль Фуллье въ данномъ случаѣ довольно поверхностна; и если можно согласиться съ его характеристикой европейскихъ народностей, то только при очень поверхностной оцѣнкѣ ихъ.

Точно такъ же, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, Фуллье, полагающій, что идеи силы и пользы соединимы съ правомъ, соглашается, по своей методѣ, „натурализмъ“ (сила и интересъ) съ „идеализмомъ“ (право и свобода), при условіи, чтобы и тотъ, и другой признали высшимъ руководящимъ началомъ „разумную свободу“ *). Подъ вліяніемъ этой идеи, въ силу самого детерминизма, эволюція сама собою постепенно реализуетъ окончательное совпаденіе силы, пользы и свободы (независимости); или, какъ выражаетъ ту же мысль Фуллье, съ точки зрѣнія его теоріи „идей-силъ“, идеи, между которыми находятся свобода и необходимо соответствующія ей моральныя идеи (низшія: воздержанія и умѣренности—*sustine et abstine* у древнихъ, и высшія: справедливости и братства—въ новое время), составляющія идеаль, реализуются сами собою, по мѣрѣ того, какъ онѣ признаны, поняты и стали предметомъ почитанія.

Особенно важный шагъ въ философскомъ движеніи Фуллье представляетъ его сочиненіе: „*Critique des systèmes de morale contemporains*“, вышедшее въ 1883 году. Богатство знаній, остроумія и діалектической силы, обнаруживаемое въ немъ авторомъ, изумительно. Всѣ системы изслѣдованы въ порядкѣ ихъ *убывающей позитивности и возрастающей метафизичности* и изложены чрезвычайно обстоятельно**). Не

*) По Фуллье, при этомъ соглашеніи не только натурализмъ, но и идеализмъ долженъ слѣзть уступку, а именно: отказаться отъ своихъ *априорностей*: Фуллье не признаетъ априорной свободы Канта; по природѣ и въ человѣкѣ, какъ и вездѣ, господствуетъ природный детерминизмъ. Свобода дается человѣку детерминизмомъ же, т. е. причинностью идеи свободы, по природѣ же въ немъ господствуютъ сила и эгоизмъ. Къ сожалѣнію, все это выражено у Фуллье не вполне ясно.

***) Сочиненіе это начинается съ изложенія морали философскихъ доктринъ,

соглашаясь вполнѣ ни съ одной изъ извѣстныхъ въ настоящее время моральныхъ системъ, Фуллье съ силою опровергаетъ ихъ, но въ то же время на ихъ развалинахъ подготавливаетъ и свою *естественную* систему, въ основаніи которой лежитъ метафизическая теорія „идей-силъ“. Первоначальную почву всякой морали составляютъ инстинкты и привычки органическихъ существъ вообще. Что же касается до людей, то они не только повинуются мотивамъ удовольствія и избѣгаютъ импульсовъ неприятныхъ, но, кромѣ того, у нихъ образуется *общая идея* блага и зла, т.-е. *идея моральная*, которая въ своей эволюціи уже сама собою полагаетъ основаніе для различныхъ системъ нравственности. Но если всѣ эти системы неудовлетворительны передъ критикою, то какъ выйти изъ этого затрудненія? Повидимому, Фуллье находитъ исходъ въ томъ соображеніи, что въ существѣ всѣхъ моральныхъ системъ лежитъ идея *самоотреченія*, *бескорыстія* или, въ болѣе высшей формѣ, идея *справедливости*, *милосердія*, которыя суть не что иное какъ *отрицательная* и *положительная* формы самоотреченія. Эти же идеи естественно постулируютъ *всеобщее счастье*.

Весьма оригинальную черту представляетъ система нравственности самого Фуллье въ томъ, что осуществленіе нравственной идеи (самоотреченія, справедливости, всеобщаго — не только человѣческаго, но и космическаго — счастья и т. под.) не обязательно, *не составляетъ долга* для исповѣдующаго ее. Довольно и того, думаетъ онъ, что эта идея возможна: все остальное придетъ само собою, по законамъ

претендующихъ на полную независимость отъ теологій и метафизики, хотя въ то же время (замѣчаетъ вѣрно Фуллье) прихватывающихъ не мало матеріала изъ этой *зависимой* морали въ свою *независимую*, какъ, наприм., доктрины Литтре, Тэна и проч. Но особенно много труда посвящаетъ Фуллье на изложеніе и опроверженіе тоже якобы независимой морали критицизма, въ системахъ какъ самого Канта, такъ и неокантіанцевъ, въ особенности же французскихъ, во главѣ которыхъ стоитъ почтенный философъ Ренувье. Точно также съ силою опровергаетъ онъ и теологическую мораль французскаго спиритуализма, причѣмъ главнымъ аргументомъ для него служить несовмѣстимость безконечной благодати и могущества Бога съ несовершенствомъ и страданіями существъ, наполняющихъ міръ.

эволюціи. Значить, въ концѣ концовъ, человѣкъ самъ можетъ дать себѣ именно то самое счастье, котораго онъ желаетъ въ своемъ идеалѣ. Это, по мнѣнію Фуллье, согласно и съ тѣмъ фактомъ, что для человѣка истинное наслажденіе существуетъ только тогда, когда онъ самъ достигаетъ его. Отсюда вытекаетъ, что всякій долженъ быть свободенъ по своему и, далѣе, что всякій долженъ уважать дѣятельность другого.

Вообще, въ этомъ сочиненіи такъ же, какъ и во второмъ изданіи предыдущаго, Фуллье настаиваетъ на принципѣ *относительности знанія* и кладетъ его въ основу и свободы, и счастья человѣческаго. Такъ какъ мы, по Фуллье, не знаемъ *основной сущности* человѣка, то и не должны *догматически* возлагать на него долженствованія и обязательства.

Такимъ образомъ, онъ даже скептицизмъ какъ бы кладетъ въ основу принципа справедливости и терпимости. Конечно, и принципъ относительности знанія, и ссылки Фуллье на неизвѣстную и непознаваемую *сущность, ядро* и т. под. души человѣческой, и, наконецъ, его колебанія въ окончательномъ объясненіи своихъ принциповъ и основныхъ положеній (какимъ, наприм., образомъ непространственная и безвременная, по существу, идея свободы можетъ реализовать въ пространствѣ и времени акты этой самой свободы и т. под.)—уполномочиваютъ считать его философію еще недостаточно выработанной (по крайней мѣрѣ, въ томъ пунктѣ ея развитія, который выражается послѣднимъ, указаннымъ мною сейчасъ, сочиненіемъ), такъ что пока можно смѣло сказать, что онъ является гораздо болѣе яснымъ и сильнымъ въ критикѣ и разрушеніи стараго, чѣмъ въ созиданіи новаго.

Понятія науки и метафизики у Фуллье.

Обратимся къ тѣмъ сочиненіямъ Фуллье, гдѣ онъ систематически выражаетъ послѣднія основанія своей собственной системы и гдѣ еще въ высшей степени обнаруживаются тѣ свойства его, какъ ученаго и философа, на которыя я уже указывалъ ранѣе. Сочиненіе, вышедшее въ

1889 году: „L'avenir de la métaphysique“ *), представляетъ какъ бы пропедевтику или обширное введеніе къ философіи „идей-силъ“ и дѣлится на двѣ части: въ первой разсматриваются понятія метафизики и науки съ ихъ взаимными отношеніями, а во второй—отношеніе понятій метафизики и морали. Въ первой мы находимъ: *опредѣленіе* метафизики и науки, затѣмъ *раздѣленіе* метафизики: на формальную или субъективную, на реальную или объективную; далѣе—объ отношеніи метафизики къ поэзіи и, наконецъ, изложеніе метода метафизики. Вторая часть подробно разбираетъ вопросы о метафизикѣ, какъ *основаніи* для морали, и, наоборотъ, о морали, какъ *основаніи* для метафизики. Въ заключеніе говорится о будущей метафизикѣ и „объ идеяхъ-силахъ“, какъ главною и единственною ея содержаніемъ.

Изъ всего содержанія книги я останолюсь только на опредѣленіи понятій—науки и метафизики, къ которому Фуллье переходитъ послѣ указанія на односторонность и недостаточность воззрѣній на философію (метафизику) представителей „научной философіи“ (послѣдователей Конта) и „критической философіи“ (послѣдователей Канта). Для понятія науки у автора нѣтъ не только *методическаю* опредѣленія (per genus et differentiam), но и вообще нѣтъ достаточно яснаго указанія на его элементы**) Науку понимаетъ Фуллье, въ сущности, такъ же, какъ идругіе позитивисты; она для него есть „логически упорядоченная система (système raisonné)

*) Въ промежуткѣ между этимъ и выше указанными мною сочиненіями Фуллье вышли еще слѣдующія: «La science sociale contemporaine» и «La propriété sociale et la démocratie», гдѣ высказываются его взгляды, касающіеся философіи общества, которыхъ я не коснусь вовсе. Точно также не коснусь я и его «Исторіи философіи», представляющей, впрочемъ, весьма почтенное сочиненіе.

**) Кстати, я считаю и у Фуллье предразсулкомъ, возникшимъ тоже въ силу невѣрнаго понятія объ абстракціи, какъ способъ происхожденія понятій,—мнѣніе, что будто бы есть понятія недоступныя опредѣленію. Такъ какъ всякое понятіе есть результатъ акта мышленія, въ которомъ *соотносятся и сравниваются* уже прежде готовые *элементы сознанія*, соединяемые этимъ актомъ въ новое единство, то оно во всякомъ случаѣ можетъ быть опредѣлено путемъ указанія на эти соотносящіеся элементы.

фактовъ“ (стр. 6). Предметъ ея— „не вещи, а законы“, „не реальность, а истина“, — „формы нашего опыта, а не его живое содержаніе (стр. 9)“. Что касается до метафизики, то для нея есть болѣе методическое, хотя все-таки неточное, опредѣленіе, а именно: „метафизика есть анализъ, синтезъ и критика науки, практической дѣятельности и различныхъ понятій (положительныхъ, отрицательныхъ, или же гипотетическихъ), къ которымъ приводитъ насъ совокупность нашихъ познаній, чувствъ и дѣятельностей, относящихся ко всѣмъ реальностямъ (познаннымъ, познаваемымъ или непознаваемымъ)*“.

Этимъ опредѣленіемъ совершенно обойденъ вопросъ: наука ли метафизика, или не наука; но послѣ предварительныхъ разсужденій автора нельзя сомнѣваться, что онъ не считаетъ ее наукой. Но если такъ, то что же она такое? Не давая на этотъ вопросъ прямого отвѣта, опредѣленіе однако позволяетъ отождествлять ее не только съ разными науками, но даже и съ искусствами. Такъ, если остановимся на выраженіи, что „метафизика есть анализъ, синтезъ и критика познанія“, то она какъ бы отождествляется съ *лошкой*, или же *теоріей познанія*, что вообще свойственно позитивизму. Но если возьмемъ въ соображеніе, что метафизика имѣетъ въ виду „анализъ и синтезъ практической дѣятельности“, то она уже смахиваетъ и на искусство, причемъ, конечно, оставался бы не рѣшеннымъ вопросъ, какая же практическая дѣятельность разсматривается въ метафизикѣ: *эстетическое* ли искусство, или *техническое*, или же ей, въ качествѣ практической дѣятельности, скорѣе всего подлежитъ дѣятельность *нравственная*. Если же мы остановимся надъ выраженіемъ: „понятія, въ которыхъ выражается совокупность нашихъ познаній, чувствованій и проявленій нашей активности“, то все это

---

*) Въмѣстѣ съ этимъ опредѣленіемъ я приведу и его сокращеніе, сдѣланное самимъ авторомъ, а именно: метафизика есть систематизація и критика познанія, а также и практической дѣятельности, приводящая къ понятію о совокупности реальностей и нашихъ отношеній къ ней. По моему, опредѣленія не ясны и искусственны, такъ что ведутъ къ заключенію, что составляя и формулировать ихъ Фуллеръ съ трудомъ и колебаніями.

могло бы быть короче и проще выражено словами: наша душа, нашъ духовный міръ,—и тогда метафизика походила бы на *психологію*. Что касается довыраженія: „совокупность реально существующаго“, то оно вполне можетъ быть замѣнено терминами: міръ, вселенная, бытіе и проч., и тогда метафизика будетъ означать ученіе о мірѣ въ его цѣломъ и въ его реальности*).

Но недостатокъ ясности и точности въ опредѣленіи метафизики у Фуллѣ, къ сожалѣнію, не восполняется ни предшествующими, ни сопровождающими это опредѣленіе разсужденіями. Такъ, я затрудняюсь понять его, когда онъ цѣлью науки ставитъ „истину“, а задачу метафизики видитъ въ „ислѣдованіи реальности“, или когда предметомъ науки называетъ „законы“, а „вещи“ какъ бы относитъ къ области метафизики. Конечно, вопросъ о реальности, или бытіи, не составляетъ задачи физики, химіи или вообще частныхъ наукъ, но, вѣдь, и метафизика занимается этимъ вопросомъ вовсе не въ томъ смыслѣ, что ея представители какъ бы обязаны найти, предъявить, демонстрировать для наблюденія реальность, или бытіе**). По-моему, задача метафизики (какъ части философіи) заключается не въ открытіи реальности или бытія, а въ выработкѣ точнаго методическаго опредѣленія понятія сущаго и его классификаціи. Реальность, по ея понятію, есть само по себѣ сущее, независимо и помимо всякихъ актовъ познавательной дѣятельности; и необходимый критерій реальности или бытія, конечно, можетъ быть только у того, кто самъ есть реальность, т.-е. существуетъ. Безъ этого (т.-е. еслибы мы были на самомъ

---

*) Что, по-моему, и было бы настоящимъ опредѣленіемъ, но не метафизики, а философіи, ибо хотя всюду и постоянно господствуетъ смѣшеніе этихъ двухъ терминовъ, но правильно было бы понимать ихъ такъ, что метафизика есть часть или, точнѣе сказать, *сторона* философіи, какъ науки о мірѣ. Я уже имѣлъ случай высказаться объ этомъ вопросѣ и здѣсь (въ статьяхъ о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“), и въ другихъ моихъ сочиненіяхъ (въ „Очеркахъ“ и въ „Своемъ Словѣ“).

***) Между тѣмъ разсужденіями Фуллѣ на стр. 25—69 на метафизику возлагается нѣчто въ родѣ этой обязанности.

дѣлѣ „позитивистической совокупностью“, „рядомъ событий“, „фантомомъ“, „словесною сущностью“ и т. п.) не было бы ни философіи, ни метафизики, ни даже самаго вопроса о реальности. Но быть реальностью еще недостаточно для того, чтобъ имѣть о ней правильное понятіе. Человѣкъ и животное разнятся не въ томъ, что одному реальность доступна, а другому нѣтъ. Животное, говоря фигурально, не менѣе человѣка, если не болѣе, погружено въ потокъ реальности, но только, не имѣя разума и мышленія, оно не можетъ понимать этого и отличать реальное отъ нереальнаго, бытіе отъ небытія, что доступно человѣку, благодаря его специфической реальной функціи, мышленію, которое въ результатѣ даетъ всѣ науки и между ними метафизику, представляющую ученіе о реальности, которая, какъ таковая, сама по себѣ вовсе не есть ученіе или наука, ибо не приобретается путемъ изученія (мышленія), а *есть* (т. е. дана, переживается).

На этомъ пути метафизика (философія) дѣйствуетъ совершенно такъ же и тѣми же приемами, какъ и всякая другая наука. Подобно имъ, она состоитъ изъ сужденій и понятій, методически (логически) приведенныхъ въ систему. Частныя науки вырабатываютъ понятія о частныхъ свойствахъ сущаго, метафизика (философія)—понятіе о сущемъ, помимо его частныхъ различій *).

Поэтому я не могу согласиться съ мнѣніемъ Фуллье, что будто бы науки (частныя) совсѣмъ не соприкасаются съ реальностями и съ вещами, а только изучаютъ законы. Неужели астрономъ, спрашиваю я, изучая движенія небесныхъ

---

*) Когда Фуллье, все-таки, въ концѣ концовъ, въ значительной степени двигающійся въ общепозитивистической колѣѣ, ратуетъ противъ старой онтологіи, то онъ неточно понимаетъ ея грѣхи, а потому правъ только отчасти. Старая онтологія, занимавшаяся, въ сущности, опредѣленіемъ понятія бытія, въ этомъ вполне права; и грѣхъ ея состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что она при образованіи этого понятія видѣла сущее не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, какъ, напр., въ пространственности, подвижности, матеріальности и т. под. и не обращала надлежащаго вниманія на область индивидуальнаго непосредственнаго сознанія.

тѣль, ихъ форму, вѣсь, химическій составъ и пр.; или геологи, минералогии, физики и химики, изучая составъ, формы и состоянія матеріальныхъ тѣль и различныя перемѣны, въ нихъ происходящія, не считаютъ все это дѣйствительностью? Развѣ также зоологи и ботаники не считаютъ изучаемые ими предметы за дѣйствительныя вещи съ ихъ дѣйствительными актами и состояніями? Точно также историки, вѣдь, не думаютъ, что предметы ихъ изученія относятся къ фантамамъ или выдуманнмъ существамъ *)? Что же касается до пресловутыхъ законовъ, которые, по Фуллье, какъ бы составляютъ специальное содержаніе наукъ, то, какъ мы уже видѣли, это есть не болѣе, какъ особая форма словеснаго изложенія результатовъ научнаго изслѣдованія, вовсе не составляющая существенной принадлежности наукъ, напр., естественныхъ. Вѣдь и продукты такъ называемаго метафизическаго мышленія сплошь и рядомъ выражаются во внѣшней формѣ законовъ, которымъ подчиняется дѣятельность тѣхъ или другихъ существъ. Такъ, напр., у философовъ, метафизиковъ можно постоянно найти выраженіе актовъ, необходимо совершаемыхъ, сообразно ихъ природѣ, субстанціями, въ формѣ законовъ.

Но если для меня кажется страннымъ мнѣніе Фуллье, что науку онъ какъ бы *отдѣляетъ отъ реальности*, то еще страннѣе кажется другое мнѣніе, въ которомъ онъ метафизику *отдѣляетъ отъ истины*. Всѣ метафизики, сколько мнѣ из-

*) Конечно, Фуллье можетъ стать на точку зрѣнія Тэна и справедливо сказать, что, вѣдь, названные ученые, считающіе реальностями изучаемые ими предметы, въ большинствѣ случаевъ наивно не сознаютъ, что эти реальности суть наши же образы, взятые изъ ощущеній, или, говоря терминами Тэна, „наши галлюцинаціи“, а не дѣйствительность, и въ случаѣ поправки этой наивности все-таки вышеназванные ученые разумѣли бы подъ образами нѣчто относящееся къ реальности, какъ къ причинѣ образовъ. Такъ, напр., Тэнъ и вообще менѣе наивные представители естествовѣдѣнія, строже сознающіе, что цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ, холода, тепла и т. п. вовсе нѣтъ «тамъ», въ такъ называемомъ внѣшнемъ мірѣ, все-таки предполагаютъ какую-либо реальность, скрывающуюся подъ этими образами вещей и означаемую, напр., Тэномъ подъ именемъ „подвижныхъ двигателей“, а научными матеріалистами естествовѣдѣнія подъ именемъ „молекулъ, атомовъ“ и т. п.

вѣстно. заявляли претензію, что содержаніе ихъ метафизическихъ положеній составляетъ *самую высшую истину*; и еслибы мы даже не согласились ни съ однимъ изъ нихъ, то все-таки, по-моему, для мыслителей, признающихъ метафизику, значить, и для Фуллье, дѣло иначе быть не можетъ; положенія, въ которыхъ опредѣляется, характеризуется реальность, бытіе, суть высшія истины сравнительно со всякими другими познаніями и истинами, которыя уже будутъ выводными, условными истинами, опирающимися на первыя*).

Но однако въ томъ же сочиненіи Фуллье можно нерѣдко встрѣтить положенія, не согласныя съ сейчасъ указаннымъ отдѣленіемъ метафизики отъ науки. Мѣстами **) онъ даже прямо называетъ метафизику наукою; такъ, напримѣръ, науки о природѣ, а также и психологию онъ считаетъ *абстрактными*, а метафизику *конкретною наукою****). Далѣе, если метафизика— не наука, то для меня непонятно требованіе Фуллье, чтобы она разрѣшала свою задачу изслѣдованія реальности подъ контролемъ наукъ, чтобы она создавалась изъ научныхъ

*) Здѣсь кстати сказать, что я не раздѣляю нѣсколько наивнаго положенія, слѣды котораго можно встрѣтить и у Фуллье, что истина состоитъ *въ солидаріи* (сходствѣ) нашихъ представленій съ дѣйствительностью, т.-е. что въ истинномъ положеніи наши мысли, или представленія суть какъ бы *копія, снимокъ* или *отраженіе* бытія, или что они похожи, сходны съ дѣйствительностью. Нѣтъ, мысль вовсе не есть копія, а какъ функція нашей субстанціи, есть сама тоже бытіе, дѣйствительность особаго рода. Но, кромѣ того, мысль всегда имѣетъ специфическое отношеніе ко всяческой иной дѣйствительности (чувству, желанію, цѣлой субстанціи). Мысль, когда она истинна, т.-е. произошла вслѣдствіе нашего дѣйствительнаго отношенія къ реальнымъ, а не мнимымъ существамъ или ихъ дѣятельностямъ, и когда она точно выражаетъ это отношеніе, не есть, конечно, копія дѣйствительности, но *соответствуетъ* ей. Отсюда та метафизическая система, которая состоитъ изъ такихъ мыслей или понятій, можетъ быть, пожалуй, названа—однако, только въ *физуральномъ* смыслѣ—отраженіемъ, отблескомъ, если угодно, даже и копией бытія.

**) Читатель, не знакомый съ сочиненіемъ Фуллье «L'avenir de la métaphysique», можетъ, въ случаѣ надобности, провѣрить мои ссылки по изложенію этого сочиненія г. Введенскимъ, помѣщенному здѣсь въ журналѣ въ №№ 10 и 11.

***) О неправильности приложенія терминовъ: абстрактный, конкретный къ слову: наука, см. мою статью «О Кантѣ», стр. 67.

данныхъ, чтобъ въ понятіи міра она объединила, связала и координировала понятія, теоріи и построенія различныхъ наукъ. Наконецъ, я не понимаю, какъ, при коренномъ различіи наукъ и метафизики, Фуллье видитъ для нихъ одинъ и тотъ же источникъ, именно—опытъ.

Какъ, спрашиваю я, будутъ науки, не касающіяся реальностей, контролировать метафизику въ ея поискахъ за ними? Положимъ, напримѣръ, метафизика найдетъ въ субъективномъ сознаніи основанія признать за реальность Высочайшую Субстанцію, тогда какъ отдѣльныя точныя науки (математика, механика, астрономія, физика, химія), выражаясь словами Лапласа, не только не чувствуютъ надобности „въ этой гипотезѣ“, но сочли бы ее только бесполезною помѣхою въ дѣлѣ установки „непреложныхъ, желѣзныхъ“ законовъ природы? Какъ, спрошу я далѣе, будетъ координировать для связнаго міросозерцанія понятія наукъ метафизика, если для физики и химіи, какъ думаетъ Фуллье, необходимъ *атомъ*, а математика его отрицаетъ? Вѣдь, между отрицаніемъ и утвержденіемъ ничего средняго нѣтъ! Если же метафизика одинаково отвергнетъ требованія какъ физики съ химіей, такъ и математики, и въ основу міра положить какое-нибудь начало, найденное ею самой, напр., безпространственныя субстанціи, то, значить, она уже выйдетъ изъ - подъ контроля наукъ и будетъ дѣйствовать не только независимо отъ нихъ, но даже вопреки и противоположно имъ. Наконецъ, какъ можетъ метафизика одинаково съ науками имѣть основаніе въ опытѣ, если, какъ это можно усмотрѣть изъ разсужденій Фуллье, науки руководятся объективнымъ (чувственнымъ) опытомъ, а метафизика вполнѣ субъективнымъ, т.-е. тѣмъ опытомъ, который доступенъ каждому отдѣльному существу только въ его индивидуальномъ сознаніи?

Надѣюсь, что въ моихъ замѣчаніяхъ по поводу воззрѣній, высказанныхъ Фуллье въ сочиненіи „L'avenir de la métaphysique“, читатель не увидитъ предвзятаго желанія, во что бы то ни стало, возражать ему. Уже не разъ заяв-

ленное мною высокое мнѣніе о его философской дѣятельности распространяется и на это его сочиненіе, пожалуй, еще въ высшей степени, чѣмъ на предыдущія; но, тѣмъ не менѣе, я не могу не видѣть, что многія понятія Фуллье, какковы, напр., понятія науки, метафизики, сознанія, міра, первыхъ принциповъ, опыта и т. п., недостаточно выработаны, не соотвѣтствуютъ его собственнымъ тенденціямъ и приводятъ къ противорѣчіямъ съ ними. Главная причина неудовлетворительности системы Фуллье въ ея цѣломъ, какъ я уже упоминалъ и выскажусь еще ниже, заключается въ томъ, что Фуллье, хотя и желаетъ поставить философію на новыхъ началахъ, но все-таки стоитъ еще на старой почвѣ и далеко еще не вполне отрѣшился отъ позитивизма, а вмѣстѣ съ нимъ и отъ дуализма, съ которымъ онъ хочетъ и думаетъ бороться. Теперь обращусь къ краткому изложению и характеристикѣ его понятія идей-силъ.

Понятіе идей-силъ у Фуллье.

Это собственная теорія Фуллье, въ которой у него эволюціонизмъ основанъ не на механическомъ движеніи, а на „идеяхъ-силахъ“. Для ея изложенія я воспользуюсь его сочиненіемъ, помѣщеннымъ *) въ 1890 году въ I-мъ томѣ журнала „Revue Philosophique“ и состоящимъ изъ 3-хъ статей (стр. 113—137, 267—296, 337—364). Этою характеристикой я и закончу мой обзоръ сочиненій и вообще философіи Фуллье. Свою собственную теорію онъ развиваетъ путемъ постоянной полемики съ позитивистами, а также и съ философствующими научными матеріалистами, напр., Бэномъ, Спенсеромъ, Маудсли, Гексли и другими. Но болѣе всѣхъ онъ въ этой полемикѣ имѣетъ въ виду Спенсера, котораго упрекаетъ въ *дуализмъ*, видящемъ факторы эволюціи въ „матеріальномъ автоматѣ“ и въ умственной**) сторонѣ (аспектѣ,

*) Оно уже вышло и отдѣльно.

**) Какъ и Тэнъ, Фуллье вездѣ вмѣсто термина: духовный, или психическій—употребляетъ: умственный.

видѣ)“, которые у него соединены только внѣшнимъ образомъ, или же при помощи „трансцендентнаго монизма“ (т.-е. въ томъ принципѣ, который у Спенсера называется „Непознаваемымъ“). Этому Спенсеровскому одностороннему эволюціонизму Фуллье противопоставляетъ свой, по его мнѣнію, настоящій, подлинный, „опытный и имманентный“ монизмъ. Разсматривая критически господствующую нынѣ теорію „двухъ видовъ (аспектовъ) бытія, умственнаго и физическаго“, Фуллье съ большою силой и остроуміемъ разбираетъ различныя, наиболѣе распространенныя теоріи о взаимной связи и отношеніи этихъ видовъ и не соглашается съ ними, главнымъ образомъ, потому, что всѣ онѣ въ той или другой формѣ и степени отрицають дѣятельную силу у психической стороны бытія и, слѣдовательно, не признають за нею никакого причиннаго значенія въ эволюціи какъ цѣлаго міра, такъ и отдѣльныхъ существъ. Отсюда выводится слѣдствіе, что „умственный (психическій) аспектъ бытія во всеобщемъ детерминизмѣ“ представляетъ нѣчто случайное, какую-то „безполезную прибавку въ міровомъ развитіи“, или, выражаясь терминомъ Маудсли, „эпифеноменъ“, безъ котораго это развитіе было бы совершенно точно такимъ же, каково оно и при явленіяхъ сознанія и чувства, т.-е. не измѣнилось бы, еслибъ никто въ мірѣ не думалъ, не чувствовалъ и не желалъ. Возставая противъ этого, Фуллье считаетъ факторами или силами, участвующими въ міровомъ развитіи, и психическія состоянія—ощущенія, мысли, желанія, волю—и, напротивъ, хочетъ замѣнить ими механическую эволюцію.

Фуллье принимаетъ слово *идея* не въ обычномъ смыслѣ мысли или представленія; такъ какъ съ этими послѣдними всегда связаны чувство или стремленіе (воля), то идея означаетъ у него всѣ эти „состоянія сознанія“ въ ихъ неразрывномъ соединеніи. Это и есть „идея-сила“, ибо о силѣ, дѣйствии, вліяніи и т. п., по Фуллье, мы ничего не могли бы знать изъ одного матеріальнаго міра; съ „дѣятельною силой“, „производящею причинностью“, мы знакомимся только изъ состояній нашего субъективнаго сознанія. Си-

лы же, принадлежащія идеямъ, не создаютъ „новыхъ движеній“, которыя всегда вытекаютъ изъ старыхъ. Поэтому силы, въ точномъ смыслѣ, принадлежатъ только „умственному (душевному) аспекту“, въ „физическомъ“ же силъ нѣтъ, а есть только движенія. Несмотря на то, что здѣсь Фуллье, по-моему, выходитъ вообще на болѣе близкій къ истиннѣ путь, все-таки, въ сущности, для него образцомъ силъ служатъ физическія (тяготѣніе, электричество, теплота и проч.), по аналогіи съ которыми онъ и образуетъ понятіе идей-силъ. Кстати, если силы не производятъ движеній, то откуда же произошли первыя, а за ними и всѣ послѣдующія движенія? Очевидно, что здѣсь матерія, съ ея единственною функціей—движеніемъ, принимается, вопреки основной реальности силъ, въ качествѣ самостоятельнаго начала и что „имманентный, опытный (научный)“ монизмъ Фуллье есть тотъ же *дуализмъ*, но только прикрытый разными благочестивыми намѣреніями и хорошими словами. Точно также онъ строго отличаетъ свои идеи, какъ силы, отъ „идей“ въ смыслѣ, господствующемъ въ современной психологіи, гдѣ онѣ суть *рефлексы* (нѣчто отраженное, посредственное). Но такъ какъ идеи у него составляютъ область первичнаго, *прямого сознанія*, то и въ этомъ понятіи онъ значительно разнится отъ представителей наиболѣе господствующихъ теперь воззрѣній. Такъ, онъ не допускаетъ ничего *абсолютно-безсознательнаго*; не согласенъ также и съ тѣмъ, что сознаніе образуется изъ *скопленія* „нулей сознанія“, или что состоянія сознанія происходятъ изъ какихъ-то первоначальныхъ „единицъ композиціи“, однородныхъ съ ихъ сознаваемыми суммами (наприм., въ нашихъ ощущеніяхъ), но доступныхъ сознанію только тогда, когда онѣ суммированы.

По теоріи „идей-силъ“, сознаніе есть нѣчто, ни отъ чего не происходящее, а первоначальное; оно есть способъ, „какимъ существо является самому себѣ“ въ качествѣ существующаго и дѣйствующаго. Это „первичное, свободное, спонтанное“ есть, по Фуллье, воля; поэтому „влечение,

желаніе и дѣйствіе есть первое, чрезвычайно смутное сознание“, изъ котораго далѣе образуются всѣ прочія состоянія сознания въ различныхъ, по составу и степени ясности, сочетаніяхъ. Но, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, первоначальнаго смутнаго сознания, стремленіе и воля, по Фуллье, все-таки не есть абсолютно единственный составной психическій элементъ; она только преобладаетъ надъ другими (чувствомъ, представленіемъ), но въ такой степени, что они кажутся какъ бы отсутствующими или исчезнувшими въ сознании воли. Значитъ, въ основаніи всякаго бытія лежатъ, по Фуллье, процессы духовные, а вовсе не движенія въ пространствѣ и времени. Движенія, по Фуллье, суть приспособленія, уже вытекающія изъ желанія (конечно, первоначально не мотивированнаго отчетливымъ выборомъ) *). Между этими процессами и движеніями, въ которыя разрѣшается то, что называется матеріею, лежитъ цѣлая пропасть; поэтому, думаетъ Фуллье, реальные процессы не выражаются въ законахъ физическихъ, которыхъ (наприм. паденія, тяготѣнія и проч.) природа совсѣмъ не знаетъ. Эти законы только *символы*; и если посмотрѣть на фактъ и законъ паденія, наприм., метафизически, то падающее тѣло есть не иное что, какъ нѣкоторое *дѣйствіе* и *страданіе* (акція и реакція). Отсюда система вещей не исчерпывается однимъ *количествомъ*, т.-е. числомъ, видомъ (формою) и временемъ.

*) Здѣсь опять кстати замѣчу, что вся эта теорія уже до эволюціи, чрезъ которую все произошло, тихомолкомъ предполагаетъ *два* готовые вещи: *субъектъ* (духовную субстанцію), въ которомъ, такъ сказать, впервые забрезжилась воля, желаніе, а во-вторыхъ, какое-то бытіе или *среду*, къ которой нужно приспособляться и которая, по теоріи, должна быть невозможною до воли. Конечно, она и есть не что иное, какъ движущаяся въ атомахъ и молекулахъ естествовѣдѣнія или „подвижныхъ двигателяхъ“ Тэна—матерія. Вѣдь воля, хотя бы въ латентномъ соединеніи съ эмоціею и мыслью (представленіемъ), еще не есть среда, къ которой долженъ принаровляться спонтанно хотящій субъектъ.—Иное дѣло у Шопенгауэра, гдѣ воля обманчиво принаровляется къ своимъ же мнимымъ объектамъ.—Но въ опытной, имманентной, контролируемой науками, метафизикѣ Фуллье нельзя раздѣляться съ этими вопросами такъ, какъ это дѣлаетъ Шопенгауэръ. Значитъ, Фуллье пришлось пустить въ ходъ, конечно, не предумышленно, софизмъ, называемый *petitio principii*.

Одинъ механической эволюціонизмъ есть, по Фуллье, не болѣе, какъ та часть нашего опыта, которую мы субстанцируемъ и гипостазируемъ, произвольно дѣлая изъ этой части абсолютную реальность. Процессъ механической и процессъ сознательный, — утверждаетъ Фуллье, не давши, однако, достаточнаго на то доказательства, — не суть двѣ реальности индифферентныя одна къ другой, но одна и та же реальность, различающаяся только по способу и средствамъ ея воспріятія.

Что касается до отношенія психическаго бытія и физическаго, или движенія, то Фуллье думаетъ, что всякое состояніе, какъ бы слабо оно ни было, непременно имѣетъ количество или интенсивность, которой соотвѣтствуетъ движеніе какой-либо интенсивности. Всякая внутренняя перемѣна въ идеяхъ-силахъ всегда связана съ перемѣной въ движеніи; отсюда неизбежно присоединеніе къ ней процессовъ: временнаго (или продолжительности) и процесса пространственнаго. Поэтому три начала, хотя и въ разныхъ степеняхъ, соединены со всякимъ движеніемъ: эти начала — представленіе, эмоція и влеченіе *).

Я считаю, что сдѣланныхъ мною сейчасъ краткихъ указаній на теорію „идей-силъ“ совершенно достаточно для общей характеристики философіи Фуллье. Добавлю только, что задача всего его сочиненія „Эволюціонизмъ идей-силъ“ представляетъ какъ бы *двѣ стороны*: одна — положительная сторона — наполнена обосновкой и разнообразными доказательствами (особенно отъ противнаго) этой теоріи, дру-

*) Какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ другихъ, Фуллье иногда произвольно отождествляетъ и связываетъ то, что по самой природѣ не можетъ быть отождествлено и связано. Такъ, наприм., психическія состоянія сознанія и физическое движеніе въ пространствѣ и времени никакимъ образомъ не соединимы и не сводимы другъ на друга по той простой причинѣ, что ни представленія, ни эмоціи не занимаютъ пространства, а замѣчаются смѣняющимися только во времени. Если же понимать правильно время, т.-е. не какъ что-либо реальное, а только какъ зависящее отъ нашего несовершенства отраженіе нашихъ умственныхъ отношеній къ реальному, то смѣна эта происходитъ только въ насъ (или иначе: дѣйствительный міръ со всѣмъ его реальнымъ содержаніемъ вѣчно одинъ и тотъ же. См. «Свое Слово», № 3-й).

гая — отрицательная — представляет обстоятельное, проведенное съ разныхъ точекъ зрѣнія, опроверженіе того положенія, что психическая сторона бытія никакого существеннаго значенія въ эволюціи не имѣть и что она есть только побочная прибавка къ физической, или „эпифеноменъ“. Первую, несмотря на много цѣнныхъ и вѣрныхъ частныхъ взглядовъ, я все-таки считаю, въ концѣ концовъ, неудавшеюся; и на причину этой неудачи я уже сдѣлалъ нѣкоторые намеки, а сейчасъ сдѣлаю и еще. Что касается до другой части задачи Фуллье, то я нахожу ее выполненною весьма хорошо. Едва ли послѣ его работы возможно будетъ философамъ-позитивистамъ и научнымъ матеріалистамъ такъ самоувѣренно объяснять міровое развитие *механической* эволюціей и отрицать всякое значеніе у *психическаго* бытія. Въ энергіи и талантѣ, съ которыми Фуллье борется за признаніе послѣдняго, заключается его почтенная заслуга даже и передъ европейской философіей вообще, но уже во всякомъ случаѣ — передъ французской.

Заключеніе о философіи Фуллье.

Теперь кратко скажу о томъ, гдѣ, по моему мнѣнію, при сильной потребности выйти въ философіи на совсѣмъ новую дорогу, Фуллье все еще, вслѣдствіе разныхъ причинъ, остается на старой. Важнѣе всего это обнаруживается въ *основныхъ философскихъ понятіяхъ*: одни изъ нихъ имъ недостаточно выяснены, въ другихъ же остались непреодолимыми ложные элементы, вошедшіе въ нихъ изъ традиціи и сохранившіе надъ Фуллье свою власть, нерѣдко даже вопреки его новымъ тенденціямъ; третьи ему не удалось точно формулировать сообразно этимъ его тенденціямъ и замыслу. На нѣкоторыя изъ таковыхъ понятій я уже указывалъ, какъ, на прим., на понятія „науки, метафизики, реальности“ и т. п.; о другихъ скажу теперь.

1. Фуллье не разобрался въ понятіяхъ *сознаніе* и *знаніе*, а потому не преодолѣлъ обычно господствующаго въ нихъ смѣшенія и не могъ точно опредѣлить ихъ содержанія, объема

и указать на ихъ точки соприкосновенія. Для него осталось неяснымъ, что существенное различіе ихъ состоитъ въ томъ, что сознание есть *источникъ* всяческаго знанія, сырой *матеріаль*, предшествующій его постройкѣ, и что въ немъ человѣкъ и другія существа соприкасаются съ доступною имъ реальностью, или бытіемъ. Сознание, какъ такое, совсѣмъ не есть знаніе, которымъ оно становится только тогда, когда привходитъ мышленіе *), въ какой бы элементарной и неясной степени оно ни происходило, потому что для преобразованія сознания въ знаніе нужно, чтобы непосредственно (просто) сознаваемое было посредствомъ акта мышленія *отнесено* одно къ другому; и такъ какъ разъ соотнесенное можетъ снова и снова соотноситься съ другими соотнесенными, то дѣятельность мышленія можетъ, расширяясь, идти въ безконечность. Возникаютъ все новыя и новыя *единства* (понятія) съ новыми точками зрѣнія; и такимъ путемъ все расширяется и углубляется цѣлое міросозерцаніе. — Что для Фуллье все это не ясно, видно уже изъ того, что въ разныхъ мѣстахъ его послѣднихъ сочиненій имъ брошены совсѣмъ различныя воззрѣнія на сознание. То онъ употребляетъ этотъ терминъ въ смыслѣ души вообще, то ставитъ сознание на ряду съ мыслью, чувствомъ, волею, т. е. видитъ въ сознании особую, подобную этимъ, душевную функцію, то смотритъ на сознание, какъ на какую-то особую силу, имѣющую специальное причинное значеніе въ эволюціи. Съ другой стороны, есть мѣста, гдѣ Фуллье употребляетъ этотъ терминъ правильнѣе, напр., когда онъ справедливо утверждаетъ, что абсолютно-безсознательныхъ психическихъ состояній нѣтъ, т. е. что безсознательное есть то же, что и сознательное, но только разнящееся отъ него чрезвычайно малою

*) Примѣромъ сознания безъ всякаго знанія можетъ служить сознание животныхъ и маленькихъ дѣтей, которыя *сознаютъ* все то же, что и взрослые люди, но ничего не знаютъ, не понимаютъ. То же, что обыкновенно считается и называется знаніемъ животныхъ, есть только такъ-называемая механическая ассоціація идей (т. е. въ сущности состояній сознания: ощущеній, образовъ, чувствъ, желаній), первоначально общая какъ для животныхъ, такъ и для людей, но потомъ у послѣднихъ постепенно переходящая въ процессъ знанія.

интенсивностью. *). Отъ невыработанности у Фуллѣ понятія сознанія онъ не дѣлаетъ, да и не подозреваетъ важнаго различія между сознаніемъ первоначальнымъ и производнымъ, непосредственнымъ и опосредствованнымъ (путемъ мышленія, вывода), простымъ и сложнымъ.

Но, кромѣ смѣшенія понятій сознанія и знанія, у Фуллѣ обнаруживаются и другія неточности по отношенію къ этому послѣднему. Онъ выражается, наприм., такъ, какъ будто бы познаніе, такъ сказать, облакаетъ, обволакиваетъ реальность, или какъ будто оно въ нее входитъ, проникаетъ ее и т. под. Отсюда происходитъ у него и столь обычное въ позитивизмѣ сочетаніе терминовъ, „реальность познаваемая и непознаваемая“ **). Точно также онъ, по обычаю, допускаетъ чувственное и умственное познаніе, между тѣмъ какъ, въ точномъ смыслѣ слова, чувства знаній не даютъ, а служатъ только условіемъ для сознанія; познаніе-же всегда есть продуктъ мышленія, т.-е. соотношенія сознаваемыхъ элементовъ. Наконецъ, въ зависимости отъ той же невыработанности указанныхъ понятій стоитъ у Фуллѣ неточное и двусмысленное употребленіе понятій: опытъ, фактъ ***), явленіе, на что я уже указывалъ въ моихъ статьяхъ о Контѣ и Тэнѣ.

*) Сознаніе не есть что-либо особое отъ того, что сознается: первоначально и существенно, оно есть понятіе не качественное, а количественное, т.-е. особая степень интенсивности того, что сознается. Только впоследствии (уже вторично), когда этимъ терминомъ означаются всѣ одновременные и однородные акты сознанія, взятые вмѣстѣ, оно можетъ перейти въ понятіе качественное; такъ, напр., когда мы въ такомъ пониманіи думаемъ отдѣлить въ особые классы сознающія существа отъ несознающихъ, хотя такое отдѣленіе будетъ, конечно, не точно, потому что абсолютно несознающихъ, какъ сказано, вовсе реально не существуетъ для насъ, или они существуютъ только въ умѣ или воображеніи, какъ, наприм., матеріальныя вещи (образы).

**) Коли — «реальность», такъ она непремѣнно дана въ сознаніи, слѣдовательно, вообще познаваема, хотя люди цѣлые вѣка могутъ не умѣть понимать ее и ясно сформулировать это пониманіе.

***) Когда, наприм., онъ предполагаетъ, что метафизика должна изслѣдовать какіе-то «неразложимые факты», то, очевидно, смѣшиваетъ понятіе факта съ понятіемъ первоначальнаго сознанія. Факты же, всегда включающіе въ себя мышленіе, а слѣдовательно — выводъ и заключеніе, суть продукты нашего акта сравненія и отнесенія другъ къ другу элементовъ и всегда разложимы на эти элементы.

2. Весьма большою неопредѣленностью отличаются у Фуллье и понятія движенія и матеріи. Конечно, ему крайне желательно привести движеніе, или „физическій аспект“, въ зависимость отъ психическаго и сдѣлать изъ перваго простой символъ втораго. Но, однако, это ему не удается, да и не могло бы удаться, ибо и онъ къ основнымъ началамъ естественныхъ наукъ, пространству, времени, и далѣе, движенію и матеріи, относится такъ, какъ будто бы они существуютъ реально. Но такъ какъ идеи, т.-е. воля, эмоція и мысль въ пространствѣ не находятся, а Фуллье разумѣетъ движеніе въ пространствѣ, то на-ряду съ безпространственными и недвижущимися идеями онъ допускаетъ и движущуюся въ пространствѣ матерію и, слѣдовательно, *дуализма онъ не преодолеваетъ*. Все же то, что онъ говоритъ о своемъ монизмѣ и о значеніи идей въ міровой эволюціи, сводится, въ концѣ концовъ, къ недоказаннымъ утвержденіямъ.

3. Въ отношеніи Фуллье къ понятію субстанции также обнаруживается власть надъ нимъ господствующихъ философскихъ направленій. Въ его признаніи матеріи, какъ субстанции, нельзя сомнѣваться, но далеко не такъ ясно и твердо признаніе субстанціальности нашего „я“, хотя оно и выражается не только въ пресловутыхъ „мы“, или же „въ употребленіи «я» въ обыкновенномъ смыслѣ“, по выраженію Тэна. Можно даже встрѣтить такія положенія, гдѣ, наприм., прямо сказано, что наша внутренняя дѣятельность *сопровождается* болѣе или менѣе смутнымъ „непосредственнымъ чувствомъ самого себя“ („Эволюціонизмъ“, стр. 129)*). Но *принципіальной и систематической постановки идеи нашей субстанции все-таки у него нѣтъ*. Отсюда, наприм., его вѣрное утвержденіе, что воля, эмоція, мысль всегда сознаются вмѣстѣ, а не въ отдѣльности, не имѣетъ надлежащаго основанія и можетъ показаться голословнымъ. Только при допущеніи субстанции становятся вполне ясными какъ необходимость одновременности функцій представленія, эмоціи,

*) Правильнѣе нужно было бы сказать: сознаниемъ, а не чувствомъ.

воли или желанія и—прибавлю я—ощущеній (смѣна которыхъ и составляетъ движеніе), такъ и ихъ кажущееся временнымъ, причинное соотношеніе другъ съ другомъ. (Наприм., у человѣка мысль или представленіе, повидимому, вызываетъ чувство, чувство въ свою очередь—желаніе, желаніе—движеніе, т.-е. цѣлый сложный комплексъ ощущеній). Но, кромѣ этого, реальность нашей субстанціи обезпечивается особымъ сознаниемъ ея, отличнымъ отъ сознанія функцій, о чемъ я уже говорилъ въ предшествующей статьѣ. Если не отрицаніе субстанціи, то, по крайней мѣрѣ, неполное и неясное признаніе ея у Фуллье, главнымъ образомъ, и побуждаетъ меня назвать то направленіе, котораго онъ — важнѣйшій представитель, *полупозитивизмомъ*. Твердое и принципиальное признаніе субстанціи, конечно, должно было бы отразиться въ метафизикѣ Фуллье. Ему открывалась бы не только возможность, но даже необходимость говорить о безсмертіи человѣческой субстанціи, да и самый эволюціонизмъ получилъ бы иной характеръ; эволюція состояла бы *не изъ фактовъ*, существующихъ только въ нашей мысли, а изъ перемѣны въ реальной координаціи функцій, происходящей въ каждой человѣческой субстанціи, и далѣе, изъ перемѣны реальныхъ отношеній между нею и всѣми субстанціями цѣлаго міра.

4. Теперь я скажу два слова о „методѣ соглашенія доктринъ“, чрезмѣрное увлеченіе которою вредно отразилось на построеніи философской системы Фуллье. По поводу этой методы его, хотя и не совсѣмъ справедливо, обвиняли въ томъ безпринципномъ *электизмѣ*, въ которомъ философъ въ выборѣ для своей системы цѣлыхъ доктринъ или отдѣльныхъ положеній руководится не самостоятельно и отчетливо выработанными *принципами* и *критеріями*, а субъективнымъ, случайнымъ *вкусомъ*, или же желаніемъ не расходиться со всѣми другими мыслителями, и который даже въ лучшемъ случаѣ ведетъ только къ болѣе или менѣе ловко прикрытому компромиссу. Но для такого электизма Фуллье, конечно, слишкомъ самостоятеленъ и талантливъ. И одна-

ко же, забывая, что въ философіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо, чтобы цѣлая система имѣла свое единство въ *единствѣ* создающаго его индивидуальнаго *духа*, Фуллье полагался на внѣшнія, искусственно и подробно выработанныя имъ правила или приемы этого „соглашенія доктринъ“*). Таковы, наприм., приемы „постройки системъ-типовъ“, вполне рациональныхъ и послѣдовательныхъ, причемъ строящій долженъ „поправлять и дополнять данныя въ исторіи доктрины“; при недостаткѣ же данныхъ можно даже „строить воображаемая системы-типы“, подобно тому какъ математики „строятъ мнимую геометрію по аналогіи съ эвклидовой геометріей“. Далѣе нужно „анализировать въ каждой системѣ начала“, „опровергнуть ошибки“, „произвести синтезъ началъ“ и „согласить истины всѣхъ системъ другъ съ другомъ“**). Затѣмъ слѣдуютъ методы „совпаденій“, „вставка среднихъ терминовъ“, „эквивалентовъ“ и т. п.

Но, несмотря на эти съ большимъ тщаніемъ выработанные приемы, Фуллье все-таки не удалось согласить ни „детерминизма съ индетерминизмомъ“, ни причинности съ „самопроизвольно (спонтанно) возникшими волею и другими идеями“***), ни „натурализма съ идеализмомъ“. Наконецъ, ему не удалось обезпечить и увѣренность „во всеобщемъ космическомъ счастьи“. Благочестивы, но нѣсколько наивны соображенія о томъ, что разъ появились въ людяхъ идеи умѣренности, справедливости и братства, то уже эволюція сама собою приведетъ къ ихъ абсолютному господству въ этомъ кос-

*) Онъ излагаетъ эти приемы въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, наприм. въ „Исторіи философіи“ и въ „Метафизикѣ будущаго“.

***) Здѣсь, кстати, не могу не замѣтить, что если кто-либо можетъ отличать *все истинное* во всѣхъ и каждой философскихъ системахъ, то, конечно, онъ уже предварительно обладаетъ полною философскою истиною, а потому вмѣсто излишнихъ для него опроверженій, поправокъ, дополненій въ существующихъ системахъ, вмѣсто построеній системъ воображаемыхъ, анализа и синтеза началъ и т. п., ему остается только изложить тѣ истины, которыми онъ уже обладаетъ.

***) Чья эта спонтанная воля?.. Каждаго существа что ли: человѣка, животнаго, клѣточка, молекулы, атома? Или же это просто Шопенгауэровская воля, т.-е. ничья, а потому и запускающая свои жадные зубы въ свое же собственное нутро?

мость *). По моему мнѣнію, вмѣсто всѣхъ этихъ искусственныхъ и даже совсѣмъ невозможныхъ (по прямому противорѣчію) соглашеній, Фуллье могъ бы гораздо проще устранить притязанія матеріалистическаго механизма на безусловное значеніе въ эволюціи, указавъ, что его *принципы* (время, пространство, движеніе и матерія) *не реальны*, а потому и не могутъ объяснять дѣйствительнаго міра и господствующихъ въ немъ отношеній. Но это нисколько не мѣшаетъ естественнымъ наукамъ условно изслѣдовать и формулировать, на основаніи этихъ принциповъ, законы отраженія этихъ реальныхъ міровыхъ отношеній въ явленіяхъ нашего сознанія, — законы, имѣющіе большую важность въ практическомъ отношеніи. Поэтому наука, долженствующая изслѣдовать *реальныя* отношенія, т.-е. философія (метафизика), не только не можетъ быть поставлена подъ контроль соотвѣтственныхъ наукъ, но, наоборотъ, должна преобразовывать ихъ результаты и формулировать ихъ иначе, съ своей точки зрѣнія, для того, чтобы получилось дѣйствительно *философское* міросозерзаніе, а не механико-физико-химическое. На разговоры механистовъ, что сознаніе есть какой-то безполезный эпифеноменъ, Фуллье, по-моему, долженъ бы былъ отвѣчать, что, напротивъ, *quasi*-явленія передвигающейся безъ начала и конца въ пространствѣ матеріи суть даже *меньше, чѣмъ эпифеноменъ* сознанія, а только совокупность условныхъ *значковъ* въ умѣ, имѣющихъ смыслъ только потому, что всякая чувствующая, ощущающая, желающая и, главное, мыслящая субстанція находитъ *въ себѣ самой тѣ реальности*, которыя она можетъ съ большимъ или меньшимъ правомъ и успѣхомъ, даже вовсе не сознавая того, подставлять подъ эти значки.

А. Козловъ.

---

*) Такъ какъ идеи умѣренности, справедливости и братства мыслимы только въ соотношеніи съ идеями невождержности, неправды и эгоизма, то при абсолютномъ царствѣ первыхъ станутъ немыслимы и вторыя, т.-е. и тѣ и другія исчезнутъ изъ эволюціи и наступитъ какая-то блаженная безразличная нирвана, какое-то *ничто*, отъ котораго никогда не могутъ спастись философы, не могущіе преодолѣть времени и считающіе его (болѣе или менѣе смутно) чѣмъ-то реальнымъ.

Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи *):

I.

Метафоры и символы въ наукѣ полезны и даже необходимы, такъ какъ при переходѣ отъ „извѣстнаго“, т.-е. вполне познаннаго, ясно и *раздѣльно понимаемаго*—къ истолкованію „неизвѣстнаго“ и только смутно представляемаго, намъ часто не достаетъ словъ для выраженія нашей мысли,—что вполне естественно, такъ какъ слова—символы понятій, а понятія въ этихъ случаяхъ еще не выработаны.

Но когда мы пользуемся символами и метафорами для выраженія нашего приблизительнаго пониманія еще не вполне выясненныхъ нами фактовъ, отношеній, законовъ,—мы не должны ни на минуту забывать, что это *только* метафоры и символы, т.-е. временныя и болѣе или менѣе случайныя подпорки нашей мысли—своего рода лѣса, которые намъ необходимы при совершеніи настоящей строительной работы мышленія, но которые должны быть послѣ убраны, чтобы не мѣшать созерцанію оконченной постройки и дальнѣйшей отдѣлкѣ ея въ частностяхъ.

Метафоры и символы—только временная замѣна еще не установившихся точныхъ научныхъ понятій. Но еслибы кто-нибудь, въ какой-либо наукѣ, призналъ за собою право навсегда удовлетвориться метафорою и не искать путей къ

---

*) Рефератъ, читанный въ Психологическомъ Обществѣ 18 декабря 1893 г.

выработкѣ яснаго понятія и точнаго термина, то мы могли бы сравнить его съ архитекторомъ, который, начавъ строить домъ, вдругъ отказался бы отъ дальнѣйшаго возведенія стѣнъ и ихъ отдѣлки, и сталъ бы утверждать, что работа его окончена, что можно жить вполне удобно и въ промежуткѣ временно возведенныхъ имъ лѣсовъ.

Именно нѣчто подобное предлагаютъ тѣ психологи и психофизиологи, которые, удовлетворившись понятіемъ и терминомъ *параллелизма* душевныхъ и физиологическихъ „процессовъ и явленій“, утверждаютъ, что далѣе *этой идеи отношеній* тѣхъ и другихъ намъ идти некуда и что дальнѣйшее развитіе психологии должно и можетъ, будто бы, плодотворно совершаться подъ знаменемъ именно этой смутной идеи, этого неяснаго образа. Идея параллелизма понимается ими не какъ временное пособіе при началѣ изслѣдованія истинныхъ отношеній духовнаго и матеріальнаго въ нашей природѣ и дѣятельности, а какъ самый результатъ этого изслѣдованія — въ извѣстномъ отношеніи, его послѣдній и единственно возможный результатъ. Можетъ-быть, кто-нибудь скажетъ, что этого ни одинъ психофизиологъ не утверждаетъ. Но тогда—откуда же ученіе о сознаніи, какъ *эпифеноменъ*, или второстепенномъ сопровождающемъ проявленіи физиологической жизни организма,—ученіе нынѣ весьма распространенное среди психофизиологовъ и стремящееся навсегда метафизически предрѣшить проблему о самомъ существѣ душевныхъ процессовъ человѣка?

Очевидно, если и есть психофизиологи, не сознающіе, что ихъ ученіе „о параллелизмѣ душевной и физиологической жизни“ есть уже извѣстное метафизическое «credo», есть уже первая и бѣльшая посылка для заключенія объ эпифеноменизмѣ сознанія и, слѣдовательно, для отрицанія самобытности душевной жизни, ея самозаконности и необходимости ея самостоятельнаго изученія, то вѣдь это только форма слѣпоты, *философскій дальтонизмъ*, который подлежитъ разъясненію со стороны психологовъ-философовъ, хотя, можетъ-быть, какъ физическій дальтонизмъ, онъ и не излѣчимъ.

II.

Идея параллелизма, как научная идея, взята изъ геометріи *). Параллельными линиями называются линіи, лежащія въ одной плоскости и при продолженіи въ ту или другую сторону никогда не встрѣчающіяся. Подходить ли идея параллелизма, въ качествѣ научнаго термина, для сколько-нибудь яснаго выраженія дѣйствительныхъ отношеній духовныхъ и физическихъ процессовъ и фактовъ? Идетъ ли развитіе и движеніе тѣхъ и другихъ въ одной плоскости и дѣйствительно ли эти два ряда движеній никогда не встрѣчаются? На этотъ вопросъ можно отвѣчать утвердительно, только если употребить новую метафору и признать для обоихъ рядовъ движеній (?), поскольку они воспринимаются и познаются нами, *единую плоскость представленія* или, общѣе, *сознанія*, и если принять во вниманіе, что ничто психическое никогда не можетъ быть представлено нами въ терминахъ физическаго, протяженнаго, такъ что понятія о физическомъ, или протяженномъ, и психическомъ, или непротяженномъ, повидимому никогда не встрѣчаются. Но это утвержденіе окажется, однако, не вполне удобнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что все такъ-называемое физическое всегда познается въ символахъ „психическихъ“ и должно быть отнесено къ области „представленій“ нашихъ, — представленій, управляемыхъ тѣми же законами, какъ и представленія о психическихъ событіяхъ и явленіяхъ, — причемъ, съ другой стороны, сравненіе „сознанія“, какъ общей среды этихъ представленій двоякаго рода, съ плоскостью можно дѣлать только въ шутку. Самое представленіе плоскости, какъ и понятія о пространствѣ и параллелизмѣ — психическіе акты и произведенія мысли. Уподобленіе, слѣдовательно, уже а ргіогі можно заподозрить въ точности.

Можно-ли рядъ частныхъ представленій одной группы психическихъ продуктовъ употреблять для серьезнаго выяс-

*) Собственно, по-гречески слово *παράλληλισμός* (отъ *παράλληλίζω*) означаетъ сопоставленіе или *противоположеніе*.

ненія взаимныхъ отношеній обѣихъ группъ и для опредѣленія природы и значенія самого процесса представленія, т.-е. смысла всей душевной жизни? Это походило бы на то, какъ еслибы, для объясненія сущности творческаго процесса Рафаэля при созданіи Мадонны, мы ограничились уподобленіемъ богатства и чистоты фантазіи художника съ десяти-аршиннымъ размѣромъ и бѣлизною полотна, выбраннаго или даже заказаннаго имъ для написанія знаменитой картины. Объясненіе получилось бы странное и натянутое.

Идеи линіи, плоскости и параллелизма, созданныя сознаниемъ и имѣющія ограниченное значеніе въ извѣстной частной обла- стимышленія,—и само наше сознание, ихъ создавшее,—полотно художника и безсмертное произведеніе искусства! Что тутъ общаго? Общаго только то, что полотно нужно для воплощенія высокой идеи художника, что простыя геометрическія идеи нужны для сложныхъ геометрическихъ построеній мысли. Но это не значить, что сама мысль—геометрическая идея или величина, что взаимное отношеніе ея представленій сколько-нибудь выясняется изъ сравненія его съ отношеніемъ параллельныхъ линій.

Метафора остается метафорой и ровно ничего не даетъ для истиннаго пониманія предмета, — она лишь на время помогаетъ воображенію символически представить себѣ отношеніе, подлежащее научному изслѣдованію и подлинному выясненію.

Если я сказалъ вначалѣ: „дальтонизмъ мысли“, то это такое же, не менѣе, но и не болѣе удачное научное объясненіе извѣстной узости міросозерцанія, какъ если я скажу: „параллелизмъ“ представленій и мозговыхъ процессовъ, т.-е. представленій о духовномъ и о физическомъ. Если я скажу: „моя мысль движется по рельсамъ моихъ знаній при помощи паровика моего воображенія“, то я дамъ этою метафорою грубую картину или даже каррикатуру моего душевнаго процесса, но ровно ничего не объясню *психологически*. Такой же смыслъ имѣетъ идея „параллелизма“ въ психології. Понимаемая въ качествѣ научной формулы, она

только сбиваетъ съ толку того, кто пожелалъ бы уяснить себѣ точнѣе взаимодѣйствіе психическихъ и физическихъ дѣятелей.

Душевные явленія сопровождаются физическими переменами во внѣшней средѣ и физиологическими процессами въ организмѣ. Физиологическія измѣненія въ организмѣ и физическія переменны и движенія тѣлъ внѣшняго міра сопровождаются обыкновенно психическими актами—или въ этихъ самыхъ, или въ другихъ тѣлахъ, такъ какъ ими вызываются новыя ощущенія, воспріятія, представленія, сужденія, умозаключенія, чувства, желанія и проч. Что это значить? Это значить только, что, наблюдая и изучая свои представленія, отдавая себѣ отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ и перерабатывая ихъ въ понятія, мы во многихъ случаяхъ замѣчаемъ относительно себя и другихъ людей, насколько ихъ жизнь доступна нашему изученію, что воспріятія внутреннихъ переменъ въ душевныхъ состояніяхъ сопровождаются воспріятіемъ извѣстныхъ измѣненій въ тѣхъ представленіяхъ, которыя мы добываемъ изъ внѣшняго опыта. Соотвѣтствіе измѣненій въ представленіяхъ о внѣшнемъ и внутреннемъ несомнѣнно существуетъ и, при примѣненіи научныхъ методовъ наблюденія и эксперимента, это соотвѣтствіе захватываетъ все большія и большія области отношеній между нашими представленіями обоого порядка. Но въ какомъ смыслѣ мы говоримъ здѣсь о „соотвѣтствіи“, и каковы на самомъ дѣлѣ эти „отношенія“?

III.

Если мы хотимъ научно познать извѣстное соотношеніе или соотвѣтствіе фактовъ опыта, то мы должны поставить ихъ въ причинный рядъ,—выяснить, что есть *причина* и что —*дѣйствіе*, хотя бы въ чисто-эмпирическомъ смыслѣ „неизмѣнно предшествующихъ“ и „неизмѣнно слѣдующихъ“ другъ за другомъ явленій. Съ точки зрѣнія мысли, это будетъ значить, что мы связали наши представленія какъ *основанія* и *слѣдствія*, т.-е. поступили согласно неотра-

зимому закону мышления — закону «достаточнаго основанія».

Но такъ какъ, и при такомъ эмпирическомъ, или же чисто-логическомъ толкованіи закона причинности, для нашего ума неизбѣжно предполагать, что неизмѣнно предшествующее *производитъ* изъ себя, или создаетъ то, что неизмѣнно и необходимо за нимъ слѣдуетъ, то, при всякой попыткѣ дѣйствительнаго выясненія соотношеній между психическими явлениями, съ одной стороны, физическими и физиологическими, съ другой, неизбѣжно принимается нашимъ умомъ, открыто или втайнѣ, одна изъ слѣдующихъ четырехъ гипотезъ:

1. Психическія явленія суть только продукты, произведенія, или „дѣйствія“ физическихъ и физиологическихъ процессовъ, субъективная и второстепенная для жизни организма сторона этихъ процессовъ, такъ что *реальныхъ* причинъ и условій психической жизни надо искать въ мірѣ физическомъ. Это — гипотеза *материалистическаго монизма* или, какъ его иногда называютъ теперь, *эпифеноменизма* (душевные явленія — эпифеномены физическихъ).

2. Физическія и физиологическія явленія, будучи представленіями нашего сознанія или мысли, суть лишь порожденія духовныхъ силъ; реально существуютъ только духовныя причины и дѣятели, а все матеріальное — ихъ продуктъ и созданіе. Это — гипотеза *спиритуалистическаго монизма*, или *панпсихизма* (все дѣйствительно-реальное — духовно, остальное — миражъ). Міръ есть только мое представленіе, а самъ по себѣ или не существуетъ, или непознаваемъ, или познаваемъ лишь чрезъ мое же самосознаніе, какъ психическая субстанція (разумъ или воля).

3. Въ физическихъ и психическихъ явленіяхъ мы имѣемъ дѣло съ двумя совершенно разнородными порядками явленій, которымъ соотвѣтствуютъ особыя *реальныя начала* и *производящія силы*, или *причины*, которыя мы и называемъ матеріей и духомъ, а въ *процессахъ* ихъ существованія или проявленія — познаемъ какъ „движеніе“ и какъ „сознаніе“. Это —

старая, но вѣчно жизненная гипотеза *дуализма*, допускающая затѣмъ рядъ разнообразныхъ отвѣтовъ на вопросъ о взаимодействіи двухъ реальныхъ началъ или силъ, матеріи и духа, — начиная отъ предположенія, что оно вполне реально, но для нашего ограниченного ума непостижимо, и кончая предположеніемъ, что оно только идеально, т.-е. только нами „представляется“, а на самомъ дѣлѣ не можетъ быть допущено, и что истинною причиною соответствія физическихъ и духовныхъ перемѣнъ является дѣйствіе высшей субстанціи или начала — первоисточника матеріи и духа, т.-е. Бога, приводящаго всѣ наши представления во взаимное соответствіе и согласіе (окказионализмъ и ученіе о предустановленной гармоніи).

4. Можно поставить и еще одну гипотезу, а именно, что субстанція или *реальная сила*, производящая духовныя и физическія явленія, одинаково соприсущая имъ (или имманентная), — *одна и та же*, но что она не духовная и не матеріальная, а что духовное и матеріальное суть два ея полноправныя и одинаково цѣнныя проявленія, субъективное и объективное, внутреннее и внѣшнее, и что *реальныхъ* причинъ того и другого порядка явленій должно искать въ свойствахъ и законахъ этой единой субстанціи, познаваемой въ этихъ ея двоякихъ проявленіяхъ. Это — теорія *пантеистическаго монизма*, или „спинозизма“.

Другихъ гипотезъ, при допущеніи возможности реального или *причиннаго* истолкованія душевной и физической жизни, быть не можетъ, такъ какъ ими исчерпываются всѣ возможныя (по закону исключеннаго третьяго) *) предположенія.

Къ какой же изъ этихъ гипотезъ примыкаетъ современная теорія параллелизма? Совершенно очевидно, что она можетъ быть истолкована въ духѣ каждой изъ указанныхъ

---

*) Единство или двойственность, раздвоеніе („плюрализмъ“ былъ всегда или монистическимъ — Демокритъ и Беркли, или дуалистическимъ — Лейбницъ); а если единство, то — или опытно познаваемое (материализмъ или спиритуализмъ), или же метафизическое (пантеизмъ).

гипотезъ, ибо въ первомъ случаѣ дѣло будетъ идти о параллелизмѣ или, вѣрнѣе, соотвѣтствіи другъ другу двухъ рядовъ дѣйствій или проявленій *физическихъ* силъ и дѣятелей, во второмъ—о соотвѣтствіи двухъ рядовъ *представленій*, въ третьемъ о соотвѣтствіи другъ другу и параллельности дѣйствій двухъ *противоположныхъ силъ* или началъ—матеріи и духа, въ четвертомъ—о параллелизмѣ разнородныхъ *проявленій одной, постижимой только для ума, субстанціи* или творящей силы. Значить, теорія „параллелизма“ нисколько не отвѣчаетъ на вопросъ о дѣйствительномъ соотношеніи физическаго и духовнаго.

Но намъ скажутъ: на самомъ дѣлѣ, теорія параллелизма исключаетъ не только необходимость, но и возможность *научнаго обоснованія* какой бы то ни было изъ этихъ четырехъ „метафизическихъ“ гипотезъ. „Положительная наука“ допускаетъ возможность познанія только однихъ *явленій*, а не „субстанцій и реальныхъ силъ“ и, если таковыя и существуютъ, то онѣ „непознаваемы“.

Слѣдовательно, теорія параллелизма стоитъ какъ бы *внѣ* всѣхъ упомянутыхъ гипотезъ, ихъ собою замѣняетъ, отмѣняетъ и исправляетъ.

Но въ такомъ случаѣ она есть проявленіе тоже особой метафизической точки зрѣнія, или гипотезы—„чистаго феноменизма“ или „критико-философскаго скептицизма“, не допускающей возможности познанія субстанцій или реальностей и имѣющей свою длинную исторію въ нѣдрахъ самой *метафизики*. И значить, она должна, во-первыхъ, *метафизически* оправдать свое право на существованіе, попытки чего неоднократно дѣлались, но безуспѣшно, такъ что онѣ не отмѣняли собою другихъ метафизическихъ гипотезъ. Во-вторыхъ, эта точка зрѣнія, или теорія, проведенная послѣдовательно, должна открыто отвергнуть возможность какого-либо реального, *причиннаго* объясненія,—столько же физическихъ, сколько и психическихъ явленій, и должна ограничить задачу науки однимъ лишь описаніемъ ихъ.

Попытка стать на эту чисто-феноменистическую точку

зрѣнія также неоднократно повторялась, но она не могла быть строго и отчетливо выдержана, ибо наука неизбѣжно ищетъ *истолкованія* явленій и фактовъ, опредѣленія законовъ ихъ причинной связи и не можетъ довольствоваться ихъ констатированіемъ. Наука лишь настолько и наука, насколько она выясняетъ *реальныя причины* явленій.

Поэтому, какую бы область психофизиологическихъ изслѣдованій мы ни взяли, вездѣ мы находимъ на самомъ дѣлѣ опыты сведенія психическихъ фактовъ къ физиологическимъ. Характерными образчиками этого пріема являются—не только уже упомянутая общая теорія *эпифеноменизма* сознания, усвоенная большинствомъ психофизиологовъ, но и господствующія спеціальныя теоріи, объясняющія чисто физиологически процессы ощущенія, мышленія, апперцепціи, или вниманія, памяти, наслѣдственности, творчества, наконецъ, чувства и воли (въ этой области, наприм., послѣднее слово „психофизиологіи“ состоитъ въ томъ, что наша воля есть только общее названіе для всей совокупности нашихъ мускульныхъ ощущеній, т.-е. ощущеній движенія).

Вся современная, такъ-называемая, экспериментальная психофизиологія основана на убѣжденіи не только въ возможности объясненія душевной жизни изъ ея физиологическаго механизма, но и на предположеніи возможности примѣнить къ изслѣдованію душевной жизни тѣ самыя *методы и пріемы*, какіе употребляются при изученіи физическихъ явленій, и даже на предположеніи о тождественности конечной задачи того и другого изученія, имѣющаго цѣлью—опредѣлить всѣ міровыя явленія и ихъ отношенія *числомъ и мѣрою* и, измѣривъ ихъ, свести законы ихъ отношенія и развитія къ математическимъ формуламъ *механизма*. Поэтому-то современные психофизиологи открыто и смѣло говорятъ о своемъ научномъ *монизмѣ*, и нѣкоторые изъ нихъ, развѣ только въ шутку, или по недоразумѣнію, какъ наприм. Flournoy (*Métaphysique et psychologie*. Genève 1890), говорятъ, что ихъ принципъ, принципъ параллелизма, включаетъ въ себѣ *аксіому дуализма* (стр. 7).

Дѣло въ томъ, что психофизиологи, выражая идею параллелизма формулою: „всякій психическій феноменъ имѣетъ определенное, сопровождающее его, физическое явленіе“, — вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко предостерегаютъ противъ превращенія этого положенія въ обратное, что „всякій физическій феноменъ имѣетъ определенное, сопровождающее его, психическое явленіе или состояніе“ *). Какой же возможенъ, при такихъ условіяхъ, серьезный разговоръ о *дуализмѣ* и о *параллелизмѣ*? Очевидно, это послѣднее понятіе прикрываетъ въ современной психофизиологіи гипотезу „материалистическаго монизма“ и эпифеноменизма.

Если же психофизиологи не хотятъ сознаться въ своемъ „теоретическомъ“ материализмѣ, то одно изъ двухъ: или они сами ведутъ, сознательно или безсознательно, двойную бухгалтерію души, или своимъ мнимымъ дуализмомъ и параллелизмомъ они стараются подкупить въ пользу своихъ выводовъ ту человѣческую массу, которая еще не отказалась отъ вѣры въ самостоятельный духовный міръ. Въ первомъ случаѣ, они наносятъ великій ущербъ своимъ собственнымъ изслѣдованіямъ, мирясь съ явною ихъ односторонностью и ложнымъ направлениемъ. Во второмъ—они вводятъ въ заблужденіе своихъ ближнихъ.

Во всякомъ случаѣ, настоящій *психологъ* никакъ не можетъ примириться съ такъ-называемыми аксіомами современной психофизиологіи, начиная съ аксіомы параллелизма, и долженъ всѣми силами ума своего стараться вывести дѣло „на чистоту“. Онъ могъ бы, конечно, отвѣчать психофи-

---

*) См. у Flournoy, тамъ же, стр. 13: «Si l'on ne doit pas imposer de restriction au principe de parallélisme tel que nous l'avons énoncé, il faut éviter également l'erreur inverse et bien se garder d'une généralisation imprudente qui consisterait à le retourner «par conversion simple» comme disent les logiciens, en posant que *tout phénomène physique a un concomitant psychique déterminé*. On sortirait par là des limites de la science positive, et l'on entrerait en pleine métaphysique». А въ опредѣленіи метафизики этотъ ученый соглашается съ извѣстнымъ изречениемъ, что «la métaphysique c'est quand ceux qui écoutent ne comprennent rien et que celui qui parle ne s'entend pas lui-même» (тамъ же).

зіологамъ развитіємъ противоположной и столько же одной-сторонней теоріи *панпсихизма*, или *спиритуалистическаго монизма* и, опираясь на совершенно уже несомнѣнную аксіому, что мы познаемъ все существующее только въ своихъ воспріятіяхъ, представленіяхъ, психическихъ актахъ, отвергнуть аргюгі всякое реальное и объективное значеніе за теоретическими утвержденіями психофизиологіи. Но вѣдь дѣло идетъ не о мести и борьбѣ, а объ истинѣ и о желательномъ соглашеніи. Поэтому пора оставить насмѣшки столько же надъ метафизикой и чистой психологіей, сколько и надъ точными науками внѣшняго опыта. Пора бросить бесплодную распрю и попытаться поглубже вникнуть въ вопросъ о дѣйствительно правильномъ, *научномъ* методѣ разработки *психологіи*, который бы исключалъ все случайное, невѣрное, парадоксальное, всѣ крайнія и вредныя для науки пристрастія, всѣ лишнія слова и ненужные символы, и велъ бы къ познанію отношеній духовной и матеріальной, или органической, жизни *по существу*. Неужели изъ того, что эта задача не была разрѣшена наукою до сихъ поръ, прежними способами и приѣмами изученія и мышленія, вытекаетъ, что она должна быть признана неразрѣшимой и на всѣ предъ-будущія времена. Вѣдь длящаяся уже болѣе полувѣка антагонизмъ между точною наукою и метафизикой, между физикой и физиологіей, съ одной стороны, логикой и психологіей—съ другой, основанъ на сплошномъ недоразумѣніи, созданъ и поддерживается анти-критическимъ отношеніемъ къ задачамъ знанія.

Починъ въ устраненіи этого недоразумѣнія и вытекающей изъ него нелѣпой распри долженъ, конечно, принадлежать психологамъ, такъ какъ сама проблема знанія и его методовъ есть „психологическая проблема“; познаетъ человѣческій умъ, законы *познанія* — суть законы *мысли и сознанія*.

Но съ какой именно стороны психологъ долженъ приступить къ рѣшенію задачи? Очевидно, первый вопросъ, подлежащій его разрѣшенію, есть вопросъ о взаимномъ отношеніи,

по содержанію и формѣ, тѣхъ двухъ рядовъ нашихъ воспріятій и представленій, которыя выражаются въ понятіяхъ *духовныхъ* и *физическихъ* явленій и приписываются двумъ основнымъ источникамъ нашихъ идей о дѣйствительности—сознанію и самосознанію, внѣшнему и внутреннему опыту. Разложеніе всего нашего опыта и психическаго содержанія на его элементы, на два ряда простѣйшихъ представленій—вотъ старая задача, такъ успѣшно поставленная и начатая Локкомъ, такъ глубоко обдуманная, отчасти уясненная и въ концѣ-концовъ снова запутанная Кантомъ, но до сихъ поръ еще далеко не разрѣшенная и даже, напротивъ, стоящая предъ нами, въ виду новыхъ пріобрѣтеній науки психологіи, въ нашъ вѣкъ, во всей своей неприкосновенности. Правильно поставить проблему значитъ наполовину ее разрѣшить. Вполнѣ разрѣшить указанную нами проблему можетъ только коллективный человѣческій умъ, общими и настойчивыми усиліями, но *содѣйствовать* ей правильной постановкѣ можетъ и отдѣльный изслѣдователь, и эту единственную, посильную для насъ, задачу мы и имѣемъ въ виду въ настоящемъ своемъ сообщеніи.

IV.

Аксиома, что „непосредственно намъ даны и реальны въ нашемъ умѣ только одни ошущенія, представленія и понятія, т.-е. психическія состоянія“, понята нынѣ всѣми и распространяется все больше и больше, даже среди психофизиологовъ *).

„Всѣ представленія и понятія нашего ума должны имѣть основанія въ свойствахъ самого нашего ума и сознанія“; это—тоже положеніе, противъ котораго едва ли кто-нибудь станетъ теперь спорить.

„Ничто извнѣ въ наше сознаніе не входитъ, но все душевное возникаетъ въ насъ въ формѣ субъективныхъ, *внут-*

---

*) Вундтъ, Гельмгольцъ, Мюнстербергъ, Цигенъ, Джемсъ, Балвинъ, Рибо, Гёфдингъ и другіе.

реннихъ продуктовъ, „по поводу“ механическихъ воздѣйствій извнѣ и вслѣдствіе собственныхъ психическихъ дѣйствій“. И это—тоже истина, не противорѣчающая не только законамъ ума, но и даннымъ точной науки, а, напротивъ, этими послѣдними подтверждаемая. (Психическіе образы вещей не отдѣляются физически отъ тѣла и вещей и не входятъ чрезъ какія-то отверстія или поры въ наше тѣло, какъ думали нѣкоторые древніе философы, напр. Эмпедокль и Демокритъ, и средневѣковые до XVI ст. включительно *), а возникаютъ въ самомъ нашемъ сознаніи или душѣ.)

Изъ этихъ трехъ истинъ вытекаетъ *общее положеніе*, что *всѣ наши воспріятія, представленія и понятія суть субъективные символы или психическіе способы познания или, общѣе, сознанія предполагаемой нами, внѣ сознанія, дѣйствительности.*

Но этихъ способовъ, несомнѣнно, *два*. Во всѣхъ представленіяхъ и понятіяхъ нашего ума мы наблюдаемъ извѣстную *полярность*, т. е. коренную противоположность.

Богъ и вселенная, духъ и вещество, душа и тѣло; пространство, протяженіе, движеніе, сложность, дѣлимость, время—бесконечность, покой, простота, недѣлимость, вѣчность; бытіе и явленіе, причина и дѣйствіе, цѣль и орудіе, свобода и необходимость. жизнь и смерть, сознаніе и бессознательность, чувство и безчувствіе, активность и пассивность, воля и безвольность, разумъ и неразуміе.

И особенно замѣчательно то, что пріобрѣтенныя долгимъ опытомъ человѣчества изъ обобщенія фактовъ, всѣ эти противоположныя понятія опредѣленно соотносятся другъ съ другомъ, имѣютъ или не имѣютъ родство между собою и стремятся координироваться въ *два ряда* или *порядка*. Это доказываетъ намъ вся исторія человѣческой мысли,—исторія религій, философскихъ системъ, научныхъ теорій.

Богъ—духъ—душа—бесконечность—покой—простота—недѣлимость—вѣчность—бытіе—причина—цѣль—свобода—жизнь—сознаніе—чувство—активность—воля—разумъ—(истина—красота—добро).

*) *Influxus physicus* и *Species sensibiles*.

Вотъ одинъ рядъ органически связанныхъ другъ съ другомъ, логически и исторически, понятій.

Вселенная—вещество—тѣло—пространство—движеніе—сложность—дѣлимость—время—явленіе—продуктъ—орудіе—необходимость—смерть—безсознательность—безчувственность—пассивность—безволіе—неразумность...

Таковъ другой рядъ логически и исторически тяготящихся другъ къ другу идей.

Мы, конечно, дали только два перечня, а не двѣ „системы“. Нѣкоторыя понятія иногда, можетъ быть, по недоразумѣнію, переставлялись изъ одного ряда въ другой или совсѣмъ исключались изъ списковъ. Частныя ихъ комбинаціи и истолкованія ихъ отношеній и порождали различныя религіозныя, философскія и научныя системы. Но все-таки упомянутыя нами координаціи повторялись неоднократно, и между звеньями каждаго ряда чувствуется непосредственное и посредственное сродство,—въ нихъ чувствуется каждымъ „зачатокъ двухъ системъ“.

Что-жь? Эта полярность, взятая въ цѣломъ, а не въ частностяхъ, есть ли она *фактъ* мысли и сознанія, или плодъ фантазіи? Конечно, фактъ, если этотъ плодъ фантазіи можно прослѣдить въ различныхъ частныхъ выраженіяхъ въ теченіе десятковъ вѣковъ.

Откуда же эти два ряда настойчиво повторяющихся, роднящихся и враждующихъ между собою идей человѣческаго ума?

Ощущеніе и рефлексія — вотъ два источника познаній и идей, говоритъ Локкъ, — *sensus* и *intellectus, ipse intellectus*, подчеркивалъ Лейбницъ, вслѣдъ за Платономъ, Аристотелемъ и Декартомъ, который выражалъ ту же противоположность понятіями чувственно-протяженнаго и мыслящаго. „Чувственный опытъ и субъективныя формы познанія и дѣятельности, а *posteriori* и *a priori*“, говорилъ осторожный Кантъ. Субъектъ и объектъ, говорили Фихте, Шеллингъ и ихъ послѣдователи,—идея и ея инобытіе, пояснялъ Гегель; міръ-представленіе и міръ-воля, воспріятіе явленій и сущ-

ности, учить Шопенгауэръ. Перцепція и апперцепція, говорить ученый Вундтъ; природныя силы и „идеи-силы“, вторить ему французъ Фулье; наблюдение и самонаблюдение, или интроспекція, говорятъ психологи-эмпирики—„физика“ и „психика“, повторяетъ хоръ современныхъ психофизиологовъ, и какъ въ оркестрѣ, наряду съ первыми и вторыми скрипками, альтами, віолончелями и контрабасами, слышатся иногда сладкіе звуки флейты и дополняющіе общую гармонію рѣзкіе звуки трубъ, такъ на-ряду съ голосами философовъ и ученыхъ, какъ бы въ тонъ имъ, мы слышимъ призывы проповѣдниковъ: съ одной стороны—къ духовному братству, миру и любви, съ другой—къ матеріальной борьбѣ, стихійной враждѣ и ненависти. „Идеи-силы — природныя силы“ поясняетъ Фулье. Духъ и вещество—вторитъ эхо вѣковъ.— Все тотъ же мотивъ, тѣ же контрасты, какъ въ самыхъ идеяхъ, такъ и въ ученіяхъ о двоякомъ и различномъ способѣ ихъ пріобрѣтенія, хотя они выражаются разными „словами“.

V.

Среди двухъ рядовъ противоположныхъ понятій, которыя я привелъ выше, есть однако болѣе отвлеченныя, производныя (отъ иныхъ, простѣйшихъ), и есть другія,—основныя, отношеніями которыхъ опредѣляется содержаніе первыхъ. Кромѣ того, есть понятія, выражающія по преимуществу содержаніе явленій внѣшняго и внутренняго опыта, и есть такія, которыми опредѣляется общая форма, въ какой эти явленія представляются нами. Въ высокой степени отвлеченными и *производными* являются, наприм., понятія Бога, духа, свободы, вселенной, вещества, необходимости. *Основными* являются, напр., понятія мышленія и сознанія, протяженія и пространства, движенія и покоя, времени, причинности, бытія, явленія, жизни и смерти и т. под. *Содержаніе* явленій двоякаго порядка опредѣляется такими понятіями, какъ ощущеніе, мышленіе, воля, чувство—для явленій одного порядка,—и протяженность, цвѣтность, звучность, твердость, мягкость, пахучесть, и т. п., взятыми изъ сферы воспріятій

внѣшняго опыта, — для другого. Понятія же пространства, времени, движенія, сознанія, свободы, причинности, означаютъ *общія формы*, въ какихъ представляются нами различныя явленія опыта и ихъ отношенія между собою. Послѣднія, формальныя понятія имѣютъ особенную важность при опредѣленіи основныхъ свойствъ и особенностей явленій такъ называемаго, „внѣшняго и внутренняго опыта“, т. е. *сознанія и самосознанія*, такъ какъ изъ ихъ анализа только и можетъ выясниться степень реального средства и характеръ взаимодѣйствія предполагаемыхъ основъ этихъ явленій, т. - е. реальныхъ предметовъ, имъ соотвѣтствующихъ.

Были уже въ исторіи философіи неоднократныя попытки анализа основныхъ *формъ* воспріятія и познанія явленій физическаго и духовнаго существованія, и самая знаменитая изъ нихъ Кантовская. Но едва ли кто-нибудь до сихъ поръ разрѣшилъ эту трудную проблему окончательно, такъ какъ до сихъ поръ никто и не приступалъ къ ней съ точки зрѣнія строго *психологической*. Безконечные споры относительно значенія кантовскихъ „субъективныхъ или трансцендентальныхъ формъ“ чувственнаго созерцанія и разсудочной дѣятельности лучше всего свидѣтельствуютъ, что если Канту и принадлежитъ безспорная заслуга выясненія важности этой проблемы для теоріи знанія и для установленія его принциповъ, предѣловъ и задачъ, то едва ли ему можно приписать заслугу сколько-нибудь вѣрнаго разрѣшенія вопроса.

Вѣрны въ теоріи Канта только два вывода: 1) что есть общія субъективныя формы воспріятія и представленія какъ явленій физическихъ или явленій внѣшняго опыта, такъ и явленій психическихъ или явленій внутренняго опыта; 2) что пространство есть общая субъективная форма воспріятія явленій внѣшняго опыта и не составляетъ формы познанія душевныхъ актовъ. Все остальное у Канта остается спорнымъ.

Между прочимъ, спорнымъ и неяснымъ представляется намъ Кантовское ученіе о времени.

Кантъ считаетъ время тоже субъективною априорною

формою чувственнаго созерцанія или воззрѣнія, т.-е. формою воспріятія всякихъ *явленій*, слѣдовательно, и явленій внѣшняго опыта—физическихъ явленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считаетъ ее основною формою воспріятія явленій внутренняго опыта, актовъ душевныхъ.

Душевные акты воспринимаются нами непосредственно въ самознаніи нашемъ, и это воспріятіе никакъ нельзя назвать „чувственнымъ“ (*sinnlich*) въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о чувственномъ воспріятіи внѣшнихъ явленій. Въ душевныхъ явленіяхъ мы не усматриваемъ никакой протяженности (они не имѣютъ длины, ширины, матеріальной формы, цвѣта, и проч.—между ними нѣтъ физическаго разстоянія), они не подвержены движенію въ пространствѣ, а между тѣмъ время есть, несомнѣнно, форма воспріятія *движенія въ пространствѣ* и, слѣдовательно, взаимныхъ отношеній протяженныхъ тѣлъ. Какъ же оно можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ формою воспріятія душевныхъ состояній, которыя не передвигаются въ пространствѣ?

И затѣмъ, если время характеризуетъ основную форму психическаго бытія, внѣ которой мы его и представить себѣ не можемъ, то какимъ образомъ человѣчество добралось до идеи не только безпространственнаго, но и безвременнаго или сверхвременнаго, не только безконечнаго, но и вѣчнаго бытія духа, Бога? Откуда могли явиться эти понятія, если для нихъ нѣтъ почвы въ нашемъ самосознаніи?

Съ одной стороны, мы неразрывно связываемъ при опредѣленіи формъ матеріальнаго бытія, даннаго во внѣшнемъ опытѣ, идеи пространства, времени и движенія. Съ другой стороны, мы столь же неразрывно связываемъ въ представленіи о чисто-духовномъ бытіи понятія непротяженности и безконечности, вѣчности и сверхвременности, неподвижности и абсолютнаго внутренняго тождества, а между тѣмъ что мы можемъ реально знать о бытіи духовномъ—внѣ данныхъ нашего внутренняго опыта, или самосознанія? Откуда мы беремъ, какъ не изъ этихъ источниковъ, идеи безконечности и вѣчности, т.-е. сверхвременнаго бытія?

Не очевидно ли, въ виду этихъ недоумѣній, что вопросъ о времени и его отношеніи къ пространству,—вопросъ о времени, какъ *всеобщей формѣ* опыта, сознанія и познанія, еще далеко не разрѣшенъ окончательно, а можетъ-быть еще и не поставленъ на надлежащую почву?!

А между тѣмъ это самый основной и глубокой вопросъ во всей теоріи знанія, во всей научной методологіи, имѣющей огромное значеніе для будущей психологіи, метафизики, а, можетъ быть, и для науки вообще.

Представьте себѣ, что мы бы признали, что время *не есть* форма самосознанія, а слѣдовательно, познанія подлинной душевной жизни нашей, и не характеризуетъ нисколько свойствъ душевныхъ состояній, какъ таковыхъ, что они сами по себѣ, внѣ условій внѣшняго опыта, столько же безвременны, сколько и безпространственны. Вѣдь этотъ выводъ имѣлъ бы громадныя послѣдствія, хотя бы потому, что безвременность, а слѣдовательно, и вѣчность духовнаго существованія были бы окончательно, установлены и такъ называемое, „безсмертіе души“ было бы доказано.

Допустите затѣмъ, что доказано обратное положеніе, что внѣ времени никакой душевной жизни мыслить и представлять себѣ невозможно; тогда мы, во-первыхъ, должны были бы признать фикціей и выдумкой предполагаемую безвременность и вѣчность какого бы то ни было духовнаго бытія, т.-е невозможность мыслить его внѣ тѣла и вещества, и нелѣпость предположенія его „бесконечности“ во времени, такъ какъ *во времени все имѣетъ конецъ*; „конецъ“ есть одно изъ опредѣленій *времени*. Возникъ бы еще и другой вопросъ: въ какой мѣрѣ мы въ правѣ говорить въ такомъ случаѣ и о безпространственности или „внѣпространственности“ духовнаго бытія, когда время прежде всего есть мѣра движенія въ пространствѣ, мѣра преодоленія разстоянія и другихъ сопротивленій въ сферѣ протяженнаго бытія?

Очевидно, вопросъ о значеніи времени имѣетъ огромную важность для рѣшенія проблемы о подлинномъ соотношеніи духовной и физической дѣйствительности, какъ онѣ даны

въ сознаниі нашемъ. Поэтому, для опредѣленія той почвы, на которой возможно правильное рѣшеніе вопроса о реальномъ взаимоотношеніи духовныхъ и физическихъ фактовъ, нами познаваемыхъ, мы остановимся прежде всего на анализѣ *идеи времени*, какъ формы, въ которой познается нами дѣйствительность. Только этимъ путемъ мы подойдемъ къ правильному рѣшенію вопроса: *какою научною идеей замѣнить ходячую метафору о параллелизмѣ душевныхъ и физиологическихъ „событій“*.

Н. Гротъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію.

(Окончаніе).

Стану молиться духомъ, стану молиться и умомъ, буду пѣть духомъ, буду пѣть и умомъ. (Перв. посл. къ коринѣ. XIV, 15).

Всякій поступай по удостовѣренію своего ума. (Къ римлян. XIV, 5).

II.

Кромѣ вѣры наивной и слѣпой, нами найденъ еще третій видъ вѣры, отличительный признакъ которой состоитъ въ томъ, что разумокъ, критически оцѣнивъ и ее и самого себя, отказывается какъ опровергать, такъ и доказывать ее. Въ отличіе отъ вѣры слѣпой и наивной, эта вѣра представляетъ *вѣру, разсмотрѣнную и допущенную критическимъ разумкомъ*. Вѣра наивная допускается разумкомъ, но безъ разсмотрѣнія ея согласія съ логикой и фактами; а вѣра слѣпая встрѣчаетъ протестъ со стороны разсудка, какъ противорѣчащая или логикѣ, или фактамъ. Вѣра же, разсмотрѣнная и допущенная разумкомъ, подвергается имъ критическому разсмотрѣнію; но онъ уже не протестуетъ противъ нея, потому что, хотя онъ и признаетъ ее недоказуемой, но въ то же время—и неопровержимой, т.е. не противорѣчащей ни логикѣ, ни фактамъ.

Конечно, такая вѣра въ свою очередь можетъ оказаться разнообразной. Дѣйствительно, если она касается всегда только такихъ вопросовъ, относительно которыхъ разумкомъ допускаются нѣсколько взаимно упраздняющихъ другъ

друга отвѣтовъ, то выборъ того или другого отвѣта долженъ же обусловливаться какими-нибудь мотивами; и вотъ, въ зависимости отъ различія въ ихъ достоинствахъ, и наша разсмотрѣнная и допущенная разсудкомъ вѣра будетъ не одинаково цѣнной. Одни мотивы могутъ быть ничтожными по своей внутренней цѣнности, и основанную на нихъ вѣру можно будетъ назвать *второй суетной*. Другіе же могутъ быть высокими, цѣнными, и основанную на нихъ вѣру можно будетъ назвать *второй сознательной*.

Примѣровъ суетной вѣры можно привести сколько угодно. Мы убѣдились, напримѣръ, что нашъ разсудокъ дозволяетъ намъ вѣровать въ сотвореніе міра въ началѣ этого столѣтія; и если я ради *официальности* стану вѣровать въ это, то такая вѣра будетъ суетной. Настолько же суетной будетъ она и въ томъ случаѣ, если я вѣрую въ безконечное предсуществованіе міра, руководясь лишь тѣмъ соображеніемъ, что это самый *простой и легкий* способъ согласовать мое міровоззрѣніе съ явленіями: какъ будто бы весь смыслъ міро-воззрѣніе состоящимъ изъ самыхъ простыхъ и легкихъ предположеній *)! Суетной будетъ и вѣра, исповѣдуемая подъ влияніемъ моды на тѣ или другіе догматы. Такъ, материализмъ (который, очевидно, составляетъ вѣру, а не знаніе, ибо касается вещей въ себѣ) въ 60-хъ и 70-хъ годахъ находилъ у насъ очень много послѣдователей. Они теоретически (т.-е. научнымъ путемъ) могли убѣдиться только въ томъ, что онъ не противорѣчитъ ни логикѣ, ни фактамъ, т.-е. въ одной лишь его допустимости; а между тѣмъ многіе признавали его, не желая даже справиться, не находится ли точь-въ-точь въ такомъ же положеніи и обратная точка зрѣнія. Явно, что нѣкоторые изъ материалистовъ пропитывались этой вѣрой подъ влияніемъ безотчетнаго стремленія къ новизнѣ, охватившаго тогда наше общество,—

---

*) Нынѣшнее поклоненіе предъ простотой и легкостью гносеологически однородно съ поклоненіемъ древнихъ предъ совершенствомъ и гармоніей, вслѣдствіе котораго древніе заставляли планеты двигаться не иначе, какъ по кругамъ.

стремленія, которому многіе поддавались, даже не обдумывая, до какихъ предѣловъ оно будетъ высокимъ и цѣннымъ, и когда оно можетъ сдѣлаться прямо-таки пошлымъ; другіе же исповѣдовали матеріализмъ просто изъ подражанія модному воззрѣнію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ эта вѣра должна считаться суетной.

Но не трудно показать, что, послѣ пробужденія критической дѣятельности разсудка, кромѣ суетной вѣры бываетъ еще другая вѣра, рѣзко отличающаяся отъ суетной. Для ея существованія нужны безспорно высокіе, или безспорно цѣнные мотивы, и ихъ легко найти. Никто не отрицаетъ обязательности нравственного долга; всѣ признають ее, т.-е. всѣ приписываютъ ему безспорную и абсолютную цѣнность. Поэтому, если наша вѣра будетъ мотивирована нравственными требованіями и если въ составъ ея догматовъ войдутъ только такіе, которые допускаются критическимъ разсудкомъ (т.-е. такіе, которые онъ признаетъ хотя и недоказуемыми, но въ то же время и неопровержимыми), то не подлежитъ сомнѣнію, что такая вѣра по своему достоинству будетъ рѣзко отличаться отъ суетной.

Вопросъ только въ томъ: могутъ ли нравственныя требованія вынудить насъ къ признанію какихъ-либо догматовъ? Но въ этомъ нельзя сомнѣваться: уже самое признаніе обязательности нравственного долга составляетъ что-то въ родѣ вѣры. Дѣйствительно, доказать, что я обязанъ признавать его, никоимъ образомъ нельзя: не будетъ ровно никакого противорѣчія ни съ логикой, ни съ фактами, если я откажусь отъ всякаго нравственного долга *). Съ логикой не будетъ противорѣчій потому, что она одинаково примѣнима ко всему безъ исключенія—

---

*) Конечно, получится внутреннее противорѣчіе, если, признавая одно нравственное повелѣніе, я вмѣстѣ съ тѣмъ стану отрицать обязательность нравственного долга вообще. Но сейчасъ идетъ рѣчь не объ этомъ, а о томъ, что никто не опровергнетъ меня, если я стану утверждать, что вообще нѣтъ ничего нравственно-обязательнаго. Подробнѣе объ этомъ см. въ статьѣ „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“. Спб. 1892, стр. 84 и сл.

и къ нравственному, и къ безнравственному. Факты же составляютъ только то, что есть, было, существуетъ, бываетъ, а не то, что *обязательно* само по себѣ, хотя бы оно еще нигдѣ не осуществлялось. Обязательность нравственного долга приходится или признавать, или не признавать; ее можно *доказывать* только практически, своей дѣятельностью, осуществляя нравственный долгъ на дѣлѣ, а не какими-либо аргументами. Такимъ образомъ, признаніе обязательности нравственного долга имѣетъ замѣтное сходство съ вѣрой. Но этого еще мало: и въ признаніи обязательности нравственного долга подразумѣвается еще признаніе кое-чего такого, что выходитъ за предѣлы всякаго возможнаго опыта. Это зависитъ отъ того, что если я признаю и одобряю обязательность нравственного долга, то я тѣмъ самымъ признаю, что его повелѣній нельзя считать безсмысленными, ложными, что они, напротивъ, высказываютъ непреложную истину.

Конечно, мыслимъ и такой случай: мы признаемъ повелѣнія нравственного долга только въ томъ смыслѣ, что будемъ разсматривать ихъ—какъ существующія въ насъ слѣпая прирожденныя влеченія (въ родѣ полового инстинкта) и будемъ цѣнить ихъ нисколько не выше другихъ прирожденныхъ влеченій (напримѣръ, половыхъ), и поэтому будемъ считать нужнымъ поддаваться имъ лишь настолько, насколько они обѣщаютъ намъ счастье. Такое признаніе, разумѣется, не подразумѣваетъ въ себѣ ровно никакой вѣры. Но мы говоримъ не о такомъ признаніи нравственного долга, а о томъ, которое сопровождается его оцѣнкой, одобреніемъ, подъ вліяніемъ чего онъ признается обязательнымъ *самъ по себѣ* (а не подъ условіемъ обѣщаемыхъ удобствъ): признавая *такую* обязательность, нельзя уже разсматривать нравственный долгъ, какъ выраженіе слѣпыхъ, безсмысленныхъ, хотя бы и вполнѣ естественныхъ, влеченій. А вотъ *такое-то* признаніе обязательности нравственного долга логически вынуждаетъ насъ признавать нѣкоторыя положенія, касающіяся того, что лежитъ за предѣлами возможнаго опыта. такъ что критическій разумокъ считаетъ ихъ недоказуе-

мыми, но и не опровержимыми; и они поэтому могут служить догматами такой вѣры, которая допускается критическимъ разсудкомъ, но не будетъ суетной.

Дѣйствительно, нравственный долгъ возлагаетъ на насъ извѣстную дѣятельность, какъ абсолютно цѣнную и безспорно обязательную для всякаго человѣка, живущаго въ этомъ мірѣ. И если онъ высказываетъ не бессмыслицу, а истину, то это возможно только при слѣдующихъ условіяхъ: 1) каждый человѣкъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ назначенный для какой-то безусловно-цѣнной цѣли; 2) эта цѣль достижима, такъ что строй вселенной, считая въ ней не одни явленія, но и бытіе въ себѣ, подчиненъ той же самой цѣли и потому не противодѣйствуетъ, но содѣйствуетъ ея осуществленію; 3) нравственная дѣятельность соотвѣтствуетъ этой цѣли, требуется ею, какъ одно изъ средствъ для ея достиженія. Словомъ, для того, чтобы не признавать обязательности нравственнаго долга бессмыслицей, нужно допускать, съ одной стороны, осуществимое назначеніе человѣка и всего міра для какой-то абсолютно-высокой и цѣнной цѣли, а съ другой—полнѣйшее совпаденіе требованій нравственности съ требованіями этого назначенія.

Если же мы допустимъ, что ни у міра, ни у человѣка нѣтъ никакого подобнаго назначенія, то нравственность останется только какъ фактъ, какъ прирожденное стремленіе, въ родѣ полового инстинкта и т. п., которое у однихъ будетъ сильнѣе, у другихъ слабѣе; но она уже не будетъ имѣть безусловной обязательности; это стремленіе нисколько не будетъ выше и обязательнѣе всякаго другого, выше, на примѣръ, полового инстинкта, или той жажды къ алкоголю, которая мучитъ страдающихъ запоемъ. Конечно, всегда найдутся люди, для которыхъ будетъ пріятнѣе добродѣтель, чѣмъ порокъ, которые, на примѣръ, предпочтутъ самоотверженно служить другимъ, чѣмъ предаваться пьянству или разгулу сладострастія*); но если ни мірѣ, ни человѣкѣ

*) Въ этомъ отношеніи очень поучительны разсужденія Мандевилля въ его

не имѣютъ никакого безусловно-цѣннаго назначенія, — если, на примѣръ, правъ матеріализмъ и все существуетъ исключительно въ силу слѣпой механической необходимости, то не будетъ ровно никакого основанія считать одни стремленія выше (цѣннѣе), чѣмъ другія.

Всѣ стремленія тогда будутъ одинаково вызваны механическою необходимостью, и, съ этой точки зрѣнія, будутъ вполне равноправны. А никакой другой точки зрѣнія для ихъ оцѣнки тогда уже не будетъ. Единственно, чѣмъ они будутъ отличаться, такъ это тѣмъ, что одни изъ нихъ (стремленія къ сохраненію жизни, ко множеству тѣлесныхъ наслажденій) будутъ у всѣхъ людей, другіе (къ семьѣ) у большинства, третьи (къ наукѣ, къ самопожертвованію на благо другимъ и т. п.) у меньшинства. Но такая чисто-количественная разница въ распространенности этихъ стремленій не придастъ ни одному изъ нихъ характера обязательности, и, наоборотъ, — нѣтъ никакого основанія (если допустить чисто матеріалистическій строй вселенной) считать одно изъ этихъ стремленій выше и обязательнѣе другого. Мнѣ нравится наука, больше нравится заниматься ею, чѣмъ игрой въ винтъ, или измышленіемъ и приготовленіемъ изысканныхъ блюдъ; но значить ли это, что она обязательнѣе игры въ винтъ? Дѣло вкуса; кому что нравится. И давно ли было время (да вполне ли оно прошло?), когда избранные люди (вѣрнѣе, сильнѣйшіе) предпочитали красивыя манеры всякой другой наукѣ? Съ точки зрѣнія чистаго механизма, можно говорить только о томъ, что выгодно и невыгодно, нравится большинству или меньшинству, а не о томъ, что обязательно, хотя бы это и не было выгодно или пріятно. Такимъ образомъ,

---

«Баснѣ о пчелахъ». Онъ доказываетъ, что добродѣтели въ дѣйствительности нѣтъ, а всѣ люди — завзятые эгоисты. Онъ при этомъ нисколько не отрицаетъ существованія самопожертвованія и т. п.; но истолковываетъ все это какъ чисто-эгоистическіе поступки: если мать жертвуетъ собой ради дѣтей, то потому, что ей такъ пріятнѣе. Вслѣдствіе ея любви къ дѣтямъ, ея счастье невозможно безъ нихъ; а любить она ихъ потому, что этимъ она удовлетворяетъ основному стремленію своей природы, т.-е. потому, что счастлива этой любовью. И все прочее—въ томъ же духѣ.

съ устраненіемъ мысли о назначеніи міра и человѣка тотчасъ же становится бессмысленнымъ и понятіе обязательности нравственнаго долга. Русская поэзія прекрасно выразила эту мысль:

Какъ? Изъ того, что той порой,
 Когда стихіи межъ собой
 Боролись въ бурномъ безпорядкѣ,
 Земля, межъ чудищъ и звѣрей,
 Межъ грифовъ и химеръ крылатыхъ,
 Изъ нѣдръ извергла и людей,
 Свирѣпыхъ, дикихъ и косматыхъ,
 Мнѣ изъ того въ нихъ братьевъ чтить?..
 Да первый тотъ, кто возложить
 На нихъ ярмо возмогъ, тотъ разомъ
 Сталъ выше всѣхъ, какъ власть, какъ разумъ!
 Кто жъ суетвѣрья ихъ презрѣлъ,
 И мыслью смѣлю къ чертогамъ
 Боговъ ихъ жалкихъ возлетѣлъ,
 Тотъ самъ для нихъ уже сталъ богомъ,
 И въ полномъ правѣ съ высоты
 Глядѣть, какъ въ безотчетномъ страхѣ
 Внизу барахтаются въ прахѣ
 Всѣ эти темные кроты!..

(А. Майковъ. *Два міра*).

Сдѣлаемъ, впрочемъ, оговорку, чтобы читатель не навязалъ намъ чуждыхъ намъ мыслей. Мы не утверждаемъ, что, будто бы, какъ скоро допущено извѣстное назначеніе человѣка и міра, отсюда логически вытекаетъ, что мы *чрезъ это* обязаны признавать что-нибудь, какъ безусловно обязательный нравственный долгъ. Нисколько: мы можемъ и взбунтоваться противъ подобнаго назначенія такъ же, какъ взбунтовался дьяволъ противъ воли Бога. Мы утверждаемъ какъ разъ обратное, а именно: *вслѣдствіе* того, что я считаю нѣчто безусловно обязательнымъ, я долженъ допускать и извѣстное назначеніе человѣка и міра. Для большей ясности, забѣгая впередъ, допустимъ, что признаніе обязательности нравственнаго долга утрачиваетъ смыслъ, если нѣтъ Бога и безсмертія. Такъ вотъ, мы выводимъ именно то, что вѣра въ эти догматы требуется признаніемъ обязательности нравственнаго долга, но не наоборотъ. Кто признаетъ, гово-

римъ мы, что обязательность нравственного долга не составляетъ безсмыслицы, а выражаетъ истину, тотъ долженъ вѣровать въ Бога и безсмертіе. Но мы отнюдь не хотимъ утверждать, что именно эта-то вѣра и породить наше преклоненіе предъ повелѣніями и нравственного долга. Это — какъ случится. Можно допускать и Бога, и безсмертіе, а въ то же время не признавать нравственности: допуская ихъ, я допускаю пока всего лишь то, что есть, существуетъ, а не то, что обязательно, хотя бы оно нигдѣ еще не существовало; отъ существованія же нельзя заключать къ обязательности, ибо это — понятія разныхъ категорій. Намъ скажутъ на это, что въ понятіи Бога мыслится нравственное законодательство: нравственный долгъ есть законъ, возлагаемый на насъ самимъ Богомъ. Пусть такъ; да что же изъ того? Богъ предписываетъ извѣстный законъ; но развѣ послѣдній становится чрезъ это *безусловно* обязательнымъ? Напротивъ, обязательность его попрежнему обусловлена моимъ признаніемъ (одобреніемъ). Не исполнять его, конечно, невыгодно, коль скоро онъ предписанъ самимъ Богомъ; но если, не-смотря на всѣ эти невыгоды, мнѣ все-таки понравится воевать съ Богомъ, а не подчиняться ему, то я не приму его закона, не сочту его обязательнымъ для себя. Вѣра въ Бога и въ безсмертіе составляютъ условіе — лишь необходимое для признанія нравственного долга, но еще не достаточное.

Итакъ, признаніе безспорной обязательности нравственного долга не имѣетъ смысла, должно быть разсматриваемо, какъ заблужденіе или какъ субъективный произволь, если у человѣка и міра нѣтъ никакого абсолютно-цѣннаго, и притомъ осуществимаго, назначенія, если они не служатъ пригоднымъ средствомъ для достиженія какой-либо абсолютно-высокой, хотя и неизвѣстной намъ, цѣли. Но здѣсь, на землѣ, въ мірѣ явленій, нельзя найти такого назначенія. Да и какъ искать его здѣсь? Если подъ цѣлью и назначеніемъ подразумѣвать то, чѣмъ по законамъ природы неизбѣжно заканчивается наше существованіе на землѣ, то выйдетъ, что назначеніемъ человѣка служить смерть, гніеніе. А про міръ

и его назначеніе не знаешь, что и сказать: онъ является безконечно, и потому бессмысленно, продолжающимся. Да не смѣшно ли искать въ области явленій абсолютную цѣль, когда въ нихъ все относительно?

Попробуемъ, впрочемъ, такъ взглянуть на дѣло: эта цѣль указана самимъ нравственнымъ закономъ; онъ требуетъ отъ меня любви къ другимъ людямъ, требуетъ, чтобы я служилъ ихъ счастью; въ этомъ и состоитъ мое назначеніе. Но подобное назначеніе есть величайшая бессмыслица, коль скоро вся жизнь человѣка ограничена землей, или иначе—въ томъ случаѣ, если мы не хотимъ выходить за предѣлы міра явленій*). Предо мной мой ребенокъ, котораго я уже люблю и помимо всякихъ требованій нравственнаго долга и которому отъ души хочу доставить счастье. Но какъ мнѣ оградить его отъ болѣзней, которыя коренятся въ немъ со дня рожденія и которыя сдѣлаютъ для него земную жизнь каторгой? Какъ мнѣ сдѣлать, чтобы слѣпорожденный видѣлъ, глухой слышалъ, безногій ходилъ, а бѣсноватый (нервный) исцѣлился? Какъ мнѣ спасти умирающаго отъ страха смерти? А съ такимъ страхомъ что за счастье? Да и какъ мнѣ служить чужому счастью, если я просто не въ силахъ понять, въ чемъ оно должно состоять, коль скоро всѣ интересы человѣка должны ограничиться землей, если и самъ то я бываю счастливъ земнымъ счастьемъ лишь тогда, когда перестаю размышлять о немъ? Служить счастью другихъ людей—цѣль высокая, даже—абсолютно высокая, но въ то же время—абсолютно глупая, если не думать о томъ, что лежитъ за предѣлами явленій. Посвятить всѣ свои силы на излѣченіе недуговъ человѣческихъ—тоже цѣль высокая; но развѣ не глупость посвятить ихъ на завѣдомо бесплодныя попытки лѣчить умирающихъ чахоточныхъ (не ухаживать за ними и

---

*) Мы уже не говоримъ, что, признавая другихъ людей одушевленными существами (безъ чего нельзя имъ приписывать ни счастья, ни несчастья), мы этимъ самымъ выходимъ за предѣлы опыта (См. объ этомъ „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“).

не услаждать ихъ послѣднія минуты, а именно лѣчить)? Видѣть свое назначеніе въ счастіи другихъ—глупо (потому что эта цѣль недостижима), если наши помыслы ограничиваются одной лишь земной жизнью; а потому и обязательность нравственнаго долга при такихъ условіяхъ немислима.

Чтобы служеніе чужому счастью не было бессмыслицей, надо, чтобы счастье людей слагалось не только изъ того, что есть на землѣ, но также еще и изъ чего-нибудь другого; а для этого надо, чтобы ихъ жизнь продолжалась за предѣлами земли, и притомъ такъ продолжалась, чтобы при этомъ было искуплено все то зло, каторое они неизбѣжно испытываютъ здѣсь. И надо это не столько относительно самого меня, сколько относительно ихъ; нужно это вовсе не потому, что мнѣ будто бы будетъ обидно, если я не получу никакой награды за свою любовь къ людямъ и за службу ихъ счастью *). О себѣ-то я теперь, пожалуй, уже и не вправѣ думать; это будетъ не совсѣмъ послѣдовательно. Вѣдь я ишу своего *назначенія*; значить, я уже рѣшилъ разсматривать себя, какъ *средство*. Къ чему же тогда и толковать о себѣ? Но мнѣ нужно безсмертіе и искупленіе зла прежде всего не для себя, а для тѣхъ, кому я назначень служить: безъ этого условія мое назначеніе, какъ неосуществимое, будетъ бессмыслицей; мой умъ не приметъ его безъ этого. Допустимъ, что мать самоотверженно любитъ дѣтей; и вотъ ей говорятъ, что послѣ разныхъ мукъ завтра лишатъ жизни и ее, и ея дѣтей; ее убѣдятъ, что это вполне неизбѣжно и что всякая скорбь, негодованіе и протесты бесполезны; а до той поры, говорятъ, она обязана служить счастьемъ своихъ дѣтей. Что же, найдетъ ли она такое назначеніе ея жизни разумнымъ и осуществимымъ? Но если завтра убьютъ только ее, а дѣтей оставятъ жить? Навѣрное, она не сочтетъ бессмыслицей заботиться о нихъ. Такъ и безсмертіе: безъ него бессмысленно служить счастьемъ людей.

---

*) Дѣлаемъ эту оговорку по необходимости, ибо не мало людей, которые воображаютъ, будто бы безсмертіе принижаетъ нравственность, дѣлаетъ ее корыстной.

Да бессмысленно и любить ихъ: ну, чѣмъ они будутъ отличатся отъ любого животнаго, хотя бы отъ собаки? Конечно, мнѣ можетъ нравиться больше всего другого, чтобы я любилъ ихъ и жертвовалъ для нихъ собой, — можетъ это нравиться даже и въ томъ случаѣ, если я не вѣрю въ ихъ безсмертіе. Но вѣдь это будетъ такой же капризъ (правда, не столь рѣдкій и болѣе естественный), какъ еслибы, по примѣру нѣкоторыхъ дамъ, я имѣлъ такіе же вкусы и относительно собачекъ.

Мы сейчасъ исходили изъ предположенія, что нравственный законъ имѣетъ матеріальное содержаніе; мы допустили, какъ наиболѣе вѣроятное предположеніе, что таковымъ содержаніемъ будетъ любовь: вѣдь, при этомъ легче всего согласиться съ тѣмъ, что онъ уже здѣсь, на землѣ, указываетъ намъ абсолютно цѣнную цѣль. И вышло, что обязательность любви требуетъ все-таки признанія безсмертія. Но возможенъ и другой взглядъ на нравственность, именно—указанный Кантомъ. Здѣсь не мѣсто рѣшать этотъ споръ, дѣлать выборъ между тѣмъ и другимъ толкованіемъ нравственнаго закона; но если одно изъ нихъ указано такимъ великимъ мыслителемъ, какъ Кантъ, то нельзя обойти его молчаніемъ, хотя бы это толкованіе и не было общепринятымъ. Поэтому мы должны теперь посмотрѣть еще, какъ относится Кантовское толкованіе къ вопросу о безсмертіи.

Уже самъ Кантъ указалъ эту связь: онъ же и утверждалъ, что мы обязаны вѣрить въ Бога и безсмертіе именно въ силу требованій нравственности. Да и нельзя не согласиться съ нимъ. По его толкованію, нравственный законъ есть законъ формальный: онъ предписываетъ намъ только форму законмѣрности во всѣхъ нашихъ поступкахъ. „Поступай такъ, — говоритъ онъ, — чтобы максима твоей воли могла имѣть значеніе принципа всеобщаго законодательства“. Поэтому, для рѣшенія вопроса, принадлежитъ ли данный поступокъ къ числу нравственныхъ или безнравственныхъ, надо всегда смотрѣть, можетъ ли онъ сдѣлаться какъ бы всеобщимъ закономъ природы. Такъ, ложь не можетъ сдѣ-

латься всеобщей безъ того, чтобы не разрушилась самая возможность лжи. И поступокъ будетъ безнравственнымъ, если онъ не выдерживаетъ подобной пробы. Такимъ образомъ, нравственный законъ предписываетъ намъ только *форму* дѣятельности; а уже къ этой формѣ подбираются подходящіе объекты и содержаніе дѣятельности. При этомъ каждый поступокъ долженъ быть исполняемъ исключительно изъ уваженія къ нравственному закону: иначе потерпѣть ущербъ чистота моего нравственнаго настроенія; цѣлью моей дѣятельности окажется не то, что предписывается нравственнымъ закономъ, не самая форма моей дѣятельности, а что-нибудь другое. Такъ, если я ухаживаю за больнымъ изъ расположенія къ нему, то это еще не значитъ, что я поступаю нравственно. Нравственнымъ мой поступокъ будетъ только въ томъ случаѣ, если я совершаю его вполнѣ независимо отъ моего расположенія къ больному.

И вотъ, можно попробовать счастье назначеніемъ человѣка осуществленіе торжества формальнаго закона нравственности, т.-е. превращеніе всей земной жизни въ такую, которая сполна бы соотвѣтствовала требованіямъ этого закона. Не станемъ говорить, въ состояніи ли кто-нибудь признать такое назначеніе, взятое само по себѣ (и сводящееся къ служенію чисто формальнымъ требованіямъ), абсолютно - цѣннымъ; довольно напомнить, что уже самъ Кантъ пополнилъ свое ученіе о формальномъ законѣ нравственности ученіемъ о высшемъ благѣ. Пусть даже это назначеніе будетъ признано абсолютно цѣннымъ, даже и само по себѣ, независимо отъ его связи съ высшимъ (недостижимымъ на землѣ благомъ); но при отсутствіи безсмертія такое назначеніе неосуществимо, а отъ этого и обязательность нравственнаго долга оказывается бессмыслицей. Оно противорѣчитъ природѣ человѣка, ибо невозможное дѣло, чтобы онъ не поддавался вліянію самыхъ разнообразныхъ мотивовъ. Часть этихъ мотивовъ всегда будетъ побуждать его къ такимъ поступкамъ, которые противорѣчатъ нравственному долгу; другая же часть вызоветъ у него такіе

поступки, которые онъ долженъ бы выполнить и въ силу нравственныхъ требованій, но онъ станетъ выполнять - то эти требованія не изъ уваженія къ нимъ, а подъ вліяніемъ указанныхъ мотивовъ (такъ, онъ будетъ ѣсть подъ вліяніемъ голода, а не нравственного разсчета, и т. п.). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ назначеніе человѣка окажется неосуществленнымъ. Лишь изрѣдка человѣкъ будетъ исполнять то, къ чему онъ назначенъ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ онъ будетъ далекъ отъ исполненія своего назначенія. А такъ какъ допущено, что нѣтъ безсмертія, то его назначеніе останется навсегда неисполнимымъ. Если же, далѣе, это назначеніе и выполнимо, то не для всѣхъ людей, а только для того человѣчества, которое еще, можетъ быть, появится въ отдаленномъ будущемъ. Поэтому обязательность нравственного долга будетъ чистѣйшею бессмыслицей для всѣхъ тѣхъ, кто уже жилъ и еще живетъ на землѣ, т.-е. для всѣхъ тѣхъ, кто сознаетъ себя не въ силахъ руководиться въ своей дѣятельности однимъ лишь уваженіемъ къ формальному нравственному закону: вѣдь, признавай или не признавай его обязательности, во всякомъ случаѣ, наше назначеніе остается недостижимымъ для насъ.

Такимъ образомъ, какъ бы мы ни рассматривали нравственный законъ (формально ли, или же приписывая ему какое - либо опредѣленное содержаніе, въ родѣ любви къ ближнему), его обязательность сохраняетъ смыслъ не иначе, какъ подъ условіемъ безсмертія: безъ этого нельзя приписывать человѣку никакого осуществимаго и въ то же время абсолютно цѣннаго назначенія. А безъ этого безусловная обязательность нравственного долга была бы чистѣйшею бессмыслицей.

Иначе выйдетъ въ томъ случаѣ, если мы допустимъ безсмертіе. При этомъ предположеніи мы можемъ вѣрить въ осуществимость всего того, что остается неосуществимымъ въ земной жизни и что необходимо для сохраненія смысла и обязательности нравственного долга. А эта вѣра была бы невозможна только въ томъ случаѣ, еслибы былъ правъ

раціонализмъ, еслибы мы были обязаны признавать, что характеръ загробной жизни составляетъ логически выводимое слѣдствіе характера земной жизни: тогда, конечно, почти все то, что существуетъ въ этой жизни (все ея зло, несовершенство, ничтожная цѣнность, неосуществимость нравственности и т. д.), перешло бы и въ ту жизнь: ибо въ слѣдствіи не можетъ быть того, чего не было въ основаніи. Но открытіе Юма разрушило раціонализмъ, а открытія Канта выяснили полнѣйшую неопровержимость (со стороны знанія) любого изъ предположеній относительно того, что лежитъ за предѣлами всякаго возможнаго опыта, въ томъ числѣ—и относительно загробной жизни.

Поэтому, безъ всякаго противорѣчія съ логикой и фактами, я въ правѣ теперь вѣрить, что исполненіе нравственнаго долга (какъ бы я ни понималъ его—формально или материально, это безразлично) служить средствомъ для достиженія осуществляющейся въ посмертной жизни и абсолютно цѣнной цѣли; что чрезъ достиженіе этой цѣли искупляется всякое зло, испытываемое и причиняемое кѣмъ бы и чѣмъ бы то ни было въ этой жизни; что это зло *чрезъ исполненіе моего назначенія* превращается (и не для меня только, а для другихъ) въ добро и въ тѣмъ большее, чѣмъ больше это зло; что это добро примирить съ испытаннымъ зломъ не только того, кто самъ претерпѣлъ его, но и всѣхъ тѣхъ, кто, служа нравственному долгу, вель, какъ будто бы, бесплодную борьбу для освобожденія міра отъ этого зла: что это зло будетъ вспоминаться и чувствоваться *всѣми*, какъ добро, и т. д. Словомъ, я могу безъ всякаго противорѣчія съ логикой и фактами допустить все то, что требуется, какъ условіе неоспоримой обязательности нравственнаго долга.

Въ чемъ именно состоитъ предполагаемая ею абсолютно цѣнная цѣль; какъ именно совершится вслѣдствіе моего служенія нравственности превращеніе (для всѣхъ и каждаго) зла въ добро; въ чемъ именно будетъ состоять послѣднее,— всего этого я могу и не знать, т.-е. могу не умѣть представить себѣ это въ наглядныхъ образахъ. Въ этомъ уже нѣтъ

никакой нужды, коль скоро я знаю, что дѣйствіе изъ причины аналитически не выводимо, а присоединяется къ ней синтетически, и что апіорныя идеи не имѣютъ обязательнаго значенія за предѣлами возможнаго опыта. Не будь у меня этого знанія, конечно, такая непредставимость и даже нѣкоторая непонятность загробной жизни могли бы внушить сомнѣнія въ ея существованіи. Представляя себѣ результаты другихъ процессовъ, я легко могъ бы потребовать нагляднаго представленія о загробной жизни, какъ результатъ земной. Но коль скоро я уже знаю, что представленіями дѣйствій и результатовъ я обязанъ не аналитическому лишь разсмотрѣнію тѣхъ процессовъ, которые порождаютъ эти результаты, а указаніямъ опыта, то я не требую такого представленія относительно того, что лежитъ за предѣлами всякаго возможнаго опыта—относительно загробной жизни. Не знай я, что законъ невозможности противорѣчія имѣетъ обязательное значеніе только въ предѣлахъ опыта, разумѣется, я затруднялся бы допустить, что прежде испытанное зло будетъ когда-либо вспоминаться и чувствоваться, какъ добро. Но если, благодаря Канту, я уже обладаю этимъ знаніемъ, — нѣтъ никакихъ затрудненій къ подобной вѣрѣ. Мой разумъ теперь уже отказывается протестовать противъ подмѣчаемаго имъ въ моей вѣрѣ противорѣчія, ибо оно касается не данныхъ мнѣ явленій, а того, что лежитъ за предѣлами всякаго возможнаго опыта.

Итакъ, для того, чтобы наше признаніе обязательности нравственнаго долга не сдѣлалось безсмыслицей, мы должны допускать, что и человѣкъ, и весь міръ назначены для какой-то достижимой и въ то же время абсолютно цѣнной цѣли. Но для подобнаго допущенія нужно еще другое: оно подразумеваетъ бытіе такого существа, которое могло бы назначить, т.-е. выбрать, такую цѣль и сдѣлать ее достижимой, т.-е. такъ создать міръ, чтобъ онъ исполнилъ свое назначеніе; короче сказать — допуская безусловную обязательность нравственнаго долга, надо допустить еще существо-

ваніе Бога, какъ творца міра, сотворившаго его ради безусловно цѣнной цѣли. Вѣдь нельзя же навѣрняка допускать назначеніе человѣка для подобной цѣли, если міровые законы не содѣйствуютъ ея достиженію, т.-е. если не назначень для той же цѣли на-ряду съ человѣкомъ также и самъ міръ (какъ эмпирической, такъ и сверхчувственный): иначе его законы могутъ не допустить даже и безсмертія. А для того, чтобы это назначеніе было навѣрняка осуществимымъ—надо, чтобы міръ былъ сотворень не иначе, какъ по замыслу разумнаго существа. Такимъ образомъ, вѣра въ обязательность нравственнаго долга требуетъ вѣры въ Бога, какъ разумнаго творца міра.

Но Богъ, дѣятельность котораго ограничивалась бы всего только тѣмъ, что Онъ сотворилъ міръ, а послѣ того предоставилъ его собственному его ходу, еще не удовлетворяетъ требованіямъ безспорной обязательности нравственнаго долга: Богъ долженъ внимать людскимъ молитвамъ и покаянію. Мы видимъ непрерывно нарушенія нравственнаго долга. Надо ли приводить примѣры? Христось былъ распятъ; проповѣдниковъ Его заповѣдей подвергали гоненіямъ и т. д. Этого мало: въ борьбѣ за то существованіе, которое (сообразно съ нашей вѣрой) намъ дано, какъ средство для достиженія абсолютно-цѣннаго назначенія, и которымъ мы поэтому не въ правѣ пренебрегать, намъ не по силамъ не уклоняться отъ нравственнаго долга. И если эти уклоненія отъ нравственнаго долга нисколько не вліяютъ на конечное назначеніе міра, то обязательность нравственнаго долга является величайшею бессмыслицей: нравственный долгъ долженъ служить тѣмъ путемъ, который вель бы насъ къ назначенной намъ цѣли; а если эта цѣль достижима и другимъ, болѣе легкимъ путемъ—путемъ нарушеній нравственнаго долга, такъ зачѣмъ же дѣлать обязательнымъ болѣе трудный путь? Если же нарушители нравственнаго долга лишаются возможности достичь той цѣли, путемъ къ которой служить исполненіе этого долга, то, значить, эта цѣль остается недостижимой для человѣчества. Во всякомъ

случаѣ, она недостижима почти для всего прошлаго и настоящаго человѣчества; лишь въ отдаленномъ будущемъ, можетъ быть, сдѣлается она достижимой для всѣхъ, а не для нѣкоторыхъ. А въ такомъ случаѣ, обязательность нравственности снова утрачиваетъ свой смыслъ, какъ это мы уже говорили: нельзя считать обязательными тѣхъ путей, которые ведутъ къ недостижимой цѣли.

Какой же выходъ изъ этого противорѣчія долга съ фактомъ, да еще съ фактомъ прошлымъ? Вѣдь какъ ни прогрессируй человѣчество въ отдаленномъ будущемъ, а прошлаго не вычеркнешь. Отсюда, для спасенія обязательности нравственнаго долга есть только одинъ выходъ: надо, чтобы само же человѣчество обладало средствомъ искупить свое прошлое; а для этого надо, чтобы Богъ внималъ покаянію каждаго человѣка за его собственные грѣхи и его молитвамъ за чужіе грѣхи, и надо, чтобы—чѣмъ праведнѣе человѣкъ, чѣмъ ближе онъ къ святости, тѣмъ дѣйствительнѣе была его молитва за грѣхи міра. Только при такомъ условіи будущей прогрессъ нравственности исцѣлитъ все прежнее зло, не дѣлая въ то же время обязательности нравственнаго долга излишней, безсмысленной. Если я, подвизаясь въ нравственности, могу надѣяться спасти не только все живущее теперь, но даже и все прежде жившее на землѣ, то я въ правѣ разсматривать нравственный долгъ, какъ всеобще-обязательный: въ противномъ же случаѣ, онъ будетъ дѣломъ моего личнаго каприза *).

*) Оригенъ училъ, что спасутся не только всѣ грѣшники, какъ бы ни были велики ихъ грѣхи, но что даже и дѣволъ будетъ восстановленъ въ своемъ прежнемъ достоинствѣ: вѣчное же наказаніе грѣшниковъ будетъ карой не для нихъ самихъ (они то, пожалуй, рады будутъ искупить свое зло; вѣдь и на землѣ часто добровольно передаютъ себя наказанію), а для праведниковъ, вынужденныхъ сознать свое безсиліе спасти грѣшниковъ. А не свидѣтельствуемъ ли это ученіе о томъ, что у людей среди другихъ нравственныхъ потребностей есть также и потребность во *всеобщемъ* спасеніи? Другое свидѣтельство существованія подобной потребности можно найти у Достоевскаго, психологическій даръ котораго никѣмъ не оспаривается. Выводимый имъ старецъ Зосима (въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“) проповѣдуетъ ученіе, что всякій

Богъ долженъ внимать нашимъ молитвамъ; Онъ долженъ не только создать міръ, но послѣ того еще блюсти его, исполнять внушенныя нравственностью молитвы, — исполнять если не здѣсь, то въ какомъ-нибудь другомъ сверхъчужденномъ мірѣ. Богъ деиствовъ, Богъ, создавшій міръ и послѣ того покинувшій его, пребывая гдѣ-то, въ мѣстѣ, недоступномъ для молитвъ челоуѣка, никому не нуженъ, потому что *такой* Богъ не имѣетъ ни малѣйшаго нравственнаго значенія. *Такой* Богъ по той роли, которую онъ играетъ въ нравственной жизни, ровно ничѣмъ не отличается отъ бездушнаго камня, которому фетишисты воздаютъ божескія почести. Какъ, скажутъ намъ, да вѣдь этотъ Богъ обусловливаетъ существованіе того самаго міра, который служитъ поприщемъ нашей нравственной дѣятельности; значить, Онъ во всякомъ случаѣ долженъ быть предметомъ нашего почтенія? Хорошо; но въ такомъ случаѣ, точно такого же почтенія заслуживаетъ и всякій камень: вѣдь, и про него тоже можно сказать, что онъ обусловливаетъ существованіе нашего міра, что послѣдній не могъ бы существовать безъ него. Въ самомъ дѣлѣ, если Богъ создалъ міръ по какому-нибудь опредѣленному плану, а въ созданномъ Имъ мірѣ оказался какой-нибудь камень, то это показываетъ, что этотъ самый камень входилъ въ составъ того плана, по которому былъ созданъ міръ, что избранный Богомъ планъ нуждался въ существованіи камня; слѣдовательно, безъ этого камня былъ бы не тотъ міръ, который былъ дѣйствительно созданъ, а какой-нибудь другой, такъ что существующій міръ обязанъ своимъ существованіемъ, на-ряду съ Богомъ, также и любому камню. Поэтому, если отъ насъ требуется по-

---

виновать за всѣхъ; но самъ онъ не поясняетъ, въ чемъ именно состоитъ вина каждаго за другихъ. А это становится вполне яснымъ и необходимымъ, какъ только мы примемъ въ расчетъ, что въ составъ нравственныхъ требованій входитъ потребность имѣть возможность спасти другихъ своей нравственностью и обязательность осуществлять это спасеніе другихъ: при такихъ условіяхъ я могу и долженъ искупать не только свои грѣхи, но и грѣхи чужіе; если же я своей нравственностью могу очистить чужіе грѣхи, но не дѣлаю этого, то я, понятно, отвѣчаю за нихъ.

читаніе того Бога, который, создавъ міръ, послѣ того остался какъ бы мертвымъ для него, замкнулся самъ въ себѣ и не внимаетъ людскимъ молитвамъ, то мы готовы его почитать, но только съ тѣмъ условіемъ, что въ точно такой же степени заслуживаетъ этого почитанія и любой камень. Нравственная цѣна имъ одна и та же. Въ такого Бога, въ Бога мертваго или глухого, конечно, можно вѣровать безъ всякаго противорѣчія съ логикой и фактами; но для такой вѣры нужны иные мотивы, чѣмъ тѣ, которые вынуждаютъ насъ вѣровать въ Бога живого, внимающаго людямъ; для вѣры въ Бога мертваго нужны, напримѣръ, привычка къ вѣрѣ въ Бога, удобство разсматривать міръ—какъ сотворенный разумнымъ существомъ, и т. п. Словомъ, вѣра въ Бога мертваго будетъ вѣрой суетной и не похожей на вѣру въ Бога живого.

Конечно, связь нравственныхъ требованій съ вѣрой въ Бога живого и въ безсмертіе души мы доказали далеко не строго; мы всего только намѣтили ее. Но для нашей цѣли и не нужны полныя и непоколебимыя доказательства; для насъ вполне достаточны такіе доводы въ пользу существованія связи вѣры въ какіе-либо догматы съ нравственными требованіями, которые были бы болѣе или менѣе вѣроятными. Вѣдь, наша задача состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы оправдать или систематически развить содержаніе того или другого вида вѣры, но—всего лишь въ томъ, чтобы очертить разницу тѣхъ видовъ вѣры, которые могутъ быть признаны въ ней, если разсматривать ее съ точки зрѣнія ея отношеній къ знанію. Поэтому мы въ правѣ ограничиться тѣмъ указаніемъ, что наряду съ вѣрой суетной можетъ быть допущена еще такая вѣра, которую (такъ же, какъ и суетную), разумъ находитъ не противорѣчащей ни логикѣ, ни фактамъ опыта, но которая въ то же время отличается отъ суетной вѣры тѣмъ, что возникаетъ и поддерживается подъ вліяніемъ мотивовъ высокой цѣнности, а отнюдь не суетнаго характера. Мы указали только два догмата этой вѣры (безсмертіе души и существованіе *живого* Бога); конечно, ихъ можетъ оказаться

гораздо больше; но намъ незначѣмъ перечислять ихъ, ибо это выходитъ за предѣлы нашей задачи. Намъ нужны лишь примѣры, а не система догматовъ.

Итакъ, послѣ того, какъ разумъ челоѣчества стать критически относиться не только къ догматамъ вѣры, но и къ самому себѣ, приходится допустить четыре вида вѣры, разсматриваемой въ ея отношеніяхъ къ знанію: наивная, слѣпая, суетная и та, которую мы только-что описали. Два послѣднихъ вида, отличаясь другъ отъ друга (по характеру тѣхъ мотивовъ, которые вынуждаютъ насъ изъ всѣхъ, допускаемыхъ критическимъ разсудкомъ, догматовъ признавать такіе, а не другіе), въ то же время имѣютъ между собой ту сходную черту, что догматы той и другой вѣры признаются со стороны критическаго разсудка неопровержимыми, нисколько не противорѣчащими ни логикѣ, ни фактамъ. Это—два вида, соподчиненные одному и тому же роду (именно—роду вѣры, разсмотрѣнной и допущенной критическимъ разсудкомъ), который въ свою очередь соподчиненъ, на-ряду съ вѣрой наивной и слѣпой, общему для всѣхъ нихъ роду „вѣры“. И вотъ, этому-то четвертому виду вѣры вполне подходитъ имя *вѣры сознательной*; такъ мы ее и будемъ называть. Она сознательна не только потому, что сопровождается знаніемъ своей неопровержимости, своихъ мотивовъ и ихъ высокой цѣнности, но главнѣе всего—вслѣдствіе сознанія, что она—вѣра, а не знаніе, между тѣмъ какъ другіе виды вѣры очень часто, даже въ большинствѣ случаевъ, смѣшиваютъ себя съ знаніемъ. Такъ, вѣра наивная нисколько не отличаетъ себя отъ знанія. То же самое нужно сказать и про многіе случаи суетной вѣры: напримѣръ, матеріалисты обыкновенно считаютъ свою вѣру въ матеріалистическіе догматы знаніемъ. Да и вѣра слѣпая зачастую надѣется превратиться въ знаніе: по крайней мѣрѣ, схоласты не малое время питали такія надежды; а развѣ между ними не было представителей слѣпой вѣры?

Не трудно замѣтить, что при нашемъ подраздѣленіи вѣры, разсматриваемой съ точки зрѣнія ея отношеній къ

знанію, на три главныхъ рода (изъ которыхъ одинъ въ свою очередь подраздѣленъ еще дальше на два вида—на вѣру суетную и сознательную), мы не сдѣлали никакихъ пропусковъ и не ввели такихъ членовъ дѣленія, которые совпадали бы другъ съ другомъ. Конечно, каждый изъ указанныхъ видовъ можно подраздѣлять еще дальше, и могутъ быть различные случаи смѣшанной вѣры: такъ, на примѣръ, легко могутъ найтись такіе люди, которые въ одну часть догматовъ вѣруютъ наивно, въ другую—слѣпо, въ третью—суетно, а въ четвертую—сознательно. Все это вполне возможно. Но если разсматривать одни лишь основные виды вѣры, и притомъ въ ихъ чистомъ видѣ (не смѣшанными между собой), то ихъ окажется только три, ни болѣе, ни менѣе: 1) наивная, 2) слѣпая и 3) допущенная критическимъ разсудкомъ (которая обнимаетъ и суетную, и сознательную). Въ этомъ легко убѣдиться путемъ методически проведеннаго логическаго дѣленія. Сдѣлаемъ это.

Что такое вѣра? Увѣренность, исключаяющая состояніе сомнѣнія. Состояніе, *психологически* (а не логически) противоположное вѣрѣ, есть не невѣріе (оно тоже составляетъ *увѣренность* въ ошибочности какой-либо вѣры), а сомнѣніе; вѣра есть состояніе, исключаяющее сомнѣніе. Но эта увѣренность не совпадаетъ съ знаніемъ, такъ что мы можемъ охарактеризовать вѣру, какъ *состояніе, исключаяющее сомнѣнія иначе, чѣмъ это дѣлается при знаніи*. И вотъ, спрашивается: во сколькихъ видахъ можетъ явиться *такое* исключеніе сомнѣній, если разсматривать это состояніе съ точки зрѣнія его отношеній къ разсудку? Явно, что понятіе состоянія такой увѣренности (или такого исключенія сомнѣній), разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, на первыхъ порахъ можетъ быть подраздѣлено только на два вида; ибо критическая дѣятельность разсудка можетъ оказаться только въ одномъ изъ двухъ состояній: или еще непробудившейся, или уже пробудившейся. Въ первомъ случаѣ получится то самое, что мы назвали вѣрой наивной. Что же касается до второго рода, то онъ въ свою очередь, очевидно, распадается только на два вида. Весь онъ

характеризуется тѣмъ, что сомнѣнія въ догматахъ вѣры оказываются устраненными уже *послѣ* пробужденія критической дѣятельности разсудка. Но это устраненіе можетъ быть произведено двумя, и только двумя путями: разсудокъ отказывается отъ своихъ сомнѣній или добровольно (т.-е., оцѣнивая критически наши познанія, онъ находитъ догматы вѣры неопровержимыми), или же недобровольно (т.-е. его сомнѣнія заглушаются насильственно). Въ послѣднемъ случаѣ, получается вѣра слѣпая, а въ первомъ—вѣра, разсмотрѣнная и допущенная критическимъ разсудкомъ, которая въ свою очередь, въ зависимости отъ цѣнности ея мотивовъ, распадается на вѣру суетную и сознательную. Такимъ образомъ, въ нашемъ подраздѣленіи нѣтъ ни пропусковъ, ни лишнѣхъ, совпадающихъ другъ съ другомъ, видовъ.

А такъ какъ наша цѣль состояла именно въ томъ, чтобы опредѣлить возможные виды отношенія вѣры къ знанію, то мы можемъ считать свою задачу оконченной. Наряду съ вѣрой наивной и слѣпой есть такая вѣра, которая будетъ вполне прочной, ибо права ея признаются критическимъ разсудкомъ, и въ то же время цѣнной, во всякомъ случаѣ, такой, что ее нельзя называть явленіемъ ненормальнымъ или нежелательнымъ; это—вѣра сознательная. Ея часто не замѣчаютъ; но это происходитъ не оттого, чтобъ ея не было, а оттого, что недостаточно критически относятся къ знанію, именно,—съ знаніемъ смѣшиваютъ вѣру, считаютъ ее за знаніе. И если эта вѣра, ошибочно принимаемая за знаніе, будетъ противорѣчить сознательной вѣрѣ, то послѣдняя, разумѣется, покажется невозможной, т.-е. такой, которая отрицается нашимъ знаніемъ. Такъ, на примѣръ, матеріализмъ считаетъ матеріалистическіе догматы знаніемъ; поэтому вѣра сознательная должна ему казаться противорѣчащей знанію. Такою же она должна казаться и всѣмъ тѣмъ, кто составляетъ понятіе о „вещахъ въ себѣ“ посредствомъ простаго удвоенія міра явленій, т.-е. посредствомъ ничѣмъ непровѣреннаго, а принятаго на вѣру, перенесенія на вещи въ себѣ всѣхъ тѣхъ принциповъ, которые имѣютъ

обязательное значеніе въ міръ явленій. Но и материализмъ, и подобное перенесеніе принциповъ міра явленій на вещи въ себѣ, все это—вѣра, а не знаніе. И то и другое считается знаніемъ только до тѣхъ поръ, пока мы не распространяемъ сомнѣній критическаго разсудка на него самого, на построенное имъ знаніе. Но какъ только къ различнымъ видамъ знанія присоединяется и критическое знаніе, какъ только тщательно оцѣниваются условія возможности и предѣлы достовѣрнаго познанія, такъ тотчасъ же становится вполне возможною, наряду съ другими видами вѣры, и вѣра сознательная.

Въ заключеніе намъ слѣдуетъ отвѣтить еще на одинъ вопросъ: „у кого же можетъ быть сознательная вѣра? Повидимому, ею могутъ обладать только одни критическіе философы; а неужели вѣра всѣхъ остальныхъ людей будетъ, если не суетной, то или наивной, или слѣпой?“ Это невѣрно. Не надо забывать, что, кромѣ *дискурсивнаго* знанія о чемъ бы то ни было (въ томъ числѣ, и о предѣлахъ достовѣрнаго познанія), которое добирается до своихъ выводовъ не иначе, какъ проходя шагъ за шагомъ всѣ ведущія къ нимъ промежуточные звенья, есть еще другое—*интуитивное*, посредствомъ котораго умъ или движется скачками, дѣлая крупные прыжки, черезъ нѣсколько логическихъ звеньевъ, или даже прямо, непосредственно, т.-е. безъ всякихъ промежуточныхъ разсужденій, усматриваетъ одинъ лишь ихъ окончательный результатъ. Необходимость послѣдняго въ этихъ случаяхъ не столько понимается, сколько *чувствуется* *). Обыкновенно даже свои выводы (особенно же новые и оригинальные) мы усматриваемъ сперва интуитивно. На первыхъ порахъ они

*) Множество примѣровъ этого интуитивнаго мышленія см., кромѣ другихъ сочиненій, особенно у Карпентера во 2-мъ т. (русскаго перевода) его „Физиологіи ума“ въ главѣ „о здоровомъ смыслѣ“, а также почти у всѣхъ философовъ „бессознательнаго“, на примѣръ, у Гартмана въ его „Philosophie des Unbewussten“, въ главахъ, посвященныхъ указанію дѣйствія „бессознательнаго“ въ мышленіи и дѣятельности. У послѣднихъ, въ ихъ указаніяхъ, нужно только отбросить мистическое ученіе о „бессознательномъ“ и получатся чисто эмпирико-психологическіе примѣры интуитивнаго мышленія.

возникають только въ видѣ смутнаго предчувствія, что вотъ здѣсь, въ этомъ вопросѣ или на этомъ пути мысли есть что-то новое для насъ, новое или въ томъ смыслѣ, что оно упразднить какой-нибудь прежній взглядъ, или же въ томъ, что пополнить его новыми чертами; а потомъ, усмотрѣвъ это новое, мы начинаемъ *чувствовать* его правоту. И лишь послѣ этого, зная по прежнему опыту, что интуитивные выводы бываютъ часто ошибочными, мы провѣряемъ ихъ дискурсивнымъ путемъ*). Потому-то философы, думающіе, что воля составляетъ сокровенную сущность души, или вообще приписывающіе волѣ главенствующее значеніе въ природѣ души, и доходятъ до утвержденія, будто бы мы въ признаваемой нами мысли убѣждаемся чаще всего тѣмъ путемъ, что *хотимъ*, чтобъ она имѣла значеніе и поэтому принимаемъ ее заранѣе, еще безъ доказательствъ (ибо она намъ по душѣ, удовлетворяетъ нашу волю), а потомъ, уже принявъ ее, стараемся ее оправдать (какъ желательную для насъ) и подыскиваемъ для нея соотвѣтствующіе доводы (причемъ при этихъ попыткахъ часто убѣждаемся, что сначала мы неправильно поняли свои истинныя желанія). Эти философы, правильно подмѣтивъ въ себѣ фактическія отношенія интуитивнаго мышленія къ дискурсивному, истолковываютъ ихъ въ духѣ своихъ трансцендентно-метафизическихъ гипотезъ внутренняго опыта **).

*) Это знаніе небезопасности интуитивныхъ выводовъ пріобрѣтается особенно легко подъ вліяніемъ образованности или вообще расширенія свѣдѣній. Въ этомъ и состоитъ психологическая причина, почему люди, чуждые образованію, или же вообще люди съ узкимъ опытомъ и ограниченными свѣдѣніями, отличаются такой своеобразной, легкомысленною логикой (обыкновенно такъ думаютъ только про женщинъ; но это невѣрно, и эта особенность наблюдается у всѣхъ — въ большей или меньшей зависимости отъ разницы въ развитіи чловѣка): „мнѣ такъ кажется“, „я въ этомъ убѣжденъ“, „да я вижу, что не можетъ быть иначе“ и т. п. — вотъ ихъ *ultima ratio*, и для нихъ, какъ будто, излишни всякіе другіе доводы. Причина этой особенности въ томъ, что они еще не имѣли достаточно случаевъ убѣдиться на дѣлѣ, какъ опасно довѣрять интуитивнымъ выводамъ безъ всякой дискурсивной провѣрки, да и не привыкли къ способамъ ея употребленія и потому тяготятся ею.

**) Въ русской философіи представителемъ такого взгляда былъ М. И. Вла-

Кромѣ прирожденныхъ индивидуальныхъ особенностей, интуитивное мышленіе и количественно (въ смыслѣ частоты наступленія его приговоровъ и сферы объектовъ, на которыя оно распространяется) и качественно (въ смыслѣ увеличенія шансовъ на безошибочность его выводовъ) зависитъ также и отъ различныхъ другихъ условій. Въ числѣ послѣднихъ, кромѣ привычки размышлять, количества опыта и т. д., находятся еще также любовь къ истинѣ, нравственная выдержка и т. п. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что многіе люди, не будучи философами, но привыкшіе искать правды и задумываться надъ нашимъ познаніемъ (хотя они и не анализируютъ его методически и всесторонне, какъ это дѣлаетъ критическій философъ), придутъ къ такимъ же результатамъ относительно взаимоотношеній вѣры и знанія, къ какимъ приходитъ и критическая философія. Все то, что она высказываетъ по поводу этого вопроса въ точныхъ, словесно-выраженныхъ, формулахъ и что доказываетъ и выводитъ строго логическимъ, т.-е. дискурсивнымъ, путемъ, этими лицами будетъ усматриваться интуитивно: размышляя объ этихъ положеніяхъ, они будутъ не столько доказывать, сколько *чувствовать* ихъ правоту. Поэтому такія положенія сдѣлаются ихъ твердыми убѣжденіями, на которыхъ они и будутъ строить свое міровоззрѣніе.

Въ этомъ случаѣ повторится то же явленіе, которое мы наблюдаемъ у многихъ ученыхъ, не принадлежащихъ къ числу философовъ. Сплошь да рядомъ они съ большою чуткостью усматриваютъ тѣ предѣлы, до которыхъ можетъ простирается въ ихъ области эмпирическое познаніе, и стараются удерживаться въ нихъ, т.-е. тщательно исключаютъ изъ области своихъ изслѣдованій трансцендентно-метафизическіе

диславлевъ. А изъ этого взгляда вытекаютъ своеобразные выводы объ отвѣтственности за наши убѣжденія, научныя положенія, мнѣнія и т. п. (что и не ускользнуло отъ вниманія Владиславлева). Отсюда видно, какъ важно было бы установить точное и чисто эмпирическое ученіе объ интуитивномъ мышленіи. Къ сожалѣнію, такого ученія еще нѣтъ, и взаимно этого на каждомъ шагѣ мы встрѣчаемся съ мистикой „безсознательнаго“.

вопросы, несмотря на весь тотъ соблазнъ—взяться за эти вопросы, которому часто подвергаютъ ихъ нѣкоторыя науки. Неужели же всѣ физиологи, которые умѣютъ воздерживаться отъ вопросовъ о сущности души и не примѣшиваются къ физиологіи ни матеріализма, ни спиритуализма, умѣютъ это сдѣлать, лишь благодаря изученію критической философіи? Не вѣроятнѣ ли, что, благодаря различнымъ условіямъ, многіе изъ нихъ сами (безъ помощи методической философіи) узнали границы эмпирическаго познанія посредствомъ интуитивнаго мышленія.

И вотъ, спрашивается: если у кого-нибудь вѣра опирается, съ одной стороны, на требованія нравственнаго чувства, а съ другой, на интуитивно-добытое знаніе границъ достовѣрнаго познанія, то къ какому виду принадлежитъ такая вѣра? Конечно, она не будетъ столь сознательной (а потому столь прочной и столь очищенной отъ примѣси вѣры другихъ родовъ), какъ вѣра критическаго философа,—она будетъ какъ бы полусознательной. Но, во всякомъ случаѣ, ее надо причислять не къ вполнѣ наивной и не къ слѣпой, а скорѣе къ сознательной вѣрѣ: она составляетъ переходъ отъ чисто-наивной вѣры (ибо критическая дѣятельность разсудка уже пробудилась) къ чисто-сознательной (ибо эта дѣятельность еще не достигла своей высшей степени развитія, до которой она доходитъ посредствомъ методическаго изученія критической философіи). Разумѣется, эта переходная ступень можетъ быть и ближе къ чисто-сознательной вѣрѣ, и дальше отъ нея. Но тотъ, у кого уже пробудилась критическая и скептическая дѣятельность разсудка и кто обладаетъ только что описанной вѣрой, очевидно, всегда стоитъ ближе къ чисто-сознательной вѣрѣ, чѣмъ къ наивной: вѣдь, возвратъ къ наивному состоянію уже невозможенъ. Вотъ почему тѣ случаи вѣры, при которыхъ она возбуждается подъ влияніемъ нравственныхъ требованій и опирается на интуитивное знаніе границъ человѣческаго познанія, надо относить къ различнымъ степенямъ сознательной вѣры.

Александръ Введенскій.

Смыслъ любви.

(Статья пятая).

I.

Невольное и непосредственное чувство открываетъ намъ смыслъ любви, какъ высшаго проявленія индивидуальной жизни, находящей въ соединеніи съ другимъ существомъ свою собственную безконечность. Не довольно ли этого мгновеннаго откровенія? Развѣ мало, хотя разъ въ жизни, дѣйствительно почувствовать свое безусловное значеніе?—

И я знаю, взглянувши на звѣзды порой,
Что взирали на нихъ мы, какъ боги, съ тобой.

Едва ли этого довольно даже для одного поэтическаго чувства, а *сознаніе истины* и *воля жизни* рѣшительно на этомъ помириться не могутъ. Безконечность только *миновенная* есть противорѣчіе нестерпимое для ума, блаженство только въ прошедшемъ есть страданіе для воли. Есть тѣ проблески иного свѣта, послѣ которыхъ

Еще темнѣе мракъ жизни вседневной,
Какъ послѣ яркой осенней зарницы.

Если они только обманъ, то и въ воспоминаніи они могутъ вызывать только стыдъ и горечь разочарованія; а если они не были обманомъ, если они открывали намъ какую-то дѣйствительность, которая потомъ закрылась и исчезла для насъ, то почему же должны мы мириться съ этимъ исчез-

новеніемъ? Если то, что потеряно, было истиннымъ, тогда задача сознанія и воли не въ томъ, чтобы принять потерю за окончательную, а въ томъ, чтобы понять и устранить ея причины.

Ближайшая причина (какъ было отчасти показано въ предыдущей статьѣ) состоитъ въ извращеніи самого любовнаго отношенія. Это начинается очень рано: едва только первоначальный паеосъ любви успѣетъ показать намъ край иной лучшей дѣйствительности—съ другимъ принципомъ и закономъ жизни, какъ мы сейчасъ же стараемся воспользоваться подъемомъ энергіи, вслѣдствіе этого откровенія, не для того, чтобъ идти дальше, куда оно зоветъ насъ, а только для того, чтобы покрѣпче укорениться и попрочнѣе устроиться въ той прежней дурной дѣйствительности, надъ которою любовь только-что приподняла насъ; добрую вѣсть изъ потеряннаго рая,—вѣсть о возможности его возвращенія,—мы принимаемъ за приглашеніе окончательно *натурализоваться* въ землѣ изгнанія, поскорѣе вступить въ полное и потомственное владѣніе своимъ маленькимъ участкомъ со всѣми его волчками и терніями; тотъ разрывъ личной ограниченности, который знаменуетъ любовную страсть и составляетъ ея основной смыслъ, приводитъ на дѣлѣ только къ *эгоизму вдвоемъ*, потомъ *втроемъ* и т. д. Это, конечно, все-таки лучше, чѣмъ эгоизмъ въ-одиночку, но разсвѣтъ любви открывалъ совсѣмъ иные горизонты.

Какъ скоро жизненная сфера любовнаго соединенія перенесена въ матеріальную дѣйствительность, какова она есть, такъ сейчасъ же соотвѣтственнымъ образомъ извращается и самый порядокъ соединенія. Его „нездѣшняя“, мистическая основа, которая такъ сильно давала о себѣ знать въ первоначальной страсти, забывается, какъ мимолетная экзальтація, а самымъ желательнымъ, существенною цѣлью и вмѣстѣ первымъ условіемъ любви признается то, что должно быть лишь ея крайнимъ, обусловленнымъ проявленіемъ. Это послѣднее—физическое соединеніе, поставленное на мѣсто перваго и лишенное такимъ образомъ сво-

Его *человѣческаго* смысла, возвращенное къ смыслу животному, — дѣлаетъ любовь не только безсильною противъ смерти, но само неизбежно становится нравственною могилою любви гораздо раньше, чѣмъ физическая могила возьметъ любящихъ.

Прямое личное противодѣйствіе такому порядку труднѣе для исполненія, нежели для пониманія: его можно указать въ нѣсколькихъ словахъ. Чтобъ упразднить этотъ дурной порядокъ жизненныхъ явленій, нужно прежде всего признать его ненормальнымъ, утверждая тѣмъ самымъ, что есть другой, нормальный, въ которомъ все внѣшнее и случайное подчинено внутреннему смыслу жизни. Такое утверждение не должно быть голословно; опыту внѣшнихъ чувствъ долженъ быть противопоставленъ не отвлеченный принципъ, а другой опытъ — *опытъ вѣры*. Этотъ послѣдній несравненно труднѣе перваго, ибо онъ обусловленъ болѣе внутреннимъ дѣйствіемъ, нежели воспріятіемъ извнѣ. Только послѣдовательными актами сознательной вѣры входимъ мы въ дѣйствительное соотношеніе съ областью истинно-сущаго, а чрезъ это въ истинное соотношеніе съ нашимъ „другимъ“; только на этомъ основаніи можетъ быть удержана и укрѣплена въ сознаніи та безусловность для насъ другого лица (а слѣдовательно, и безусловность нашего соединенія съ нимъ), которая непосредственно и безотчетно открывается въ паеосѣ любви; ибо этотъ любовный паеосъ приходитъ и проходить, а вѣра любви остается.

Но, чтобы не оставаться мертвою вѣрой, ей нужно непрерывно себя отстаивать противъ той дѣйствительной среды, гдѣ бессмысленный случай созидаетъ свое господство на игрѣ животныхъ страстей и еще худшихъ страстей человѣческихъ. Противъ этихъ враждебныхъ силъ у вѣрующей любви есть только оборонительное оружіе — терпѣніе до конца. Чтобы заслужить свое блаженство, она должна взять крестъ свой. Въ нашей матеріальной средѣ нельзя сохранить истинную любовь, если не понять и не принять ее какъ нравственный подвигъ. Не даромъ православная церковь въ

своемъ чинѣ брака поминаетъ святыхъ мучениковъ и къ ихъ вѣнцамъ приравниваетъ вѣнцы супружескіе.

Религіозная вѣра и нравственный подвигъ охраняютъ индивидуальнаго человѣка и его любовь отъ поглощенія матеріальною средой во время его жизни, но не даютъ еще ему торжества надъ смертію. Внутреннее перерожденіе любовнаго чувства, исправленіе извращенныхъ отношеній любви не исправляетъ и не отмѣняетъ дурнаго закона физической жизни не только во вѣншемъ мірѣ, но и въ самомъ человѣкѣ. Онъ *реально* остается по прежнему ограниченнымъ существомъ, подчиненнымъ матеріальной природѣ. Внутреннее—мистическое и нравственное—соединеніе его съ дополняющею индивидуальностью не можетъ одолѣть ни ихъ взаимной отдѣльности и непроницаемости, ни общей зависимости ихъ отъ вещественнаго міра. Послѣднее слово остается не за нравственнымъ подвигомъ, а за безпощаднымъ закономъ органической жизни и смерти, и люди, до конца отстаивавшіе вѣчный идеалъ, умираютъ съ человѣческимъ достоинствомъ, но съ животнымъ безсиліемъ.

Пока индивидуальный подвигъ ограничивается только своимъ ближайшимъ предметомъ—исправленіемъ личнаго извращеннаго отношенія между двумя существами,—онъ необходимо останется безъ окончательнаго успѣха и въ этомъ своемъ прямомъ дѣлѣ. Ибо то зло, съ которымъ сталкивается истинная любовь, — зло матеріальной отдѣльности, непроницаемости и вѣшняго противоборства двухъ существъ, внутренне восполняющихъ другъ друга, — это зло есть частный, хотя и типичный, случай общаго извращенія, которому подвержена наша жизнь, и не только наша, но и жизнь всего міра.

Дѣйствительно спастись, т.-е. возродить и увѣковѣчить свою индивидуальную жизнь въ истинной любви, единичный человѣкъ можетъ только сообща или вмѣстѣ со всѣми. Онъ имѣетъ право и обязанность отстаивать свою индивидуальность отъ дурнаго закона общей жизни, но не отдѣлять свое благо отъ истиннаго блага всѣхъ живущихъ. Изъ того,

что самое глубокое и интензивное проявление любви выражается во взаимоотношеніи двухъ восполняющихъ другъ друга существъ, никакъ не слѣдуетъ, чтобы это взаимоотношеніе могло отдѣлять и обособлять себя отъ всего прочаго, какъ нѣчто самодовлѣющее; напротивъ, такое обособленіе есть гибель любви, ибо само по себѣ половое отношеніе, при всемъ своемъ субъективномъ значеніи, оказывается (объективно) лишь преходящимъ, эмпирическимъ явленіемъ. Точно также изъ того, что совершенное соединеніе такихъ единичныхъ существъ останется всегда основною и истинною формою индивидуальной жизни, вовсе не слѣдуетъ, что эта, замкнутая въ своемъ индивидуальномъ совершенствѣ, жизненная форма должна пребывать пустою, когда она, напротивъ, по самой природѣ челоуѣка, способна и предназначена наполняться универсальнымъ содержаніемъ. Наконецъ, если нравственный смыслъ любви требуетъ воссоединенія того, что неправомерно раздѣлено, требуетъ отождествленія себя и другого, то отдѣлять задачу нашего индивидуальнаго совершенства отъ процесса всемірнаго объединенія было бы противно самому этому нравственному смыслу любви, еслибы даже такое отдѣленіе было физически возможно.

II.

Такимъ образомъ, всякая попытка уединить и обособить индивидуальный процессъ возрожденія въ истинной любви встрѣчается съ тройнымъ неодолимымъ препятствіемъ, поскольку наша индивидуальная жизнь со своею любовью, отдѣленная отъ процесса жизни всемірной, неизбѣжно оказывается, во-первыхъ, физически несостоятельной, безсильной противъ времени и смерти, затѣмъ, умственно пустою, безсодержательной, и, наконецъ, нравственно-недостойной. Если фантазія перескакиваетъ черезъ физическое и логическое препятствіе, то и она должна остановиться передъ нравственною невозможностью.

Предположимъ нѣчто совершенно фантастическое,—предположимъ, что какой-нибудь челоуѣкъ такъ усилилъ свой

духъ послѣдовательнымъ сосредоточеніемъ сознанія и воли и такъ очистилъ свою тѣлесную природу аскетическимъ подвигомъ, что дѣйствительно возстановилъ (для себя и для своего дополнительнаго „другого“) истинную цѣлость чело-вѣческой индивидуальности, достигъ полного одухотворенія и безсмертія. Будетъ ли эта возрожденная индивидуальность наслаждаться своимъ одинокимъ блаженствомъ въ той средѣ, гдѣ все по-прежнему страдаетъ и гибнетъ? Но пойдѣмъ еще дальше. Пусть эта переродившаяся чета получила способность сообщать всѣмъ другимъ свое высшее состояніе; это, конечно, невозможно, поскольку оно обусловлено личнымъ нравственнымъ подвигомъ, но пусть это будетъ что-нибудь въ родѣ философскаго камня, или жизненнаго эликсира. И вотъ, всѣ живущіе на землѣ исцѣлены отъ своихъ золь и болѣзней, всѣ свободны и безсмертны. Но чтобы быть при этомъ счастливыми, имъ нужно еще одно условіе: они должны забыть своихъ отцовъ, забыть настоящихъ виновниковъ этого своего благополучія, потому что какое бы фантастическое значеніе ни приписывалось личному подвигу, все-таки нужно было, чтобы тысячи и тысячи поколѣній своимъ совокупнымъ собирательнымъ трудомъ создали ту культуру, тѣ нравственныя и умственныя построенія, безъ которыхъ задача индивидуальнаго перерожденія не могла бы быть не только исполнена, но и задумана. И эти миллиарды людей, положившихъ свою жизнь за другихъ, будутъ глѣть въ своихъ могилахъ, а ихъ праздные потомки будутъ равнодушно наслаждаться своимъ даровымъ счастьемъ! Но это предполагало бы нравственное одичаніе и даже хуже, потому что и дикари чтутъ своихъ предковъ и сохраняютъ общеніе съ ними. Какимъ же образомъ окончательное и высшее состояніе чело-вѣчества можетъ быть основано на несправедливости, неблагодарности и забвеніи? Человѣкъ, достигшій высшаго совершенства, не можетъ принять такого недостойнаго дара; если онъ не въ состояніи вырвать у смерти *всю* ея добычу, онъ лучше откажется отъ безсмертія.

«Разбей этотъ кубокъ, въ немъ злая отравѣ таится».

Къ счастью, все это—только произвольная и праздная фантазія, и до такого трагическаго испытанія *нравственной* солидарности въ человѣчествѣ дѣло никогда не дойдетъ въ силу *естественной* солидарности нашей съ цѣлымъ міромъ,— въ силу физической невозможности *частнаго* рѣшенія жизненной задачи отдѣльнымъ человѣкомъ или отдѣльнымъ поколѣніемъ. Наше перерожденіе неразрывно связано съ перерожденіемъ вселенной, съ преобразованіемъ ея формъ пространства и времени. Истинная жизнь индивидуальности, въ ея полномъ и безусловномъ значеніи осуществляется и увѣковѣчивается только въ соответствующемъ развитіи всемірной жизни, въ которомъ мы можемъ и должны дѣятельно участвовать, но которое не нами создается. Наше личное дѣло, поскольку оно истинно, есть общее дѣло всего міра,—реализація и индивидуализація всеединой идеи и одухотвореніе матеріи. Оно подготавливается космическимъ процессомъ въ природномъ мірѣ, продолжается и совершается историческимъ процессомъ въ человѣчествѣ. Наше *невѣдѣніе* о всесторонней связи конкретныхъ частныхъ въ единствѣ цѣлаго оставляетъ намъ при этомъ свободу дѣйствій, которая со всѣми ея послѣдствіями уже отъ вѣка вошла въ абсолютный всеобъемлющій планъ.

Всеединая идея можетъ окончательно реализоваться или воплотиться только въ полнотѣ совершенныхъ индивидуальностей, значить, послѣдняя цѣль всего дѣла есть высшее развитіе каждой индивидуальности въ полнѣйшемъ единствѣ всѣхъ, а это необходимо включаетъ въ себя и нашу жизненную цѣль, которую намъ, слѣдовательно, нѣтъ ни побужденія, ни возможности отдѣлять или обособлять отъ цѣли всеобщей. Мы нужны міру столько же, сколько и онъ намъ; вселенная отъ вѣка заинтересована въ сохраненіи, развитіи и увѣковѣченіи всего того, что дѣйствительно для насъ нужно и желательно, всего положительнаго и достойнаго въ нашей индивидуальности, и намъ остается только принимать возможно болѣе сознательное и дѣятельное участіе

въ общемъ историческомъ процессѣ—для самихъ себя и для всѣхъ другихъ *нераздѣльно*.

III.

Истинному бытію, или всеединой идеѣ противопологается въ нашемъ мірѣ вещественное бытіе—то самое, что подавляетъ своимъ бессмысленнымъ упорствомъ и нашу любовь и не даетъ осуществиться ея смыслу. Главное свойство этого вещественнаго бытія есть *двойная непроницаемость*: 1) непроницаемость *во времени*, въ силу которой всякій послѣдующій моментъ бытія не сохраняетъ въ себѣ предыдущаго, а исключаетъ или вытѣсняетъ его собою изъ существованія, такъ что все новое въ средѣ вещества происходитъ на счетъ прежняго или въ ущербъ ему, и 2) непроницаемость *въ пространствѣ*, въ силу которой двѣ части вещества (два тѣла) не могутъ занимать заразъ одного и того же мѣста, т.-е. одной и той же части пространства, а необходимо вытѣсняютъ другъ друга. Такимъ образомъ то, что лежитъ въ основѣ нашего міра, есть бытіе въ состояніи *распаденія*, бытіе раздробленное на исключаютія другъ друга части и моменты. Вотъ какую глубокую почву и какую широкую основу должны мы принять для того рокового раздѣленія существъ, въ которомъ все бѣдствіе и нашей личной жизни. Побѣдить эту двойную непроницаемость тѣлъ и явленій, сдѣлать внѣшнюю реальную среду сообразною внутреннему всеединству идеи—вотъ задача мірового процесса, столь же простая въ общемъ понятіи, сколько сложная и трудная въ конкретномъ осуществленіи.

Видимое преобладаніе матеріальной основы нашего міра и жизни такъ еще велико, что многіе даже добросовѣстные, но нѣсколько односторонніе умы думаютъ, что, кромѣ этого вещественнаго бытія въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ, вообще ничего не существуетъ. Однако, не говоря уже о томъ, что признаніе этого видимаго міра за единственный есть произвольная гипотеза, въ которую можно вѣрить, но ко-

торой нельзя доказать, и не выходя изъ предѣловъ этого міра—должно признать, что матеріализмъ все-таки неправъ, даже съ фактической точки зрѣнія. Фактически и въ нашемъ видимомъ мірѣ существуетъ многое такое, что не есть только видоизмѣненіе вещественнаго бытія въ его пространственной и временной непроницаемости, а есть даже прямое отрицаніе и упраздненіе этой самой непроницаемости. Таково, во-первыхъ, всеобщее *тяготѣніе*, въ которомъ части вещественнаго міра не исключаютъ другъ друга, а, напротивъ, стремятся включить, вмѣстить себя взаимно. Можно ради предвзятаго принципа строить мнимо-научныя гипотезы одну на другой, но для разумнаго пониманія никогда не удастся изъ опредѣленій инертнаго вещества объяснить факторы прямо противоположнаго свойства: никогда не удастся *притяженіе* свести къ *протяженію*, влеченіе вывести изъ непроницаемости и стремленіе—понять какъ косность. А между тѣмъ, безъ этихъ невещественныхъ факторовъ невозможно было бы даже самое простое тѣлесное бытіе. Вещество само по себѣ—вѣдь это только неопредѣленная и безсвязная совокупность атомовъ, которымъ болѣе великодушно, чѣмъ основательно, придаютъ присущее имъ будто бы движеніе. Во всякомъ случаѣ, для опредѣленнаго и постояннаго соединенія вещественныхъ частицъ въ тѣла необходимо, чтобъ ихъ непроницаемость, или, что то же, абсолютная безсвязность замѣнилась въ большей или меньшей степени положительнымъ взаимодействіемъ между ними. Такимъ образомъ, и вся наша вселенная, насколько она не есть хаосъ разрозненныхъ атомовъ, а единое и связанное цѣлое, предполагаетъ, сверхъ своего дробнаго матеріала, еще форму единства (а также дѣятельную силу, покоряющую этому единству противные ему элементы). Единство вещественнаго міра не есть вещественное единство, — такого вообще быть не можетъ, это *contradictio in adjecto*. Образованное противувещественнымъ (а съ точки зрѣнія матеріализма, значить, противуестественнымъ) закономъ тяготѣнія, всемірное тѣло есть цѣлость реально-идеальная, психо-физи-

ческая, или прямо (согласно мысли Ньютона о *sensorium Dei*) оно есть *тѣло мистическое*.

Сверхъ силы всемірнаго тяготѣнія, идеальное всеединство осуществляется духовно-тѣлеснымъ образомъ въ міровомъ тѣлѣ посредствомъ свѣта и другихъ сродныхъ явленій (электричество, магнетизмъ, теплота), которыхъ характеръ находится въ такомъ явномъ контрастѣ со свойствами непроницаемаго и коснаго вещества, что и матеріалистическая наука принуждена очевидностью признать здѣсь особаго рода полувещественную субстанцію, которую она называетъ эфиромъ. Это есть матерія невѣсомая, всепроницаемая и всепроницающая, — однимъ словомъ, *вещество невещественное*.

Этими воплощеніями всеединой идеи—тяготѣніемъ и эфиромъ—держится нашъ дѣйствительный міръ, а вещество само по себѣ, т.-е. мертвая совокупность косныхъ и непроницаемыхъ атомовъ, только мыслится отвлекающимъ разсудкомъ, но не наблюдается и не открывается ни въ какой дѣйствительности. Мы не знаемъ такого момента, когда бы матеріальному хаосу принадлежала настоящая реальность, а космическая идея была бы безплотною и немощною тѣнью; мы только предполагаемъ такой моментъ, какъ точку отправленія мірового процесса въ предѣлахъ нашей видимой вселенной.

Уже и въ природномъ мірѣ идеѣ принадлежитъ все; но истинная ея сущность требуетъ, чтобы не только ей принадлежало все, все въ нее включалось или ею обнималось, но чтобы и она сама принадлежала всему, чтобы все, т.-е. *всѣ* частныя и индивидуальныя существа, а слѣдовательно, и *каждое* изъ нихъ, дѣйствительно обладали идеальнымъ всеединствомъ, включали его въ себя. Совершенное всеединство, по самому понятію своему, требуетъ полного равновѣсія, равноцѣнности и равноправности между единымъ и всѣмъ, между цѣлымъ и частями, между общимъ и единичнымъ. Полнота идеи требуетъ, чтобы наибольшее единство цѣлаго осуществлялось въ наибольшей самостоятельности

и свободѣ частныхъ и единичныхъ элементовъ — въ нихъ самихъ, черезъ нихъ и для нихъ. Въ этомъ направленіи космическій процессъ доходитъ до созданія животной индивидуальности, для которой единство идеи существуетъ въ образѣ *рода* и ощущается съ полною силой въ моментъ полового влеченія, когда внутреннее единство, или общность съ другимъ (со „всѣмъ“) конкретно воплощается въ отношеніи къ единичной особи другого пола, представляющей собою это дополнительное „все“—въ одномъ. Сама индивидуальная жизнь животного организма уже содержитъ въ себѣ нѣкоторое, хотя ограниченное, подобіе всеединства, поскольку здѣсь осуществляется полная солидарность и взаимность всѣхъ частныхъ органовъ и элементовъ въ единствѣ живого тѣла. Но какъ эта органическая солидарность въ животномъ не переходитъ за предѣлы его тѣлеснаго состава, такъ и *для* него образъ восполняющаго „другого“ всецѣло ограниченъ такимъ же единичнымъ тѣломъ съ возможностью только матеріальнаго, частичнаго соединенія; а потому сверхвременная безконечность, или вѣчность идеи, дѣйствующая въ жизненной творческой силѣ любви, принимаетъ здѣсь дурную прямолинейную форму безпредѣльнаго размноженія, т.-е. повторенія одного и того же организма въ однообразной смѣнѣ единичныхъ временныхъ существованій.

Въ человѣческой жизни, прямая линія родового размноженія, хотя и сохраняется въ основѣ, но, благодаря развитію сознанія и сознательнаго общенія, она заворачивается историческимъ процессомъ все въ болѣе и болѣе обширные круги социальныхъ и культурныхъ организмовъ. Эти социальные организмы производятся тою же жизненною творческою силою любви, которая порождаетъ и организмы физическіе. Эта сила непосредственно создаетъ семью, а семья есть образующій элементъ всякаго общества. Не смотря на эту генетическую связь, отношеніе человѣческой индивидуальности къ обществу—существенно иное, нежели отношеніе животной индивидуальности къ роду: челоуѣкъ

не есть преходящій экземпляръ общества. Единство социального организма *дѣйствительно сосуществуетъ* съ каждымъ изъ его индивидуальных членовъ, имѣть бытіе не только въ немъ и чрезъ него, но и *для* него, находится съ нимъ въ опредѣленной связи и соотношеніи: общественная и индивидуальная жизнь со всѣхъ сторонъ взаимно проникаютъ другъ друга. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь гораздо болѣе совершенный образъ воплощенія всеединой идеи, нежели въ организмъ физическомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь начинается изнутри (изъ сознанія) процессъ интеграціи во времени (или *противъ* времени). Несмотря на продолжающуюся и въ человѣчествѣ смѣну поколѣній, есть уже начатки увѣковѣченія индивидуальности въ религіи предковъ—этой основѣ всякой культуры, въ преданіи—памяти общества, въ искусствѣ, наконецъ, въ исторической наукѣ. Несовершенный, зачаточный характеръ такого увѣковѣченія соотвѣтствуетъ несовершенству самой человѣческой индивидуальности и самого общества. Но прогрессъ несомнѣнъ, и окончательная задача становится яснѣе и ближе.

IV.

Если корень ложнаго существованія состоитъ въ непроницаемости, т. е. во взаимномъ исключеніи существъ другъ другомъ, то истинная жизнь есть то, чтобы жить въ другомъ, какъ въ себѣ, или находить въ другомъ положительное и безусловное восполненіе своего существа. Основаніемъ и типомъ этой истинной жизни остается и всегда останется любовь половая, или супружеская. Но ея собственное осуществленіе невозможно, какъ мы видѣли, безъ соотвѣтствующаго преобразованія всей внѣшней среды, т. е. интеграція жизни индивидуальной необходимо требуетъ такой же интеграціи въ сферахъ жизни общественной и всемірной. Опредѣленное различіе, или раздѣльность жизненныхъ сферъ, какъ индивидуальных, такъ и собирательныхъ, никогда не будетъ и не должно быть упразднено, потому что такое всеобщее сліяніе привело бы къ безраз-

личію и къ пустотѣ, а не къ полнотѣ бытія. Истинное соединеніе предполагаетъ истинную раздѣльность соединяемыхъ, т.-е. такую, въ силу которой они не исключаютъ, а взаимно полагаютъ другъ друга, находя каждый въ другомъ полноту собственной жизни. Какъ въ любви индивидуальной два различныя, но равноправныя и равноцѣнныя существа служатъ одинъ другому не отрицательною границей, а положительнымъ восполненіемъ, точно тоже должно быть и во всѣхъ сферахъ жизни собирательной; всякій социальный организмъ долженъ быть для каждаго своего члена не внѣшнею границей его дѣятельности, а положительною опорой и восполненіемъ: какъ для половой любви (въ сферѣ личной жизни) единичное „другое“ есть вмѣстѣ съ тѣмъ всё, такъ, съ своей стороны, социальное *все*, въ силу положительной солидарности всѣхъ своихъ элементовъ, должно для каждаго изъ нихъ являться какъ дѣйствительное единство, какъ бы другое, восполняющее его (въ новой, болѣе широкой сферѣ), живое существо.

Если отношенія индивидуальных членовъ общества другъ къ другу должны быть братскія (и сыновнія—по отношенію къ прошедшимъ поколѣніямъ и ихъ социальнымъ представителямъ), то связь ихъ съ цѣлыми общественными сферами—мѣстными, національными и, наконецъ, съ вселенскою—должна быть еще болѣе внутреннею, всестороннею и значительною. Эта связь активнаго человѣческаго начала (личнаго) съ воплощенною въ социальномъ духовно-тѣлесномъ организмѣ всеединою идеей должна быть живымъ *сизигическимъ* отношеніемъ *). Не подчиняться своей общественной сферѣ и не господствовать надъ нею, а быть съ нею въ любовномъ взаимодействіи, служить для нея дѣятельнымъ, оплодотворяющимъ началомъ движенія и находить въ ней полноту жизненныхъ условій и возможностей—таково от-

*) Отъ греч. *сизигія*—сочетаніе. Я принужденъ ввести это новое выраженіе, не находя въ существующей терминологіи другого лучшаго. Замѣчу, что гностики употребляли слово сизигія въ другомъ смыслѣ и что, вообще, употребленіе еретиками извѣстнаго термина еще не дѣлаетъ его еретическимъ.

ношеніе истинной человѣческой индивидуальности не только къ своей ближайшей соціальной средѣ, къ своему народу, но и ко всему человѣчеству. Въ Библии города, страны, народъ Израильскій, а затѣмъ и все возрожденное человѣчество или вселенская Церковь представляются въ образѣ женскихъ индивидуальностей, и это не есть простая метафора. Изъ того, что образъ единства соціальныхъ тѣлъ не ощутителенъ для нашихъ внѣшнихъ чувствъ, никакъ не слѣдуетъ, чтобъ его вовсе не существовало: вѣдь, и нашъ собственный тѣлесный образъ совѣмъ не ощутителенъ и невѣдомъ для отдѣльной мозговой клѣточки или для кровяного шарика; и если мы, какъ индивидуальность, способная къ полнотѣ бытія, отличаемся отъ этихъ элементарныхъ индивидуальностей не только большею ясностью и широтою разумнаго сознанія, но и большею силой творческаго воображенія, то я не вижу надобности отказываться отъ этого преимущества. Какъ бы то ни было, съ образомъ или безъ образа, требуется прежде всего, чтобы мы относились къ соціальной и всемірной средѣ какъ къ дѣйствительному живому существу, съ которымъ мы, никогда не сливаясь до безразличія, находимся въ самомъ тѣсномъ и полномъ взаимодействіи. Такое распространеніе сизигического отношенія на сферы собирательнаго и всеобщаго бытія совершенствуетъ самую индивидуальность, сообщая ей единство и полноту жизненнаго содержанія, и тѣмъ самымъ возвышаетъ и увѣковѣчиваетъ основную индивидуальную форму любви.

Несомнѣнно, что историческій процессъ совершается въ этомъ направленіи, постепенно разрушая ложныя или недостаточныя формы человѣческихъ союзовъ (патріархальныя, деспотическія, односторонне-индивидуалистическія) и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе приближаясь не только къ объединенію всего человѣчества, какъ солидарнаго цѣлаго, но и къ установленію истиннаго сизигического образа этого всечеловѣческаго единства. По мѣрѣ того, какъ всеединая идея дѣйствительно осуществляется чрезъ укрѣпленіе и усовершенствованіе своихъ индивидуально-человѣческихъ

элементовъ, необходимо ослабѣвають и сглаживаются формы ложнаго раздѣленія, или непроницаемости существъ въ пространствѣ и времени. Но для полнаго ихъ упраздненія и для окончательнаго увѣковѣченія всѣхъ индивидуальностей, не только настоящихъ, но и прошедшихъ, нужно, чтобы процессъ интеграціи перешелъ за предѣлы жизни социальной, или собственно-человѣческой, и включилъ въ себя сферу космическую, изъ которой онъ вышелъ. Въ устройствѣ физическаго міра (космическій процессъ) божественная идея только снаружи облекла царство матеріи и смерти покровомъ природной красоты; чрезъ человѣчество, чрезъ дѣйствіе его универсально-разумнаго сознанія она должна войти въ это царство *изнутри*, чтобы оживотворить природу и увѣковѣчить ея красоту. Въ этомъ смыслѣ необходимо измѣнить отношеніе человѣка къ природѣ. И съ нею онъ долженъ установить то сизигическое единство, которымъ опредѣляется его истинная жизнь въ личной и общественной сферахъ.

V.

Природа до сихъ поръ была—или всевластною деспотическою матерью младенчествуящаго человѣчества, или чужою ему рабою, вещью. Въ эту вторую эпоху одни только поэты сохраняли еще и поддерживали хотя безотчетное и робкое чувство любви къ природѣ, какъ къ равноправному существу, имѣющему или могущему имѣть *жизнь въ себѣ*. Истинные поэты всегда оставались пророками всемірнаго возстановленія жизни и красоты, какъ хорошо сказалъ одинъ изъ нихъ своимъ собратьямъ:

Только у васъ мимолетныя грезы
 Старыми въ душу глядятся друзьями,
 Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистаютъ слезами.
 Съ торжищъ житейскихъ, безцвѣтныхъ и душныхъ,
 Видѣть какъ радостно тонкія краски,
 Въ радугахъ вашихъ прозрачно-воздушныхъ
 Неба рѣднаго мнѣ чудятся ласки.

Установленіе истиннаго любовнаго, или сизигическаго отношенія человѣка не только къ его соціальной, но и къ его природной и всемірной средѣ—эта цѣль сама по себѣ ясна. Нельзя сказать того же о путяхъ ея достиженія для отдѣльнаго человѣка. Не вдаваясь въ преждевременныя, а потому сомнительныя и неудобныя подробности, можно, основываясь на твердыхъ аналогіяхъ космическаго и историческаго опыта, съ увѣренностью утверждать, что всякая сознательная дѣятельность человѣческая, опредѣляемая идеею всемірной сизигіи и имѣющая цѣлью воплотить всеединый идеаль въ той или другой сферѣ, тѣмъ самымъ дѣйствительно производитъ или освобождаетъ реальные духовно-тѣлесные токи, которые постепенно овладѣваютъ матеріальною средою, одухотворяютъ ее и воплощаютъ въ ней тѣ или другіе образы всеединства,—живыя и вѣчныя подобія абсолютной человѣчности. Сила же этого духовно-тѣлеснаго творчества въ человѣкѣ есть только превращеніе, или обращеніе *внутрь* той самой творческой силы, которая въ природѣ, будучи обращена наружу, производитъ дурную безконечность физическаго размноженія организмовъ.

Связавши въ идеѣ всемірной сизигіи (индивидуальную половую) любовь съ истинною сущностью всеобщей жизни, я исполнилъ свою прямую задачу—опредѣлить смыслъ любви, такъ какъ подъ смысломъ какого-нибудь предмета разумѣется именно его внутренняя связь со всеобщею истиной. Что касается до нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ, которые мнѣ пришлось затронуть, то я предполагаю еще къ нимъ вернуться.

Владиміръ Соловьевъ.

О задачахъ исторіи философіи.

Мышленіе есть тоже своего рода молитва.

Гегель.

Очеркъ исторіи философіи съ древнѣйшихъ временъ философіи до настоящаго времени. *Н. Страхова*. Харьковъ, 1893.

Ученіе о Богѣ по началамъ разума (въ общедоступномъ изложеніи). *Н. Страхова*. Москва, 1893.

I.

Учебныя книги.

Авторъ этихъ маленькихъ книгъ (въ первой 166 страницъ, во второй 76), Николай Николаевичъ Страховъ, состоитъ преподавателемъ въ Харьковской Духовной Семинаріи. Свѣдѣніе это взято нами изъ *Московскихъ Вѣдомостей* нынѣшняго года и нужно здѣсь для того, чтобъ объяснить читателямъ особенныя свойства этихъ книгъ. Самъ авторъ не сдѣлалъ къ нимъ никакихъ предисловій, ничего не говоритъ ни о цѣли своихъ писаній, ни о средствахъ и приемахъ, употребленныхъ имъ для этой цѣли. Но, если мы представимъ себѣ, что его книжки назначены для того, чтобы напоминать ученикамъ его уроки, то мы тотчасъ поймемъ, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло. Этого рода книги не пишутся, а *составляются*, т.-е. авторъ не говоритъ въ нихъ отъ себя, излагаетъ не свои мысли, а старается изложить предметъ по наиболѣе принятымъ въ наукѣ свѣдѣніямъ и положеніямъ. Притомъ, изложеніе бываетъ кратко, сообразно съ временемъ преподаванія, и элементарно, сообразно съ силами учащихся. Наконецъ, составъ такихъ книгъ часто зависитъ отъ особой цѣли, къ которой бываетъ направлено преподаваніе.

Какъ судить объ учебныхъ книгахъ? Безъ сомнѣнія, это одинъ изъ самыхъ трудныхъ родовъ литературы. Тутъ писателю по-

ставлены очень тѣсныя условія, и въ то же время онъ обязанъ не искажать предмета, соблюсти возможную научную строгость. Для этого, очевидно, необходимо не только отличное владѣніе предметомъ и особое мастерство изложенія, но нуженъ и большой трудъ, чтобы не опустить важнаго, не помѣстить лишняго, достигнуть полноты и связи, и вмѣстѣ краткости и точности. И вотъ почему хорошіе учебники очень рѣдки во всѣхъ литературахъ, почти такъ же рѣдки, какъ хорошіе рассказы для дѣтей, или хорошія книги для народа. Отличные ученые обыкновенно не пишутъ учебниковъ, такъ какъ понимаютъ всю трудность этого дѣла и бываютъ расположены задаваться при этомъ такими же идеальными требованіями, какъ и въ своихъ обыкновенныхъ трудахъ. Написать учебникъ по своей наукѣ для иного ученаго значитъ—установить науку, или произвести въ ней переворотъ. Такіе учебники извѣстны въ исторіи наукъ, напримѣръ—*Элементы* Эвклида, *Система природы* Линнея, *Элементы химіи* Лавуазье, *Энциклопедія философскихъ наукъ* Гегеля и т. п. Но и вообще, для строгаго ученаго общее изложеніе науки всегда представляетъ болѣе трудную задачу, чѣмъ какое-нибудь частное изслѣдованіе, гдѣ онъ можетъ свободно доводить свой предметъ до полной глубины и точности.

Итакъ, люди, задающіеся высокими требованіями, обыкновенно не пишутъ учебниковъ; ихъ пишутъ, по большей части, тѣ, кто этихъ требованій или вовсе не чувствуетъ, или не считаетъ неизбѣжными. Кто не берется и не могъ бы написать никакого ученаго труда, легко берется, однако же, за составленіе учебника. Такъ точно, человѣкъ, не способный написать хорошую повѣсть для взрослыхъ, часто пишетъ рассказы для дѣтей, и тотъ, кто не думаетъ и не въ силахъ составить что-нибудь интересное для людей образованныхъ и ученыхъ, нерѣдко принимается составлять книги для народа.

Но мы сдѣлали бы, однако, большую ошибку, еслибы прямо признали подобные труды негодными или бесполезными. Нужно вспомнить, какъ идетъ дѣло на практикѣ. Для большинства учащихся и учащихся часто бываетъ вовсе незамѣтно различіе между отличнымъ и посредственнымъ учебникомъ. Цѣли преподаванія по необходимости стоятъ гораздо ниже, чѣмъ строгое усвоеніе научныхъ теорій, и потому случается, что посредственный учебникъ бываетъ даже удобнѣе для достиженія

этихъ цѣлей, чѣмъ книга, обработанная въ наилучшемъ научномъ духѣ.

Достоинства отличнаго учебника не только нелегко достигаются, но и нелегко оцѣниваются. Только люди, вполне посвященные въ предметъ, могутъ отдавать честь научной строгости, или любоваться мастерствомъ и точностью, съ которою въ сжатомъ видѣ изложены обширныя и сложныя ученія. Только для очень даровитаго ученика такая книга принесетъ всю свою пользу, посвятить его въ самый духъ науки. И, наоборотъ, если книга страдаетъ внутреннею ненаучностью, то это увидятъ лишь очень изощренные глаза, и это будетъ вредно лишь для даровитыхъ учащихся, которые не вынесутъ изъ такой книги пользы, равной своимъ трудамъ. Есть, въ самомъ дѣлѣ, примѣры учебниковъ, составленныхъ даже съ большимъ стараніемъ и крупными учеными, и однако не дающихъ настоящаго руководства къ пониманію науки. Таковы знаменитыя когда-то *Основанія научной ботаники* Шлейдена, *Курсъ химіи* Реньо, философскіе учебники Штѣкля и т. п. Отъ такихъ книгъ, по-истинѣ, нужно было бы охранять учащихся, способныхъ къ дѣйствительному усвоенію науки.

Но средній уровень преподаванія, вообще говоря, не задается и не можетъ задаваться строго-научными цѣлями. Большею частью тутъ дѣло ограничивается только нѣкоторымъ подготовленіемъ къ наукѣ и научному чтенію. Ученики должны усвоить извѣстные термины, имена лицъ и мѣстъ, годы событій, общепринятое раздѣленіе предмета, общепринятыя формулы, вопросы, мнѣнія. Преподаватель даетъ ученикамъ не науку, а какъ бы только конспектъ науки, программу будущихъ занятій, по которой можно видѣть весь объемъ и всѣ части предстоящаго изученія. Чисто-научный элементъ вносится лишь, насколько это возможно, и не возводится до полной своей высоты. Хорошій преподаватель, конечно, въ такомъ смыслѣ и наставляетъ своихъ учениковъ и не допускаетъ въ нихъ мысли, что его преподаваніемъ исчерпывается предметъ.

Вотъ съ какой точки зрѣнія, намъ кажется, слѣдуетъ разсматривать учебники. Тогда мы сумѣемъ какъ должно оцѣнить книгу преподавателя, который настолько обдумалъ и обработалъ свой курсъ, что рѣшилъ его напечатать. Это—трудъ всегда почтенный, и жаль, что онъ такъ рѣдко исполняется нашими учителями и профессорами.

II.

Внѣшняя исторія философіи.

Впрочемъ, мы не думаемъ здѣсь разбирать книгу нашего автора ни съ дидактической, ни съ научной стороны. Мы хотѣли бы взять изъ нея только нѣкоторые примѣры обыкновеннаго обращенія съ исторією философіи.

Чего можно желать и ждать отъ изложенія этой науки на полтора ста небольшихъ страницахъ? Конечно, и на такомъ маломъ пространствѣ можно изложить самый глубокомысленный взглядъ на судьбы философіи, на принципъ ея развитія и на тѣ періоды, на которые распадается это развитіе. Но подобное разсужденіе не только было бы почти недоступно для учениковъ, — оно, можетъ быть, привело бы въ затрудненіе и самихъ наставниковъ и учебныхъ начальниковъ. Какъ убѣдиться въ твердости и полнотѣ такого взгляда? Какъ избѣжать разногласій и недоразумѣній, столь обыкновенныхъ и естественныхъ въ этихъ высокихъ областяхъ? Какъ слѣдить за усвоеніемъ учащимися такихъ трудныхъ понятій?

Вообще, всякій предметъ обязательнаго преподаванія долженъ представлять нѣкоторую опредѣленность, долженъ обладать извѣстными свойствами, по которымъ онъ былъ бы удобенъ и для преподаванія, и для усвоенія учащимися, и для повѣрки ихъ успѣховъ. Въ исторіи философіи есть элементъ, есть необходимая составная часть, которая подходитъ подъ эти требованія. Нужно различать въ этой исторіи двѣ стороны — внѣшнюю и внутреннюю, и *внѣшняя исторія философіи* есть предметъ очень доступный и способный принять формы, нужныя для преподаванія. Сюда относятся: біографіи философовъ, бібліографія ихъ сочиненій, а также сочиненій объ ихъ сочиненіяхъ, указаніе содержанія этихъ сочиненій и терминологія, употребляемой авторами, классификація и хронологія философовъ, т.-е. раздѣленіе ихъ на группы и на періоды, и т. д. Хотя каждый изъ этихъ предметовъ имѣетъ и свою внутреннюю, очень трудную сторону, но каждый можетъ быть взятъ и съ чисто-внѣшней, легко усвояемой стороны. И, безъ сомнѣнія, это составляетъ и счастье, и несчастье исторіи философіи. Счастье не только въ томъ, что она удобна для преподаванія, но и въ томъ, что ею могутъ интересоваться и съ

пользою надъ нею трудиться даже люди, слабо вникающіе въ настоящіе философскіе вопросы. Въ послѣднія десятилѣтія исторія философій стала, можно сказать, самою любимую изъ философскихъ наукъ. Нѣтъ конца изслѣдованіямъ по ея части, изложеніямъ отдѣльныхъ ея періодовъ, или всего ея объема. Конечно, читатели, изучая такія книги, питаютъ въ себѣ пріятное чувство, что они соприкасаются съ міромъ философіи, этой науки наукъ, вѣнца человѣческихъ познаній. Но очевидно, что большею частью они при этомъ насыщаютъ свою любознательность только внѣшнюю исторіей, и такимъ образомъ отвлекаются отъ изученія исторіи внутренней, — слѣдовательно, отъ самой науки.

Внѣшнюю исторію нѣмцы часто называютъ *ученою* исторіей философіи, разумѣя подъ ученостью преимущественно то, что называется опредѣленнѣе эрудиціею, или филологіею. Еще Сенека жаловался, что въ его время *quae philosophia fuit, facta philologia est* (Epist. CVIII). Такъ и въ настоящее время можно сказать, что у писателей и читателей больше всего процвѣтаетъ не философія, а философская эрудиція. Какъ на яркій примѣръ ученой исторіи философіи, укажемъ на *Grundriss Ибервега*, книгу въ своемъ родѣ превосходную и необходимую; у насъ переведена ея третья часть подъ названіемъ *Исторія новой философіи*.

Раскрывая эту книгу, нельзя не почувствовать, какъ далеко она уводитъ насъ отъ чисто-философскихъ вопросовъ, какъ слабо отвѣчаетъ даже на самыя простыя научныя требованія. Предъ нами сотни и даже тысячи именъ философовъ и философскихъ писателей. Что это за люди? Что значитъ быть философомъ, и какое значеніе имѣютъ личныя свойства и обстоятельства въ развитіи философскаго мышленія? Мы находимъ въ этихъ спискахъ людей разныхъ странъ и народовъ, однако же, въ древнемъ періодѣ — почти однихъ грековъ, и въ новомъ — больше всего германцевъ. По общественному положенію разнообразіе очень велико: есть люди знатные и богатые, какъ Платонъ, Сенека, Ома Аквинатъ, Бэконъ; есть даже императоры, Маркъ Аврелій и Юліанъ; но есть и рабы, какъ Эпиктетъ, и сапожники, какъ Яковъ Бѣмъ. Можно однако замѣтить, что въ средніе вѣка большинство составляютъ монахи, а въ новое время — профессора университетовъ. Дальше, — очень много неженатыхъ; но есть и женатые, наприм. Сократъ, какъ всѣмъ извѣстно, имѣвшій жену и дѣтей, хотя, къ нашему удивленію, Ибервегъ ни слова не го-

ворить объ этомъ обстоятельствѣ въ своемъ очеркѣ жизни Сократа *).

Мы не будемъ дальше пояснять эту тему, а скажемъ вообще, что въ ученыхъ исторіяхъ ни мало не разрѣшается трудная задача составить живой образъ того или другого человѣка, оказавшагося двигателемъ философіи, и оцѣнить значеніе обстоятельствъ его жизни. Этой задачи не считаютъ важною и все вниманіе обращаютъ на мысли и писанія философовъ, какъ будто эти мысли и писанія не имѣютъ съ жизнью ничего общаго. Вопреки этому невниманію, нѣкоторые изъ дѣятелей философіи принудили-таки насъ помнить объ ихъ личныхъ качествахъ и судьбахъ, оставили намъ свой ясный образъ. Таковы—Сократъ, Эпиктетъ, Джіордано Бруно, Спиноза, Кантъ и пр. Но и другихъ дѣятелей исторія философіи должна была бы характеризовать намъ въ той опредѣленности, которая свойственна каждому сколько-нибудь значительному человѣку **).

Главное дѣло, однако же, конечно въ ученіяхъ этихъ людей, въ ихъ философіи. И вотъ, намъ указываются книги, многія сотни, даже многія тысячи книгъ для знакомства съ этими ученіями. Заглавія точно выписаны, выставлены годы и мѣста печатанія, и разныя изданія того же сочиненія. Опять мы спрашиваемъ: что это за книги? Въ чемъ состоятъ особенности этой литературы, тотъ философскій характеръ, который въ большей или меньшей степени отличаетъ ея произведенія? Есть строгіе люди, которые утверждаютъ, что настоящихъ философскихъ книгъ очень мало, что ни въ какой другой области писаній нѣтъ такого обилія книгъ, не имѣющихъ права на свой титулъ, какъ въ области философіи. Но, положимъ, мы вполне доверимся строгости выбора историка и будемъ думать, что во всѣхъ этихъ тысячахъ книгъ нѣтъ ни одной, на которую мы даромъ потратимъ время, что въ каждой найдемъ что-нибудь полезное для исторіи философіи. Все-таки намъ нужна какая-нибудь путеводная нить въ этомъ лѣсу заглавій. Какія изъ этихъ книгъ болѣе важны и какія менѣе? Мы желали бы получить объ этомъ хотя приблизительное понятіе. Между ними есть, безъ сомнѣнія, произведенія гениальныя, есть и такія, которыя едва-едва заслуживаютъ

*) Grundriss der Geschichte der Philosophie, 6-te Aufl. Bd. 1, стр. 100 и 101.

**) Нужно отдать честь Куно Фишеру, что онъ, относительно философовъ, о которыхъ писалъ, превосходно понималъ и выполнилъ эту задачу.

того, чтобъ о нихъ упоминать. Между тѣмъ, историкъ, напримѣръ, Ибервегъ, совершенно молчитъ объ этомъ, хотя много могъ бы сказать; но онъ ни единымъ словомъ не помогаетъ намъ въ выборѣ чтенія. Въ настоящее время книгъ набралось и набирается столько, что любознательный читатель долженъ чувствовать величайшую благодарность, когда ему укажутъ, безъ какихъ книгъ можно обойтись, какихъ вовсе не нужно читать. Историкъ же хлопочетъ только о пополненіи своихъ списковъ, какъ будто его задача—все больше и больше затруднять читателя. Разгадка тутъ простая: составлять эти списки легко и не отвѣтственно, а оцѣнивать книги — очень трудно.

Даже когда дѣло идетъ о произведеніяхъ одного и того же философа, всегда рождается вопросъ, которое изъ нихъ главное, основное, наиболѣе выразившее его точку зрѣнія, и какъ къ этому главному относятся другія его писанія. Но историки на этомъ рѣдко и недолго останавливаются, или даже вовсе не считаютъ нужнымъ остановиться. Главная ихъ забота — установить подлинность сочиненій философа и опредѣлить порядокъ времени, въ которомъ они написаны. Это считается настоящею историческою задачей, а внутреннее достоинство и внутренній строй произведеній какъ-будто не есть предметъ, относящійся къ исторіи. У Фалькенберга мы находимъ замѣчаніе, которое пояснить нашу мысль. Приступая къ изложенію ученія Фихте, онъ говоритъ сперва о его сочиненіяхъ и дѣлаетъ такое указаніе: «Чтобы вникнуть первоначально въ его систему, особенно пригодны простые и проливающіе яркій свѣтъ *Факты сознанія* 1811 года, они же 1817 (никакъ не лекціи подъ тѣмъ же заглавіемъ 1813 года). Между различными обработками *Наукословія* первое мѣсто занимаютъ составляющія эпоху *Основы всею наукословія* 1794 года вмѣстѣ съ двумя *Введеніями* 1797 года» и пр.*). Вотъ коротенькая оцѣнка, сдѣланная почти мимоходомъ, но за которую будетъ благодаренъ всякій, кто желаетъ на самомъ дѣлѣ, то-есть по писаніямъ самого Фихте, познакомиться съ его системой. Есть, конечно, не мало читателей, которые довольствуются тѣмъ, что затвердятъ заглавія сочиненій философа; но кто серьезно изучаетъ исторію философіи, тотъ непременно будетъ знако-

*) R. Falckenberg: Geschichte der neueren Philosophie, 2 Aufl. Leipz. 1892, стр. 344.

миться самъ съ ея документами. Историкъ, обязанный характеризовать эти писанія, въ силу этого самаго становится руководителемъ читателя. Между тѣмъ, историки не считаютъ этого своимъ долгомъ. Книги стоятъ передъ нами непроницаемымъ и необозримымъ строемъ, и читателю приходится брать ихъ на удачу, или какъ-нибудь догадываться о мнѣніи, которое имѣеть о нихъ историкъ. Напримѣръ, не та ли изъ нихъ лучше и важнѣе, на которую онъ чаще ссылается?

За біографіею и бібліографіею слѣдуетъ, наконецъ, изложеніе ученій философовъ. Тутъ мы уже прямо касаемся внутренняго существа истории философіи, но и здѣсь возможны внѣшніе приемы, къ которымъ обыкновенно и прибѣгаютъ историки. Есть два такихъ приема. Одинъ можно назвать *хронологическимъ*; онъ состоитъ въ томъ, что сочиненія философа берутся въ порядкѣ ихъ времени и изъ каждаго сочиненія дѣлается краткое извлеченіе главнѣйшихъ положеній. Другой приемъ можно назвать *систематическимъ*: берутся извѣстныя рубрики, напримѣръ, извѣстный рядъ предметовъ философскаго изслѣдованія, положимъ: *познаніе, природа, Богъ, душа, нравственность, государство* и пр., или же рядъ философскихъ наукъ, наприм. *логика, метафизика, психологія, этика* и пр., и затѣмъ изъ всей совокупности писаній философа дѣлается извлеченіе положеній, подходящихъ подъ каждую рубрику. Оба эти приема могутъ, конечно, иногда совпадать, вполнѣ или отчасти, если самъ философъ любилъ составлять руководства, законченные курсы. Но философы, очень заботясь о внутренней связи и цѣльности своихъ мыслей, часто не стѣсняють себя внѣшними рамками полноты изложенія и точнаго распредѣленія по научнымъ отдѣламъ. Въ такихъ случаяхъ историку, употребляющему систематическій приемъ, приходится дѣлать изъ писаній философа своего рода мозаику, располагать ихъ отдѣльныя мѣста по принятымъ подраздѣленіямъ, такъ сказать, составлять изъ его мыслей правильный рисунокъ. Все это дѣлается съ великою тщательностью и стоитъ не малаго труда, довольно, впрочемъ, завлекательнаго по своему отчасти механическому характеру. Берется одна книга за другою и внимательно прочитывается, при чемъ подчеркиваются мѣста, гдѣ выражены главныя положенія. Для составленія мозаики употребляется такой способъ: по мѣрѣ чтенія выписываются на отдѣльныхъ карточкахъ мѣста, содержащія опредѣленные ученія, и на каждой

карточкѣ надписывается рубрика, подъ которую подходит ея содержаніе, наприм. *Богъ, душа, память, воображеніе* и т. д. По окончаніи чтенія собираются вмѣстѣ всѣ карточки съ одинаковою надписью, и тогда можно извлекать изъ нихъ существенныя положенія.

Все это, конечно, труды полезные; они полезны и начинающему, чтобъ онъ могъ затвердить краткія формулы ученія какого-нибудь философа, въ котораго потомъ можетъ-быть станетъ вчитываться и вдумываться; они полезны и человѣку, много изучавшему предметъ, когда понадобится сдѣлать справку, или получить понятіе о содержаніи еще не читаннаго сочиненія.

Во всѣхъ подобныхъ изложеніяхъ неизбежно страдаетъ, однако же, связь мыслей философа, то-есть, одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ всего дѣла. Не видно методы писателя, способа его разсужденія; мысль, вырванная изъ своей связи, выраженная другимъ языкомъ и сжатая до послѣдней степени краткости—часто совершенно теряетъ свой истинный видъ, кажется темною или малозначущею.

Но есть еще недостатокъ въ этихъ изложеніяхъ, который нужно считать главнымъ. Именно, они не опредѣляютъ (позволимъ себѣ такъ выразиться) *удѣльную вѣса* явленій, о которыхъ говорятъ. Философы, которыхъ перечисляетъ исторія, имѣютъ различное значеніе, различный вѣсъ въ судьбахъ философіи, и, казалось бы, непремѣнное дѣло историка — указать этотъ вѣсъ со всюю точностью. На памятникѣ Шеллинга, стоящемъ въ Мюнхенѣ, сдѣлана краткая надпись: *Великій философъ*. Это понимаетъ всякій прохожій, легко соображая, что философы бывають разной величины. Очень выразительно замѣтилъ, между прочимъ, Куно-Фишеръ: «И въ исторіи философіи есть самосвѣтятся свѣтила и есть ихъ спутники, по природѣ темные и дающіе только заимствованный свѣтъ, но тѣмъ отличающіеся отъ подобныхъ имъ небесныхъ тѣлъ, что со временемъ вовсе перестаютъ свѣтить» *).

Но историки не становятся твердо на эти простыя и существенныя точки зрѣнія; они лишь изрѣдка и мимоходомъ говорятъ о сравнительной величинѣ философовъ, какъ будто считая всѣхъ ихъ равно-значительными, равно-важными въ исторіи науки.

*) Geschichte der neueren Philosophie, 2-te Aufl. Bd. 1, стр. VII.

Только по какимъ-нибудь внѣшнимъ признакамъ читатель можетъ догадываться о разницѣ: напримѣръ, по числу строкъ или страницъ, посвященныхъ изложенію ученій философа, по числу книгъ или статей, которыя о немъ написаны, по тому, какъ часто упоминается его имя, и т. д.

Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать и объ изложеніи системъ. Тутъ ставится терминъ за терминомъ, положеніе за положеніемъ, дѣленіе за дѣленіемъ, безъ всякаго указанія на ихъ относительную важность. Между тѣмъ, у cadaго философа есть понятія и положенія центральныя, руководящія, составляющія главный нервъ его системы. Обязанность историка — найти ихъ и указать, вообще, опредѣлить цѣнность всѣхъ частей ученія и остановиться на самыхъ существенныхъ, наиболѣе характерныхъ для философа и имѣвшихъ наибольшее вліяніе на дальнѣйшій ходъ науки. Въ ученыхъ же исторіяхъ вся забота часто обращена на полноту и равномѣрность обзора, и потому не полагается различія между важнымъ и неважнымъ, между яснымъ и темнымъ, сильнымъ и слабымъ, самобытнымъ и повтореннымъ за другими.

И вотъ, предъ нами является книга, содержащая тысячи именъ, тысячи заглавій, тысячи философскихъ положеній, и всѣ они поставлены, какъ говорится, на одну доску. Имя величайшаго генія стоитъ на-ряду съ именемъ тупицы, произведеніе, составляющее честь человѣческаго ума названо рядомъ съ образцомъ человѣческаго легкомыслія, глубочайшія истины изложены рядомъ съ самыми поверхностными сужденіями. Исторія все это уравнила, по нѣкоторому неизбѣжному закону обобщенія, но не исполнила своей другой, болѣе существенной задачи — положить точное различіе между всѣми этими явленіями и указать своеобразіе cadaго изъ нихъ.

III.

Внутренняя исторія философіи.

Внѣшняя исторія философіи; конечно, совершенно необходима и въ то же время не представляетъ большихъ трудностей. По нашему желанію, мы можемъ даже доводить ее до какой угодно степени легкости и краткости. Вотъ почему она составляетъ такой удобный предметъ для занятій и можетъ быть обра-

щена и въ учебный предметъ, полезный для будущаго знакомства съ философiей. Но внутренняя исторiя философiи, то есть, настоящая, не ученая, а научная исторiя, — за то трудна неизмѣримо. Вообще, философiя между науками есть самая высокая и трудная, а исторiя философiи есть самая трудная часть философiи. Въ энциклопедическихъ изложенiяхъ философской системы исторiя философiи всегда ставилась и должна ставиться на послѣднемъ мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы собираемся судить о явленiяхъ философской мысли въ прошлыя времена, то мы должны имѣть напередъ уже твердое понятiе о всѣхъ задачахъ философiи, о всѣхъ ея различныхъ предметахъ и о всѣхъ приѣмахъ ея изслѣдованiй.

Прежде всего, тутъ намъ приходится рѣшить вообще: что мы будемъ вносить въ нашу исторiю, какiя книги, какихъ писателей? Кого слѣдуетъ признавать философомъ? Какiя писанiя считать философскими? Намъ нужно, слѣдовательно, знать признаки философiи. Какъ же мы ихъ найдемъ, не имѣя опредѣленнаго ученiя? Такимъ образомъ, на первомъ же шагѣ насъ встрѣчаетъ величайшая трудность. Историки стараются обыкновенно не побѣдить ее, а обойти; именно, они дѣйствуютъ (употребимъ математическое выраженiе) *по приближенiю*. Они берутъ главнѣйшихъ, знаменитыхъ философовъ, а потомъ заносятъ въ свои списки другихъ писателей по болѣе или менѣе ясному сходству ихъ съ тѣми главными. Дѣло ведется ощупью, и понятно, что тутъ можетъ быть много произвола. Обыкновеннѣе всего, что захватывается много лишняго и чуждаго; историкъ, не владея руководящею нитью, желаетъ лучше заслужить упрекъ въ избыткѣ, чѣмъ въ недостаткѣ, — рассчитать, иногда увеличивающiй, а не уменьшающiй вину.

Преданiя, ходячiя мнѣнiя, слава, молва — вся эта область людскихъ мыслей и чувствъ имѣетъ свое важное значенiе. Она участвуетъ въ воспитанiи нашего ума и сердца, производитъ влiянiе повсюду въ человѣческой жизни; она, какъ видимъ, играетъ роль и въ исторiи философiи. У историковъ попадаются прямыя замѣчанiя, что такой-то *признается* основателемъ извѣстнаго ученiя, что такая-то книга *считается* лучшимъ произведенiемъ такого-то философа, и т. д. Еслибъ этотъ принципъ былъ сознательно принимаемъ и проводимъ въ обзорѣнiи прошлаго науки, то мы получили бы, безъ сомнѣнiя, очень интересныя и важныя

указанія. Мы узнали бы вліяніе философіи на умы, ея значеніе въ жизни людей.

Исторію философіи можно бы начинать такъ: завелась въ мірѣ наука, называемая философіею, завелись люди, которымъ даютъ имя философовъ. Извѣстность этой науки и этихъ людей всемірная и очень громкая, и слава ихъ очень хорошая. Философія искони слыветъ самою глубокою и трудною наукой, почти вышею человѣческою мудростію; даже тотъ, кто отъ нея отворачивается, говоря съ насмѣшкой: «ну, ужъ тутъ пошла философія!»—тѣмъ самымъ невольно отдастъ честь этой наукѣ. Слова: *философъ*, *философскій*—вошли въ обыкновенный языкъ и имѣютъ въ немъ опредѣленный и знаменательный смыслъ. Философъ—это значитъ человѣкъ равнодушный къ мелочамъ и суетамъ, занимающимъ другихъ людей, человѣкъ спокойный тамъ, гдѣ другіе волнуются, не возносящійся въ счастья и не падающій духомъ въ бѣдѣ и т. д. Если мы взглядемся, то увидимъ, что это въ сущности понятіе *стоика*, завѣщанное намъ греческою философіею. Стоицизмъ былъ главнымъ плодомъ этой философіи; стоики были ея представителями въ продолженіе пяти или шести столѣтій предъ паденіемъ древняго міра, и они-то оставили послѣ себя такое прекрасное понятіе о философахъ. Понятно, почему въ первые вѣка христіанства у церковныхъ писателей (наприм., у Климента Александрійскаго) отшельники и аскеты называются «философами» и монашеская жизнь—«философскою жизнью». Можно сказать, что языческіе стоики прямо перешли въ христіанскихъ монаховъ. Въ прошломъ столѣтіи возникло, впрочемъ, новое понятіе, связавшееся съ тѣмъ же словомъ. Этотъ вѣкъ называлъ самъ себя *вѣкомъ философіи*, и тогда стало ходячимъ мнѣніе, что философъ—это вольнодумецъ, человѣкъ, который ничему не вѣритъ, ничего не считаетъ для себя священнымъ. Такое понятіе, хотя оно содержитъ въ себѣ важную черту, черту свободы ума, въ сущности есть только отрицательное, только указываетъ на борьбу съ религіею. Оно все еще держится, но уже начинаетъ исчезать.

Если мы пойдемъ такимъ путемъ, если будемъ вникать въ составившіяся репутации, въ мнѣнія писателей и читателей, то мы можемъ обойти весь кругъ нашего изслѣдованія. Слава книгъ и авторовъ есть дѣло любопытное и поучительное. Она наведетъ насъ и на твердыя точки опоры, на такія писанія, изучая которыя, мы

дойдемъ до пониманія истинныхъ свойствъ философіи. Мы тутъ какъ будто задаемся вопросомъ: гдѣ и когда проявилась дѣйствительная философія? Исторія насъ учитъ, что она являлась всегда въ отдѣльныхъ системахъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ мыслителямъ. Если такъ, то мы можемъ сдѣлать своею исходною точкою любую систему, можемъ принять ее за образчикъ философіи. Какъ химикъ на любомъ кускѣ золота можетъ изучать всѣ свойства золота, такъ и мы на избранной нами философіи можемъ изучать общія свойства всѣхъ философій. Вотъ великая выгода историческаго изслѣдованія этихъ явленій. Зарожденіе данной философіи, ходъ ея развитія, ея отношеніе къ наукамъ, къ религіи, къ государству и т. д. — все это будетъ для насъ частнымъ случаемъ, подходящимъ подъ нѣкоторыя общія положенія, примѣромъ нѣкоторыхъ общихъ правилъ. Если мы будемъ проходить такимъ образомъ систему за системой, то свойства философіи будутъ становиться намъ все яснѣе и яснѣе, и мы скоро перестанемъ руководиться молвою, а выступимъ уже судьями молвы, то-есть, будемъ сами опредѣлять, что достойно и что недостойно имени философіи. Изъ чтенія великихъ философовъ мы вынесемъ ясныя и точныя признаки, отличающіе явленія философіи отъ всякихъ другихъ явленій умственной дѣятельности. Такъ это должно быть, и такъ, конечно, надѣются тѣ, которыхъ привлекаетъ къ себѣ изученіе исторіи философіи.

Если теперь посмотримъ, какъ обыкновенно ведется это дѣло, то легко замѣтимъ, что историки рѣдко становятся судьями молвы и не успѣваютъ, даже часто не стараются освободиться отъ ея опеки. Имя, надѣлавшее много шума, книга, много разъ изданная, захватившая большой кругъ читателей, пріобрѣтаютъ какую-то магическую силу, заставляющую склоняться не только толпу, но и очень свѣтлыя головы. Историки иногда выдвигаютъ забытыя или пренебреженныя имена, напримѣръ, въ началѣ нашего столѣтія вспомнили Якова Бѣма, въ послѣдніе годы—Николая Кузанскаго и т. д. Но гораздо чаще историки захватываютъ въ свою область почти все, что громко и долго звучало въ мірѣ подъ именемъ философіи, хотя бы, въ сущности, ничего философскаго въ себѣ не содержало. Въ маленькомъ «Очеркѣ» г. Страхова мы не нашли даже имени Шлейермахера, Краузе, Баадера, такихъ крупныхъ философовъ; но тамъ упоминаются и отчасти характеризуются неизбѣжные Ламеттри, Бюхнеръ, Карлъ Фохтъ

и т. п., писатели ничтожные въ философскомъ отношеніи. Конечно, на это есть свой резонъ. Читатель можетъ задать вопросъ объ этихъ громкихъ именахъ и ничего не спросить о неизвѣстныхъ ему Шлейермахерѣ или Баадерѣ. Но тогда слѣдовало бы прямо указывать, что мы тутъ выходимъ за предѣлы философіи *). Историки, въ томъ множествѣ литературныхъ явленій, которыя соприкасаются съ ихъ областью, напрасно не дѣлаютъ строгихъ отличій, почему большею частью и захватываютъ много совершенно лишняго. Собственно говоря, относительно каждаго имени нужно бы особо доказывать, что оно принадлежитъ къ исторіи философіи, и нужно бы установить различныя градации этой принадлежности. Въ настоящее время, когда философская литература, можно буквально сказать, растетъ не по днямъ, а по часамъ, особенно необходимо сдѣлать въ ней какія-нибудь подраздѣленія. Намъ кажется, что очень ясно выдѣляются слѣдующія три области: 1) популярная философія, 2) университетская философія и 3) философія въ строгомъ, или собственномъ смыслѣ слова.

На отдѣлъ популярной философіи указывалъ въ своихъ лекціяхъ Гегель. Сюда относятся всѣ тѣ писанія и ученія, которыя имѣютъ ходъ въ главной массѣ читателей, въ такъ называемой большой публикѣ. Чтобы стать популярною, книга какого бы ни было содержанія должна имѣть особыя свойства, именно, должна опираться на готовые, уже существующія въ публикѣ понятія; большею частью, сами авторы такихъ книгъ принадлежатъ къ публикѣ и потому прямо ссылаются на такія понятія, ни мало не подозрѣвая философскаго требованія—ислѣдовать и оправдать свою точку опоры. Гегель приводитъ въ примѣръ Цицерона; но сюда же можно отнести и другихъ превосходныхъ писателей, говорившихъ о философскихъ предметахъ, на примѣръ, Паскаля, Вольтера, Руссо, Лессинга, Гердера, Ренана и т. д. Какъ бы глубоки и тонки ни были мысли такого писателя, какъ скоро мы не замѣчаемъ въ немъ стремленія уяснить себѣ первичную

---

*) Мы не думаемъ упрекать «Очеркъ» въ томъ, что въ немъ набрано слишкомъ много именъ,—нѣтъ, число ихъ вполне соразмѣрно съ величиною книги. Одни только упомянуты, другія сопровождаются указаніями на жизнь и ученіе философовъ—все это въ объемѣ, допускаемомъ размѣрами учебника. Вообще, выборъ и расположеніе предметовъ не вызываютъ упрековъ, хотя положенія и выраженія многихъ страницъ и возбуждаютъ желаніе спорить съ авторомъ.

основу своихъ понятій и сужденій, мы не можемъ считать его чисто-философскимъ писателемъ. Тутъ нужно судить не по предметамъ, а по приëмамъ мысли.

Въ числѣ тѣхъ готовыхъ убѣжденій, которыя всегда распространены въ большой массѣ читателей, бываютъ часто не только нравственныя, политическія и т. п. чувства и мнѣнія, но и нѣкоторыя философскія ученія. Это всегда—теоріи, имѣющія большую простоту и опредѣленность, представляющія легко уловимую логическую связь. Съ тѣхъ поръ, какъ такія теоріи были ясно сформулированы и опредѣленно высказаны, онѣ становятся, можно сказать, бессмертными, то-есть, всегда имѣютъ больше или меньше приверженцевъ. Умы людей, попадая въ своемъ развитіи на извѣстныя точки, постоянно возсоздаютъ все тѣ же взгляды и въ тѣхъ же формахъ. Къ такимъ ученіямъ принадлежать: эмпиризмъ, сенсуализмъ, скептицизмъ, матеріализмъ, спиритуализмъ, деизмъ и т. д. Исторія философіи была поставлена въ необходимость выработать эти термины и многіе имъ подобныя, для того чтобъ означать нѣкоторыя ученія, встрѣчающіяся среди явленій философіи, начиная отъ Эалеса и до нашихъ дней. Какую роль имѣютъ эти ученія въ отношеніи къ философскимъ системамъ, въ какой зависимости они состоятъ отъ движенія чисто-философской мысли,—вопросъ, котораго мы здѣсь не будемъ касаться. Мы хотѣли только указать на то, что они имѣютъ способность дѣлаться популярными, распространяться и укрѣпляться въ умахъ. Въ такихъ случаяхъ, однако же, они получаютъ то свойство, которое принадлежитъ всему популярному, именно, больше или меньше теряютъ сознательное отношеніе къ своимъ основамъ. Они становятся убѣжденіями, иногда даже крѣпкими и дѣятельными, но съ философской стороны это почти всегда только *предубѣжденія*. Поэтому исповѣдники такихъ теорій обыкновенно не умѣютъ доказывать своихъ положеній, поэтому легко впадаютъ въ мнѣнія, несогласныя съ ихъ исповѣданіями, и т. д.

Существованіе этого особаго литературнаго и умственнаго движенія, не совпадающаго съ областью философіи, такъ ясно, что историки невольно выдѣляютъ эту сферу изъ общаго хода своего разсказа. Они приняли за обычай составлять особыя главы подъ названіемъ: *англійское просвѣщеніе, французское просвѣщеніе, нѣмецкое просвѣщеніе* (Aufklärung). Это и будетъ то, что Гегель называетъ *популярною философіей*.

Университетская философія есть терминъ, довольно употребительный въ Германіи и Франціи. Укажемъ на Шопенгауэра, который въ процвѣтаніи этой философіи не даромъ видѣлъ помѣху для своего прославленія и потому писалъ противъ нея съ такимъ раздраженіемъ. Во Франціи школа Кузена долго господствовала въ университетахъ, такъ что тамъ названіе *университетская философія* имѣетъ даже болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ гдѣ-нибудь *). Какъ бы то ни было, ясно, что существуетъ и множится съ каждымъ годомъ большая область философской литературы, подходящая подъ это названіе. Особенность этой литературы заключается въ нѣкоторой неизбѣжной искусственности ея книгъ и искусственности самаго ихъ успѣха. Преподаваніе философіи есть, конечно, труднѣйшее изъ всѣхъ преподаваній; силы преподавателей не только иногда, а очень часто недостаточны для исполненія такой задачи. Преподаватели стараются восполнить эту недостаточность ученостью, прилежнымъ подборомъ авторитетныхъ мнѣній и т. д. Потомъ,—они читаютъ обыкновенно полные курсы извѣстныхъ наукъ, и потому имъ нужно бываетъ охватить свой предметъ во всемъ его объемѣ, причѣмъ приходится прибѣгать къ чисто-внѣшнимъ приемамъ. Между тѣмъ профессоръ имѣетъ предъ собою множество слушателей, такъ что имя его становится очень извѣстнымъ. Онъ выпускаетъ, наконецъ, свой учебникъ, или руководство,—и книга его идетъ между слушателями. Какъ общій обзоръ предмета, она интересуется и людей глубоко-посвященныхъ въ науку и непремѣнно вызываетъ вниманіе и обсужденіе другихъ профессоровъ философіи. Такимъ образомъ, профессоръ-писатель никакъ не можетъ остаться въ неизвѣстности, и репутація его скоро достигаетъ той высоты, какой заслуживаетъ. Дѣло естественное, и Шопенгауэръ, не успѣвшій стать профессоромъ, напрасно сердился, что книга его не вызвала такого вниманія, какъ лекціи профессоровъ. Можетъ-быть, и *Критику чистаго разума* не скоро стали бы читать и изучать, еслибы Кантъ былъ простымъ бюргеромъ въ Кёнигсбергѣ, а не профессоромъ университета.

Мы видимъ отсюда, какія достоинства преимущественно свой-

---

*) См. напр. P. Janet. La philosophie française contemporaine. Par. 1879, стр. 37—95.

ственны университетской философіи. Она всегда есть хранительница учености и преданій и не даетъ предмету упасть ниже извѣстнаго уровня. Шопенгауэръ упрекаетъ профессоровъ въ томъ, что они, ради выгодъ службы, нерѣдко берутся за дѣло не по силамъ, и что, по оффиціальности положенія, не могутъ быть вполне свободны въ преподаваніи. Конечно, это нужно имѣть въ виду; но вѣдь и относительно каждаго писателя мы должны рѣшать вопросъ, за свое ли онъ дѣло взялся, а также, если онъ, предположимъ, и ничѣмъ не стѣсненъ въ выраженіи своихъ мыслей, намъ еще придется спрашивать себя: не пользуется ли онъ при этомъ и «свободою отъ здраваго смысла»? Профессора, какъ извѣстно, не уронили своего дѣла. За книгу профессора мы все-таки беремъ съ меньшимъ недоумѣріемъ, чѣмъ за какую другую; замѣчательнень фактъ, что, кажется, не было ни разу случая, чтобы каеэдру философіи занималъ матеріалистъ. Наконецъ, профессорами были величайшіе философы послѣдняго періода: Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель. Меньше, чѣмъ когда-нибудь, Шопенгауэръ имѣлъ право негодовать на университетскую философію, и потому, конечно, еще больше сердился. Ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что не всякій профессоръ философіи есть философъ; но что онъ и не можетъ быть философомъ, какъ это утверждалъ Шопенгауэръ, нельзя говорить, тогда какъ это почти непремѣнно нужно сказать о всякомъ дѣятелѣ популярной философіи.

И все же, Шопенгауэръ былъ правъ, въ основѣ своихъ жалобъ, то-есть въ той мысли, что эта философія *можетъ* стать помѣхою истинному движенію философской мысли, и что тогда это бываетъ большая помѣха. Но въ такомъ смыслѣ можно сказать, что все въ нашемъ мірѣ мѣшаетъ философіи. Какъ особая область человѣческаго ума, высокая и важная, она находится въ прикосновеніи и легко приходитъ въ антагонизмъ со всѣми другими умственными областями. Ей можетъ мѣшать религія, направленіе другихъ наукъ, искусство, политика, общественное мнѣніе и пр. Ближайшимъ же образомъ, конечно, ей могутъ мѣшать популярная и университетская философія, какъ область, захватывающая ея собственное мѣсто. Шопенгауэра раздражало особенно то препятствіе, которое было прямо у него предъ глазами, но онъ видѣлъ, конечно, и другія помѣхи. «Философія, въ истинномъ смыслѣ этого слова,—говорилъ онъ,—есть книга за семью печа-

тами, которую одинъ геній передаетъ другому чрезъ головы людскихъ поколѣній».

Какъ намъ уловить эту передачу, совершающуюся надъ нашими головами? Вокругъ насъ шумитъ и разливается какая-нибудь популярная философія, или даже двѣ-три такихъ философіи, спорящихъ за преобладаніе. Университетская философія прислушивается къ этому шуму, даже иногда выступаетъ сама на арену спора, но, вообще говоря, держится другихъ началъ часто потерявшихъ всякую популярность, и предлагаетъ намъ обширную ученость по разнымъ направленіямъ. А между тѣмъ дѣйствительная философія или забыта и пренебрежена, или получила свое новое развитіе у какого-нибудь уединеннаго мыслителя, какъ Лейбницъ, Спиноза, и мы еще не можемъ ни услышать ее съ кафедръ, ни прочесть о ней въ газетахъ. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, намъ остается одно средство — изучать исторію философіи, но не съ тѣмъ, чтобы только знать кое-что о философахъ и ихъ писаніяхъ, а съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно учиться у нихъ философствовать.

IV.

Приложеніе органическихъ категорій.

«Кто былъ послѣдователемъ какой-нибудь философской системы, тотъ уже знаетъ, что такое философія», говаривалъ Гегель. Мы можемъ выбрать Платона, какъ Шопенгауэръ, или Аристотеля, какъ Тренделенбургъ, и на нихъ учиться философіи. Но, разумѣется, мы вѣримъ въ успѣхи человѣческаго ума, и потому вникнемъ и въ послѣдующія системы, и даже всего охотнѣе остановимся на новѣйшихъ. Исторія должна намъ дать отвѣтъ на вопросъ: въ какомъ отношеніи находятся системы между собою? Составляютъ ли онѣ отдѣльныя явленія, хотя бы и очень своеобразныя по формѣ, но одинаковыя по сущности? Или онѣ образуютъ цѣпь и, въ извѣстномъ смыслѣ, рядъ поднимающихся ступеней? Въ «Очеркѣ» нашего автора объ этомъ сказано такъ:

«Различныя философскія ученія въ ихъ непрерывной преемственности представляютъ собою строго послѣдовательные моменты развитія философскаго мышленія, движимаго стремленіемъ къ одной цѣли, къ философской истинѣ» (стр. 1).

Вотъ какая тѣсная и однообразная связь существуетъ, по мнѣнію автора, между философскими системами, и какъ неуклонно, по прямой линіи, онѣ идутъ къ своей цѣли. Изъ такого понятія слѣдовало бы, что послѣдняя система есть наиболѣе зрѣлое проявленіе философской истины, и что историкъ обязуется довести насъ къ этому проявленію по прямой линіи послѣдовательныхъ системъ. Нельзя, конечно, упрекать краткій «Очеркъ» въ томъ, что эта задача въ немъ не исполнена, что связь системъ въ немъ почти только помѣчена, а не изложена. Но уже изъ этихъ помѣтокъ можно видѣть, что исторія философіи не имѣетъ того строгаго хода, какой предполагается вначалѣ. Движеніе философской мысли, очевидно, представляетъ перерывы, остановки, раздвоенія, уклоненія, повороты назадъ и т. д. Чтобы понимать это движеніе, нужно взять схему гораздо болѣе сложную, чѣмъ прямая линія. Вообще, о какихъ бы явленіяхъ мы ни рассуждали, намъ нужны такія общія понятія, которыя бы насъ не стѣсняли и могли бы свободно принимать въ себя всякое видоизмѣненіе явленій. Для исторіи философіи Гегель указалъ, какъ на руководящее понятіе, на *развитіе* и его различныя категоріи. Развитіе значитъ такая перемѣна въ нѣкоторомъ существѣ, при которомъ сущность его остается неизмѣнною, а только все больше и больше раскрывается. Такъ, идея философіи раскрывается въ той или другой степени въ каждой системѣ. Чтобы не вдаваться въ глубину этой теоріи, а между тѣмъ видѣть на ясномъ примѣрѣ употребленіе понятія развитія и всего множества подчиненныхъ ему понятій, намъ всего проще обратиться къ наукамъ объ организмахъ, такъ какъ развитіе есть существенная и отличительная черта организмовъ. Тутъ мы найдемъ, что развитіе бываетъ нормальное и уродливое, что бываютъ задержки и остановки въ развитіи, что есть развитіе боковое и параллельное, есть атрофія частей, возвратная метаморфоза и т. п. Если философія по существу своему есть нѣчто развивающееся, то все это и къ ней приложимо. Подобно тому, какъ все органическое носитъ въ себѣ различныя возможности и постоянно стремится осуществить ихъ, но не всегда успѣваетъ въ этомъ, а часто задерживается, искажается, даже гибнетъ, такъ и философія постоянно стремится раскрыть свою сущность, воплотить свою идею, но достигаетъ этого изрѣдка и не вполне; продолжая расти, она на каждомъ шагу встрѣчаетъ задержки, угнетающія и искажающія вліянія, и потому ча-

сто производить уродливости, подвергается болѣзнямъ и иногда впадаетъ въ полную летаргію. Великое дѣло — умѣть въ философскихъ явленіяхъ различныхъ эпохъ, странъ и народовъ различать нормальныя формы отъ ненормальныхъ, видоизмѣненій, сохраняющія типъ философской мысли, отъ тѣхъ, въ которыхъ этотъ типъ нарушается или извращается. Умы людей вообще подчиняются ихъ желаніямъ; поэтому въ нихъ легко складываются самыя странныя понятія; притомъ, въ умахъ, чуждающихся труда мысли, легко уживаются совершенно противорѣчивыя взгляды, и, какъ вода скопляется тамъ, гдѣ ниже, такъ и людскія понятія, по естественной тяжести, стремятся къ самымъ низменнымъ и, слѣдовательно, легкимъ формамъ.

Если мы будемъ все это имѣть въ виду, то исторія философіи потеряетъ для насъ то однообразіе, въ которомъ она часто является. Нужно будетъ опредѣлить особый характеръ каждаго мыслителя и каждой эпохи, которую станемъ разсматривать. Напримѣръ, что такое Гоббсъ, Фейербахъ? Составляютъ ли они нормальныя, или тератологическія явленія? Или, — что такое эпоха матеріализма, наступившая въ половинѣ нашего столѣтія? Составляетъ ли она одно изъ неправильныхъ развитій тогдашней философіи, или это одно изъ давнишнихъ направленій, возродившееся въ нашъ вѣкъ въ силу нѣкотораго атавизма? Или, наконецъ, это всегдашній потокъ низменныхъ понятій, появившійся на поверхности, когда потеряли свою силу болѣе высокія явленія человѣческой мысли?

Вообще, историки часто впадаютъ въ ту ошибку, что послѣдованіе во времени принимаютъ за послѣдовательность философскаго развитія. Они рѣдко, и то мимоходомъ, указываютъ даже на одновременность, на синхронизмъ явленій, во многихъ случаяхъ столь очевидный. Объясняя одно ученіе за другимъ, они пытаются всегда и расположить ихъ въ одну линію, хотя такой порядокъ ничуть не выражаетъ дѣйствительной связи ученій. Для изображенія отношеній между системами нужно бы составлять особыя таблицы, въ родѣ тѣхъ, какія въ употребленіи у зоологовъ и ботаниковъ. Тутъ группы организмовъ располагаются не въ одинъ послѣдовательный рядъ, но часто идутъ по параллельнымъ линіямъ, образуютъ развѣтвленія и иногда составляютъ собою концы отходящихъ вѣтвей. Зачатки подобныхъ таблицъ явились у историковъ философіи, наприм., у Эрдма-

на *). Но это дѣло, какъ очень существенное, нужно бы вести съ совершенною полнотою и отчетливостью.

Своеобразіе системъ опредѣляется, между прочимъ, очень замѣтно національностью философовъ. Мы безъ объясненій даемъ нѣкоторый, довольно опредѣленный смыслъ словамъ — *нѣмецкая, французская, англійская* философія. Историки поневолѣ употребляли иногда подобныя характеристики, но постоянно сопротивлялись ихъ строгому приложенію. Они держались той мысли, что философія есть наука общечеловѣческая, интернаціональная. Конечно, это справедливо, но только въ отвлеченномъ смыслѣ, какъ опредѣленный, нашъ родной языкъ не мѣшаетъ, а, напротивъ, помогаетъ намъ выражать наши мысли и чувства, такъ и опредѣленный складъ народнаго духа не мѣшаетъ, а способствуетъ развитію нашихъ философскихъ понятій. Отвлеченно же мы всѣ—человѣки, и всѣ стремимся къ общечеловѣческимъ мыслямъ и понятіямъ, а не къ какимъ другимъ. Исторія философіи, какъ наука, возвышающаяся надъ вѣками и народами, не только не должна пренебрегать особенностями эпохъ и племенъ, а, напротивъ, должна ихъ изслѣдовать и опредѣлять. Одинъ изъ послѣднихъ историковъ, Фалькенбергъ, далъ примѣръ вниманія, которое нужно обращать на національность. Приступая къ исторіи новой философіи, онъ пытается сперва опредѣлить «философскій характеръ англичанъ, французовъ и нѣмцевъ» **), такъ какъ оказалось, что развитіе философіи у этихъ народовъ зависитъ отъ этого особеннаго ихъ характера.

Если мы сумѣемъ изучать исторію философіи, прилагая къ ней всѣ такого рода категоріи, то она явится предъ нами и во всемъ своемъ разнообразіи, и во всей своей связи. Каждое ея явленіе откроетъ для насъ свое значеніе, и мы будемъ все яснѣе и яснѣе понимать самую природу философіи. Такъ тотъ, кто изслѣдовалъ всѣ ряды организмовъ, полнѣе понимаетъ сущность органической жизни, чѣмъ тотъ, кто изучалъ лишь одинъ опредѣленный организмъ.

---

*) См. Grundriss der Geschichte der Philosophie. 3-tte Aufg. Berl. 1878. Bd. II, стр. 599.

**) Geschichte der neueren Philosophie. 2-te Aufg. Leipz. 1892, стр. 65—69.

V.

Событія и періоды.

Исторія есть всегда разсказъ о событіяхъ, т.-е. о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, о томъ, что произошло нѣчто новое, чего прежде не было, и исчезло нѣчто старое, которое было когда-то новымъ. Въ сущности, каждая система философіи есть нѣкоторое событіе, и мы должны умѣть отличать въ ней новое отъ стараго. Но эти событія обыкновенно тѣсно связаны съ ближайшими къ нимъ и составляютъ съ этими ближайшими одну группу или линію. Есть крупныя событія, какъ бы перевороты или переломы, которые отдѣляютъ совокупность многихъ системъ отъ послѣдующихъ за ними философій. Такими событіями исторія философіи раздѣляется на періоды меньшаго или большаго размѣра. Если мы беремъ дѣло съ внѣшней стороны, то многія хронологическія точки раздѣленія на періоды можно бываетъ легко указать. Напримѣръ: начало философіи — Фалесъ, Анаксимандръ; далѣе — Сократъ, какъ начавшій новый періодъ у Грековъ; потомъ — появленіе христіанства, раздѣлившее всю исторію на періодъ языческой и періодъ христіанской и т. д. Но если мы хотимъ дѣйствительно понимать развитіе философіи, то мы не удовольствуемся только тѣмъ, что нашли, по какимъ-нибудь общимъ впечатлѣніямъ и внѣшнимъ соображеніямъ, дѣленіе на періоды; мы зададимъ себѣ вопросъ: что же именно тутъ случилось? Какой переломъ, какая метаморфоза произошла въ развитіи? Дѣленіе на періоды вѣдь значитъ, что системы одного періода, во-первыхъ, имѣютъ нѣкоторый общій характеръ и, во-вторыхъ, что этотъ характеръ различается отъ характера слѣдующаго періода. Если мы того и другого характера не умѣемъ опредѣлить, не успѣли въ нихъ вникнуть, то наше дѣленіе есть простой хронологическій приѣмъ и никакого научнаго значенія не имѣетъ, не даетъ намъ понятія объ историческомъ ходѣ философіи.

Напримѣръ, не должны ли мы всячески стараться о томъ, чтобы ясно и отчетливо понимать, чѣмъ новая философія, христіанская, отличается отъ древней, языческой? Если мы этого не знаемъ, то мы, можно сказать, ничего не знаемъ въ исторіи философіи, такъ какъ намъ неизвѣстенъ смыслъ самаго важнаго ея событія. Въ каждой системѣ новаго времени мы должны бы умѣть видѣть тѣ черты, которыми она отличается отъ древней фило-

софіи. Между тѣмъ, мы любимъ только повторять, что христіанство произвело великій переворотъ, дало новое направленіе чело-вѣческому духу; но въ чемъ состоитъ это направленіе и та печать, которую оно неизбежно наложило на всѣ явленія духа, — мы почти никогда не умѣемъ сказать. Въ «Очеркѣ» мы находимъ слѣдующія замѣчанія:

«Христіанское Откровеніе сообщило человѣку самыя вѣрныя, необходимыя для него понятія о Богѣ, мірѣ и о немъ самомъ, — понятія, которыя навсегда оставались бы чуждыми чело-вѣческому разуму, еслибъ онъ былъ предоставленъ самому себѣ» (стр. 48).

Весь же ходъ «философіи христіанскаго міра» опредѣляется такъ:

«Зависимость философской мысли — по формѣ отъ греческой фило-софіи, а по содержанію отъ христіанскаго вѣроученія — составляетъ отличительную особенность *перваго періода* фило-софіи христіанскаго міра». «Съ Декарта и Бэкона фило-софія обращается къ собственному, свободному отъ авторитетовъ изслѣ-дованію сущности и законовъ природы и духа. Въ этомъ случаѣ фило-софія основывалась на простой увѣренности, что до позна-нія природы и духа можно самостоятельно дойти посредствомъ опыта и мышленія» (стр. 49, 50).

Если такъ характеризовать два главныхъ періода христіанской фило-софіи, то можно подумать, что новая фило-софія противорѣчитъ тому значенію, которое принадлежитъ Откровенію, что она беретъ на себя сдѣлать то, чего безъ Откровенія сдѣлать невозможно. Тогда это будетъ какъ бы возвращеніе къ языче-ству, попятный ходъ чело-вѣческаго духа. Такъ это и понимаетъ Штёкль, видящій въ новой фило-софіи одно заблужденіе; такъ смотритъ и Левъ XIII, давшій своей паствѣ совѣтъ держаться фило-софіи Тѳомы Аквинскаго.

Но дѣло не такъ просто. Тутъ нужно бы сперва рѣшить во-просъ, какихъ именно истинъ чело-вѣческой умъ не можетъ до-стигать собственными усиліями и какихъ можетъ? Вопросъ труд-ный и, какъ извѣстно, очень спорный *). Не лучше ли будетъ

*) Въ «Ученіи о Богѣ» того же автора мы находимъ слѣдующія слова:

«Самое вѣрное понятіе о Богѣ, безъ сомнѣнія, даетъ откровенное христіан-ское ученіе. Но если разумъ чело-вѣческой имѣетъ назначеніе приводить къ истинѣ, то очевидно, что чело-вѣкъ долженъ находить въ своемъ разумѣ всѣ достаточныя основанія къ признанію того, что сообщаетъ о Богѣ Открове-ніе» (стр. 1).

Можетъ-быть и возможно согласить это съ тѣмъ, что сказано въ «Очеркѣ»;

подойти къ предмету съ болѣе общей и ясной стороны? Намъ слѣдуетъ убѣдиться и довести это убѣжденіе до отчетливаго пониманія, что наше мышленіе отлично отъ мышленія древнихъ, и что виною этого отличія—христіанство. Съ появленіемъ христіанства человѣкъ сталъ въ новыя отношенія къ Богу и природѣ, именно потому, что человѣческая личность получила неизмѣримо высокое значеніе, какого она никогда не имѣла въ древнемъ мірѣ. Когда Богъ явился во плоти и назвалъ людей своими сынами и братьями, тогда, естественно, для души и мысли человѣческой долженъ былъ начаться новый періодъ. Но такой глубокой переворотъ не могъ совершиться легко и быстро. Цѣлое тысячелѣтіе, средніе вѣка, можно назвать отрочествомъ, или школьными годами человѣчества, когда оно, подчиняясь всякимъ авторитетамъ, усвоило себѣ новыя взгляды и упорно трудилось, такъ-сказать, надъ преобразованіемъ своей души. Когда, наконецъ, это воспитаніе кончилось, тотчасъ же обнаружилась его великая плодотворность. Наступила эпоха такого умственного движенія и творчества, какого еще не видала исторія. Очевидно, мысль человѣка пріобрѣла новыя силы, новую смѣлость и твердость; природа ей стала покорнѣе, и міръ духовный яснѣе и понятнѣе.

Нѣтъ сомнѣнія, что новая философія носитъ на себѣ печать христіанскаго воспитанія. Древніе, на примѣръ, никогда такъ отчетливо не отдѣляли матеріальнаго отъ духовнаго, какъ мы. Декартъ и Кантъ, еслибъ они не были христіанами, не обращались бы къ своей душѣ и къ своему познанію такъ, какъ они это сдѣлали.

Во всякомъ случаѣ, существованіе нѣкотораго новаго характера мышленія не подлежитъ вопросу, и непремѣнная задача исторіи — опредѣлить этотъ характеръ и изучить его во всѣхъ проявленіяхъ. Часто историки, рассматривая Возрожденіе и новую философію, больше всего обращаютъ вниманіе на тѣ элементы, которые противорѣчатъ религіи и церкви; но и на этихъ элементахъ лежитъ тотъ же новый характеръ, котораго уже не можетъ сбросить съ себя человѣческая мысль.

но съ перваго взгляда, вопросъ кажется неясно поставленнымъ, или неясно выраженнымъ.

VI.

Германскій идеализмъ.

Еслибы въ исторіи философіи не было событій, то не было бы и никакого прогресса, и чѣмъ больше размѣры этихъ событій, тѣмъ яснѣе для насъ, что совершается нѣкоторое движеніе, котораго свойства и силы тутъ предъ нами обнаруживаются. Одно изъ такихъ крупныхъ событій состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго явился въ Германіи рядъ первостепенныхъ философовъ, очень тѣсно примыкающихъ другъ къ другу, такъ что они образуютъ группу, рѣзко отдѣляющуюся отъ предыдущаго и послѣдующаго хода философіи. Четыре имени: Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель—поравнялись своею славою съ лучшими именами, какія только знаетъ исторія философіи. Это была великая школа *идеализма*, отыскивавшая корни познаній въ *идеяхъ*, въ области и произведеніяхъ нашего ума. Но она потомъ вдругъ упала, быстро потеряла свое огромное вліяніе, и это произошло не потому, что возникла какая-нибудь новая философія, вытѣснившая прежнюю, а потому, что умы стали отворачиваться отъ философіи вообще. Съ тѣхъ поръ затихло самое движеніе философіи и, не смотря на встрѣчавшіяся потомъ попытки создать новое и возобновить старое, не смотря на продолженіе и развитіе философской учености и литературы, ни одно имя не достигло значенія, принадлежавшаго четыремъ свѣтиламъ германскаго идеализма.

Вотъ фактъ исторіи философіи, который эта наука должна бы указывать и изучать самымъ отчетливымъ образомъ; вотъ послѣдній великій урокъ исторіи, который, кажется, уже настолько выяснился и отдалился отъ насъ, что можетъ на насъ дѣйствовать.

Въ 1860 году, слѣдовательно, тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти Гегеля, Ренанъ писалъ: «Одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ, которыми были ознаменованы послѣдніе тридцать лѣтъ въ умственномъ движеніи, есть внезапное прекращеніе всякихъ великихъ философскихъ умозрѣній. Не знаю, со временъ среднихъ вѣковъ, происходило ли когда подобное явленіе съ такою поразительною рѣзкостью» *).

*) Dialogues et fragments. Par. 1876, стр. 257.

Прошло тридцать лѣтъ послѣ этихъ словъ Ренана; нашъ вѣкъ дѣлалъ всякіе успѣхи въ познаніяхъ, но въ философіи положеніе дѣлъ не измѣнилось. Въ 1892 году Фалькенбергъ печатаетъ заявленіе, подобное Ренанову:

«Съ Гегелемъ,—говоритъ онъ,—угасло славное поколѣніе властителей, которое съ исхода прошлаго столѣтія твердою рукой заправляло судьбами философіи. Съ его смерти (1831) намъ слѣдуетъ считать начало второго періода послѣ-кантовской философіи, который, и по убыванію спекулятивной творческой силы, и по раздробленности трудовъ, замѣтно и невыгодно отличается отъ перваго періода» *).

Въ чертахъ еще болѣе рѣзкихъ даетъ формулу того же событія другой современный намъ историкъ философіи, *Виндельбандъ*. Онъ говоритъ:

«*Исторія философскихъ началъ окончилась вмѣстѣ съ развитіемъ нѣмецкихъ системъ на пограничной области (1781—1820) между прошлымъ и нашимъ столѣтіемъ. Обзорніе развитія, послѣ нихъ и изъ нихъ совершавшагося, въ которомъ мы находимся и теперь еще, имѣетъ болѣе литературно-исторической, чѣмъ собственно философской интересъ. Ибо ничего существеннаго и цѣннаго новаго съ тѣхъ поръ не появлялось*» **).

Итакъ, мы живемъ во время упадка философіи, и этотъ упадокъ наступилъ уже давно, болѣе шестидесяти лѣтъ назадъ.

Какъ же намъ понимать это событіе? Въ чемъ его причина и сущность? Можно просто сказать, что въ это время не родилось гениальныхъ философовъ, которые могли бы поравняться съ прежними свѣтилами. Или, что тѣ гениальные люди, которые рождались, были увлекаемы духомъ вѣка и занимались социальными вопросами, естественными науками, политикой, искусствами и т. д., а не философіей. Такія объясненія всегда можно допустить, но они, очевидно, не исчерпываютъ вопроса. Для историка философіи важнѣе всего было бы спросить себя: не было ли *внутренней* причины, по которой остановилась философія? Можетъ быть, она совершила въ это время нѣкоторый полный кругъ, до конца развила извѣстныя начала, которыми задалась; тогда дальнѣйшее движеніе по этому направленію стало невозможнымъ, а

*) Geschichte der neueren Philosophie, 2er Aufl. Leipz. 1892, стр. 465.

***) Geschichte der Philosophie. Freib. in B. 1892, стр. 490.

найти новое направление, или новую высшую ступень, стало, во всякомъ случаѣ, очень труднымъ. Если мы вспомнимъ значеніе, которое придавала себѣ Гегелевская философія, то такое объясненіе остановки окажется вполне согласнымъ съ этимъ значеніемъ. По свидѣтельству Фейербаха, Гегель самъ не называлъ своей философіи *абсолютною*, но его приверженцы давали ей такое названіе, и это было, замѣчаетъ Фейербахъ, «совершенно согласно съ ученіемъ самого философа» *).

Фейербахъ потомъ разсуждаетъ, что невозможно же, чтобы система Гегеля, эта «опредѣленная, особенная, эмпирически данная» система была *сама философія*, что одно недѣлимое не можетъ осуществить въ себѣ весь свой родъ. Однако же, нельзя не подивиться, что до настоящаго времени все идетъ дѣйствительно такъ, *какъ еслибы* этой системой завершалось движеніе философской мысли, *какъ еслибы* съ тѣхъ поръ намъ оставался только одинъ выборъ: или держаться Гегеля, или вовсе отказаться отъ философіи. Мы ждали долго, что появится, какъ это столько разъ бывало, новая система, которая смѣнитъ гегельянство; но поколѣнія проходили за поколѣніями, и дѣло философіи все остается въ томъ же положеніи.

Для пониманія этой исторіи очень важно уяснить себѣ завершающій характеръ ученія Гегеля; можно, конечно, думать, что это завершеніе неполно или невѣрно; но что произошло нѣкоторое завершеніе, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Возьмемъ предметъ въ самомъ простомъ и чистомъ его видѣ. Мы мыслимъ, вообще говоря, не иначе, какъ посредствомъ категорій, подводимъ всякое содержаніе подъ нѣкоторыя постоянно у насъ готовыя понятія. Кантъ, можно сказать, усомнился въ категоріяхъ, или, выражаясь общѣе, вздумалъ ихъ изслѣдовать, найти ихъ происхожденіе, опредѣлить ихъ истинное значеніе. Но какъ же мыслить о категоріяхъ? Нужно, очевидно, стать выше ихъ, выйти изъ ихъ области; нужно уже мыслить *не посредствомъ категорій*, потому что категоріи-то и подвергаются вопросу. Мышленіе должно, слѣдовательно, подняться на новую ступень, на которой оно прежде не стояло и не двигалось. Кантъ объявилъ поэтому, что онъ нашелъ новую науку, *трансцендентальную* философію, которая занимается не познаніемъ, а *усл-*

---

*) Feuerbach. Werke, Bd. 2, стр. 188.

віями всякаго познанія, которая познаеть нѣчто такое, что имѣеть мѣсто раньше, чѣмъ состоится какое-нибудь познаніе, или (чтобъ избѣжать столь явнаго противорѣчія) раньше того, что мы обыкновенно называемъ познаніемъ.

Когда былъ открытъ этотъ новый путь, когда была найдена и доказана возможность, такъ сказать, новаго мышленія, трансцендентальнаго, діалектическаго, спекулятивнаго, нашлись мыслители, которые съ величайшимъ жаромъ схватились за новое орудіе и стали прилагать его къ дѣлу, покоряя философіи область за областью. Это были, главнымъ образомъ: Фихте, создатель субъективнаго идеализма, и Шеллингъ, создатель объективнаго идеализма.

Когда же, такимъ образомъ, новое мышленіе показало свою силу, когда произвело превосходныя философскія теоріи, обновило и углубило всѣ наши воззрѣнія на Бога, природу, науки, исторію человѣчества, тогда явился Гегель, который привелъ къ сознанію самую методу этого мышленія, — тотъ приѣмъ, которымъ были достигнуты эти успѣхи. Что такое *Логика* Гегеля? Это такая же таблица категорій, какъ у Канта, но расширенная и доведенная до полноты. Кантъ взялъ свои категоріи изъ формальной логики, какъ нѣчто данное; Гегель же уже считалъ для себя яснымъ самый принципъ образованія категорій, ихъ отношеній и распаденій, и потому составилъ полную и стройную ихъ систему. Задача Канта была рѣшена въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ онъ ее поставилъ.

Итакъ, системы германскихъ идеалистовъ имѣють между собою самую тѣсную внутреннюю связь, и послѣдняя изъ нихъ заключаетъ собою весь циклъ этой философіи. Вотъ чѣмъ объясняется остановка философскаго движенія; начать новую философію значило бы не только выйти изъ этого цикла, но и найти новую область мысли, задаться новыми, болѣе высокими задачами, то есть совершить нѣчто очень трудное, если и возможное. Гораздо легче вернуться на старые пути, или же вовсе игнорировать идеализмъ.

До настоящей минуты, при появленіи какой-нибудь философской теоріи, мы предлагаемъ себѣ, или обязаны предлагать, вопросъ: какія категоріи употребляетъ авторъ? И когда узнаемъ, какія, то спрашиваемъ: вполне ли онъ ихъ подвергаетъ трансцендентальному изслѣдованію, діалектикѣ? Отвѣтъ на эти во-

просы и будетъ философскимъ обсужденіемъ явившейся теоріи; объ авторахъ, которые не идутъ на-встрѣчу такого суда, или вовсе о немъ не знаютъ, необходимо придется сказать, что они стоятъ ниже того уровня, до котораго когда то возвысилась философiя. Очень живописно выразился по этому предмету Баадеръ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ уже разъ зажженъ Гегелемъ діалектической огонь (это *ауто-да-фе* бывшей дотолѣ философiи), нельзя иначе достигнуть блаженства, какъ посредствомъ него, т.-е. проведя себя и свои произведенія чрезъ этотъ огонь, а никакъ не тѣмъ, что мы будемъ устранять его изъ разсмотрѣнія или захотимъ его даже игнорировать» *).

Къ несчастію, многіе не знаютъ, что таково положеніе дѣла. Между тѣмъ, для опытнаго глаза по нѣсколькимъ страницамъ видно, умѣетъ ли авторъ *ставить и развивать понятія*, идетъ ли его мысль діалектически, или же не имѣетъ опредѣленнаго пути. Скажемъ и наоборотъ: неопытный глазъ не замѣчаетъ діалектики даже въ писаніяхъ, гдѣ она вполне господствуетъ; поэтому многіе постоянно смѣшиваютъ философское съ нефилософскимъ.

Прибавимъ еще замѣчаніе. Ни въ чемъ такъ ясно не обнаружился завершительный характеръ этой философiи, какъ въ ея способности понимать прошлое, въ томъ свѣтѣ, который она распространила на исторію вообще и въ особенности на исторію философiи. До сихъ поръ въ этихъ областяхъ высшія методическія требованія остаются тѣ самыя, какія установлены Гегелемъ. Очевидно, эта философiя, положимъ, не проникла всѣхъ законовъ и движеній человѣческаго духа, но однако же поняла въ нихъ такъ много, что могла освѣтить намъ ходъ исторіи, научила видѣть смыслъ далекихъ и чуждыхъ намъ фактовъ.

VII.

Современный періодъ философiи.

Послѣ Гегеля начинается та пора философiи, въ которой мы живемъ. Историки давно уже принялись дѣлать очерки этого періода, заносить его событія въ исторію и характеризовать ихъ. Въ книжкѣ г. Страхова ему также посвящено много мѣста, больше

*) *Fermenta cognitionis*. Berl. 1822, стр. VI.

двухъ десятковъ послѣднихъ страницъ. Но эти попытки рассказать ближайшую къ намъ исторію большею частью поразительны по своимъ неправильностямъ. Во-первыхъ, не рѣдко самый періодъ не отдѣляется отъ предыдущаго времени. Историкъ спокойно перечисляетъ имена за именами, книги за книгами, излагаетъ ученіе за ученіемъ, какъ будто не случилось ничего особеннаго. Онъ не замѣчаетъ, что всѣ эти факты имѣютъ интересъ только *литературно-историческій*, какъ выразился Виндельбандъ, а не философскій. Потомъ,—порядокъ хронологическій, которому стараются слѣдовать историкъ, иногда рѣзко расходится съ порядкомъ философскимъ, съ существенною связью системъ. Такъ, на примѣръ, Гербарта и Шопенгауэра ставятъ часто послѣ Гегеля (такъ и у г. Страхова), потому что они составляли нѣкоторую противоположность Гегелю и что ихъ системы получили вѣсь и распространеніе послѣ Гегеля. Извѣстно, что Шопенгауэръ только предъ своею смертію (въ 1860 г.) достигъ большого вліянія. Но, въ сущности, эти философы были противоположны не только Гегелю, а и Шеллингу, и Фихте; они примыкали прямо къ Канту, да и писали почти одновременно съ Фихте и Шеллингомъ, такъ что ихъ слѣдовало бы излагать вслѣдъ за Кантомъ и ранѣе Гегеля, какъ особыя вѣтви, отдѣлившіяся отъ общаго ствола. Но пока господствовали въ умственномъ мірѣ чистые идеалисты, эти вѣтви были въ пренебреженіи и стали процвѣтать только тогда, когда ростъ главнаго ствола остановился.

Итакъ, общіе шаблоны не хорошо прикладываются къ современному періоду, представляющему, какъ видно, особенную запутанность и сложность. Наибольшая неудача историковъ, намъ кажется, заключается въ возведеніи *матеріализма* въ достоинство какой-то ступени философскаго движенія въ наше время. Пишутъ такъ, какъ будто существовала такая система, такое философское ученіе, и что оно явилось послѣ гегелианства и даже *изъ* гегелианства. Намъ кажется, что это лишь очень неправильное обобщеніе явленій. Въ христіанскомъ мірѣ, въ мірѣ новой философіи, матеріализмъ, какъ философская система, уже невозможенъ, уже появляется и ищетъ себѣ опору только внѣ сферы философской мысли. И въ самомъ дѣлѣ, когда историки, слѣдуя общей формулѣ, захотѣли указать творцовъ этой системы, то имъ пришлось возвести въ это званіе Фохта, Молешотта и Бюхнера, т.е. писателей, не имѣвшихъ въ себѣ, по-истинѣ, ничего

философскаго; справедливому потомству когданибудь, конечно, придется навсегда вычеркнуть ихъ имена изъ исторіи философіи.

Событіе, къ которому относятся эти замѣчанія, имѣетъ, вообще очень странный видъ, и еслибы историки, «не мудрствуя лукаво», записали его, то оно явилось бы для насъ очень поучительнымъ. Матеріализмъ господствовалъ въ просвѣщенной Европѣ двадцать лѣтъ, съ 1847 по 1867. Въ 1847 году вышли *Физиологическія письма* Фохта, въ которыхъ авторъ отрицалъ все духовное и утверждалъ, напримѣръ, что мысль такъ же производится мозгомъ, какъ моча почками. Ученіе, искони существовавшее у натуралистовъ и медиковъ, на этотъ разъ получило удивительный вѣсъ и въ публикѣ, и въ ученыхъ сферахъ. Двадцать лѣтъ философы и философія подвергались осмѣянію и пренебреженію, и философская литература понемногу затихла и почти изсякла. Объ этомъ можно справиться по спискамъ выходившихъ тогда книгъ. Правда, университетская философія продолжала свое обычное дѣло, но стала все рѣже и рѣже выпускать свои учебники и руководства. Профессора, впрочемъ, нашли себѣ задачу, вытекающую изъ самаго ихъ долга: они стали писать книги противъ матеріализма, на который еще недавно почти не обращали вниманія. Въ нашей литературѣ это положеніе дѣлъ отразилось цѣликомъ. Въ 1859 году Юркевичъ, профессоръ Кіевской Духовной академіи, написалъ превосходную статью противъ статьи Чернышевскаго *Антропологическій принципъ*; по стараніямъ Каткова, профессоръ былъ приглашенъ въ Московскій университетъ. Когда меня, пишущаго настоящія строки, Катковъ приглашалъ въ 1860 г. писать въ *Русскій Вѣстникъ*, онъ, можно сказать, заказалъ мнѣ статью противъ Бюхнера, почему и написано было «Вещество по ученію матеріалистовъ». Впослѣдствіи (въ 1870 г.) г. Струве (нынѣ профессоръ въ Варшавѣ) писалъ докторскую диссертацию — «Самостоятельное начало душевныхъ явленій» — въ защиту существованія души, и т. д.

Но ни у насъ, ни въ Европѣ усилія эти ни къ чему не привели. Матеріалисты опирались на могущественный авторитетъ, на естествознаніе, авторитетъ столь огромный, что онъ связывалъ свободу даже очень свѣтлыхъ умовъ. Философія замолкала все больше и больше, какъ вдругъ случилось нѣчто неожиданное. Въ 1867 году вышла книга Гельмгольца «*Handbuch der physiologischen Optik*», огромный томъ, излагающій всю ширину и глу-

бину своего предмета, и въ этой книгѣ авторъ ссылался на Канта и на его ученіе о пространствѣ. Эта ссылка точно разрушила какое-то очарованіе. Великій натуралистъ признаетъ Канта! Значить, философія не погибла, не 'безплодное и пустое дѣло! И философскіе писатели почувствовали бодрость, снова принялись писать и часто, въ случаѣ опасности, выставляли въ видѣ твердаго щита знаменательный фактъ: *Гельмгольцъ ссылается на Канта!*

Вообще, съ тѣхъ поръ понемногу дѣла философіи получили новый оборотъ. Мы хотѣли только замѣтить, что историки должны были бы отчетливо, не мелькомъ, какъ мы это сдѣлали, обозначить и характеризовать это печальное время, эту эпоху двадцатилѣтняго (пожалуй, даже *тридцатилѣтняю*) *плыненія философіи*. Зачѣмъ же исторія, если не записываются такія происшествія? Даже въ 1872 году (слѣдовательно, когда уже поднялось новокантіанство и когда Гартманъ имѣлъ блестящій успѣхъ) нашъ Кавелинъ, принявшись за философію, нашель ее въ слѣдующемъ положеніи: «Философія въ полномъ упадкѣ. Ею пренебрегаютъ, надъ нею глумятся. Она рѣшительно никому не нужна. Нѣкоторые утѣшаютъ себя тѣмъ, что это направленіе пройдетъ. Трудно предсказывать будущее, но, судя по признакамъ, мало на это надежды,—никто не даетъ себѣ труда даже опровергать ее,—философія просто отброшена, какъ ненужная вещь» (*Задачи ист. хологии*. 1872 г., стр. 3).

Все это вѣрно и точно, и этотъ эпизодъ долженъ быть для насъ общимъ урокомъ. Излагая исторію философіи, мы все задаемся мыслью, что пишемъ исторію силы и дѣятельности человѣческаго ума; между тѣмъ предъ нами часто совершается только исторія его слабости и косности. Европейское человѣчество показало въ нашъ вѣкъ, что оно ничуть не ушло ни отъ поклоненія авторитетамъ, ни отъ грубыхъ понятій, ни отъ естественной вражды противъ того, что стоитъ высоко и требуетъ усилій для своего постиженія.

Въ настоящее время дѣло, повидимому, идетъ иначе. Профессоръ Александръ И. Введенскій, изъ статьи котораго мы взяли приведенныя слова Кавелина, говорить:

«Подражая ему, мы можемъ сказать теперь обратное: философія — въ почетѣ. Къ ней всѣ стремятся. Ученые чувствуютъ въ ней серьезную потребность, а для большинства, разумѣется,

она предметъ моды такъ же, какъ недавно было въ модѣ пренебреженіе къ ней; но теперь ею уже никто не пренебрегаетъ, а всѣ философствуютъ даже противъ воли» *).

Откуда же такая переменѣна? Какъ и что случилось? Предметъ, достойный размышленія историковъ. Поворотъ обнаружился ранѣе всего въ Германіи, которая, какъ видно, по-прежнему заправляетъ судьбами европейской философіи, какъ ея паденіями, такъ и ея возрожденіями. За Германіей пошли Франція и Англія, прежде державшіяся болѣе независимо. Книги и журналы, говорящіе о философскихъ предметахъ, стали умножаться съ каждымъ годомъ все быстрѣе и быстрѣе.

Пусть мы не повѣримъ Виндельбанду, что всѣ эти книги имѣютъ всего больше литературно-историческій интересъ, т.-е. интересъ исторіи литературы, притомъ въ самомъ простомъ ея смыслѣ, въ смыслѣ исторіи книгодѣланія и книгопотребленія; однако же, послѣ превратностей, пережитыхъ философіею, естественно ѿбудеть, если мы почувствуемъ нѣкоторое недовѣріе къ содержательности ея теперешняго процвѣтанія. Въ особенности намъ, русскимъ, не хотѣлось бы слишкомъ поспѣшно примыкать къ текущему фазису философской литературы, не имѣя какого-нибудь ручательства въ томъ, что этотъ фазисъ представляетъ дѣйствительное философское содержаніе. Тутъ намъ можетъ помочь, очевидно, только исторія философіи. Обыкновенно, когда русскій юноша рѣшилъ заниматься философіею, онъ поступаетъ очень просто: беретъ современныя книги по философіи, окружаетъ себя послѣдними нумерами философскихъ журналовъ, вчитывается въ эти писанія и принимается самъ размышлять о тѣхъ задачахъ и посредствомъ тѣхъ пріемовъ, которые въ нихъ находятъ. И, кажется, тутъ нѣтъ мѣста никакимъ упрекамъ: онъ вѣдь дѣлаетъ то же, что другіе, и дѣлаетъ не хуже другихъ. Но не лучше ли было бы не такъ торопиться, не лучше ли уже съ самага начала попытаться дать своему взгляду нѣкоторую ширину? Еслибы мы начинали съ изученія какой-нибудь великой философской системы, еслибы усвоили ея ученіе такъ, что становились какъ бы ея послѣдователями, то мы пріобрѣтали бы твердую точку опоры и для сужденія о предыдущихъ движе-

---

*) *Образованіе*, педагогическій и научно-популярный журналъ. 1892. Ноябрь, стр. 369.

няхъ философской мысли и для оцѣнки современныхъ ея явленій. Нѣчто подобное такому пользованію прошлыми подвигами философіи совершается, какъ извѣстно, предъ нашими глазами. Университетская философія въ послѣднія десятилѣтія рѣшила *возвратиться къ Канту*, чтобы дать, наконецъ, опредѣленность и устойчивость своимъ разсужденіямъ. Такъ и каждому юношѣ слѣдовало бы убѣдиться, что пока онъ не вчитается въ писанія одного изъ свѣтилъ философіи и не пойметъ хода его мыслей, онъ не будетъ твердъ въ своихъ понятіяхъ о философскихъ вопросахъ вообще.

Отыскать истинный путь человѣческаго ума и такимъ образомъ найти высшую и послѣднюю философію—вотъ, собственно, полная задача, которую можетъ предложить себѣ изучающій исторію философіи. Задача трудная по разнообразію и множеству явленій, подлежащихъ изученію, и по высотѣ пониманія, которой требуетъ философія. Во всякомъ случаѣ, общимъ заключеніемъ исторіи философіи неперемѣнно будетъ указаніе на дѣйствительную или возможную систему, которой нужно держаться. Фалькенбергъ, на послѣдней страницѣ своей книги, очень рѣшительно говоритъ, что философія въ настоящее время должна стремиться къ *возобновленію фихте-гегелевскаго идеализма* *), что это стремленіе логически вытекаетъ изъ всего хода философіи. Если мы обобщимъ это требованіе, если дадимъ ему видъ, свободный отъ всякихъ установившихся взглядовъ, то можемъ сказать, что ищущій высшей и послѣдней философіи долженъ изучать фихте-гегелевскій идеализмъ и затѣмъ найти отношеніе этого идеализма къ послѣдовавшей критикѣ и трудамъ послѣдовавшихъ мыслителей, расширять, измѣнять и отрицать, если нужно, его положенія,—словомъ, *развивать* его, если окажутся у насъ на то силы. Но основы его сохранить придется, потому что, если онъ и не есть *сама философія*, то, во всякомъ случаѣ, одно изъ дѣйствительныхъ воплощеній философіи. А по закону развитія, въ каждомъ новомъ фазисѣ основы только раскрываются, уясняются, но не измѣняются.

Н. Страховъ.

16 Ноября 1893 г.

*) Тамъ же, стр. 503.

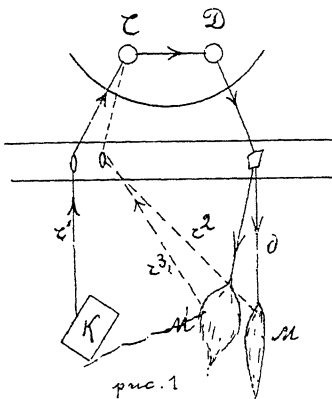
О человѣческой рѣчи.

II.

(Окончаніе).

Я начну съ того положенія современной психологіи, которое признается большинствомъ психологовъ и къ которому присоединяюсь и я,—что нѣтъ ощущенія безъ движенія и нѣтъ движенія безъ ощущенія. Я не буду останавливаться на первой половинѣ его и займусь только второй. Смысль ея тотъ, что если я произвелъ какое-либо движеніе, или если произошло — даже помимо моей воли — какое-нибудь движеніе моего тѣла или части его, то оно всегда и неизбѣжно сопровождается какимъ-либо ощущеніемъ. Всякое движеніе зависитъ отъ сокращенія мышцъ; сокращеніе же мышцы состоитъ, съ механической точки зрѣнія, въ сближеніи двухъ ея точекъ прикрѣпленія. Что дѣлается съ самой мышцей, когда она сокращается?—она становится короче, измѣняетъ свою форму, т.-е. дѣлается толще,—свою консистенцію, т.-е. дѣлается болѣе твердой; въ то же самое время она развиваетъ какъ химическую, такъ и физическую работу. Какъ видите, въ ней происходятъ очень разнообразныя измѣненія. Въ чемъ состоитъ функція нашихъ центральныхъ, помѣщающихся въ мозгу, чувствующихъ аппаратовъ? Они служатъ къ тому, чтобы ни одно ощущеніе, которое гдѣ-либо появляется въ нашемъ тѣлѣ, не пропадало безслѣдно для организма. Къ нимъ по чувствующимъ нервамъ, какъ по телеграфнымъ проволокамъ, доносятся въ мозгъ эти ощущенія и тамъ регистрируются въ различныхъ мѣстахъ, такъ называемыхъ, центрахъ, смотря по тому, изъ какой части организма и отъ какого

органа они идутъ. Миръ воздѣйствуетъ на насъ бесконечно разнообразною серіей тѣхъ ощущеній, которыя мы получаемъ посредствомъ нашихъ органовъ чувствъ; мы же, въ свою очередь, воздѣйствуемъ на миръ посредствомъ нашихъ движеній. Если мы получаемъ извнѣ ощущение пріятное, ощущение удовольствія, мы дѣлаемъ движеніе, чтобы его сохранить, чтобы его увеличить, чтобы воспользоваться имъ полностью, наконецъ, мы отыскиваемъ его, если его нѣтъ. Если это ощущение доставляетъ намъ страданіе, неудовольствіе, мы стараемся посредствомъ движенія устранить его или его избѣгнуть. Вы видите, такимъ образомъ, что движеніе можетъ вызвать измѣненіе въ прежнемъ ощущеніи въ томъ смыслѣ, что или ощущение усилится, или оно уменьшится, т.-е. появится какъ бы новое ощущение. Отсюда ясно, что нѣтъ движенія безъ ощущенія или, лучше сказать, безъ *новой* ощущенія. Но это только одна сторона дѣла. При движеніи, при сокращеніи, мышца сама измѣняется, — и вотъ оказывается, что это измѣненіе, какъ уже было указано, точно также доносится до нашихъ центральныхъ чувствующихъ аппаратовъ. Взгляните на схематическій рисунокъ (рис. 1); пускай К есть кусочекъ поверхности кожи.

Ц.—центръ чувствительный. Д.—двигательный центръ. д.—двигательный нервъ. М.—мышца.

При состояніи покоя мышца расслаблена; при полученіи же какова-нибудь ощущенія съ поверхности К, которое, положимъ, для чловѣка неприятно и которое онъ хочетъ устранить, онъ дѣлаетъ движеніе, т. е. сокращаетъ мышцу. При этомъ сокращеніи прежнее ощущение ослабѣетъ, потому что чловѣкъ устранить его движеніемъ, но, какъ Вы видите на рисунокѣ, въ центральную станцію при этомъ донесется еще рядъ ощущеній съ самой мышцы по Мч³. Что же даютъ эти ощущенія? Они извѣщаютъ центральный аппаратъ, съ какою силой мышца

сократилась, насколько, лучше, на какую длину она сократилась, съ какою скоростью, какъ долго происходило сокращеніе. Такъ бываетъ, если мышца сокращается одна. Но ни одно—казалось бы,

самое несложное — движение не происходит вследствие сокращения одной какой-либо мышцы; всякое, самое простое движение есть актъ въ высшей степени сложный, въ которомъ участвуетъ всегда цѣлая группа мускуловъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего казалось бы проще, какъ согнуть хотя бы въ локтѣ руку, и однако для этого нужно привести въ сокращеніе, вследствие извѣстныхъ механическихъ условий, три мышцы сгибающія; необходимо, чтобъ онѣ сократились всѣ три одновременно; но этого мало: еслибы только эти три мышцы приняли участіе, то движение вышло бы кидящее, бросающее; необходимо для его плавности и регулярности, чтобы съ сокращеніями сгибателей сокращались и разгибатели и, такъ сказать, пускали бы руку постепенно; конечно, при этомъ также необходимое условіе — одновременность сокращенія. Но и этого мало. Еслибы сокращались только мускулы сгибающіе и разгибающіе предплечье, то оно могло бы болтаться вправо и влево, и чтобы устранить это, необходимо также, чтобы приводящія и отводящія мышцы удерживали плечо въ данномъ положеніи. Кромѣ того, нужно, чтобы и сила сокращенія мышцъ извѣстнымъ образомъ распредѣлялась; иначе, еслибы разгибатели сократились сильнѣе, то они не пустили бы руку сгибаться или даже разогнули бы ее и т. д., и т. д. Вотъ при какомъ удивительно сложномъ актѣ присутствуемъ мы, производя самое ничтожное и простое движение. Поэтому, кромѣ свѣдѣній о каждой отдѣльной мышцѣ, донесутся до центральныхъ аппаратовъ еще свѣдѣнія о томъ, куда направлено было движение, какъ результатъ сокращенія всѣхъ мышцъ, въ какомъ положеніи очутился тотъ или другой органъ вследствие извѣстнаго движения въ отношеніи остального нашего организма. Всѣ эти свѣдѣнія, идущія отъ самихъ мышцъ по линіи МЧ, называются въ своей совокупности *мышечнымъ чувствомъ*. Эти ощущенія отъ движений, вследствие которыхъ наше сознание получаетъ свѣдѣнія о томъ, какое движение было сдѣлано даннымъ органомъ, регистрируются въ извѣстныхъ мѣстахъ въ мозгу, которыя называются центрами; движения при повтореніи ихъ узнаются нами потому, что мы помнимъ прежнія движения, или, иначе сказать, имѣемъ *память мышечныхъ ощущеній*. Безъ памяти, этой основной психической способности, и безъ повторенія, не было бы ни психической жизни, ни нашего сознанія.

Если Вы подойдете къ колыбели недавно смотрящаго на Бо-

жій свѣтъ ребенка и посмотрите, что онъ дѣлаеть, Вы замѣтите, что онъ, если ему не мѣшаетъ сонъ, безпрестанно двигаетъ своими маленькими рученками и ноженками, ворочаетъ головой съ боку на бокъ, открываетъ и закрываетъ свой крохотный ротикъ; словомъ, Вы увидите массу движеній, повидимому, нецѣлесообразныхъ, ненужныхъ, которыми наградила его природа съ самаго его рожденія. Но вотъ, изъ этой массы движеній мало-по-малу выбираются, повторяются и запечатлѣваются въ памяти тѣ, которыя даютъ ему удовольствіе, и онъ избѣгаетъ тѣхъ, которыя доставляютъ ему страданія. Чтобы достигнуть того и другого, онъ долженъ нѣкоторыя движенія въ особенности повторять и посредствомъ упражненія и памяти дѣлать ихъ для себя все болѣе и болѣе легко выполняемыми, а другія, наоборотъ, задерживать и не допускать. Мало того, вслѣдствіе основной склонности человѣческой природы, онъ старается *подражать* тому, что видитъ передъ собою, а чрезъ нѣкоторое время и тому, что слышитъ около себя. При этомъ онъ пускается на удачу, дѣлаеть много разъ попытки сдѣлать то, что видитъ или слышитъ. Сначала это сопровождается, понятно, полными неудачами. Но, наконецъ, чѣмъ старше онъ становится, чѣмъ чаще онъ упражняется, тѣмъ удачныя движенія и соответствующія имъ мышечныя ощущенія становятся чаще и тѣмъ крѣпче дѣлается ассоціація между желаемымъ и удачно исполненнымъ движеніемъ.

Такимъ образомъ у ребенка появляются извѣстныя комбинированныя воспоминанія о цѣлесообразныхъ движеніяхъ, которыя можно назвать представленіями движеній, или образами движеній, или *двигательными образами*. Раньше, нежели человѣкъ сдѣлаеть движеніе, которое приведетъ его къ извѣстной цѣли, у него уже есть въ головѣ образъ того движенія, которое нужно сдѣлать для этой цѣли; образъ этотъ есть не что иное, какъ память тѣхъ мышечныхъ ощущеній, которыя получились у него отъ движеній уже раньше приводившихъ его къ той же самой цѣли.

Нѣкоторые ученые, какъ *Ferrier, Bastian, Charcot*, такъ и думаютъ объ этихъ мышечныхъ ощущеніяхъ; но есть другая школа ученыхъ, родоначальникомъ которой является знаменитый германскій физиологъ *Johann Müller* и которая состоитъ изъ авторитетныхъ психологовъ, каковы: Бэнъ, Вундтъ, Льюисъ. Эти послѣдніе утверждаютъ, что, кромѣ ощущеній съ периферіи, т.е. отъ мышцъ, суставовъ, кожи и проч., мы имѣемъ еще ощуще-

ніе того центробѣжнаго тока нервной силы, который исходитъ изъ центровъ мозга, посылающаго по двигательнымъ нервамъ импульсъ къ мышцамъ. Если Вы взглянете на рисунокъ, то увидите, что мы получаемъ ощущеніе не только отъ мышцы сократившейся—по волокнамъ мышцы, но и отъ всего пути *Дм*. Вопросъ о томъ, какое толкованіе вѣрнѣе, хотя и очень интересно, не подлежитъ сегодня нашему обсужденію. Подчеркнемъ же теперь только одинъ выводъ, который мы сейчасъ получили,—что въ человѣческомъ мозгу отъ каждаго цѣлесообразнаго движенія сформировывается свой двигательный образъ, который и остается въ запасѣ, и когда ему понадобится это движеніе, онъ вспоминаетъ соотвѣтствующій двигательный образъ и посредствомъ воли изъ потенциальнаго, недѣятельнаго состоянія переводитъ его въ актуальное, дѣятельное,—такъ что получается движеніе.

Разъ мы говоримъ обо всѣхъ двигательныхъ образахъ, мы ео ipso говоримъ и о двигательныхъ образахъ рѣчи, потому что вся человѣческая рѣчь есть не что иное, какъ сложный комплексъ движеній, въ которыхъ принимаютъ участіе множество мускуловъ: гортани, челюстей, языка, носа, груди и пр. Если бы мы пожелали произнести какую-нибудь букву, напр. хоть букву «а», или какое либо слово, напр. «книга», намъ нужно было бы произвести цѣлый рядъ сложныхъ движеній, образы которыхъ, какъ я уже объяснилъ раньше, вслѣдствіе упражненія, съ дѣтства накопились у насъ и находятся въ нашей памяти въ потенциальномъ состояніи; присоединяя къ вызванному въ памяти двигательному образу звука «а» или слова «книга» свою волю, мы заставляемъ этотъ двигательный образъ, находящійся въ нашемъ мозгу, перейти въ движеніе и произносимъ букву «а» или слово «книга».

Я теперь попрошу Васъ обратить вниманіе на другіе факты. Припомните, какъ ребенокъ выучивается говорить? Если кто-либо изъ Васъ былъ даже совсѣмъ невнимателенъ къ таинственному и полному чудесъ процессу образованія познанія и сознанія и выраженію этого процесса въ формахъ рѣчи у маленькаго существа, то онъ навѣрное все-таки замѣтилъ, что раньше, чѣмъ ребенокъ начнетъ выговаривать какое-нибудь слово, онъ уже его понимаетъ. Съ первыхъ дней своего рожденія онъ умѣетъ уже различать голосъ своей матери отъ другихъ звуковъ. Мало-по-малу, изъ массы этихъ звуковъ онъ научается каждый звукъ

относить къ своему предмету; онъ запоминаетъ эти звуки, ихъ различія между собою. И вотъ, у него накаплиются воспоминанія о различныхъ звукахъ, или *звуковые образы*, по которымъ онъ судить о предметахъ даже тогда, когда ихъ не видитъ. Собака залаяла... и Вы видите, какъ онъ ищетъ ее своими глазенками,— онъ узналъ ее по звуку ея лая. Черезъ нѣкоторое время онъ выучивается понимать цѣлыя слова, цѣлыя фразы, хотя его собственный лепетъ не представляетъ ничего удобопонятнаго. Вы часто слышите мать, которая рассказываетъ про своего ребенка, если онъ запоздалъ нѣсколько говорить: «правда, онъ не умѣетъ еще говорить, но онъ все понимаетъ»: она знаетъ, что у него есть звуковые образы словъ, значеніе которыхъ онъ понимаетъ; но подражать имъ онъ не можетъ: у него нѣтъ еще двигательныхъ образовъ. Бываютъ случаи, и такой случай находится у меня въ настоящее время въ Бахрушинской больницѣ, когда субъектъ дѣлается взрослымъ и, не смотря на это, двигательныхъ образовъ не имѣетъ и не можетъ говорить, хотя и есть у него звуковые, такъ что онъ все понимаетъ. Итакъ, мы пришли къ тому выводу, что раньше, чѣмъ образуются у человѣка двигательные образы словъ, у него уже накапливаются звуковыя воспоминанія ихъ—звуковые образы. И еще выводъ, что у человѣка *для каждою слова есть и звуковой образъ, и двигательный.*

Если мы обратимся вновь къ прежнимъ примѣрамъ разстройства человѣческой рѣчи, то будемъ поражены полнымъ подтвержденіемъ патологическими фактами того вывода, который только что получили. Въ первомъ случаѣ, случаѣ Брока, гдѣ больной все понималъ, но не могъ ничего говорить, Вы сами мнѣ подскажите, что здѣсь у больного *исчезли*, вслѣдствіе патологическаго процесса въ мозгу, всѣ *двигательные* образы, кромѣ одного бессмысленнаго слога *tan, tan*, а у второй больной, у которой сохранилась способность произносить цѣлыя фразы, но которая не понимала ни одного вопроса, съ которымъ къ ней обращались, *исчезли звуковые* образы, а двигательные остались. Отсюда слѣдуетъ, что для правильной человѣческой рѣчи необходимо сохраненіе какъ звуковыхъ, такъ и двигательныхъ образовъ словъ. Вотъ схема человѣческой рѣчи Lichtheim'a (рис. № 2).

Пониманіе рѣчи идетъ по пути АВ. Проще всего было бы предположить, что произвольная рѣчь идетъ по пути ВМn; если я хочу повторить сказанное, не понимая его, то она изберетъ

путь $aAMm$. Но оказывается, что если признать правильною схему для пониманія рѣчи и для повторенія безъ пониманія, то не такъ просто строеніе произвольной рѣчи. Для того, чтобъ эта послѣдняя была правильна, необходимо, чтобы не только двигательные образы были цѣлы, но и звуковые. — При той второй формѣ афазіи, примѣръ которой я Вамъ представилъ выше, т. е. при глухотѣ къ словамъ, при *surditas verbalis*, — происходитъ обыкновенно разстройство, которое носить названіе парафазіи. Оно характеризуется тѣмъ, что хотя больной и правильно произноситъ буквы и слова, но онъ безпрестанно одно слово замѣняетъ другимъ, совершенно не идущимъ къ дѣлу, или же замѣняетъ въ словѣ одну букву другой и получаютъ слова, ничего не значащія. Напримѣръ, на вопросъ: сколько вамъ лѣтъ? — больной отвѣчаетъ: «Я, благодарю васъ, гулялъ». Или — желая сказать, чтобъ открыли дверь выпустить собаку, другой больной приказалъ: «откройте собаку»; вмѣсто «дайте мнѣ масло», говорить: «вайте мнѣ пасло». Какъ видите, когда утрачиваются звуковые образы, человѣкъ не можетъ говорить правильно. Посмотрите на ребенка, когда онъ учится говорить: онъ слышитъ какое-нибудь слово, у него является звуковой образъ этого слова, онъ старается произвести такое движеніе голосовымъ аппаратомъ, чтобъ у него появился звукъ, тождественный съ звуковымъ образомъ, только-что слышаннымъ и оставшимся въ памяти, и этотъ образъ звучитъ у него во все то время, пока онъ старается самъ произвести искомый звукъ. Значитъ, мы учимся произносить или приобретаемъ двигательные образы слова, постоянно имѣя надъ собой контроль въ звуковыхъ образахъ. Такъ, повидимому, остается и у человѣка взрослого, т. е. онъ употребляетъ для своей произвольной рѣчи путь $ВAMm$. Но можно возразить:

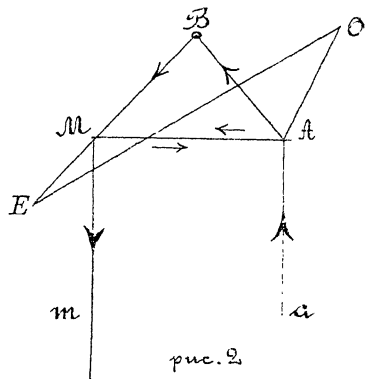

рис. 2

m — двигательный нервъ, M — центръ двигательныхъ образовъ языка, E — центръ двигательныхъ графическихъ образовъ, a — чувствительный нервъ (слуховой, зрительный), A — центръ звуковыхъ образовъ, O — центръ зрительныхъ образовъ, B — коллективный центръ сознанія.

какъ же выучиваютъ говорить глухонѣмыхъ отъ рожденія, у которыхъ, конечно, не существуетъ звуковыхъ образовъ? Они, понятное дѣло, принуждены пользоваться путемъ ВМп. Отсюда слѣдуетъ, что, по всей вѣроятности, при произвольной рѣчи мы пользуемся сразу двумя путями: и ВАМп, и ВМп, а можетъ-быть какъ-нибудь и еще сложнѣе, какъ это предполагаетъ Lichtheim.

Когда я объяснял, какимъ образомъ появляются у человѣка двигательные образы, то я тогда же упомянулъ, что такимъ же способомъ образуются, вслѣдствіе упражненія въ извѣстныхъ движеніяхъ, всякіе двигательные образы, вслѣдствіе чего, если человѣкъ привыкъ работать на прядильной машинѣ, у него появляются привычныя движенія, которыя *Hartley* называетъ вторичными, т.-е. приобретенными автоматическими движеніями,—движенія, нужныя для этой прядильной машины; если онъ музыкантъ, у него разовьются такія же вторично-автоматическія движенія и соотвѣтственные имъ двигательные образы для игры на фортепьяно; если онъ учится и выучился писать, то такіе же двигательные образы руки для письма.

Дѣйствительно, патологическія наблюденія показываютъ, что можетъ существовать утрата только двигательныхъ образовъ одного какого-нибудь рода, а другіе могутъ при этомъ сохраниться. При утратѣ способности письма получается какъ бы «афазія руки», говоритъ Шарко. *Ogle* въ 1867 г. назвалъ подобное явленіе *аграфіей* (γράφω пишу, аграфія — невозможность писанія). Какъ въ первомъ страданіи въ отношеніи языка, такъ тутъ въ отношеніи руки замѣчается, что всѣ другія движенія могутъ вполнѣ сохраниться и только исчезаютъ тѣ движенія или двигательные образы, которые необходимы для письма.—Здѣсь также можетъ сохраниться способность писать какіе-нибудь обрывки буквъ или одну какую-нибудь букву, которая замѣняетъ собою цѣлый алфавитъ, а рядомъ съ оставшимися клочками какъ бы правильныхъ буквъ выступаютъ совершенно непонятныя черточки, или же слова пересыпаны одной и той же буквой: наприм., вмѣсто «царскій флотскій офицеръ» пишутъ «царнденд флотнденд офорндендд». Это то, что *Gairdner* называетъ *интоксикація*, или отравленіе мозга какою-нибудь буквой. Но при этомъ удивительно, что способность списыванія или писанія подъ диктантъ можетъ быть сохранена.—Объясненіе такому явленію я дамъ позднѣе. — Больной или больная можетъ

продолжать такъ же хорошо играть, какъ и раньше, чертить геометрическія фигуры, рисовать профили, шить, вязать и проч. — словомъ, той рукой, которая не можетъ, какъ заколдованная, начертить ни одной буквы, исполнять всѣ самыя тонкія работы. Итакъ, мы пришли къ тому заключенію, что для того, чтобы человѣкъ могъ правильно говорить, ему необходимы: для каждаго слова одинъ *двигательный* образъ, другой—*чувствительный*, звуковой, а чтобы правильно писать, ему нуженъ еще *двигательный образъ для руки*. Значить, въ общемъ мы получили *два двигательныхъ образа, для рѣчи и письма, и одинъ чувствительный, звуковой*.

Но въ настоящее время необходимой частью человѣческой рѣчи служить также и чтеніе. Какъ оно совершается и что необходимо для этого?—Присмотритесь, какъ въ первый разъ ребенокъ учится читать. Вы видите, что онъ дѣлаетъ напряженіе, старается разсматривать хорошенько каждую букву, старается ее запомнить. Нужно замѣтить, что ни одно впечатлѣніе, которое получаетъ маленькій или большой человѣкъ изъ внѣшняго міра, не пропадаетъ для него совершенно безслѣдно, а складывается, регистрируется, запоминается въ человѣческомъ мозгу, въ его центрахъ, и при случаѣ даетъ себя знать. Долгое время нужно, чтобы разобраться ребенку въ той массѣ безконечно разнообразныхъ впечатлѣній, которыя приносятся его воспринимающему мозгу органомъ зрѣнія. Наконецъ, онъ разбираетъ хорошо, что онъ видитъ; онъ различаетъ и окраску, и форму, и силу свѣтовыхъ ощущеній, и все это отпечатывается у него въ особенномъ мѣстѣ мозга, въ извѣстномъ центрѣ зрительныхъ образовъ. На основаніи этихъ воспоминаній о томъ, что онъ видѣлъ, этихъ зрительныхъ образовъ, онъ узнаетъ предметы, которые уже однажды прежде видѣлъ, узнаетъ тѣ движенія, которыя уже разъ мелькнули передъ его глазами. Но вотъ наступаютъ годы, когда онъ долженъ запоминать, что придумало человѣчество для того, чтобы навсегда слѣлать бессмертнымъ свое духовное творчество,—онъ учится *читать*.

Было время, когда люди писали прямо образы предметовъ, которые они видѣли. Видѣли слона,—они чертили что-то похожее на слона; хотѣли написать, что его ведетъ кто-нибудь,—это и изображали; это были очень плохія картины, которыми человѣкъ старался передать свою вѣчно движущуюся мысль; это были іероглифы. Потомъ оказалось удобнѣе для каждаго слова

имѣть свой особый значокъ, какъ это и до сихъ поръ существуетъ въ китайскомъ языкѣ. Осилить такое, такъ называемое, идеографическое, письмо, конечно, представляетъ очень трудную работу для памяти. И вотъ, мало-помалу, народы кавказской расы пришли къ фонетическому письму, т.-е. разложили слово на отдѣльные звуки и каждому звуку придали свой значокъ. Какъ Вы знаете, этихъ звуковъ не особенно много и изъ нихъ состоитъ наша азбука. Когда ребенокъ учится читать, онъ смотритъ на букву, и этотъ зрительный образъ запоминается; въ то же время ему говорятъ, что это буква «б», т.-е. стараются, чтобы у него ассоціровался зрительный образъ буквы *б* съ звуковымъ образомъ звука *б*; ребенокъ дѣлаетъ движенія артикуляціоннымъ аппаратомъ, повторяетъ звукъ *б*, и вотъ, зрительный образъ ассоціируется еще съ двигательнымъ образомъ артикуляціоннаго аппарата; кромѣ того, онъ учится писать букву *б*, и такимъ образомъ происходитъ ассоціация и съ двигательнымъ образомъ руки. Что это такъ, что въ самомъ дѣлѣ мы обладаемъ совершенно особеннымъ складочнымъ мѣстомъ для зрительныхъ образовъ буквъ и словъ, намъ доказываютъ тѣ патологическіе факты, въ которыхъ главнымъ явленіемъ въ отношеніи рѣчи вырисовывается *потеря способности читать*. Куссмауль, который впервые охарактеризовалъ это интересное страданіе въ своей прекрасной монографіи «Die Störungen der Sprache», называетъ его *coecitas verbalis*, *словесная слѣпота*.

Позвольте мнѣ рассказать Вамъ слѣдующій случай, наблюдавшійся *Charcot*. Одинъ французскій негоціантъ 35 лѣтъ, читавшій и писавшій хорошо по-французски, однажды отправился вмѣстѣ съ своими пріятелями на охоту за лисицами. Вдругъ онъ видитъ на половину спрятавшуюся въ травѣ лисицу, стрѣляетъ и бьетъ ее наповаль...; къ несчастью оказалось, что онъ убилъ не лисицу, а прекрасную собаку одного изъ своихъ товарищей. Тотъ былъ глубоко огорченъ, плакалъ, — и это страшно потрясло негоціанта. Однако, послѣ завтрака охота еще продолжалась. Близко около негоціанта пробѣгаетъ заяцъ, онъ въ него стрѣляетъ, убиваетъ его также наповаль, но затѣмъ самъ падаетъ на землю съ восклицаніемъ, что у него параличъ правой стороны, и затѣмъ теряетъ сознание. Черезъ нѣкоторое время, когда онъ оправился, онъ совершенно хорошо говорилъ, выражалъ свои мысли, отвѣчалъ на вопросы, писалъ свое имя, свой адресъ, даже могъ

написать длинное письмо безъ орфографическихъ ошибокъ; но одно странно, свое письмо, вообще все, что бы онъ ни написалъ, онъ не могъ перечестъ; точно также онъ не могъ прочитатъ ни одной строчки, ни одного слова, ни одной буквы изъ написаннаго или напечатаннаго. «Я пишу,—говорилъ онъ,—какъ съ завязанными глазами, я не могу прочестъ того, что я написалъ». Вотъ примѣръ чистой словесной слѣпоты, или слѣпоты къ словамъ. Но однако всѣ окружающіе предметы, лица и пр. онъ такъ же хорошо видѣлъ, какъ и всякій здоровый человѣкъ. Такой больной можетъ, напримѣръ, совершенно свободно играть въ домино, въ карты, любоваться картиной, самъ рисовать, даже отгадывать ребусы. Этой способностью рисовать объясняется то загадочное явленіе, о которомъ я раньше упомянулъ, а именно, что такіе больные могутъ списывать, но не читать то, что они списываютъ. Дѣло въ томъ, что они, такъ сказать, срисовываютъ, а не списываютъ, какъ мы срисовывали бы какое-нибудь санскритское или арабское письмо.

Итакъ, для *каждаго слова у образованнаго* человѣка должно существовать *четыре образа* (звуковой, артикуляціонный, графическій и зрительный), а у *необразованнаго* только *два* первыхъ.

Теперь понятна будетъ для Васъ схема Шарко. (рис. № 3).

Вотъ колоколь, звонъ котораго доносится до моего уха; это ощущеніе доходитъ до моего мозга и регистрируется въ извѣстномъ мѣстѣ его, въ ЦЗО. Я называю предметъ словомъ «колоколь», и это также регистрируется въ мѣстѣ, близко лежащемъ къ предыдущему, въ ЦЗС. Если участвуетъ сознаніе, то изъ этихъ двухъ мѣстъ донесутся два ощущенія до общаго сознанія С. Если я захочу вспомнить о колоколѣ, то у меня воскреснутъ два воспоминанія: звукъ отъ него и слово, которымъ его назвали. Но если я самъ захочу назвать его, то для этого я привожу въ возбужденіе новый центръ—центръ двигательныхъ образцовъ, который заправляетъ моей способностью артикуляціи, ЦДО, и произношу слово колоколь. Я смотрю на колоколь и запоминаю его форму, его видъ, и этотъ образъ отлагается у меня также въ мозгу въ мѣстѣ ЦЗрО; при мнѣ кто-нибудь пишетъ слово «колоколь», я смотрю внимательно на эти условные значки, которые запоминаются въ мѣстѣ ЦЗрС. Такъ какъ въ этомъ участвовало сознаніе, то и эти два зрительные образа доносятся до него. Но я, кромѣ того, могу и написать слово «ко-

локоль», и вотъ я возбуждаю свой центръ движенія руки для письма ЦГрО и пишу его.

Вы видѣли, что если какой-либо изъ 4-хъ центровъ, въ которыхъ отложены памятью различные образы словъ, разрушится, происходитъ и соответственное этому разстройство рѣчи. Но не для всѣхъ людей одинаково, какой центръ разрушился. У

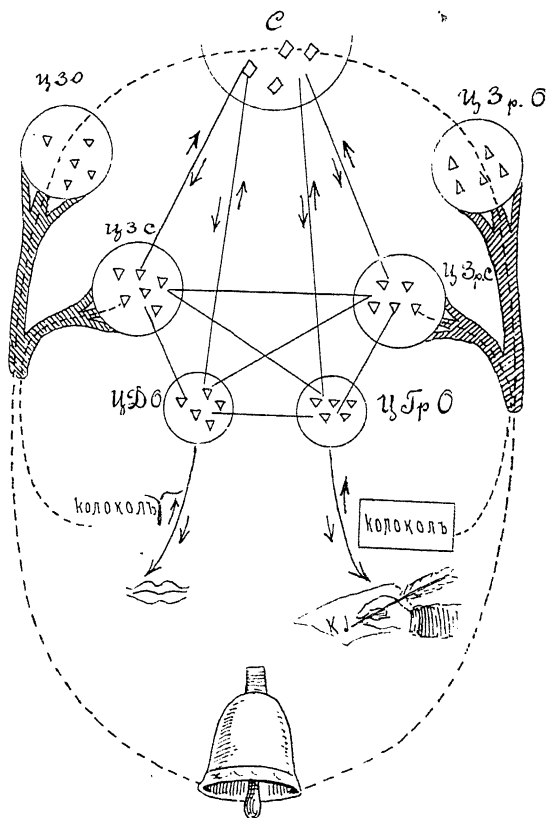

рис. 3.

С—коллективный центръ сознанія, ЦЗО—центръ общій для звуковыхъ образовъ, ЦЗС—центръ для звуковыхъ образовъ словъ, ЦЗр.О—центръ общій для зрительныхъ образовъ, ЦЗр.С—центръ для зрительныхъ образовъ словъ, ЦДО—центръ двигательныхъ образовъ для артикулированной рѣчи, ЦГр.О—центръ двигательныхъ образовъ графическихъ для рукъ.

одного при разрушеніи центра для звуковыхъ образовъ появит-ся глухота къ словамъ, которая и останется на всю жизнь; у

другого то же самое страданіе, такой же силы и той же распространенности, произведетъ такую же глухоту къ словамъ, но онъ скоро оправится и будетъ говорить почти такъ же, какъ и прежде. То же самое замѣчается и въ отношеніи другихъ центровъ рѣчи. Отчего же зависятъ эти индивидуальныя различія? Разрѣшеніе этого явленія принадлежитъ Charcot.

Ужъ давно указывалось, наприм. Льюисомъ, Тэномъ и другими философами и психологами, что память не есть какая-нибудь отдѣльная способность, имѣющая свой собственный органъ, что есть *различныя памяти*. Я больше запоминаю звуки; другой больше то,—что онъ видитъ; третій—то, что онъ дѣлаетъ, свои собственные движенія. Поэтому людей можно разбить, не касаясь болѣе мелкихъ подробностей, на четыре разряда. Одни больше запоминаютъ то, что они слышатъ: когда они думаютъ, они слышатъ какъ бы внутренно слова своей думы. Egger говоритъ: «вечеромъ, когда лампа погашена, когда мы на время отказались отъ дѣятельной мысли, отъ сознанія, отъ разсуждающаго разума, мы хотимъ покоя, мы желаемъ забыться; но сонъ бѣжитъ отъ нашихъ глазъ; мучимые безсонницей, мы не можемъ заставить замолчать нашу мысль; мы ее слышимъ, потому что она имѣетъ голосъ; она сопровождается внутреннимъ голосомъ, такимъ же живымъ, какъ и мы сами; не только мы ее слышимъ, но и слушаемъ, потому что она противорѣчитъ нашимъ желаніямъ, нашему рѣшенію; она насъ удивляетъ, она насъ беспокоитъ, она является неожиданной и враждебной намъ; мы желаемъ ее осилить, успокоить, отвратить ее на другіе предметы, чтобы въ концѣ концовъ она замолкла». Такъ описываетъ свою внутреннюю мысль тотъ, котораго Charcot называетъ *un auditif*, такъ какъ внутренняя рѣчь складывается у него, главнымъ образомъ, изъ звуковыхъ образовъ. Припомните, какой громадной памятью для звуковъ обладаютъ иногда музыканты. Моцартъ, прослушавъ 2 раза Miserere Сикстинской капеллы, положилъ его на ноты.

Вторую категорію образуютъ люди, которые запоминаютъ, преимущественно, зрительные образы и для которыхъ звуковые образы не имѣютъ почти никакого значенія. Рѣзкій примѣръ таковыхъ представляютъ, конечно, живописцы. Какова должна была быть зрительная память у Гораса Верне или Густава Доре, которые могли, разъ взглянувъ на лицо, писать на память его портретъ! Вотъ какъ одинъ живописецъ рассказы-

ваеть о такой способности. «Когда предо мною модель, я внимательно рассматриваю ее полчаса, отъ времени до времени набрасывая самый простой эскизь, и этого довольно; дальше—я не имѣю надобности смотрѣть на нее; я перехожу къ слѣдующему полотну для другого лица. Когда я желаю продолжать первый портретъ, я воображаю себѣ прежняго субъекта, сажая его на стуль, гдѣ я его могу такъ же хорошо видѣть, какъ бы это было въ дѣйствительности, и даже добавлю, что формы и краски при этомъ бывають еще опредѣленнѣе, еще живѣе. Я посматриваю отъ времени до времени на воображаемую фигуру и начинаю рисовать; иногда я перестаю работать, чтобы присмотрѣться хорошенько къ позѣ фигуры, какъ будто бы оригиналь былъ предо мною; всякій разъ, когда я бросаю взглядъ на стуль, я вижу человѣка».—Математики, какъ оказывается, принадлежать къ этому типу людей. Ихъ наука больше даетъ зрительныхъ образовъ, чѣмъ слуховыхъ, или звуковыхъ. Тѣмъ замѣчаетъ, что дѣти, пріучаясь дѣлать вычисленія мысленно, часто пишутъ въ умѣ мѣломъ на воображаемой доскѣ задаваемые цифры, потомъ частныя дѣйствія съ ними, и потомъ конечную сумму, и все это они могутъ вновь пересмотрѣть. Чудесные дѣти-математики сами объ этомъ свидѣтельствуютъ. Юный Calbom, который никогда не былъ въ школѣ, не умѣлъ ни писать, ни читать, рассказывалъ, что рѣшая свои сложныя задачи, онъ видѣлъ ихъ ясно предъ глазами. Знаменитый ораторъ *Hérault de Sechelles* говорилъ, что рѣчь лучше всего писать, потому что память лучше вспоминаеть написанное; нужно начертить себѣ какъ бы картину, въ которой читаешь въ то время, когда произносишь рѣчь. Этотъ второй типъ Charcot называетъ: *un visuel*, т. е. такой, у котораго внутренняя рѣчь, внутренняя духовная жизнь складывается болыне всего изъ зрительныхъ образовъ. Конечно, каждый изъ насъ въ одно и то же время и *auditif*, и *visuel*. Для громаднаго большинства людей слуховыя, или звуковыя представленія суть представленія знаковъ, т.-е. слышанныхъ словъ, потому что слово есть все-же не что другое, какъ условный звуковой знакъ, подъ которымъ мы понимаемъ извѣстную вещь, объектъ. Напротивъ, зрительные образы суть представленія вещей, или объектовъ по существу, и только въ исключительныхъ случаяхъ представленія словъ. Если мы воображаемъ себѣ какой-нибудь объектъ, напримѣръ, хоть собаку, цвѣтокъ и проч., мы представляемъ его

себѣ посредствомъ зрительнаго образа,—какъ бы видимъ собаку, цвѣтокъ, а не воображаемъ прежде всего лай собаки или запахъ цвѣтка. Другія ощущенія: слуховыя, обонятельныя, осязательныя, изъ которыхъ у насъ создается представленіе о предметѣ, скрываются при этомъ за главнымъ зрительнымъ впечатлѣніемъ.

Есть еще третья группа людей, у которыхъ, главнымъ образомъ, вырисовываются, какъ конструктивный элементъ ихъ психической жизни—двигательные образы. Это тотъ типъ, который *Charcot* называетъ *moteur*.—Вѣнскій проф. *Stricker* написалъ цѣлую книгу «*Du langage et de la musique*», въ которой желалъ, въ противоположность *Egger*'у, утверждавшему, что мы не говоримъ нашей мысли, а ее слышимъ, — доказать, что «мы не слышимъ нашей мысли, а говоримъ ее». *Stricker* рассказываетъ наблюденія надъ собой и начинаетъ свою книжку такимъ образомъ: «Когда я спокойно сижу, закрою глаза и ротъ и въ это время вспоминаю хорошо мнѣ знакомые стихи, мнѣ кажется, если я устремляю свое вниманіе на мои органы рѣчи,—что я внутренно говорю. Правда, мои губы сомкнуты, мои оба ряда зубовъ сдвинуты, мой языкъ неподвиженъ,—и все-таки мнѣ кажется, что я произношу гдѣ стихи, которые я вспоминаю... Если я думаю о буквѣ В, я имѣю ощущеніе въ губахъ, если о буквѣ Г или К, то ощущеніе въ корнѣ языка». Никакіе—ни зрительныя, ни звуковыя—образы у *Штриккера* не принимаютъ ни малѣйшаго участія въ представленіи этихъ звуковъ. Когда онъ читаетъ, онъ чувствуетъ постоянныя ощущенія въ артикуляціонномъ аппаратѣ; когда онъ слушаетъ кого-нибудь другого, оказывается, что онъ, какъ бы невольно, внутренно повторяетъ за говорящимъ его слова. Вы часто слышите утверженіе психологовъ, что дѣйствіе подуманное есть уже отчасти дѣйствіе совершенное; если я, напримѣръ, думаю поднять руку, то я какъ бы отчасти ее уже поднялъ. На этомъ основывается отгадываніе мыслей, которое, вѣроятно, многіе изъ Васъ испытывали на себѣ и на своихъ знакомыхъ. Достаточно Вамъ напряженно и усиленно думать, что для того, чтобы найти спрятанную вещь, нужно повернуть направо,—и Вы сами невольно повертываете нѣсколько направо, и тотъ, который отыскиваетъ съ завязанными глазами спрятанную вещь, держась за Васъ, долженъ только подчиняться этому невольному легкому Вашему повороту направо; онъ свернетъ направо и т. д., пока Вы, не подозрѣвая того сами, остановитесь на томъ мѣстѣ, гдѣ Вы спрятали вещь. Вы видите, что

туть нѣтъ ничего таинственнаго; нужно только, чтобы тотъ, кто спряталъ вещь и знаетъ, гдѣ она помѣщена, былъ хорошимъ «moteur», чтобы онъ думалъ въ двигательныхъ образахъ; а разъ онъ подумалъ, что необходимо повернуть направо, онъ даетъ незамѣтный для него самого импульсъ къ тѣмъ мускуламъ, которые поворачиваютъ корпусъ направо. Но для этого, повторяю, нужно быть хорошимъ «moteur»; а если попадетъ человѣкъ, который больше мыслить зрительными представленіями, то опытъ не удался; вотъ почему съ однимъ это удастся, съ другимъ нѣтъ. Вы сами теперь можете сдѣлать отсюда выводъ, что заключеніе психологовъ,—что подуманное движеніе, а значитъ и слово, есть уже отчасти выполненное движеніе,—подлежитъ ограниченію и исполнѣ приложимо только къ тому третьему типу, который Charcot такъ удачно назвалъ moteur.—Четвертую категорію составляютъ тѣ, у которыхъ нѣтъ преобладающей памяти къ какимъ-нибудь образамъ; къ этой категоріи принадлежитъ, можетъ быть, большинство людей. Это то, что Charcot наз. *indifferent*, безразличный. Теперь понятно, почему одно и то же пораженіе въ одномъ случаѣ ведетъ къ сильному разстройству рѣчи, въ другомъ—нѣтъ. Напримѣръ, для Штриккера, какъ для moteur, потеря двигательныхъ образовъ была бы гораздо печальнѣе, чѣмъ для Egger'a, который представляетъ собою типъ *auditif*; и разрушеніе зрительныхъ образовъ для живописца, какъ *un visuel*, было бы истое несчастье, а для Штриккера—можетъ быть, не особенное.

Я старался показать конструкцію слова, такъ сказать, психическіе элементы его, образы, съ нимъ связанные, но не касался чрезвычайно интересныхъ вопросовъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Теперь, отыскавъ эти элементы, мы находимся все еще только на рубежѣ той области психологіи, которая занимается человѣческой рѣчью.

Я Вамъ приведу одинъ примѣръ. *Freund*, бывший ассистентъ клиники въ Бреславлѣ, въ 1889-мъ году описалъ три весьма интересныхъ случая. Вообразите себѣ больного, который совершаетъ правильно всѣ дѣйствія, можетъ самъ одѣваться, ѣсть ложкой, понимаетъ, что ему говорятъ окружающіе; исполняетъ все то, что отъ него требуютъ; но когда онъ самъ хочетъ говорить, у него нѣтъ словъ для названія тѣхъ предметовъ, на которые онъ смотритъ и которые желаетъ назвать. Напримѣръ, если ему по-

казываютъ мотокъ шерсти, онъ называетъ его «кусочекъ матеріи,—это не сукно, не атласъ, это какъ бы чулки, то, изъ чего дѣлаютъ различныя вещи» и пр., и только долго, долго спустя, наталкивается, наконецъ, на слово «шерсть»; но нѣкоторыхъ предметовъ онъ такъ и не въ состояніи назвать. Онъ самъ понимаетъ, что онъ называетъ ихъ не такъ, все желаетъ поправиться и никакъ не можетъ подыскать подходящаго имени. Словомъ, это то же самое, какъ еслибъ я началъ подыскивать названія предметовъ на позабытомъ мною въ настоящее время греческомъ языкѣ. Можно было бы сказать, что это — афазія Вроса, при которой потеряны двигательные образы словъ, а потому больной понимаетъ все окружающее, не можетъ только говорить. Но вотъ что удивительно: какъ только Вы даеъ показываемый предметъ въ руки больному, онъ тотчасъ и безошибочно его называетъ. Какъ же объяснить себѣ этомъ странный и загадочный фактъ: больной все время правильно говорить и называетъ вещи, пока онъ ихъ ощупываетъ?

Я попрошу припомнить, что такое наше представленіе о колоколѣ. Это — нѣчто очень сложное. Въ самомъ дѣлѣ, въ него входятъ звуковыя ощущенія отъ звона, который отъ него исходитъ; зрительныя его формы — цвѣтъ; кожныя — отъ прикосновенія къ нему пальцами нашей кожи: онъ холоденъ или тепелъ, гладокъ или шероховатъ; мышечныя ощущенія — отъ тѣхъ движеній, которыя нужны, чтобы ощупать его пальцами. Когда я говорю слово «колоколъ», то воспоминанія о всѣхъ этихъ ощущеніяхъ возбуждаются посредствомъ этого звука въ моемъ мозгу, и я представляю себѣ колоколъ. Чтобы назвать его, оказывается необходимымъ, чтобы отъ всѣхъ этихъ ощущеній, т. е. отъ каждаго въ отдѣльности, неслись импульсы къ двигательному образу слова «колоколъ», и только тогда я правильно его назову. Но предположимъ, что какъ разъ путь отъ зрительныхъ ощущеній порвался; тогда я не смогу его назвать, несмотря на то, что я внимательно его буду разсматривать и буду понимать, что смотрю на колоколъ; но дайте его въ руки, или позвоните въ него — и я правильно его назову, потому что отъ звуковыхъ, кожныхъ и мускульныхъ ощущеній у меня пути сохранены къ двигательному образу слова «колоколъ». Этимъ-то и объясняются случаи *Freund*'а и др., гдѣ больные не могли назвать предметовъ, смотря на нихъ, и свободно ихъ называли, какъ только

предметъ попадалъ имъ въ руки. *Freund* назвалъ эти случаи оптической, или *зрительной афазіей*.

III.

Перехожу къ послѣдней части моего сообщенія.

Въ 1885-мъ году появилось одно очень интересное изслѣдованіе *Grashey*, въ то время профессора въ *Würzburg*'ѣ, которое должно было пролить новый свѣтъ на ученіе о разстройствахъ рѣчи, а значить—и на самую ея конструкцію. Дѣло касалось 27-лѣтняго мужчины, который, вслѣдствіе паденія съ лѣстницы, сломалъ себѣ черепъ и во время своего пребыванія въ госпиталѣ въ *Würzburg*'ѣ долгое время страдалъ въ отношеніи своей рѣчи слѣдующими особенностями. Онъ понималъ все то, что ему говорили; объяснялся сравнительно безъ особенныхъ затрудненій; могъ читать напечатанное и написанное, могъ писать самопроизвольно, подѣ диктантъ, и списывать—и въ то же время, если ему показывали совершенно для него знакомый предметъ, не могъ его назвать. Вы можете сказать, что это—случай предыдущей, зрительной афазіи. Нѣтъ, это не такъ. Первый больной тотчасъ называлъ предметъ, когда бралъ его въ руки; второй же сдѣлать этого былъ не въ состояннн, если даже все время держалъ его въ рукахъ, а могъ только подыскивать забытое названіе, смотря пристально на предметъ и въ то же время, чертя на бумагѣ ли, на своей ли рукѣ,—словомъ, на чемъ-нибудь—карандашомъ буква за буквой имя предмета и потомъ уже прочитывая все имя. Достаточно было закрыть написанное имъ самимъ въ то время, когда онъ только наполовину написалъ наименованіе предмета, — и больной уже не могъ снова его назвать, не могъ написать названія предмета, если видѣлъ его въ теченіе лишь одного мгновенія.

Для подобнаго разстройства рѣчи *Grashey* далъ весьма остроумное объясненіе въ своей небольшой, но полной глубокаго интереса статьѣ. Онъ думаетъ, что такая афазія, такое разстройство рѣчи произошло у больного вслѣдствіе нѣкотораго ослабленія *памяти*. Онъ полагаетъ, что для того, чтобы рѣчь человѣческая совершалась правильно, мало того, чтобы всѣ центры рѣчи были цѣлы,—необходимо, чтобы и общая способность запоминанія впечатлѣній была не нарушена. Тѣ афазіи, о кото-

рыхъ я раньше говорилъ, обусловливались поражениемъ какого-нибудь отдѣльнаго центра рѣчи въ мозгу. Своеобразность настоящаго случая состоитъ въ томъ, что центры могутъ быть всѣ въ порядкѣ, и разстройство рѣчи можетъ вызываться только разстройствомъ такой общей способности, нигдѣ и всюду помѣщающейся, какъ наша память. Поэтому-то Grashey и назвалъ эту форму *афазіей амнестической*. Въ самомъ дѣлѣ, больной понималъ все; значить, какъ Вамъ уже это теперь извѣстно, у него звуковой центръ былъ въ порядкѣ; больной самъ говорилъ—значить, и двигательный былъ неповрежденъ; онъ писалъ и читалъ,—слѣдовательно, ни зрительный, ни двигательный для руки центры не были больны, и все-таки больной не могъ назвать ни одного предмета, предварительно не написавъ этого слова буква по буквѣ, все время глядя на предметъ и потомъ прочитывая написанное названіе. — Какое же разстройство памяти было въ данномъ случаѣ? Если больному показать пальцемъ на какой-нибудь предметъ, который онъ хорошо узнавалъ, наприм. книгу, а потомъ чрезъ мгновеніе попросить его самого указать, что ему было раньше показано, онъ не могъ этого сдѣлать—онъ забылъ уже, на что ему показали; если ему сказать какое нибудь слово, напр. слово «столъ», хоть на минутку отвлечь его вниманіе отъ этого слова и потомъ попросить его повторить то, что было сказано, онъ не могъ этого сдѣлать, потому что опять забылъ, что ему говорили: онъ запоминалъ впечатлѣнія лишь на очень короткое время. Если покрывали какой-нибудь предметъ, ножикъ наприм., листомъ бумаги, въ которомъ было продѣлано небольшое отверстіе, такъ что въ него можно было видѣть только часть предмета, и если потомъ это отверстіе передвигали вдоль предмета такъ, чтобы чрезъ него можно было увидѣть послѣдовательно весь предметъ, онъ его не узнавалъ, потому что забывалъ предыдущую часть въ то время, когда смотрѣлъ на находящуюся у него передъ глазами; но достаточно было принять бумагу прочь,—и онъ узнавалъ предметъ тотчасъ. Если прикрывали напечатанное или написанное слово такъ, чтобы въ отверстіе была видна каждый разъ только одна буква, онъ называлъ правильно всѣ буквы одну за другой, но не могъ прочесть всего слова, потому что забывалъ предыдущія буквы, глядя на предлежащія; но довольно было отнять бумагу, и онъ тотчасъ же совершенно вѣрно прочитывалъ слово.

Какъ же этимъ разстройствомъ объяснить себѣ то, что больной называлъ предметъ, чертя его названіе? Если предо мною какой-нибудь предметъ, то не все равно, какимъ изъ органовъ чувствъ я усвоиваю себѣ воспріятіе этого предмета. Предположимъ, что предо мною лошадь. Я могу усвоить себѣ, что именно это лошадь, въ одно мгновеніе, если я *посмотрѣлъ* на нее, т.-е. получилъ зрительное впечатлѣніе; но если мнѣ хотятъ дать о ней понятіе *чрезъ слово*, то нужно для этого не одно мгновеніе, а гораздо большее время. Въ самомъ дѣлѣ, произносимое слово только постепенно слышится ухомъ буква за буквой. Если быстро продекламировать какое-нибудь знакомое намъ стихотвореніе, то въ одну секунду можно произнести отъ 8—9 слоговъ, а слѣдовательно, на каждый слогъ потребуется около 0,11—0,12 секунды. Если считать среднимъ числомъ 4 буквы на слогъ, то требуется на каждую букву $\frac{3}{100}$ секунды, а для обыкновенной разговорной рѣчи—вдвое болѣе, т.-е. $\frac{6}{100}$, а значитъ, для слова «лошадь» въ 6 буквъ $\frac{6}{100} \times 5 = \frac{30}{100}$ секунды, т.-е. $\frac{1}{3}$ секунды; для того же, чтобы узнать ту же лошадь глазомъ, достаточно одного мгновенія. Такимъ образомъ, предметъ (лошадь), видимый нами только въ продолженіе $\frac{6}{100}$ секунды, мы хорошо можемъ узнать, а услышать въ то же время мы можемъ только первую букву названія этого предмета. Значитъ, для воспріятія этого предмета чрезъ ухо, намъ нужно въ 5 разъ больше времени, чѣмъ чрезъ глазъ. Какая же перемѣна произойдетъ въ моихъ воспріятіяхъ, если способность удерживать въ памяти впечатлѣнія падетъ настолько, что я буду запоминать какое-нибудь впечатлѣніе не на $\frac{6}{100}$ секунды, а меньше, наприм. только на $\frac{2}{100}$? Если мнѣ покажутъ лошадь, я пойму, что это лошадь, потому что для зрительнаго впечатлѣнія достаточно одного мгновенія. Но если мнѣ ее назовутъ, то вѣдь уже, по предыдущему, нужно около $\frac{30}{100}$ секунды, пока все слово выльется, такъ сказать, изъ устъ человѣка; и только тогда, когда оно вылилось, когда оно готово всѣми своими шестью буквами, я могу понять, что мнѣ говорятъ о лошади. Мнѣ необходимо, какъ видите, помнить всѣ буквы отъ 1-й до 6-й включительно приблизительно около $\frac{30}{100}$ секунды. Если же моя память понизилась до того, какъ я выше предположилъ, т. е. что я запоминаю звукъ, свѣтовое впечатлѣніе и пр. только на $\frac{2}{100}$ секунды, тогда въ концѣ произнесенія второй буквы, т.-е. когда протекло $\frac{12}{100}$ сек., я уже забылъ первую

букву и т. д.; словомъ, я не пойму, про что мнѣ говорятъ. Какъ Вы можете убѣдиться сами, если подумать слово лошадь, то это слово *не мгновенно* у Васъ возникнетъ, а послѣдовательно, какъ мы говоримъ, буква за буквой. Поэтому и для того, чтобы назвать предметъ, лошадь, мнѣ нужно, чтобы буквы, изъ которыхъ состоитъ наименованіе этого предмета, были у меня въ памяти, по крайней мѣрѣ, $\frac{30}{100}$ секунды, т.-е. пока у меня возникнетъ наконецъ все наименованіе. Когда я посмотрю на лошадь, то прежде всего я вспомню первую букву, т.-е. «л»; если она у меня удержится только $\frac{2}{100}$ части секунды, то въ то время, когда я вспомню вторую букву слова лошадь, букву «о», на произнесеніе которой необходимо $\frac{6}{100}$ сек., первая буква «л» уже исчезла, и я поставленъ, такимъ образомъ, въ невозможность сказать слово «лошадь». Но я попробую записать первую букву «л», смотря на лошадь; затѣмъ я думаю о второй, т.-е. о буквѣ «о», ее вспоминаю и записываю; опять смотрю на лошадь, вспоминаю третью букву и снова ее записываю, такъ какъ удержать ее въ памяти требуемое время не могу. Такимъ образомъ, я запишу всѣ буквы и потомъ прочту ихъ, такъ какъ всѣ онѣ находятся предъ моими глазами сразу. Но попробуйте мнѣ показывать ихъ чрезъ отверстіе въ листѣ бумаги, одну за одной, и для меня окажется совершенно невозможнымъ прочесть данное слово, потому что я перезабылъ прежнія буквы. Отсюда также понятно, что если я буду смотрѣть на предметъ только одно мгновеніе, то я и вспомню только одну первую букву его названія, и если его спрячутъ отъ меня, то я не произнесу этого названія.

Вотъ какимъ способомъ объяснилъ *Grashey* разстройство рѣчи у своего больного, а вмѣстѣ съ тѣмъ и установилъ важное вліяніе *памяти* на нашу рѣчь.

Однако, какъ ни остроумны разсужденія *Grashey*, едва ли они объясняютъ этотъ патологическій случай во всей его цѣлости и даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ твердую опору для конструкціи рѣчи. *Grashey* говоритъ, что мы вспоминаемъ названія предметовъ, смотря на нихъ, буква за буквой. *Wernicke*, о которомъ мнѣ уже не разъ приходилось упоминать, справедливо замѣчаетъ, что мы слышимъ звуковой образъ слова вовсе не буква за буквой, не воспринимаемъ состоящимъ изъ буквъ. Звукъ есть нѣчто слитное, разложеніе его на буквы совершается уже въ позднѣйшіе годы нашей жизни, въ цѣляхъ обученія чтенію и письму. Кромѣ того, если

бы способность запоминая большаго *Grashey* понизилась до величины меньшей, чѣмъ $\frac{6}{100}$ сек., то вѣдь онъ не только не могъ бы называть предметовъ, потому что забывалъ бы первыя буквы словъ, — но не могъ бы также понять ни одного слова, потому что точно также забывалъ бы и слышанныя первыя буквы, а тѣмъ болѣе забывалъ бы предыдущія слова и фразы, т. е. совсѣмъ не могъ бы понимать и разговаривать съ окружающими, чего однако не было.

Второй выводъ *Grashey*, касающійся способа *чтенія*, весьма важенъ. По его мнѣнiю, а также по мнѣнiю такихъ компетентныхъ знатоковъ по вопросу объ разстройствахъ рѣчи, какъ *Lichtheim*, *Wernicke* и пр., мы читаемъ букву за буквой, т. е. по складамъ, какъ бы быстро мы ни читали. Если мы должны, на примѣръ, прочесть слово «лошадь», то мы не схватываемъ его сразу, какъ схватили бы зрительный образъ самой лошади, а поступаемъ такимъ образомъ: сперва видимъ букву «Л», она вызоветъ у насъ соотвѣтствующій звуковой образъ Л, — мы какъ бы слышимъ его внутренно. Потомъ отсюда уже возбудится и двигательный образъ л и мы можемъ его или произнести, или подумать, т. е. какъ бы произнести внутренно. Потомъ та же процедура дѣлается относительно второй буквы О и т. д., пока не произнесется все слово, и вотъ при такой процедурѣ для каждой буквы необходимо $\frac{6}{100}$ секунды, если читать не спѣшно.

Но, судя по моимъ опытамъ, это едва ли такъ. Я сдѣлалъ слѣдующій экспериментъ. На цилиндръ извѣстнаго размѣра, я прикрѣплялъ печатный листъ. Сдѣлавъ отверстіе въ совершенно чистомъ листѣ писчей бумаги лишь настолько, чтобы чрезъ него видна была только одна буква, я заставлялъ посредствомъ часового механизма цилиндръ вращаться съ опредѣленной быстротой. Въ отверстіе того листа бумаги, который служилъ мнѣ экраномъ, передо мной мелькали послѣдовательно одна за другой буквы въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ я самъ ихъ пробѣгаю при чтеніи. Оказалось, что только тогда, когда цилиндръ вращается съ такою скоростью, что буквы мелькаютъ у меня въ отверстіи съ быстротою $\frac{12}{100}$ секунды, я еще могу съ грѣхомъ пополамъ разбирать напечатанное при самомъ напряженномъ вниманіи. Но чуть только цилиндръ вращается немного быстрѣе, а значитъ и буквы мелькаютъ въ отверстіи быстрѣе, наприм. со скоростью $\frac{10}{100}$ или $\frac{8}{100}$ секунды, или ослабѣваетъ мое вниманіе, я рѣшительно ничего не

могу схватить. По провѣркѣ оказалось, что если я читаю букву за буквой, т.-е. такъ, какъ предполагаетъ *Grashey* для чтенія взрослого человѣка, то не только невозможно читать по складамъ при мельканіи буквъ со скоростью $\frac{3}{100}$ сек.—скорость быстрого чтенія по *Grashey*,—но даже его скорость для медленнаго чтенія вдвое меньше той, съ которой мы обыкновенно читаемъ по складамъ, потому что по моему опыту она равняется не $\frac{6}{100}$, а $\frac{12}{100}$ для буквы. Отсюда слѣдуетъ, что если мы строку, содержащую, скажемъ, 25 буквъ и которая, по предыдущему опыту, должна была бы потребовать для своего прочтенія около 3-хъ секундъ времени, пробѣгаемъ вчетверо быстрѣе, т.-е. въ $\frac{3}{4}$ секунды,—то ясно, что мы употребляемъ для этого другой механизмъ, чѣмъ чтеніе по складамъ, буква за буквой.

Чтобы подойти къ разрѣшенію этого вопроса съ другой стороны, я сдѣлалъ еще опытъ. Я попробовалъ посредствомъ продолжающагося извѣстное время свѣта отъ лампы, а потомъ прямо посредствомъ электрической искры статической машины, освѣщать книгу и опредѣлялъ, какая нужна продолжительность свѣта, чтобы разобрать слово, состоящее изъ нѣсколькихъ буквъ. Эти опыты привели меня къ заключенію, что слово, состоящее изъ десяти буквъ, я схватывалъ въ $\frac{1}{10}$ секунды и меньше; при электрической искрѣ, продолжающейся миллионныя доли секунды, я могъ прочитывать слово въ 14 буквъ. Если бы правъ былъ *Grashey*, то для прочтенія такихъ словъ нужно было бы время $\frac{3}{100} \times 10$, т.-е. $\frac{3}{10}$ сек. или $\frac{3}{100} \times 14$, т.-е. почти $\frac{1}{2}$ секунды, но, какъ Вы видите, я могъ разобрать это слово въ $\frac{1}{10}$ и даже въ одну миллионную долю секунды. Отсюда можно заключить, что положеніе *Grashey* и съ этой стороны не выдерживаетъ критики.

Вы спросите меня, какъ же мы читаемъ? Я думаю, что человѣкъ читающій по складамъ и бѣгло читающій—читаютъ различно. Несомнѣнно, что въ то время, когда мы учимся читать, у насъ совершаются въ одно и то же время два процесса. Во 1-хъ, мы читаемъ по складамъ, отъ буквы къ буквѣ; этотъ процессъ совершается, конечно, съ гораздо меньшею быстротой, чѣмъ та, которую я получилъ при чтеніи на моемъ цилиндрѣ; его можно наблюдать у учащагося читать ребенка; только мало-по-малу этотъ процессъ совершается все быстрѣе и быстрѣе и можетъ дойти наконецъ до той быстроты, которая нужна мнѣ, т.-е. до $\frac{12}{100}$ сек. для каждой буквы. Во 2-хъ, я попрошу припомнить сказанное

мною, что ни одно впечатлѣніе не пропадаетъ для организма даромъ, такъ какъ каждое изъ нихъ регистрируется въ нашемъ sensorium'ѣ, хотя, можетъ быть, и безсознательно. Такъ и здѣсь общій видъ слова, во всей его совокупности, какъ фигура съ извѣстными очертаніями, безсознательно отпечатывается и запоминается у насъ совершенно подобно тому, какъ запоминается нами образъ живой лошади. Одно мгновеніе намъ нужно, чтобы узнать фигуру лошади, одно мгновеніе намъ необходимо, чтобы узнать фигуру слова, которое состоитъ изъ шести буквъ извѣстнаго очертанія, извѣстнымъ образомъ расположенныхъ и означающихъ «лошадь». У ребенка преобладаетъ первый процессъ и весьма слабо еще развито узнаваніе словъ, какъ цѣлыхъ, но мало-по-малу эти очертанія, фигуры словъ становятся знакомѣе и знакомѣе, онъ отвлекается отъ складыванія и начинаетъ угадывать слова по ихъ очертаніямъ, пока, наконецъ, научившись читать бѣгло, совсѣмъ не броситъ перваго способа и не начнетъ пользоваться исключительно вторымъ. Моею гипотезой могутъ объясняться многіе факты, полные интереса, но не поддававшіеся объясненію прежней гипотезой; но у меня нѣтъ уже времени сейчасъ останавливаться на нихъ.

Если Вы заинтересовались, мм. гг., такимъ, казалось бы, узкимъ вопросомъ, какъ вопросъ о томъ, какъ устроена человѣческая рѣчь, и если Вы уйдете отсюда, унеся съ собою впечатлѣніе, что я сказалъ кое-что для Васъ новаго,—я буду считать себя вполне вознагражденнымъ за тотъ трудъ, который мнѣ пришлось предпринять для сегодняшняго дня. Въ настоящее время никто уже не отрицаетъ значенія наблюденія и опыта въ дѣлѣ разработки психологическихъ вопросовъ, и каждая наука, какъ, на примѣръ, въ данное время невропатологія, вноситъ свою лепту въ разрѣшеніе этихъ вопросовъ. Казалось, мы многое сдѣлали, чтобы понять то, чѣмъ человѣкъ живетъ духовно, его слово; но все-таки мы только у порога этой области. Во всѣ стороны открывается и встаетъ безконечное количество вопросовъ. Гдѣ этому предѣлъ? «Не знаемъ,—повторимъ мы слова знаменитаго естествоиспытателя,—а можетъ быть, и не будемъ знать».

А. Корниловъ.

Философскіе принципы въ современной фізіологіи

и отношеніе философіи къ естествознанію и медицинѣ *).

Мм. гг.! То и дѣло слышишь, и на Западѣ, и у насъ въ Россіи, жалобы, что нынѣшніе молодые ученые естествоиспытатели все чаще и чаще записываются въ ряды протоколистозъ, секретарей науки, а не настоящихъ активныхъ участниковъ и двигателей научнаго прогресса. Всѣ ищутъ новыхъ, свѣжихъ фактовъ, и только лишь фактовъ, фактовъ безъ конца,—всѣ съ удивительною жадностью накопляютъ въ одну беспорядочную кучу неизмѣрное количество и крупныхъ фактовъ, и не имѣющихъ никакой цѣны, мелкихъ, микроскопическихъ деталей, но какъ мало ученыхъ, приводящихъ въ стройный порядокъ весь этотъ богатый матеріалъ! Современные ученые естествовѣды и врачи, какъ будто, ужасно боятся философіи, пугаясь попасть въ дебри метафизики, діалектики и т. под. Собрать любой матеріалъ въ одну кучу безо всякой систематизаціи, обобщенія, философскаго синтеза и анализа, безо всякой идеи, конечно, несравненно легче, чѣмъ приводить его въ порядокъ по всѣмъ правиламъ научной критики и философской дисциплины.

Д-ръ Перфильевъ въ своей статьѣ „Положеніе медицинскаго дѣла въ Россіи“, на основаніи разсмотрѣнія 343-хъ работъ русскихъ врачей, приходитъ къ весьма плачевному выводу, указывая то и дѣло на недостатокъ какъ общаго развитія русскихъ врачей, такъ и въ особенности философскаго образованія ихъ.

---

*) Рѣчь, прочитанная на VIII-мъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей.

Правда, что Перфильевъ въ своихъ выводахъ очень строгъ, но въ общемъ съ нимъ нельзя не согласиться.

Въ самомъ дѣлѣ, уже давнымъ-давно лучшими умами изъ представителей естествознанія и медицины признано, что философская дисциплина ума естествовѣда, физиолога, патолога, психіатра и вообще всякаго рода врача есть насущная необходимость при столь обильномъ накопленіи детальныхъ фактическихъ матеріаловъ, какое мы имѣемъ передъ собою въ настоящее время. Нашъ ученый, извѣстный профессоръ Пашутинъ, въ своемъ курсѣ экспериментальной и общей патологіи, между прочимъ пишетъ: «недостаточное развитіе обобщающаго философскаго направленія представляетъ *самую слабую* сторону современной медицинской науки»... «Напуганные бѣдностью результатовъ въ сферѣ отвлеченнаго мышленія, ученые настоящаго времени *вдались въ крайность*, зарывшись въ детали явленій, *избытая всякаго философскаго полета*, изъ опасенія выскользнуть изъ сферы строгаго натуралиста, чисто-объективнаго изслѣдователя, дѣятельность котораго старались даже свести на простую отмѣтку явленій, совершающихся передъ его глазами»... «Обобщающіе полеты ума въ сферѣ изученія патологическихъ явленій *совершенно необходимы*, такъ какъ запасъ детальнаго фактовъ въ настоящее время очень великъ и получаетъ характеръ—за недостаткомъ обобщеній—тяготящаго умъ баласта, съ которымъ едва можетъ справляться наша память».

Присоединяясь вполне къ этимъ заключеніямъ, я не могу при этомъ съ своей стороны не дополнить идеи профессора Пашутина нѣкоторыми соображеніями, вытекшими непосредственно изъ разсмотрѣнія принципиальныхъ, философскихъ выводовъ уже не слишкомъ молодой, достаточно установившейся, при помощи точныхъ методовъ, науки—физиологіи. Я постараюсь показать, что, не смотря на позитивное направленіе, не смотря на совершенно точный, объективный методъ этой науки, все же философскіе выводы двухъ большихъ отдѣловъ ея въ высшей степени противорѣчатъ другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вдуматься въ философскіе, принципиальные выводы общей физиологіи мозга и физиологіи органовъ чувствъ, чтобы натолкнуться на самыя невозможныя принципиальныя разномыслія. То, что утверждаетъ общая физиологія мозга,—то отрицаетъ физиологія органовъ чувствъ. Физиологія органовъ чувствъ въ своихъ

философскихъ выводахъ прямо подаетъ руку взглядамъ такихъ метафизиковъ, какъ Кантъ или даже Берклея, жившій 200 лѣтъ назадъ. Философскія построения физиологии органовъ чувствъ положительно развиваютъ и поддерживаютъ идеи этихъ философовъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу выдающійся физиологъ Прейеръ: «физиологія органовъ чувствъ, пишетъ онъ, съ съ того времени, какъ Иммануиль Кантъ проложилъ путь. — то идетъ вмѣстѣ съ умозрительною философіей по многимъ, разнообразно переплетающимся дорогамъ,—то исполняетъ предварительную работу. Главнѣйшее, въ чемъ обѣ онѣ согласны,— это признаніе, что ни одинъ человѣкъ не можетъ ощущать ничего иного, кромѣ возбужденія окончаній своихъ чувствующихъ нервовъ. Цвѣта, тоны, вкусы существуютъ, только благодаря послѣднимъ; безъ нихъ не было бы ничего свѣтлаго, горькаго, ничего теплаго, твердаго. Шопенгауэръ былъ правъ, говоря, что солнце нуждается въ глазѣ для того, чтобы свѣтить» *). А вотъ что говоритъ знаменитый Мейнертъ: «Сумма дѣятельностей головного мозга такова, что мы должны сказать: общая картина міра не просто воспринимается мозгомъ, но прямо создается имъ. Этотъ взглядъ не принадлежитъ исключительно философамъ Кантовской школы, но раздѣляется также знаменитѣйшими изъ современныхъ естествоиспытателей; такъ, онъ выводится Гельмгольцемъ изъ анализа чувственного воспріятія, Рокитанскимъ—изъ данныхъ естественнаго міровоззрѣнія. Въ актовомъ рѣчи о самостоятельномъ значеніи знанія Рокитанскій говоритъ: «объектъ не есть нѣчто данное, независимое отъ познающаго субъекта; именно субъектомъ онъ и обуславливается» **). Что касается Гельмгольца, то этотъ гениальный физиологъ и физикъ въ своихъ физиологическихъ изслѣдованіяхъ, по словамъ извѣстнаго Ланге, руководствовался философіей Канта, какъ эвристическимъ принципомъ!...

Мейнертъ одинаковаго мнѣнія съ Шопенгауэромъ относительно того, что «до Канта наша голова находилась въ пространствѣ, со времени же Канта—пространство заключилось въ нашей головѣ!»

Но я пойду дальше. Я не могу не остановиться на слѣдую-

*) «Пять чувствъ человѣка», стр. 48.

***) «Механика душевной дѣятельности», стр. 9.

щихъ соображеніяхъ знаменитаго Вундта: «подъ названіемъ представленія, говоритъ онъ, по обычному употребленію этого слова, разумѣется явившійся въ нашемъ сознаніи образъ предмета. Міръ, насколько мы его знаемъ, состоитъ только изъ нашихъ представленій. Послѣднія считаются въ непосредственномъ сознаніи тождественными съ обозначаемыми ими предметами. Только научная рефлексія возбуждаетъ вопросъ, какъ относятся между собою данный въ представленіи образъ и самый предметъ»...

«Большее постоянство нашихъ представленій, относящихся къ объектамъ внѣшняго міра, само есть результатъ психологическихъ процессовъ. Изъ этого постоянства еще нельзя заключить, что внѣшніе объекты представляютъ большую достовѣрность въ сравненіи съ внутреннимъ опытомъ, тѣмъ болѣе, что и наши представленія о *внѣшнихъ объектахъ* суть не что иное, какъ *часть нашего внутреннейя опыта*. Что касается до измѣнчивости внутреннихъ явленій, то она указываетъ только на сложность условій, но вовсе не можетъ служить аргументомъ противъ реальности (этихъ) явленій» *). Изъ этого совершенно ясно, что такой корифей положительной науки, какъ психофизиологъ Вундтъ, сводитъ точный объективный методъ, методъ внѣшняго опыта, познавательная цѣна котораго, послѣ блистательнѣйшихъ и богатѣйшихъ открытій науки послѣднихъ трехъ вѣковъ, никѣмъ уже не оспаривается, — цѣликомъ на внутренній опытъ. Онъ, стало быть, придаетъ огромную познавательную цѣну внутреннему опыту, субъективному. У него міросознаніе есть не что иное, какъ самосознаніе.

Къ тѣмъ же выводамъ приходитъ въ своей рѣчи «Витализмъ и механизмъ» базельскій физиологъ Бунге, который думаетъ, что внѣшній міръ для человѣка является иксомъ, тогда какъ субъективныя явленія ему болѣе доступны и извѣстны. Поэтому онъ хочетъ доказать, что наше я, нашу душу нельзя пытаться объяснить неизвѣстнымъ намъ внѣшнимъ міромъ, а что, наоборотъ, внѣшній міръ нужно пытаться объяснить изъ самонаблюденія.

Впрочемъ, физикъ, пожалуй, возразилъ бы Вундту и Бунге, что цвѣта, слуховыя ощущенія, хотя сами по себѣ и субъективны, но за то основная причина этихъ субъективныхъ явленій — объек-

*) «Основ. физиологич. психологіи», стр. 999.

тивное молекулярное движеніе. Молекулы, атомы и ихъ колебанія, движенія,—вотъ объективная причина нашихъ субъективныхъ ощущеній свѣта, тоновъ и т. д. Но атомъ, молекула, какъ сознають сами физики и химики, есть только фикція, плодъ воображенія, своего рода воздушный замокъ. Ни молекула, ни атомъ не доступны нашимъ внѣшнимъ чувствамъ: зрѣнію, слуху и т. д. И молекула, и атомъ—не что иное, какъ продуктъ умозрѣнія, а не внѣшняго опыта, и это тѣмъ болѣе такъ, что самъ-то атомъ по тѣмъ свойствамъ, какія ему приписываютъ физикъ и химикъ, есть отрицаніе той матеріи, которую мы познаемъ чрезъ внѣшній опытъ, чрезъ органы чувствъ. Въ самомъ дѣлѣ, матерія, какъ показываетъ внѣшній объективный опытъ, дѣлима, а атомъ недѣлимъ. Матерія сжимаема и расширяема, а атомъ несжимаемъ и нерасширяемъ. Въ матеріи совершаются различные химическіе процессы и реакціи, а въ атомѣ ихъ нѣтъ...

Но если атомъ есть продуктъ умозрѣнія, есть субъективное представленіе, то, быть можетъ, само движеніе есть несомнѣнная, объективная дѣйствительность, независимая отъ нашего субъекта?

На это знаменитый Льюисъ отвѣчаетъ намъ, что—«движеніе, подобно цвѣту, звуку, теплотѣ, есть символъ совершенно особаго класса ощущеній» *).

Эти ощущенія имѣютъ своимъ генезисомъ мускульное чувство, т.-е. *субъективное* ощущеніе. Итакъ, объясняя цвѣтъ и тоны молекулярнымъ движеніемъ, или колебаніемъ ээира, воздуха и т. д., мы объясняемъ ихъ, въ сущности, мускульнымъ чувствомъ. Такимъ образомъ, одно чувство объясняется другимъ. Для одного чувства другое является какъ бы объектомъ. Если принять то положеніе, что человѣкъ, помимо ощущеній, не имѣетъ никакого органа знанія, если въ умѣ ничего нѣтъ, чего раньше не было въ ощущеніи, то внѣ-чувственное воспріятіе для человѣка недоступно.

Принимая въ соображеніе столь категорически высказанныя мнѣнія всѣхъ вышеупомянутыхъ корифеевъ современной физиологіи, мы придемъ къ другому, еще болѣе любопытному, выводу, что какъ мозгъ, такъ и органы нашихъ чувствъ, а стало-быть и все наше тѣло—также продуктъ нашихъ ощущеній, предста-

*) Вопросы о жизни и духѣ, II, 448.

влений, понятій и т. д., т.-е. творческой дѣятельности нашего я, той души, которой вовсе не знаетъ общая физиологія мозга, или которую, по крайней мѣрѣ, она считаетъ искомымъ, нѣкоторымъ иксомъ. Это и есть то, о чемъ говоритъ Бунге: что многіе физиологи думаютъ черезъ изученіе неизвѣстнаго намъ внѣшняго міра узнать болѣе знакомую намъ душу, а не наоборотъ—черезъ изученіе болѣе извѣстной намъ души узнать внѣшній міръ.

Въ какой мѣрѣ внутренней опытъ, методъ субъективной индукціи начинаетъ уже проникать въ физиологическія лабораторіи и кабинеты, мы видѣли уже раньше, но чтобы быть еще болѣе убѣдительнымъ, не могу не указать на слѣдующую мысль Вундта: «физическое развитіе (тѣлеснаго организма) есть не причина, а слѣдствіе психическаго развитія»... «Старое анимистическое возрѣніе, впервые выраженное Аристотелемъ въ его знаменитомъ опредѣленіи души (душа есть первая энтелехія живущаго тѣла), *лучше всего* общааетъ освѣтить проблему духовнаго и тѣлеснаго развитія»... Съ этой точки зрѣнія, не тѣло, не мозгъ есть причина души, а душа—причина тѣла! Общая физиологія мозга усиливается доказать, что душа есть функція мозга, тѣлесной организаціи, а физиологія органовъ чувствъ въ своихъ философскихъ выводахъ приходитъ къ совершенно противоположному заключенію, а именно, что мозгъ, тѣло и вообще вся тѣлесная организація есть функція души.

Такимъ образомъ, волей-неволей приходится сознаться, что физиологія должна подать дружественную руку психологіи и философіи. И дѣйствительно, мы видимъ, какъ лучшіе умы пользуются ихъ услугами. Риль говоритъ: «услуги, оказываемыя психологіей физиологическому изслѣдованію на томъ полѣ, которое обще обѣимъ наукамъ, и теперь уже *больше* тѣхъ услугъ, какія она получаетъ въ оплату». Мейнертъ, этотъ знаменитый представитель анатоміи и физиологіи мозга, въ своихъ трудахъ пользовался психологіей и ея методами внутренняго опыта, интроспекціи и субъективной индукціи.

Сводя итогъ философскимъ принципиальнымъ выводамъ общей физиологіи мозга и физиологіи органовъ чувствъ, мы наталкиваемся на слѣдующія кардинальныя противорѣчія. Общая физиологія мозга говоритъ, что психологія должна быть частью физиологіи и что имѣетъ право на существованіе только «физиологическая психологія», а физиологія органовъ чувствъ возражаетъ, что

физиологія есть часть психологіи и что имѣетъ право на существованіе «психологическая физиологія». Одни физиологи говорятъ, что душа есть функція мозга, а другіе, — наоборотъ, что мозгъ и вообще тѣлесная организація есть функція души! Философскіе выводы общей физиологіи мозга слишкомъ догматичны; въ нихъ выражено глубокое убѣжденіе въ истинности показаній нашего внѣшняго опыта; это — «наивный реализмъ», потому что въ нихъ «наивно» и безъ всякой оговорки признается «реальность» объектовъ нашихъ ощущеній. Наоборотъ, философскіе выводы физиологіи органовъ чувствъ не что иное, какъ скептицизмъ, направленный на внѣшній опытъ, стало быть — идеализмъ.

Мнѣ кажется, что подобныя противорѣчія и разномыслія въ философскихъ выводахъ физиологіи и вообще положительныхъ наукъ въ значительной степени, если не всецѣло, зависятъ отъ недостаточнаго знакомства ученыхъ съ философіей и психологіей. Я думаю, что уже настала пора, когда естествоиспытатель, физиологъ, врачъ, психіатръ не должны брезгать умозрѣніемъ и философскимъ мышленіемъ.

Мы видѣли, что современный намъ ученый, знаменитый физиологъ и психологъ Вундтъ указываетъ на Аристотеля, какъ на путеводную звѣзду. Мы видѣли, что гениальный Гельмгольцъ не брезгалъ философіей Канта, что онъ пользовался ею въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ эвристическимъ принципомъ. Не желая утомлять Вашего вниманія, я не буду останавливаться на отношеніи къ философіи такихъ громкихъ авторитетовъ, какъ Вирховъ, Дю-Буа-Реймонъ, Клодъ-Бернаръ, Герингъ и другіе. Скажу только, что всѣ эти умы не чуждались философіи и психологіи.

Если мы вдумаемся въ профессію психіатра, то для него знаніе психологіи становится «*conditio sine qua non*» его дѣятельности. Если это относится къ специалистамъ-психіатрамъ, то это не значитъ еще, что другой врачъ, будь онъ хирургъ, или терапевтъ, можетъ быть и незнакомъ съ психологіей. Напротивъ, мнѣ кажется, что недостатокъ общаго философскаго образованія и знаній въ области психологіи лишаетъ врачей возможности быть безпристрастными судьями явленій какъ физиологической, такъ и особенно психической стороны организаціи чловѣка, въ судьбѣ котораго врачу приходится заурядъ принимать самое горячее участіе. А современный гипнотизмъ и его значеніе въ психологическихъ и физиологическихъ изслѣдова-

няхъ, какъ способъ вивисекціи души,—развѣ безъ философской дисциплины, безъ знанія психологіи можно въ наукѣ пользоваться имъ, какъ методомъ?!

Я думаю, мм. гг., что, наконецъ, настала та пора, когда серьезно необходимо парализовать въ юныхъ головахъ страсть къ преждевременной специализаціи, *чуть не на студенческой скамьѣ*,—къ специализаціи, благодаря которой даже дипломированные ученые и врачи часто дальше какой-нибудь отдѣльной области своей науки ничего не видятъ и потому не понимаютъ другъ друга!

Болѣзненная, лихорадочная погоня за однимъ лишь добываніемъ фактовъ, безъ обобщающаго философскаго принципа, безъ всякой системы и идеи, алчность къ микроскопическимъ деталямъ—подобна беспорядочному сваливанію кирпичей въ одну кучу,—и можно думать, что изъ этой кучи не только не возникнетъ стройное, красивое и прочное зданіе, но сама куча, отъ спѣшности и бессистемности этого сваливанія, обратится въ мусоръ! Даже и позитивный методъ часто не спасаетъ отъ «построенія домовъ научной мысли» на пескѣ. «Пойдетъ дождь, разольются рѣчки, подуютъ вѣтры и налягутъ на домъ тотъ,—и онъ упадетъ, и будетъ паденіе его великое»!.

Бѣдность нынѣшнихъ молодыхъ ученыхъ въ области естествознанія и медицины на *продуктивную, идейную* работу, та бѣдность, которая такъ беспокоитъ европейскіе авторитеты, есть ужасная, разрушительная болѣзнь; ее необходимо лѣчить—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Наиболѣе дѣйствительная терапія противъ этого недуга несомнѣнно будетъ заключаться въ философскомъ дисциплированіи умовъ студенческой молодежи. А этого можно достигнуть, по моему мнѣнію, лишь введеніемъ въ программу физико-математическаго, особенно медицинскаго, факультетовъ нашихъ университетовъ курса *философіи* вмѣстѣ съ *психологіей*, и особенно *экспериментальной* психологіей, учрежденіемъ кафедръ этихъ наукъ.

Я полагалъ бы, что возбужденіе этого вопроса на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей будетъ умѣстнымъ и вполне своевременнымъ.

Докторъ мед. Н. Я. Пясковскій.

Къ психологіи микроцефаловъ.

(Сообщеніе, сдѣланное въ засѣданіи Психологическаго Общества 1-го мая 1893 года, происходившемъ въ Психіатрической Клиникѣ Московскаго Университета).

Наука, изученію которой посвящено мѣсто нашего сегодняшняго собранія, ставя часто задачи, которыя для своего рѣшенія требуютъ знакомства съ существующими психологическими воззрѣніями, съ своей стороны, даетъ нерѣдко матеріаль, благодаря которому, нѣкоторыя психологическія проблемы, если не разрѣшаются, то, по крайней мѣрѣ, выясняются и иллюстрируются.

Природа производитъ подчасъ эксперименты, которые даютъ возможность освѣтить многія темныя области психологіи. Такъ, всѣмъ извѣстно, какое большое значеніе для выясненія акта человѣческой рѣчи имѣли наблюденія надъ больными, имѣвшими пораженіе лѣваго Рейлева островка и прилежащихъ частей лобныхъ и височныхъ долей головного мозга. Многія свойства человѣческой памяти намъ тоже стали извѣстны изъ наблюденій надъ больными. Наконецъ, всѣми признанное предположеніе о зависимости душевной дѣятельности отъ дѣятельности головного мозга съ очевидностью доказывается въ психіатрической практикѣ на случаяхъ параллельнаго упадка душевной жизни и уничтоженія элементовъ мозговой ткани. Все это дѣлаетъ случаи психическихъ аномалій научно интересными не только для специалистовъ врачей, но и для психологовъ вообще, и внимательное изученіе признаковъ душевныхъ болѣзней, несомнѣнно, можетъ доставить профессиональнымъ психологамъ большую пользу даже въ области чисто-теоретическихъ воззрѣній. Съ этой точки зрѣнія, большой и всѣми признанный интересъ для психологовъ

представляетъ та категорія индивидуумовъ, у которыхъ, благодаря неправильности въ развитіи организма, происходитъ недостаточное развитіе головного мозга и въ зависимости отъ этого неразвитіе, или недоразвитіе психической жизни. Такіе индивидуумы носятъ названіе идіотовъ, или слабоумныхъ отъ рожденія—и, представляя самыя разнообразныя степени развитія различныхъ сторонъ психической дѣятельности, даютъ громадный матеріаль для изученія законовъ душевной жизни и у нормальнаго, здороваго человѣка.

Объ одномъ индивидуумѣ, принадлежащемъ къ этой категоріи, идетъ рѣчь и въ предлагаемомъ очеркѣ.—Дѣло идетъ о случаѣ микроцефаліи.

Микроцефалія *)—значитъ буквально малоголовіе; но не всякое малоголовіе можетъ быть названо микроцефаліей. У карлика голова очень мала, но это будетъ не микроцефалія, такъ какъ у него голова пропорціональна другимъ частямъ его тѣла; у настоящаго же микроцефала голова необыкновенно мала именно по отношенію къ его тѣлу. При этомъ всегда оказывается, что и отдѣльныя части головы непропорціональны между собою: такъ, лицевая часть головы оказывается развитою такъ же, какъ у нормальныхъ людей, а та часть черепа, которая составляетъ собственно мозговую коробку, развита крайне недостаточно, соотвѣтственно чему и головной мозгъ чрезвычайно малъ сравнительно съ другими органами. Такимъ образомъ, микроцефаліей въ собственномъ смыслѣ слова называется такое малоголовіе, при которомъ величина черепной коробки, и соотвѣтственно этому головного мозга, значительно отстаетъ въ своемъ отношеніи къ величинѣ туловища и лица.

Какая степень уменьшенія величины черепной коробки и головного мозга должна быть, чтобы можно было назвать данный черепъ микроцефалическимъ, рѣшить трудно. Знаменитый антропологъ Брокъ считаетъ, что если вѣсъ головного мозга будетъ ниже 1049 граммъ у взрослога мужчины (вмѣсто нормальнаго средняго вѣса 1362 граммъ) и ниже 907 у взрослой женщины (вмѣсто нормальнаго 1219 граммъ), то это будетъ свидѣтельство-

*) *Μικρός* (малый) и *κεφαλή* (голова). Какъ многіе медицинскіе термины, составленные изъ греческихъ словъ, но прошедшіе черезъ латинскій языкъ, и это слово въ произношеніи искажено; вмѣсто «микроцефалія» принято говорить «микроцефалія».

вать о микроцефалии. Въ дѣйствительности же, при рѣзко развитой микроцефалии головной мозгъ вѣситъ обыкновенно гораздо меньше. Онъ иногда не превышаетъ 300—400 граммъ; такъ, на примѣръ, мозгъ взрослога микроцефала Мотея, описанный профессоромъ И. П. Мержеевскимъ, вѣсилъ 369 граммъ; мозгъ 26-ти лѣтняго микроцефала, описанный Тейле, вѣсилъ не болѣе 300 граммъ, а мозгъ микроцефалки Антоніи Гордони вѣсилъ всего 289 граммъ. Но, какъ было сказано, нельзя для опредѣленія микроцефалии брать лишь абсолютную величину мозга,—нужно брать отношеніе этой величины къ величинѣ всего тѣла. Это отношеніе при микроцефалии чрезвычайно рѣзко измѣнено. У взрослыхъ отношеніе нормальнаго мозга къ вѣсу тѣла равно 1:33, а у микроцефаловъ оно приблизительно 1:100 и часто еще менѣе. Такъ, отношеніе вѣса мозга микроцефала, описаннаго И. П. Мержеевскимъ, было всего 1:250. Правда, мозгъ этого микроцефала представляетъ единственный экземпляръ человѣческаго мозга по малости отношенія его вѣса къ вѣсу тѣла.

Соотвѣтственно крайне недостаточному развитію мозга, и психическая дѣятельность микроцефаловъ развивается обыкновенно крайне слабо, такъ что всѣ они представляютъ большую или меньшую степень врожденнаго слабоумія.

Вѣроятно, многіе помнятъ, что лѣтъ 30 назадъ изученіе идиотовъ-микроцефаловъ привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе натуралистовъ, вслѣдствіе того, что извѣстный женеvскій ученый Карль Фохтъ связалъ результаты своихъ изслѣдованій о микроцефалахъ съ вопросомъ о происхожденіи человѣка и увидалъ въ микроцефалахъ проявленіе родства человѣка съ антропоморфными обезьянами. Я позволю себѣ привести слова профессора И. П. Мержеевскаго, служащія введеніемъ къ его изслѣдованію микроцефалическаго мозга *), такъ какъ они были написаны въ то время, когда этотъ вопросъ еще не потерялъ своей жгучести, и такъ какъ въ нихъ очень опредѣленно и ясно высказывается сущность дѣла:

«Идиоты-микроцефалы,—пишетъ И. П. Мержеевскій,—всегда обращали на себя вниманіе антропологовъ, для которыхъ они составляли спорный предметъ въ вопросѣ о происхожденіи чело-

---

*) И. П. Мержеевскій: „Микроцефализмъ“.—Архивъ Судебной Медицины, 1871, № 3.

вѣка. Наружность этихъ идиотовъ вообще, ихъ малый черепъ съ сильно сплюснутымъ и покатымъ лбомъ, съ затылкомъ, значительно выпуклымъ въ своей нижней части, косою профилемъ лица съ чрезвычайно развитыми надбровными дугами, глаза на выкатѣ,— все это придавало этимъ существамъ видъ обезьянъ, и наблюдатели уже давно описывали ихъ подъ именемъ обезьяно-подобныхъ людей. Если присоединить къ этому слабое умственное развитіе этихъ идиотовъ, скудость ихъ мыслей и отвлеченныхъ понятій, полное отсутствіе или большую ограниченность рѣчи, большую подвижность и ловкость въ совершеіи самыхъ разнообразныхъ движеній, которыя нерѣдко замѣчаются у микроцефаловъ, то сходство послѣднихъ съ человѣко-подобными обезьянами представляется еще болѣе поразительнымъ. Не удивительно, что нѣкоторые изъ новѣйшихъ естествоиспытателей считаютъ микроцефаловъ по развитію ихъ мозга и черепа представителями тѣхъ переходныхъ формъ, которыя предшествовали человѣку на пути совершенствованія его вида и которыя, слѣдовательно, заслуживаютъ названія прародичей его. Поклонники ученія Дарвина, который выводитъ происхожденіе человѣка отъ четверорукихъ Старога Свѣта и, на основаніи различныхъ умозрительныхъ соображеній, описываетъ даже наружность нашего прародича, находятъ въ микроцефалахъ-идиотахъ, преимущественно же въ устройствѣ ихъ мозга и черепа,—доказательства обратнаго возврата человѣка къ тому первоначальному существу, отъ котораго онъ произошелъ. Они утверждаютъ, что еслибы былъ найденъ окаменѣлый образецъ такого существа, то тогда оказалось бы, что это первоначальное существо не представляло ни совершеннаго человѣка, ни совершенную обезьяну, а что-то среднее между ними, къ чему приближаются микроцефалы, потому что ходъ естественнаго, обыкновеннаго развитія въ этихъ случаяхъ останавливается и природа какъ бы оставляетъ воспоминаніе о первоначальномъ существѣ. Дарвинисты приводятъ въ подтвержденіе своей теоріи многіе примѣры, такъ называемой, скрытой наследственности, наблюдаемой нерѣдко въ животномъ царствѣ; у нѣкоторыхъ видовъ она повторяется съ извѣстною стереотипною законностью: такъ, наприм., у морскихъ воронокъ, принадлежащихъ къ классу *Nimatega*, дѣти похожи не на родителей, а на своихъ прадѣдовъ; слѣдующее отъ этихъ дѣтей потомство похоже на дѣда, и только въ слѣдующемъ за нимъ поколѣніи отражается

первоначальный типъ родителей, взятыхъ за исходный пунктъ наблюдений. Но Дарвинъ принимаетъ еще а т а в и з м ъ, заключающийся въ томъ, что у высшихъ типовъ только *нѣкоторые* органы или части тѣла могутъ возвращаться въ своемъ развитіи къ болѣе низшему типу, не нарушая высшаго развитія *остальныхъ* органовъ и частей тѣла. — Микроцефализмъ, по этой теоріи, принадлежитъ къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ мозгъ людей, во время ихъ зародышевой жизни, можетъ отклониться отъ нормального типа и развиваться по типу, который присущъ существу, принимаемому за нашего прародича. Но далеко не всѣ естествоиспытатели придерживаются такого мнѣнія: другіе считаютъ микроцефаловъ за людей, мозгъ которыхъ въ зародышевой жизни подвергся, вслѣдствіе неизвѣстныхъ до сихъ поръ причинъ, измѣненіямъ, пріостановившимъ его развитіе на ступени, свойственной различнымъ фазамъ зародышевой жизни, начиная съ 5-го до 9-го мѣсяца. Къ представителямъ перваго лагеря принадлежитъ Карлъ Фохтъ, къ представителямъ противоположнаго лагеря — Грасіоле, Рудольфъ Вагнеръ и въ новѣйшее время Юлій Зандеръ*.

Къ этимъ словамъ, написаннымъ въ 1871-мъ году, можно прибавить, что число противниковъ К. Фохта все возрастаетъ, а сторонниковъ его почти нѣтъ.

Дѣйствительно, не смотря на то, что работа Карла Фохта *) была чрезвычайно хорошо исполнена и онъ пользовался для нея трудно доступнымъ матеріаломъ и всѣми литературными данными, тѣмъ не менѣе выводы его не выдержали критики. Карлъ Фохтъ, собравъ 42 случая микроцефаліи, извѣстные въ литературѣ, изслѣдовавъ 9 череповъ микроцефаловъ, которые у него были, и слѣпки съ нѣкоторыхъ мозговъ, пришелъ къ заключенію, что у микроцефаловъ наблюдается полное отсутствіе гармоніи въ развитіи, съ одной стороны, костей черепной коробки, а съ другой — лица. *Кости лица* не отличаются отъ костей нормальныхъ людей, и лицо не представляетъ никакихъ особенностей, кромѣ явно выраженного прогнатизма. Наоборотъ, *черепная коробка* представляетъ рѣзкое уклоненіе отъ строенія нормального черепа — именно, сильную покатость лба, сильное развитіе лобныхъ пазухъ и надбровныхъ дугъ, сплюснутость лобныхъ костей, вдавленіе

---

*) «Малоголовые», перев. Бера и Карабановича, подъ ред. и съ предисловіемъ Н. П. Вагнера. С.-Пб. 1873.

верхней части затылочной кости и отклоненіе назадъ затылочнаго отверстія. Черепъ микроцефала, по мнѣнію Фохта, долженъ занять переходное мѣсто между черепомъ орангъ-утанга и гориллы, причемъ онъ стоитъ по развитію выше послѣдняго и ниже перваго.

К. Фохтъ изучалъ также форму головного мозга микроцефаловъ по имѣвшимся у него гипсовымъ слѣпкамъ и на этихъ же слѣпкахъ опредѣлялъ величину объема мозга и всей его поверхности, а также и величину поверхности отдѣльныхъ частей мозга. Онъ пришелъ къ заключенію, что мозгъ микроцефаловъ похожъ, по своей *наружной формѣ*, на мозгъ антропоморфныхъ обезьянъ (главнымъ образомъ, по чрезмѣрно клювообразному виду передней части мозга микроцефаловъ и по рисунку Сильвиевой борозды). По измѣреніямъ К. Фохта оказалось, что общая поверхность мозга микроцефаловъ превышаетъ поверхность мозга молодыхъ обезьянъ и равняется только половинѣ поверхности мозга нормальнаго бѣлаго человѣка, и что уменьшеніе величины мозга больше всего зависитъ отъ малаго размѣра темянныхъ и лобныхъ долей, поверхность которыхъ приближается къ среднимъ величинамъ поверхности соответствующихъ долей у обезьянъ. Дѣйствительно, при изслѣдованіи головного мозга микроцефаловъ оказалось, что мозжечекъ развитъ у нихъ почти такъ же, какъ у нормальныхъ людей, продолговатый мозгъ также, и только полушарія (такъ называемый, передній мозгъ) представляютъ рѣзкія уклоненія въ развитіи, причемъ особенно рѣзки эти уклоненія въ темянныхъ и лобныхъ доляхъ и слабѣе всего въ височныхъ.

Изученіе поверхности мозга микроцефаловъ и ихъ череповъ привело К. Фохта къ заключенію, что различныя части мозга микроцефаловъ развиваются не по одному и тому же типу, а по двумъ, — а именно: основаніе мозга, мозжечекъ и отчасти височныя доли у нихъ развиваются по типу человѣческаго мозга, а выпуклыя части полушарій — по типу обезьянъ, особенно темянная и лобная доли, и нѣсколько менѣе заднія доли. Изъ этого К. Фохтъ выводилъ, что микроцефалы — это такія существа, у которыхъ развитіе черепа, а также и лобныхъ и темянныхъ долей мозга совершается по типу гипотетическаго прародича, предполагаемаго Дарвиномъ; во всемъ же остальномъ они развиты по-человѣчески. Этой теоріей частичнаго атавизма К. Фохтъ и объяснялъ происхожденіе микроцефаловъ и находилъ подтвержденіе ея въ изученіи

развитія психической жизни микроцефаловъ, далеко отстающей отъ психической жизни человѣка и приближающейся по нѣкоторымъ чертамъ (напримѣръ, по присущей многимъ микроцефаламъ подражательности)—къ обезьянамъ.

Изслѣдованія другихъ авторовъ не подтвердили однако воззрѣній К. Фохта. Уже Грасіоле *), Вагнеръ **) и Вирховъ указывали, что вѣроятнѣе всего въ основѣ микроцефалии лежатъ *патологическіе* процессы, и послѣдующіе авторы подтвердили это. Оказалось, что изслѣдованія, произведенныя К. Фохтомъ на гипсовыхъ слѣпкахъ съ мозговъ микроцефаловъ, не могутъ считаться достаточно точными, а Ю. Зандеръ ***) , имѣвшій для своихъ изслѣдованій натуральный мозгъ микроцефала Фридриха Зона,—указалъ, что К. Фохтъ, пользовавшійся только слѣпкомъ съ этого мозга, впалъ въ ошибку, принявъ одну часть мозга за другую. Оказалось, что тѣ данныя, на которыхъ К. Фохтъ строилъ свою теорію атавизма, далеко не достовѣрны и что, если и есть нѣкоторое сходство мозга микроцефаловъ съ мозгомъ обезьянъ, то во всякомъ случаѣ оно не особенно большое, и что гораздо болѣе мозгъ микроцефаловъ похожъ на мозгъ человѣческаго плода до рожденія. Это заставило почти всѣхъ изслѣдователей, занимавшихся микроцефализмомъ, считать наиболѣе вѣроятнымъ, что малоголовіе въ этихъ случаяхъ обуславливается *задержкою развитія* головного мозга, вызванною какими-нибудь причинами, имѣвшими мѣсто въ теченіе утробной жизни и повліявшими на развитіе головного мозга настолько, что онъ навсегда остался на такой степени развитія, которая для нѣкоторыхъ частей мозга соотвѣтствуетъ мозгу послѣднихъ мѣсяцевъ утробной жизни человѣческаго плода. Въ послѣднее время, на основаніи изслѣдованій Штейнлехнеръ-Гречишниковой****) можно думать, что иногда патологическія условія, вызывающія останов-

*) Gratiolet et Leuret. Anatomie comparée du système nerveux. Paris, 1839—1857, и Gratiolet. Observations sur la microcéphalie. Bullet. de la soc. d'Anthrop. de Paris. I, p. 34 и II, ст. 68.

**) K. Wagner. Vorstudien zu einer wissenschaftlichen Morphologie des menschlichen Gehirns, als Seelenorgan. Über den Hirnbau der Microcephalen etc. 1862.

***) Sander. Beschreibung zweier Microcephalen—Gehirne. Arch. f. Psychiatrie. I B. 229.

****) Arch. für Psychiatrie. XVII, 643.—Steinlechner Gretschnickoff—Ueber den Bau des Rückenmarkes bei Microcephalen.

ку развитія мозга, могутъ быть не только во время утробной жизни, но и въ первое время послѣ рожденія.

Вслѣдствіе задержки въ развитіи мозга, величина его чрезвычайно уменьшается сравнительно съ нормальною; соотвѣтственно этому, уменьшается и величина костной коробки, содержащей мозгъ, причемъ нерѣдко въ самыхъ костяхъ черепа замѣчаются патологическія измѣненія, каковы: уплотненіе и утолщеніе костей, преждевременное зарощеніе черепныхъ швовъ, слишкомъ раннее закрытіе фонтанели и нѣкоторыя другія.

Что касается до условій, которыя вызываютъ остановку въ развитіи мозга при микроцефаліи, то они неизвѣстны и, вѣроятно, довольно разнообразны. Иногда, несомнѣнно, имѣетъ вліяніе какое-то семейное расположеніе. Въ одномъ нѣмецкомъ семействѣ Беккеръ было 4 дѣтей микроцефаловъ. У одного голландца изъ 14 человѣкъ дѣтей было тоже 4 микроцефала *). Такое совпаденіе отмѣчается нерѣдко; та микроцефалка, о которой идетъ рѣчь въ моемъ очеркѣ, имѣла сестру тоже микроцефалку.

Кромѣ семейнаго расположенія къ аномальному развитію мозга, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызываютъ остановку развитія мозга и какіе-нибудь очаговые (воспалительные и другіе) процессы, имѣвшіе мѣсто въ періодъ утробной жизни или въ первые мѣсяцы послѣ рожденія. Такъ, въ одномъ случаѣ найдены склеротическія измѣненія въ головномъ мозгу. У 9-ти лѣтняго микроцефала Франца Беккера профессоръ Флешъ констатировалъ рѣзко выраженную водянку головного мозга, въ связи съ чѣмъ затылочныя доли представлялись какъ бы пузырями съ тонкими стѣнками; въ другомъ случаѣ того же Флеша и Штейнлехнеръ-Гречишниковой было вдавленіе на поверхности мозга, которое походило на ложную порэнцефалию. — Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣстѣ съ уменьшеніемъ головного мозга замѣчалось и уменьшеніе спинного мозга (микроміэлія), причемъ особенно рѣзкія уклоненія отъ нормы наблюдались въ пирамидныхъ путяхъ и Голлевыхъ столбахъ спинного мозга.

Изъ всего этого видно, что случаи микроцефаліи по своему происхожденію бываютъ довольно разнообразны и нѣкоторые изъ нихъ не отличаются по условіямъ своего развитія отъ другихъ случаевъ идиотизма и составляютъ какъ-бы переходныя ступени отъ микроцефаліи къ обычному идиотизму. Но есть все-таки слу-

*) Inland. Microcephaly—статья въ Dictionary of Psychological Medicine. т II.

чай, которые по преимуществу заслуживаютъ названія «истиннаго микроцефализма», въ которыхъ при вскрытіи не находятъ никакихъ признаковъ, указывающихъ на слѣды воспалительныхъ или другихъ очаговыхъ процессовъ въ головномъ мозгу, въ которыхъ мозгъ имѣетъ одни лишь признаки задержки развитія. Хотя и эти случаи представляютъ нѣкоторыя различія въ деталяхъ строенія мозга, но все-таки здѣсь разнообразіе уже не столь велико. Для того, чтобы на конкретномъ примѣрѣ представить измѣненія въ мозгу, которые наблюдаются въ подобныхъ случаяхъ, я вкратцѣ приведу результаты изслѣдованій И. П. Мержевскаго надъ мозгомъ подобнаго субъекта. Какъ я упоминалъ, мозгъ этого субъекта вѣсилъ почти 369 граммъ. Въ немъ мозжечекъ, Варолиевъ мостъ и продолговатый мозгъ по размѣрамъ почти соотвѣтствовали нормѣ, тогда какъ большой мозгъ былъ почти вдвое меньше нормы. По своему виду, по расположенію извилинъ и развитію долей, мозгъ этого микроцефала не былъ похожъ на мозгъ антропоморфныхъ обезьянъ, а приближался къ мозгу человѣческаго плода на 9-мъ мѣсяцѣ его утробной жизни, хотя по устройству Сильвіевой борозды, лобныхъ и теменныхъ долей онъ подходилъ къ еще болѣе низшимъ формамъ утробной жизни. Въ этомъ мозгу можно было констатировать рѣзкое несовершенство развитія извилинъ мозговой коры и отсутствіе нѣкоторыхъ частей мозга, какъ напр. отсутствіе splenii corporis callosi и psalterii.

У различныхъ микроцефаловъ, описаніе которыхъ производилось другими авторами, обыкновенно тоже констатируется почти нормальная величина мозжечка и продолговатаго мозга и очень слабое развитіе большого мозга; большинство изслѣдователей находили, что больше всего уменьшены теменные и лобные доли*).

Въ связи съ недоразвитіемъ мозга стоитъ и недоразвитіе психической дѣятельности, постоянно наблюдаемое у микроцефаловъ. Всѣ они—идіоты, т.-е. слабоумные отъ рожденія индивидуумы, причѣмъ, однако, степень слабоумія не у всѣхъ одинакова. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ крайнюю степень неразвитости психической дѣятельности, другіе проявляютъ кое-какіе про-

---

*) Болѣе подробными данными объ особенностяхъ мозга микроцефаловъ я не хочу утомлять читателей философскаго журнала; тѣмъ болѣе, что литература этого предмета довольно обширна.

блески интеллекта. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ интеллектъ развитъ настолько, что микроцефаль, по размѣрамъ головы подходящій къ сильнымъ степенямъ микроцефалии, долженъ считаться не идіотомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а лишь тупоумнымъ и можетъ исполнять какое-нибудь дѣло (см. наблюденія Бурневиля)*). Во всякомъ случаѣ, такіе индивидуумы не относятся къ наиболѣе типичнымъ случаямъ микроцефалии. Нужно замѣтить, что не всегда слабость развитія интеллектуальной дѣятельности находится въ правильной пропорціональности съ величиною и вѣсомъ мозга. Такъ, напримѣръ, Антонія Гордони, описанная профессоромъ Кордона и д-ромъ Адриани, обладала наименьшимъ по вѣсу головнымъ мозгомъ (289 граммъ), а между тѣмъ она умѣла танцевать, играть на цимбалахъ, знала имена лицъ и названія мѣстностей, чего обыкновенно микроцефалы не знаютъ**).

По психическимъ проявленіямъ, микроцефаловъ можно раздѣлить на двѣ группы. Одни изъ нихъ крайне вялы, апатичны; они большею частію неподвижны или совершаютъ какія-нибудь однообразныя автоматическія движенія; они тупо воспринимаютъ окружающее; у нѣкоторыхъ изъ нихъ, повидимому, даже кожная чувствительность крайне понижена: микроцефалка Маргарита Мелеръ не чувствовала даже ожоговъ. Умственная жизнь ихъ ничтожна. — Другую группу микроцефаловъ составляютъ субъекты очень живые, подвижные. Движенія такихъ микроцефаловъ очень разнообразны, правильно координированы; нѣкоторые изъ нихъ ловко влѣзаютъ на деревья; мимика ихъ очень живая, они чрезвычайно хорошо подражаютъ жестамъ, мимикѣ и голосу другихъ людей. Они быстро воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія и реагируютъ на нихъ цѣлымъ рядомъ соответствующихъ рефлексовъ. Представленія у такихъ индивидуумовъ быстро смѣняются другъ друга, память не въ состояніи ихъ удерживать. При этомъ поразительна нестойкость вниманія. Про одну изъ такихъ микроцефалокъ, Софью Виссъ, К. Фохтъ пишетъ такъ***): «характерно постоянное безпокойство, такъ сказать, торопливая пытливость вниманія, которое постоянно перескакиваетъ

*) Bourneville et Wuillamié: Notes et observations sur la microcéphalie. Arch. de Neurologie 1882, стр. 52.

***) См. выше цитированную статью Microcephaly въ Dict. of Psychol. Medic. 1892.

***) «Малоголовые», стр. 218.

съ предмета на предметъ, нигдѣ не останавливаясь прочно и вызывая измѣнчивыя ощущенія, выражающіяся чрезвычайной подвижностью физиономіи. О Софѣ сидѣлка замѣтила очень удачно: «она никогда не знаетъ покоя; смѣхъ и слезы у нея въ одномъ мѣшечкѣ». «Она постоянно вертитъ головой,—говорила сидѣлка,—какъ птичка въ клѣткѣ, и чутка, какъ мышка». «Она слѣдила,—продолжаетъ К. Фохтъ,—за нашими движеніями съ внимательностью обезьяны и пробовала повременамъ подражать имъ; лицо ея отражало наши впечатлѣнія. Она принимала участіе въ нашей веселости, большею частію, издавая горловые звуки, и только разъ захохотала болѣе человѣческимъ голосомъ; но какъ скоро наши лица становились серьезны, она тоже принимала серьезную мину. Наболѣе удачно подражала она, однако, тѣмъ движеніямъ, которыя часто повторялись передъ ней; повидимому, это нужно для того, чтобъ она усвоила себѣ необходимую комбинацію мускуловъ и совлала съ нею. Поэтому молитвенные приемы, которые она видала нѣсколько разъ въ день, были усвоены ею всего лучше, даже съ подраженіемъ тону голоса и съ попыткой произнести членораздѣльный звукъ»... «Вообще, память ея не долго сохраняетъ впечатлѣнія. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя впечатлѣнія удерживаются и остаются, потому что они чаще повторялись и сильнѣе подѣйствовали. Софья знаетъ людей, которые ею занимались; она любитъ однихъ и ненавидитъ другихъ; она постигла значеніе нѣкоторыхъ знаковъ, напр. поднятія пальца надзирательницы: «если я не подниму пальца,—говоритъ сидѣлка, она не послушается».—Ей знакомы по памяти нѣкоторые предметы: такъ, показанные ей карманные часы вызвали въ ней удовольствіе и, указывая на цѣпочку и ключикъ, она какъ бы давала знакъ, чтобы часы завели; она указывала на циферблатъ часовъ, подносила ихъ къ щекамъ и ко лбу, но почти никогда не къ уху. Когда Фохтъ далъ немного денегъ въ руку сидѣлки, она, подмѣтивъ это, старалась разжать руку ея, обыскивала карманы, въ которые та опускала руку, «очевидно предполагая, — говоритъ К. Фохтъ,—что я далъ ей что-нибудь съѣстное».

У нѣкоторыхъ микроцефаловъ существуетъ способность къ членораздѣльной рѣчи, которая, впрочемъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ незначительна, такъ что весь лексиконъ ихъ состоитъ изъ немногихъ словъ. Но иногда языкъ ихъ съ теченіемъ времени нѣсколько совершенствовался. У другихъ же микроцефаловъ

рѣчи вовсе не существуетъ. Такъ, о рѣчи Софьи Виссъ К. Фохтъ говоритъ такъ: «О членораздѣльной рѣчи и пониманіи ся нѣтъ и помину. Слова для нея—только звуки; она понимаетъ не смыслъ сказаннаго, а интонацію и мимику, которыми слова сопровождаются. Произнесенная ласковымъ голосомъ угроза принимается ею за ласку; ласка же, выраженная грознымъ тономъ и съ поднятіемъ указательнаго пальца—за угрозу. Единственное слово, которому она выучилась—«аминь», но и того она не выговариваетъ вполне; оно звучитъ у нея почти какъ «хаммъ»,—гласная выговаривается съ сильнымъ придыханіемъ и походитъ на задержанное чиханье». Другіе микроцефалы, хотя и произносятъ звуки, заученные механически, но повторяютъ ихъ, какъ попугаи, не понимая смысла и значенія. Изрѣдка только, при возбужденіи, ими высказываются фразы, какъ бы имѣющія смыслъ.

Карль Фохтъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы микроцефалы могли высказывать самостоятельную мысль. Онъ подвергаетъ критикѣ рассказъ о томъ, какъ одинъ изъ микроцефаловъ, Михаилъ Зонъ, описанный Иоганномъ Мюллеромъ, будучи боленъ, сказалъ осмысленно: «голова болитъ», и полагаетъ, что въ этихъ словахъ нельзя видѣть проявленія мысли, а лишь машинальное повтореніе словъ, слышанныхъ ранѣе отъ матери. Какого бы то ни было творчества мысли Карль Фохтъ рѣшительно не признаетъ у микроцефаловъ, сравнивая отмѣчаемая у нихъ иногда осмысленныя фразы со словами, произносимыми попугаями и чрезвычайно удачно совпадающими съ обстоятельствами. Брэмъ говоритъ о попугаѣ, который, захворавъ, произносилъ: «бѣдный попочка боленъ, очень боленъ», и К. Фохтъ указываетъ, что эта фраза перевѣшиваетъ фразу Михаила Зона о головной боли. Микроцефалы, по мнѣнію К. Фохта, произнося слова, все-таки не могутъ считаться обладающими членораздѣльною рѣчью, какъ средствомъ сообщенія и усовершенствованія, какъ обладаетъ ею нормальный человѣкъ.

Къ этому общему описанію психическаго состоянія микроцефаловъ я долженъ прибавить, что Карль Фохтъ, желая доказать, что микроцефалы по развитію переднихъ отдѣловъ головного мозга и свода черепа подходятъ къ обезьянамъ, доказывалъ, что и по умственнымъ способностямъ они совершенно похожи на обезьянъ. «Нельзя»,—говоритъ онъ,—«отрицать величайшаго сходства съ обезьянами въ ихъ движеніяхъ и способахъ проявленія своихъ чувствъ и желаній; вниманіе ихъ попеременно привле-

кается и отвлекается; противоположнѣйшія чувства смѣняются непрерывно и безъ промежутковъ. Любовь и ненависть, безъ причины мгновенно забываемая и опять возникающія, радость и уныніе, гнѣвъ и удовольствіе, непосредственная месть и совершенная покорность чередуются безпрестанно и сопровождаются страннѣйшими и комическими движеніями. Умственные способности даже ниже, чѣмъ у обезьяны. Непосредственныя воспріятія очень затемнены. Что же касается отвлеченныхъ идей и всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ умственныхъ способностей, которыми несомнѣнно обладаетъ человѣкъ, то ихъ нѣтъ вовсе, равно какъ и способностей абстрактнаго мышленія, свойственныхъ человѣку» («Малоголовые», стр. 239—240).

Нужно сказать, что въ этомъ утвержденіи К. Фохта проглядываетъ слишкомъ большое увлеченіе предвзятою мыслью. Есть малоголовые, обладающіе сравнительно порядочною рѣчью. Правда, можно спорить, принадлежатъ ли они къ группѣ наиболѣе чистыхъ формъ микроцефаліи, такъ какъ у типичныхъ микроцефаловъ, дѣйствительно, рѣчь крайне неразвита, что находится въ связи съ тѣмъ, что центръ рѣчи, 3-я лобная извилина и Рейлевъ островокъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ рудиментарны.

Какъ бы то ни было, почти всѣ наблюдатели отмѣчаютъ, что хотя у нѣкоторыхъ изъ малоголовыхъ и замѣчается способность къ рѣчи и довольно живой комбинаціи представленій, но положительно *отсутствуютъ идеи*.

Что касается до другихъ проявленій дѣятельности нервной системы у микроцефаловъ, то съ этой стороны часто не наблюдается никакихъ значительныхъ измѣненій; органы чувствъ ихъ функционируютъ обыкновенно правильно. Вагнеръ сомнѣвается, есть ли у нихъ обоняніе, но К. Фохтъ совершенно справедливо находитъ неосновательнымъ это сомнѣніе. Чувствительность кожи иногда нѣсколько ослаблена; нѣкоторые микроцефалы обладаютъ предчувствіемъ грозы,—волнуются и беспокоятся передъ ея приближеніемъ.

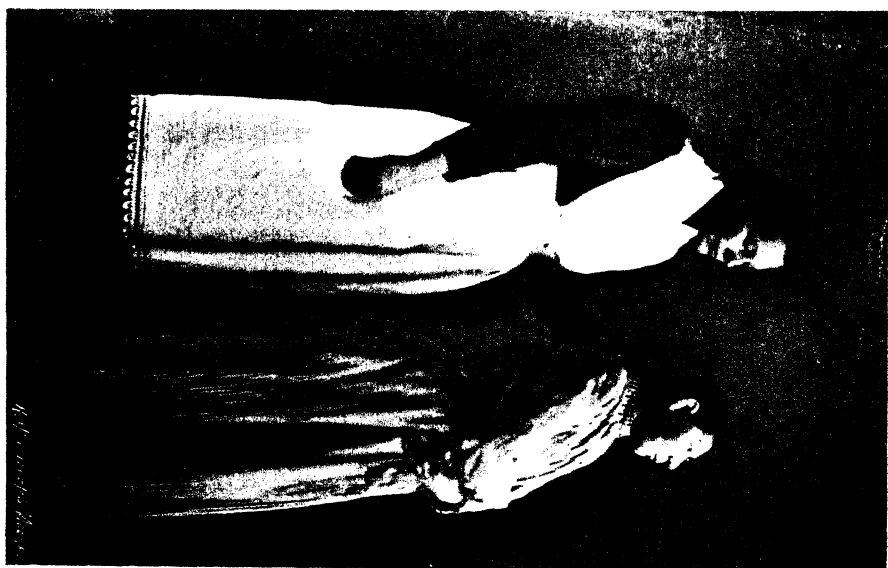
Двигательный аппаратъ большею частью тоже работаетъ удовлетворительно. Мускульная сила велика, подвижность часто значительная, такъ что, по словамъ К. Фохта, наблюдатели сравниваютъ ее съ птичьей. Прыжки, скачки, переминая, необыкновенныя движенія у нихъ—постоянны; различныя и необыкновенно комическія гримасы, съ быстротою молніи появляющіяся

на лицѣ, бываютъ очень часто. Походка ихъ отличается нѣкоторыми особенностями: голова наклонена впередъ, спина согнута, руки—отвисли впередъ, колѣна подогнуты; походку эту К. Фохтъ называетъ «обезьяней». Часто, говоритъ онъ, они, напримѣръ, при подъемѣ на лѣстницу, идутъ на четверенькахъ и помогаютъ себѣ руками.

Растительные процессы: пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе—большую частью совершенно правильны. Физическое развитіе всего тѣла, за исключеніемъ головы, часто совершенно нормально. Ростъ большую частью, впрочемъ, нѣсколько ниже нормы; попадаютъ между малоголовыми и такіе, у которыхъ ростъ тѣла идетъ слабо, и которые навсегда сохраняютъ слабо развитыя, дѣтскія формы. Эпоха возмужалости чаще всего запаздываетъ въ своемъ появленіи; но у женщинъ-микроцефалокъ, перешедшихъ за 16 лѣтъ, процессъ менструаціи и развитіе грудныхъ железъ обыкновенно совершаются правильно. Половыя влеченія у большинства совершенно не замѣтны, у нѣкоторыхъ же замѣтны довольно рано.

Большая часть микроцефаловъ живутъ не долго и умираютъ рано, чаще всего отъ какихъ-нибудь мозговыхъ болѣзней: мозгъ, какъ самый слабый органъ, легче всего подвергается у нихъ вреднымъ влияніямъ. Нѣкоторые микроцефалы живутъ лишь нѣсколько дней, но описаны и такіе, которые жили довольно долго. Микроцефалъ Мотей, описанный И. П. Мержеевскимъ, умеръ, будучи лѣтъ около 50, и это былъ почти самый старый изъ описанныхъ микроцефаловъ. Старѣе его былъ только микроцефалъ, описанный Бурневиллемъ (*Arch. de Neurolog.* 1882, стр. 53), который умеръ отъ самоубійства 59 лѣтъ, но этотъ случай далеко не типичный.

Въ заключеніе общаго описанія микроцефаловъ, я прибавлю, что въ послѣдніе годы предлагается нѣкоторыми хирургами, особенно Ланелонгомъ, дѣлать дѣтямъ, имѣющимъ микроцефалической черепъ, операцію—раздвиганія костей черепа при помощи инструментовъ. Мысль объ этой операціи возникла изъ предположенія, что малое развитіе мозга можетъ обуславливаться у нихъ раннимъ заращеніемъ черепныхъ швовъ и что искусственное уменьшеніе сдавленія мозга костями черепа можетъ дать возможность развиться и мозгу. Однако, несомнѣнно полезныхъ результатовъ примѣненіе такой операціи еще не дало, да и тео-

ретическая вѣроятность пользы не велика: дѣло въ томъ, что далеко не у всѣхъ микроцефаловъ черепные швы зарощены, и малая величина черепа есть не первичное явленіе, а вторичное, слѣдующее за недоразвитіемъ мозга.

Сдѣлавъ это введеніе, я перехожу къ описанію случая малогловія, наблюдаемаго въ нашей клиникѣ.

Марья Петрова, 45 лѣтъ, дочь отставного рядового. изъ села Губина, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи.

О ея происхожденіи извѣстно очень мало. Извѣстно, что ихъ было двѣ сестры, обѣ микроцефалки. Обѣ онѣ были помѣщены въ 1880 году въ Преображенскую больницу въ Москвѣ, а въ 1881 году демонстрированы въ Обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи д-ромъ Бензенгромъ. Тогда были о нихъ собраны нѣкоторыя свѣдѣнія, впрочемъ, очень краткія, такъ что я передаю ихъ почти буквально.

Оказалось, что онѣ были помѣщены въ Преображенскую больницу по просьбѣ городского, стоявшаго на посту у Генераль-Губернаторскаго дома, обращенной къ бывшему попечителю Преображенской больницы, Ив. Ив. Красовскому. Городовой этотъ, однако, оказался не родственникомъ ихъ, а лишь знакомымъ тетки микроцефалокъ. Эта тетка пріютила ихъ у себя послѣ того, какъ онѣ по смерти матери сожгли свою избу въ Можайскомъ уѣздѣ и, какъ безпріютныя, остались на попеченіи общества; помѣстивши микроцефалокъ въ больницу, она о нихъ болѣе не справлялась. Помѣщены были онѣ въ больницу въ декабрѣ 1880 года, причемъ были привезены въ очень истощенномъ видѣ, говорили мало; первое время марались подъ себя. Маша (та, о которой идетъ рѣчь въ этомъ очеркѣ) большею частью повторяла послѣднія слова фразы, которую говорила сестра, была добродушна; обѣ сестры представляли наклонность къ подражанію. Физическое здоровье было нормально, менструаціи правильны.

Одна изъ сестеръ скончалась въ Преображенской больницѣ, и, сколько мнѣ извѣстно, мозгъ ея былъ переданъ проф. Д. Н. Анучину и находится въ Антропологическомъ музеѣ, а черепъ въ неврологическомъ музеѣ проф. А. Я. Кожевникова при Нервной клиникѣ. Оставшаяся въ живыхъ, Маша, въ 1887 году переведена была въ Психіатрическую клинику, гдѣ и находится въ настоящее время; въ теченіе этого періода она на лѣтнее время раза три переводилась въ другую больницу.

Первое впечатлѣніе, которое производитъ Маша, когда посѣтитель входитъ въ отдѣленіе, въ которомъ она находится, вовсе не даетъ понятія о дѣйствительной степени ея умственной недостаточности; обыкновенно, когда входятъ въ отдѣленіе, Маша быстро реагируетъ на это—или бросается къ входящимъ и протягиваетъ руку, или становится у стѣны, и, сложивши руки на груди, кланяется, какъ сидѣлка, или торопливо бѣжитъ, крича: «пришелъ, пришелъ», и, схвативъ стулъ, какъ будто старается привести въ порядокъ комнату.

Не слыша разговора Маши, а только видя ее издали—сидящую или стоящую около другой больной, можно по ея оживленной жестикуляціи и мимикѣ подумать, что она о чемъ-то серьезно бесѣдуетъ и кого-то убѣждаетъ,—и, только подойдя ближе, вы замѣтите, что она или ничего не говоритъ, а производитъ только мимическія движенія, или рѣчь ея состоитъ изъ мало разборчивыхъ звуковъ и совершенно бессмысленна. Въ ея поведеніи вы также скоро отмѣтите отсутствіе всякаго смысла: все, что она дѣлаетъ, имѣетъ только внѣшній видъ поступковъ, соотвѣтствующихъ поступкамъ здравомыслящихъ людей, а въ сущности ея дѣйствія совершенно бессмысленны: такъ, напр., здороваться она часто начинаетъ не во время; начнетъ кланяться, какъ няньки, и кланяется безъ конца; приводя какъ-будто въ порядокъ комнату и носясь со стуломъ, только производитъ беспорядокъ; словомъ, очень быстро можно придти къ заключенію, что ума у Маши нѣтъ, но что, тѣмъ не менѣе, у нея существуетъ своеобразная психическая дѣятельность, которая становится болѣе понятною только послѣ довольно близкаго знакомства съ ея проявленіями.

Почти всегда, т.-е. цѣлый день, Маша находится въ суетливомъ возбужденіи; одѣвшись сама или съ помощью другихъ и умывшись, она цѣлый день переходитъ изъ угла въ уголъ, не надолго присаживаясь то на диванѣ, то на стулѣ и потомъ начиная опять свое суетливое передвиженіе. Ходитъ она—прискакивая, немного наклонясь впередъ и переваливаясь; при этомъ схватываетъ попадающіеся предметы или просто размахиваетъ руками. Очень часто, и ходя и сидя, Маша что-то говорить не очень громко, большею частью, съ серьезнымъ видомъ; иногда что-то напѣваетъ; часто мимика и движенія ея изображаютъ какой-то переполохъ. Когда Маша сидитъ или стоитъ около другой

больной, то она обыкновенно что то бормочетъ съ серьезною миной, киваетъ головой и какъ будто убѣждаетъ кого-то. Очень часто при этомъ наблюдается мимика какой-то таинственности многозначительности, причемъ Маша тихонько произноситъ слова, покачивая головой и грозя указательнымъ пальцемъ. Иной разъ Маша съ видомъ изумленія возводитъ руками, пожимаетъ плечами, а потомъ заливается добродушнымъ смѣхомъ; при этомъ она говоритъ отрывочно фразы мало понятныя, вродѣ: «ишь ты, подишь ты»...; часто можно подумать, что она дѣйствительно смѣется чему-нибудь реальному, но въ сущности при этомъ у нея совсѣмъ нѣтъ никакого сознательнаго повода для смѣха, точно такъ же, какъ не бываетъ повода и для мимики серьезнаго обсуждения или удивленія.

Присматриваясь къ ея дѣятельности и прислушиваясь къ ея неотчетливымъ словамъ, вы поражаетесь, насколько всѣ ея поступки суть результатъ простого механическаго воспроизведенія видѣннаго и слышаннаго, т. е. результатъ подражанія, при полномъ отсутствіи осмысленности. Всѣ ея поступки въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ суть подражанія поступкамъ людей, которые живутъ около нея. При этомъ часто Маша подражательно воспроизводитъ въ своихъ дѣйствіяхъ вовсе не то, что сейчасъ происходитъ, а какое-нибудь событіе, давно минувшее и давно уже оставившее слѣдъ въ ея психикѣ. Такъ, иногда въ минуту волненія она начинаетъ бѣгать и, вдругъ остановившись, съ изумленіемъ и какъ будто съ сердцемъ скажетъ: «что-жъ ты скотину не гонишь...»; очевидно, это — воспоминаніе изъ давнихъ лѣтъ, остатокъ впечатлѣній, полученныхъ въ деревенской обстановкѣ. Вслѣдъ за этимъ она начинаетъ иногда говорить какую-нибудь брань, оставшуюся отъ того же времени и не имѣющую никакого отношенія къ теперешней обстановкѣ. Иной разъ, гуляя въ саду и подойдя къ окну больницы, Маша какой-нибудь палочкой постучитъ въ окно и поклонится совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ нишенки въ деревняхъ и какъ, вѣроятно, она сама дѣлала лѣтъ 15 назадъ. Одно лѣто Маша провела въ обстановкѣ, гдѣ, повидимому, не было идеальной чистоты, и ей приходилось видѣть, какъ ея сожительницы вели борьбу съ паразитами головы. И вотъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того Маша часто совершенно не кстати воспроизводила полученныя ею впечатлѣнія исканія въ головѣ. Она съ сосредоточеннымъ видомъ будто что-то клала

на ногу и раздавливала, сопровождая это соответствующимъ бормотаньемъ. Нечего говорить, что голова ея была совершенно чиста,—это былъ простой актъ подражанія возникшему въ ея памяти образу.

Хотя несомнѣнно, что впечатлѣнія, полученныя въ давно прошедшемъ времени, часто подражательно воспроизводятся Машей, но подражательность ея очень велика и относительно обстоятельствъ, непосредственно совершающихся передъ нею. Стоить около нея засмѣяться—и она засмѣется; она повторяетъ слова, которыя при ней говорятъ, подражаетъ видимымъ жестамъ. На лекціи она почти всегда повторяетъ послѣднія слова профессора, подражая каррикатурно его жестикуляціи и интонаціи, чѣмъ, конечно, вызываетъ взрывъ смѣха у слушателей.—Въ отвѣтъ на этотъ смѣхъ Маша сама заляется довольнымъ смѣхомъ, точно она именно и хотѣла достигнуть этого эффекта... Нѣкоторыя внѣшнія впечатлѣнія вызываютъ у нея довольно однообразныя акты подражанія,—стереотипныя повторенія. Къ такого рода актамъ относится то, что она при обходѣ врачей становится, какъ сидѣлки, у стѣны или около другихъ больныхъ и, сложивъ руки на груди, чинно кланяется. Нѣкоторые изъ подражательныхъ актовъ ея очень сложны. Сюда относится слѣдующее явленіе: нерѣдко, обходя отдѣленіе, я заставлялъ Машу сидящей за столомъ и съ виду усердно занимающейся шитьемъ,—она держитъ свой платокъ лѣвою рукой, а правой быстро производитъ стежки; можно подумать, что у нея въ рукахъ иголка и нитка—такъ живо подражаетъ она акту шитья; а между тѣмъ у нея нѣтъ ни того, ни другого. Тѣмъ не менѣе, она, сдѣлавъ стежки и какъ бы откусивъ нитку, заткнетъ мнимую иголку себѣ въ платье, стряхнетъ платокъ и начнетъ его укладывать. Уложивъ платокъ, она завязываетъ его нѣсколькими узлами, потомъ какъ будто вынетъ изъ рту булавку, какъ бы вколетъ ее въ платокъ, и положитъ въ карманъ. Все это дѣлается очень живо и ловко, причемъ движенія, которыя видѣла Маша у шьющихъ женщинъ, передаются хотя и очень точно, но съ необычной поспѣшностью и какъ будто утрировкой. Иной разъ при этомъ Маша бормочетъ и какія-нибудь слова, соответствующія ворчливому настроенію: «ну, матушка, поработай сама,—все я работай, ишь ты...», и т. п.

Какъ видно изъ этого описанія, Маша производитъ часто рядъ очень сложныхъ движеній, сопровождаетъ ихъ соответствующе-

щими фразами, но во всѣхъ этихъ движеніяхъ, при ви́шнемъ сходствѣ съ поступками нормальныхъ людей, не достаетъ главнаго — *смысла*. Весь сложный процессъ ея безсмысленъ по существу: она производитъ движенія шитья безъ главнаго — безъ иголки и нитки, и смысла процесса шитья совсѣмъ не понимаетъ. Перестанавливая въ комнатѣ стулья, какъ бы для порядка, она тоже въ сущности никакого понятія о порядкѣ не имѣетъ и производитъ беспорядокъ. Особенно рѣзко отсутствіе осмысленности и цѣлесообразности въ поступкахъ Маши замѣтно, напримѣръ, при такомъ опытѣ: покажите ей ключъ, она узнаетъ, что это такое, и назоветъ: «ключъ». — Взявши этотъ ключъ, она побѣжитъ къ двери, приставитъ его къ ручкѣ, постучитъ объ нее нѣкоторое время и съ довольнымъ видомъ принесетъ назадъ — какъ будто она сдѣлала все, что нужно; въ сущности же, очевидно, она воспроизвела рядъ видѣнныхъ ею движеній, которыя связаны были съ образомъ ключа, рѣшительно не имѣя пониманія смысла всѣхъ этихъ актовъ, ихъ цѣли и назначенія.

Вотъ этотъ-то недостатокъ цѣли и осмысленности, при существованіи сложныхъ дѣйствій, состоящихъ изъ раздражательныхъ актовъ, и составляетъ наиболѣе характерное явленіе въ психической жизни малоголовыхъ. До чего поразительна недостаточность соображенія и смысла, видно хотя бы изъ того: Маша очень любитъ играть красными пасхальными яйцами, она ихъ то держитъ въ карманѣ, то вынимаетъ, гладитъ, показываетъ другимъ; когда случится, что яйцо разобьется, она плачетъ, но при этомъ она его никогда не съѣстъ, хотя за обѣдомъ ей часто случается ѣсть яйца, подаваемые не въ скорлупѣ. Осмыслить и сообразить, что красное яйцо — тоже съѣдобно, Маша не можетъ. Но если при этомъ кто-нибудь, указывая Машѣ на яйцо, скажетъ: «съѣшь», то Маша, воспроизводя въ силу ассоціаціи по смежности то дѣйствіе, которое слѣдуетъ за словомъ «съѣшь», беретъ яйцо и начинаетъ его ѣсть.

Иной разъ поступки Маши какъ бы указываютъ на существованіе осмысленности: такъ, бываетъ, что она сдѣлаетъ какое-нибудь правильное и умѣстное замѣчаніе, напр., на вопросъ: гуляла ли? — отвѣтитъ: «гуляла батюшка, покорно благодарю, спасибо тебѣ»; но при повтореніи опыта, легко замѣтить, что и это, конечно, есть не болѣе какъ простое воспроизведеніе когда-

нибудь ею слышаннаго совмѣстно съ словомъ «гуляла». Это совпаденіе словъ Маши съ дѣйствующими на нее впечатлѣніями бываетъ довольно часто и невольно вызываетъ смѣхъ. Такъ, много разъ на вопросъ: «куда всѣ ушли» — Маша отвѣчаетъ: «въ кабакъ ушла, проклятая», — совершенно не понимая, что эта реплика, оставшаяся у нея, какъ слѣдъ давнихъ впечатлѣній, теперь совершенно неумѣстна. Такихъ репликъ, нѣсколько соответствующихъ дѣйствующимъ на нее впечатлѣніямъ, но совершенно не подходящихъ къ данной обстановкѣ, а повторяемыхъ по памяти, у Маши очень много. Онѣ съ виду кажутся какъ бы правильными сужденіями, но, на самомъ дѣлѣ, оказываются не сужденіями, а только сложными воспроизведеніями, результатомъ подражанія давно воспріятому, являющимся, какъ по рефлексу, вслѣдъ за полученнымъ ею впечатлѣніемъ. Собственно своихъ сужденій Маша высказываетъ до крайности мало. Сужденія ея ограничиваются въ большинствѣ случаевъ узнаваніемъ нѣкоторыхъ знакомыхъ ей предметовъ, но и ихъ очень мало, потому что Маша знаетъ лишь очень немного предметовъ. — Иногда сужденія ея касаются качества впечатлѣнія, и она говоритъ: «хорошо», хотя часто нельзя отличить, дѣйствительно ли это—сужденіе, или только повтореніе слова, слышаннаго ею при соответствующей обстановкѣ. Одинъ разъ, однако, мнѣ пришлось слышать отъ нея фразу, которая по всѣмъ признакамъ соответствовала дѣйствительной мысли. Дѣло было такъ: мы привели Машу въ лабораторію для болѣе подробнаго изслѣдованія. Пробывши тамъ съ часъ, Маша стала нѣсколько беспокоиться — видимо, ей хотѣлось уйти; она ходила по комнатѣ, отыскивая, какъ бы выйти, подходила къ двери, но не сумѣла отворить ее. Такъ продолжалось съ ¹/₄ часа; тревожное чувство ея видимо усиливалось и, наконецъ, Маша, поклонившись, выговорила: «пусти, батюшка». Конечно, можетъ быть, и это слово было лишь удачнымъ подражаніемъ слышанному ею отъ другихъ при подобной же обстановкѣ, но я не могу отрицать и того, что слова эти произвели на меня впечатлѣніе болѣе осмысленныхъ, чѣмъ ея обычныя фразы, и казались слѣдствіемъ умозаключенія. Не слѣдуетъ забывать, что у идиотовъ подъ влияніемъ эмоцій (а также и лихорадочнаго состоянія) нерѣдко повышается способность къ умственнымъ комбинаціямъ, и они проявляютъ при этомъ способности высшія, чѣмъ при

ихъ обыкновенъ состояніи: можетъ быть, и Маша могла составить самостоятельную мысль, только будучи въ состояніи аффекта, которое повысило ея способность къ умственнымъ операціямъ.

Впрочемъ нельзя отрицать, что иной разъ намеки на цѣлесообразность дѣйствій существуютъ у Маши и при спокойномъ ея состояніи. Это приходится наблюдать, напримѣръ, при уборкѣ стола передъ обѣдомъ и ужиномъ. Маша иногда помогаетъ въ этомъ сидѣлкамъ; при этомъ она обнаруживаетъ въ большинствѣ случаевъ одно лишь подражаніе безъ осмысленности: иной разъ она накроетъ скатерть такъ, что длинный размѣръ ея придется поперекъ, и оставитъ какой-нибудь край непокрытымъ; тогда Маша бѣжитъ къ этому концу, потянетъ скатерть и раскроетъ другой конецъ; Маша опять перебѣгаетъ и тащитъ скатерть и т. д. Маша можетъ продѣлывать это много разъ къ ряду, но иногда въ концѣ концовъ словно догадается, сметъ скатерть и накроетъ ею столъ какъ слѣдуетъ. Нѣсколько разъ мнѣ случалось производить такой опытъ: я показывалъ Машѣ два ключа и потомъ спрятавъ ихъ на глазахъ ея подъ скатерть, говорилъ: «гдѣ ключи?» Маша принималась ихъ искать, поднимая скатерть и притомъ съ разныхъ концовъ. Найдя одинъ ключъ и подавши со словами: «вотъ ключъ», она—правда, далеко не всегда—продолжала поиски другого ключа. Правда, если эти поиски не скоро удавались, она забывала о цѣли, но нѣкоторое, короткое время она все-таки, очевидно, имѣла цѣль, и движенія ея были сообразны съ цѣлью. — Но если цѣль, въ такихъ случаяхъ и бываетъ мотивомъ поступковъ у Маши, то все-же нужно отмѣтить, что цѣль эта всегда крайне близкая,—притомъ, нельзя отрицать возможности объяснить и нѣкоторые изъ такихъ, какъ бы цѣлесообразныхъ, актовъ простымъ подражаніемъ и заученными движеніями.

Сдѣлавши это общее описаніе главныхъ особенностей психического склада Маши, бросающихся въ глаза при наблюденіи за нею, мы должны произвести болѣе систематическое описаніе различныхъ проявленій ея душевной и тѣлесной жизни, чтобы составить достаточно полное представленіе объ уровнѣ развитія ея душевной жизни.

Маша, какъ я уже замѣтилъ, принадлежитъ къ классу индивидуумовъ человеческого рода, извѣстныхъ подъ названіемъ идіотовъ, у которыхъ замѣчается большая или меньшая степень оста-

новки развитія душевной жизни, вслѣдствіе остановки развитія мозга. Соотвѣтственно степени задержки развитія мозга, и проявленія душевной жизни будутъ разнообразны, причѣмъ мы можемъ наблюдать очень постепенные переходы отъ самой глубокой степени идиотизма, при которой индивидуумъ почти совершенно лишенъ проявленій душевной жизни, до сравнительно легкихъ проявленій полутупоумія (*semimbecillitas*). На самой глубокой степени полного идиотизма, индивидуумъ лишенъ всякой способности воспріятія; всѣ его проявленія суть простые рефлексы самаго низшаго порядка. Индивидуумъ такого рода часто не умѣетъ брать груди матери, не видитъ и не слышитъ, а лишь автоматически ворочается. Наоборотъ, въ слабой степени умственного недоразвитія, при тупоуміи, мы находимъ проявленія болѣе близкія къ нормѣ; такіе индивидуумы обладаютъ способностью пониманія и способностью рѣчи; они иногда даже односторонне талантливы; такъ, напримѣръ, нѣкоторые обладаютъ музыкальными, рисовальными способностями, или особенно точною механическою памятью, или необыкновенною способностью къ счисленію; нѣкоторые способны до извѣстной степени къ обученію и къ послѣдовательнымъ занятіямъ, правда, не очень сложнымъ; во всемъ ихъ психическомъ складѣ мы не находимъ только той степени ума и гармоническаго развитія всѣхъ сторонъ душевной жизни, которая должна быть у нормальныхъ, даже не умныхъ людей.

Между самыми тяжелыми формами идиотизма и сравнительно слабыми проявленіями полутупоумія существуютъ безчисленные переходы, соотвѣтствующіе степени задержки развитія душевной жизни; переходы эти такъ многочисленны, что трудно по степени умственной слабости раздѣлить идиотовъ на классы такъ, чтобы классификація была приложима для каждаго случая, хотя попытки такого раздѣленія и существуютъ: въ принципѣ раздѣленія принимается, главнымъ образомъ, способность воспріятія и способность вниманія, благодаря различной степени которыхъ, у однихъ идиотовъ совсѣмъ не развивается образовъ или представленій, у другихъ есть образы, но почти нѣтъ понятій, а у третьихъ есть и понятія, но только примитивныя. Большею частью, хотя далеко не всегда, параллельно со степенью развитія умственной дѣятельности идетъ и развитіе рѣчи: она отсутствуетъ на низшихъ степеняхъ идиотизма; на среднихъ—крайне недостаточна; даже въ болѣе слабыхъ степеняхъ тупоумія рѣчь

все-таки часто имѣтъ особенности: больные такого рода картавятъ, шепелявятъ, заикаются и проч. Но, повторяю, если и существуютъ попытки классификаціи идиотовъ по степени проявленія ихъ психической жизни, то все-таки онѣ далеко не удовлетворительны, и на практикѣ многіе идиоты представляютъ своеобразныя особенности, не позволяющія уложить ихъ въ обычные рамки, потому что у идиотовъ мы замѣчаемъ нерѣдко, что различныя стороны психической жизни развиты неравномѣрно,—однѣ болѣе, другія менѣе, и идиотъ, очень низко стоящій по уровню развитія одной изъ сторонъ душевной жизни, можетъ стоять довольно высоко по развитію другой. Вслѣдствіе этого въ каждомъ случаѣ нужно производить систематическій обзоръ различныхъ проявленій душевной жизни подлежащаго изслѣдованію идиота, чтобы опредѣлить степень развитія той или другой ея стороны.

Приступая къ изложенію результатовъ систематическаго изслѣдованія Маши, мы прежде всего остановимся на чисто физическихъ особенностяхъ ея. Для большей наглядности, я счелъ нужнымъ приложить 2 фотографіи ея; на одной изъ нихъ Маша, для удобства сравненія, снята рядомъ съ сидѣлкой средняго роста.

Съ перваго раза бросается въ глаза необыкновенно малая величина головы ея, сравнительно даже съ ея маленькимъ ростомъ. При этомъ рѣзко замѣтно, что лицо и отдѣльныя части его имѣютъ нормальную величину, и что уменьшеніе общей величины головы происходитъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе малости свода черепа. Лобъ ея очень маленькій, скошенный назадъ, узкій. Надбровныя дуги выдаются. Для интересующихся результатами измѣренія специальными приборами я приведу слѣдующія цифры *).

Передне-задній наибольшій діаметръ черепа 142 миллімет. (вмѣсто средняго, нормальнаго для женщинъ 175 милл.)

Поперечный наибольшій . . . 114 милл. (вмѣсто норм. 140 милл.)

Дуга затыльно-лобная . . . 240 » » » 330 »

Горизонтальная окружность 410 » » » 530 »

Передняя часть ея . . . 200 » » » 280 »

Разстояніе надбровной точки отъ подбородочной . . . 62 »

Ростъ . . . . . 1420 »

*) Болѣе подробнымъ описаніемъ результатовъ антропометрическаго изслѣдованія я не считаю нужнымъ утруждать читателей.

Съ физической стороны Маша не представляет признаковъ какой-либо болѣзни. Всѣ органы растительной жизни у нея въ порядкѣ. Параличей и судорогъ нѣтъ. Она менструируетъ до сихъ поръ, несмотря на свои 45 лѣтъ. По своему возрасту она уже подходитъ къ предѣльному возрасту описанныхъ микроцефаловъ, такъ какъ самый старшій изъ извѣстныхъ въ литературѣ типичныхъ микроцефаловъ жилъ лѣтъ до 50.

Въ виду важности для развитія психическихъ отправленій впечатлѣній, получаемыхъ черезъ органы чувствъ, мы должны со вниманіемъ остановиться на опредѣленіи состоянія органовъ чувствъ у Маши.

Съ этой стороны мы находимъ, что органы чувствъ развиты у Маши довольно хорошо и функционируютъ порядочно. Такъ, по отношенію къ органу зрѣнія несомнѣнно, что Маша видитъ обоими глазами, различаетъ цвѣта (что видно изъ того, что цвѣтъ одного платья ей нравится, цвѣтъ другого не нравится), различаетъ очертанія и формы, что доказывается тѣмъ, что она на картинѣ, изображающей человѣка, можетъ нерѣдко указать, гдѣ ротъ и гдѣ носъ. Видитъ она довольно далеко; движенія глазъ правильны; она фиксируетъ глаза и движетъ ими, слѣдя за предметомъ. Вообще, повидимому, нѣтъ никакихъ данныхъ подозрѣвать существованіе болѣзненной неправильности въ полученіи зрительныхъ впечатлѣній.

Точно то же можно сказать относительно слуховыхъ впечатлѣній. Она слышитъ издалека обоими ушами, и, вѣроятно, слухъ ея довольно тонкій, что доказывается тѣмъ, что она довольно хорошо подражаетъ интонаціи. Она обладаетъ способностью прислушиваться, т.-е. фиксировать свое вниманіе на слуховыхъ впечатлѣніяхъ.

Осязательныя впечатлѣнія, несомнѣнно, воспринимаются ею со всѣхъ частей тѣла, но судить о тонкости осязательной чувствительности весьма трудно, такъ какъ примѣненіе спеціальныхъ методовъ изслѣдованія чувствительности относительно Маши невозможно. Она ощущаетъ тепло и холодъ, ощущаетъ и влажность.

Мышечное чувство, повидимому, довольно тонко. Движенія, которыми она подражаетъ шитью, такъ мелки и такъ вѣрны, что могутъ быть только при значительной тонкости мышечнаго чувства.

Обонятельныя ощущенія у нея есть: она не одинаково реаги-

руеть на одеколонъ и на іодоформъ, хотя реакція на обонятельныя впечатлѣнія вообще не велика.

Вкусовые ощущенія тоже существуютъ; она иначе реагируетъ на соль, на сахаръ, на кислоту и горечь (хининъ), но и здѣсь нужно отмѣтить, что, вѣроятно, интенсивность вкусовыхъ ощущений не велика, потому что, наприм., Маша можетъ класть себѣ въ ротъ хининъ щепотками, и хотя не выказываетъ при этомъ большого удовольствія, но и неудовольствіе выражается не очень рѣзко.

Боль она испытываетъ, но, почти навѣрное можно сказать, не такъ интенсивно, какъ нормальный человѣкъ; по крайней мѣрѣ, реакція на уколъ далеко не живая.

Такимъ образомъ, органы чувствъ у Маши функционируютъ: ворота, черезъ которыя входитъ въ психику человѣка матеріалъ для душевнаго содержанія, у нея открыты, и съ этой стороны дана возможность для развитія различныхъ проявленій психической дѣятельности.

Переходя къ разсмотрѣнію проявленій собственно психической жизни Маши, мы начнемъ съ тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ животнымъ отправленіямъ организма, и постепенно будемъ переходить къ болѣе высокимъ. Прежде всего къ этимъ проявленіямъ относится приѣмъ пищи, питаніе. Нѣкоторые идіоты, самые глубокіе, не умѣютъ даже ѣсть, не умѣютъ питаться. Въ этомъ отношеніи Маша далеко ушла отъ глубокихъ степеней идіотизма. Она сама умѣетъ ѣсть и притомъ умѣетъ употреблять такіе инструменты для ѣды, какъ ложка. Она вообще обладаетъ хорошимъ аппетитомъ, ѣсть всегда хорошо, какъ всякій здоровый человѣкъ. Прожорливости при ѣдѣ не замѣтно. Большею частью она ѣсть ложкой, рѣзать не умѣетъ, куски хлѣба отламываетъ сама отъ ломтика. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что ѣда ея довольно безпорядочна: наприм., она ѣсть то ложкой, то руками, то беретъ, смаху, большіе куски; начнетъ ѣсть одно блюдо, наприм., супъ, но если принесутъ въ это время другое, она съѣстъ и изъ него, а потомъ опять возьмется за супъ. Во время ѣды она часто обращается къ сосѣдкамъ (больнымъ) повторяя: «поѣшь», «поѣшь», и давая свой кусокъ хлѣба. Этимъ Маша воспроизводитъ то, что ей случается видѣть въ клиникѣ, именно, что стоящія около больныхъ сидѣлки подкладываютъ имъ хлѣбъ и уговариваютъ больныхъ, не

рѣшающихся приступить къ кушанью. Здѣсь уже кстати можно сказать, что послѣ ѣды Маша часто говоритъ: «спасибо, батюшка», и перекрестится, отставитъ стулъ, а послѣ уборки посуды со стола стряхиваетъ со скатерти соръ и продолжаетъ его стряхивать, когда его нѣтъ уже и слѣдовъ. Здѣсь-же я скажу, что при ѣдѣ можно наблюдать явленія, чрезвычайно характерныя для психики Маши. Она привыкла, что ей нужно ѣсть тогда, когда кушанье поставлено на тотъ конецъ стола, гдѣ она обыкновенно сидитъ, и видомъ поставленнаго кушанья она только и руководится въ томъ, начинать ли ѣсть или нѣтъ. Если взять у нея тарелку, хотя бы тотчасъ послѣ того, какъ она начала ѣсть,—Маша поступитъ такъ, какъ будто обѣдъ уже кончился и она насытилась, т. е. положитъ ложку, отставитъ стулъ къ стѣнѣ, сдѣлаетъ подобіе крестнаго знаменія, оближется и съ довольнымъ видомъ скажетъ: «спасибо». Если сейчасъ же поставить опять тарелку, она снова приставитъ стулъ и примется за ѣду. Если опять взять тарелку, она снова, какъ ни въ чемъ не бывало, продѣлаетъ то же, т. е. отставитъ стулъ, перекрестится и пр. И такимъ образомъ можно повторить много разъ подъ-рядъ: каждый разъ Маша будетъ продѣлывать то же самое, не выражая ни удивленія, ни протеста.

Машѣ въ клиникѣ не приходится голодать, и я поэтому не знаю, чѣмъ бы проявила она свой голодъ. Но несомнѣнно, что она узнаетъ, когда приносятъ ѣду, знаетъ свое мѣсто за столомъ, сама приходитъ, пододвигаетъ стулъ и садится; звать ее не приходится. Что касается до различенія, кому принадлежитъ кушанье, этого у нея нѣтъ; она возьметъ и чужую тарелку и чужой хлѣбъ и не выкажетъ никакой реакціи, если у нея взять кушанье, которое она уже попробовала. Особеннаго предпочтенія къ какому-нибудь кушанью она не выказываетъ и рѣшительно нельзя сказать, что ей нравится. Однако, какъ замѣтили всѣ сидѣлки, Маша почти не ѣсть макаронъ; можетъ-быть это происходитъ оттого, что она не умѣетъ справляться съ ними, такъ какъ макароны скользятъ съ ложки и не доносятся до рта. Ысть она вообще неразборчиво: случалось видѣть, какъ она щепотками ѣсть соль, какъ будто это обыкновенное кушанье; одинъ разъ она такъ же ѣла хининъ, хотя морщилась, но брала его и ѣла.

Чувство жажды Маша иногда выражаетъ: большею частью она пьетъ сама изъ стакана, но когда воды нѣтъ, то заходитъ къ

сидѣлки въ буфетъ, и изъ ея бормотанья можно понять, что ей хочется пить.

Позывы на дефекацію и мочеиспусканіе чувствуетъ и отправленія совершаетъ правильно, направляясь въ опредѣленное мѣсто и соблюдая чистоту.

Никакихъ проявленій полового чувства не было замѣчено. Мастурбаціи нѣтъ.

Въ опредѣленное время, когда всѣ ложатся спать, Маша тоже ложится, раздѣваясь, какъ другія больныя. При этомъ можно отмѣтить слѣдующее: раздѣвшись, Маша тщательно старается стряхнуть и сложить одежду и все дѣлаетъ такъ, какъ дѣлаютъ сидѣлки,—иногда сама отнесетъ свернутый узелъ въ комнату, куда на ночь относится платье больныхъ. Спитъ Маша обыкновенно плохо: часто по ночамъ разговариваетъ, иногда встаетъ, начинаетъ двигать кровать, иногда разбрасываетъ по комнатѣ подушки, перестилаетъ постель. Постель у нея всегда оказывается очень сбитой,—одна подушка на одномъ, а другая на другомъ концѣ. Ночью Маша почти всегда покрывается одѣяломъ съ головой. Проснувшись, рѣдко встанетъ сама, а дожидается, пока принесутъ ея одежду. Одѣвается она иногда сама, иногда съ помощью другихъ. Просыпается она обыкновенно рано, однако, не встаетъ до тѣхъ поръ, пока къ ней не придутъ.

Стремленіе къ самосохраненію, если и существуетъ, то въ ничтожной степени: такъ, на прим., она совершенно не беспокоится, если ея руку пододвигать къ зажженной свѣчѣ, или если надъ ея головой производить угрожающія движенія. Никакого сознанія опасности у нея при этомъ не замѣчается.

Стремленіе къ передвиженію у Маши очень большое. Когда она не спитъ, то почти всегда находится въ движеніи, правда, безцѣльномъ, автоматическомъ. Движенія ея, какъ было сказано, довольно неуклюжи. Она ходитъ, переваливаясь, и какъ будто прискакиваетъ; туловище согнуто, голова вытянута впередъ, руки болтаются. Она иногда бѣгаетъ, но не быстро. Въ виду того, что у нѣкоторыхъ микроцефаловъ отмѣчалась привычка лазить по деревьямъ, нужно сказать, что Маша на деревья не лазитъ.

Выразительныя движенія ея довольно сложны. По своей формѣ, они соотвѣтствуютъ выразительнымъ движеніямъ нор-

мальныхъ людей, но отличаются, во-первыхъ, довольно большимъ однообразіемъ, а во-вторыхъ — неуклюжестью и какъ бы утрировкой; такъ, наприм., когда она машетъ при радости руками, то размахи ея несоразмѣрно велики; кланяясь, она чрезмѣрно выдвигаетъ голову и наклоняетъ ее слишкомъ низко; протягивая руку и здороваясь, часто дѣлаетъ это чрезмѣрно энергично. Мимическія движенія ея тоже чрезмѣрно рѣзки, такъ что напоминаютъ по своей интенсивности утрирующихъ актеровъ. Мимика ея очень быстро мѣняется. Нужно прибавить, что мимика ея не всегда соответствуетъ дѣйствительному ея настроенію; очень нерѣдко по ея виду, по суровому выраженію лица, по сдвинутымъ бровямъ, выдвинутымъ впередъ губамъ, укоризненному покачиванію головы и помахиванію указательнымъ пальцемъ, съ соответствующей интонаціей непонятнаго бормотанья, можно думать, что Маша находится въ неприятномъ настроеніи духа; но когда подойдешь къ ней, увидишь, что этого нѣтъ; на обращенное къ ней привѣтствіе она разсмѣется и добродушно здоровается. Однако, все-таки тогда, когда она дѣйствительно находится въ дурномъ расположеніи духа, выраженіе лица ея всегда сердитое.

Мимика другихъ лицъ, которыя къ ней обращаются, не всегда вызываетъ въ ней соответствующее настроеніе и соответствующее выраженіе лица, хотя нерѣдко бываетъ, что если, ставъ передъ нею, разсмѣяться, то и Маша разсмѣется и останется съ веселымъ выраженіемъ лица въ теченіе довольно долгаго времени. Вообще, легко замѣтить, что мимическія движенія Маши тѣсно связаны съ ея склонностью подражать движеніямъ окружающихъ ее людей.

Стремленіе къ подражанію, какъ уже было сказано, развито у нея очень сильно; оно составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ Маши. Но, какъ показываетъ наблюденіе за Машей, подражаніе это чисто автоматическое, безъ сознанія какой бы то ни было цѣли, безъ пониманія смысла дѣйствія, которому она подражаетъ. Она подражаетъ жестамъ, подражаетъ дѣйствіямъ, подражаетъ интонаціи, подражаетъ послѣдней фразѣ. Она постоянно воспроизводитъ или то, что на нее теперь дѣйствуетъ, или то, что на нее дѣйствовало раньше, иногда въ давно прошедшее время, возстановляя впечатлѣнія, однако далеко не всегда съ полною точностью; дѣйствительныя впечатлѣнія,

дѣйствовавшія на нее, отражаются въ ея дѣйствіяхъ, въ жестахъ и тонѣ рѣчи, нерѣдко въ очень искаженномъ видѣ, какъ бы въ плохомъ зеркалѣ.

Обо многихъ характерныхъ чертахъ подражательныхъ дѣйствій Маши я уже говорилъ, давая общее описаніе ея состоянія. и повторять этого я теперь не стану; но я не могу не отмѣтить того интереснаго, по моему мнѣнію, наблюденія, что все-таки Маша въ своихъ дѣйствіяхъ подражаетъ гораздо болѣе и гораздо чаще здоровымъ людямъ, существамъ разумнымъ, чѣмъ больнымъ, не обладающимъ полнымъ разумомъ. Очень вѣроятно, что это обуславливается тѣмъ, что здоровые люди болѣе активно относятся къ ея поведенію и своею интонаціею, повелительными обращеніями внушаютъ ей чувство авторитета.

Какъ сказано, Маша подражаетъ дѣйствіямъ окружающихъ и ихъ рѣчи. Въ рѣчи особенно рѣзко замѣтно ея подражаніе интонаціи и притомъ, иногда, очень вѣрное. Передавая подражательно, наприм., ворчанье ссорящейся женщины, Маша дѣлаетъ это удивительно похоже на то, что приходится встрѣчать въ обыденной жизни прислуги. Она часто подражательно воспроизводитъ напѣвъ. Нужно сказать, что поетъ Маша довольно часто. Большею частью, однако, это не какая-нибудь опредѣленная пѣсня, а только напѣвъ, имѣющій мотивомъ своимъ мелодію очень общую для многихъ русскихъ народныхъ пѣсень; прислушиваясь къ ея пѣнію, нельзя сказать, какая именно это пѣсня, но несомнѣнно, что воспроизводимая ею рулада носить всѣ особенности деревенскихъ пѣсень. Иногда, впрочемъ, Маша воспроизводитъ и то пѣніе, которое слышитъ отъ другихъ больныхъ. Такъ, однажды услыжавъ отъ другой больной пѣніе «Христось воскресе», она стала пѣть на такой же напѣвъ. Впрочемъ, она его скоро позабыла и перестала воспроизводить. Нужно отмѣтить, что голосъ Маши не представляетъ чего-либо особеннаго; онъ нѣсколько слабъ, глуховатъ, но и только.

Виртуозность подражательности Маши, бросающаяся въ глаза по отношенію къ интонаціи, далеко не такъ выражена по отношенію къ словесной рѣчи. Какъ было сказано, Маша говоритъ довольно много; и сидя, и ходя Маша что-то шепчетъ или говоритъ вполголоса. Такъ какъ до уха долетаютъ только обрывки словъ, которыя она произноситъ, то можно подумать, что она говоритъ что-нибудь дѣльное, и трудно не поддаться импульсу

переспросить ее, что она говоритъ, и не сдѣлать усилія внимательно вслушиваться въ ея рѣчь, дожидаясь, что услышишь что-нибудь понятное. Но оказывается, что сколько ни вслушиваться, нельзя почти ничего разобрать, и что говоритъ она совершенно бессмысленно: рѣчь ея не служитъ для выраженія мыслей, а есть автоматическое воспроизведеніе звуковъ, похожихъ на слова. Не говоря уже о цѣлой фразѣ, рѣдкое слово ею произносится правильно; въ большинствѣ случаевъ слово, которое она произноситъ, есть уродливо сокращенное русское слово, едва, едва напоминающее свой первообразъ. Такъ, наприм., «Сергѣй Сергѣевичъ» она произноситъ какъ Срг-Сргешъ. Слова ея въ своемъ цѣломъ соотвѣтствуютъ сокращеннымъ словамъ быстрой разговорной рѣчи простонародья, но и то въ исковерканной формѣ, въ такой, что, иногда, совсѣмъ нельзя и узнать, какому слову соотвѣтствуетъ данный звукъ.

Однако есть нѣкоторыя слова, которыя Маша произноситъ довольно отчетливо. Большею частью такое отчетливое произношеніе бываетъ тогда, когда Маша не пассивно болтаетъ, а когда къ ней обращаются съ прямымъ вопросомъ или приказаніемъ, т.-е. когда возбуждаютъ ея активное вниманіе. Въ это время она говоритъ ясно и отчетливо такія слова, какъ: дядя, тетка, нянька, Машуточка, носъ, ротъ, копѣйка, косушка, платокъ, столъ, стулъ и т. п. При этомъ оказывается, что съ нѣкоторыми изъ этихъ словъ сочетается и представленіе объ опредѣленныхъ предметахъ, и они служатъ обозначеніями этихъ предметовъ. Правда, такихъ словъ чрезвычайно мало, но все-таки они есть; она укажетъ, что такое носъ, стулъ и т. п. и въ большинствѣ случаевъ, относительно выше названныхъ словъ, она не путается; по отношенію же къ другимъ словамъ—въ ихъ значеніи путается довольно часто, а большею частью и совсѣмъ ихъ не знаетъ. Слова, болѣе или менѣе знаемая Машей, относятся къ различнымъ частямъ рѣчи; но самая большая часть ихъ — имена существительныя. Что касается до глаголовъ, то хотя она довольно часто употребляетъ въ рѣчи и глаголы, но почти всегда безъ всякаго значенія; впрочемъ, слова: «кушать», «подать», «побѣги», «отдай»,—она понимаетъ. Прилагательныя и нарѣчія употребляются ею почти всегда безъ смысла. Мѣстоименія она путаетъ: «я, ты, онъ, она» — для нея не имѣютъ значенія; указательныя мѣстоименія имѣютъ значеніе только тогда, когда сопро-

вождаются жестикуляціей. Междометія употребляетъ большею частію какъ подражаніе, а не по смыслу.

Отрицаніе «нѣтъ» она употребляетъ, но чаще всего безъ значенія, иногда же со значеніемъ отсутствія чего-либо. Такъ, на вопросъ: «гдѣ ключъ?»—если убрать только что показанный ей ключъ, — она отвѣчаетъ иногда: «нѣтъ ключъ». Для обозначенія отрицанія какого-нибудь слышаннаго ею сужденія она не употребляетъ слова «нѣтъ»; мнѣ, по крайней мѣрѣ, не случилось этого слышать. Такъ, наприм., если ей показать на ротъ и сказать: «это носъ» — она не скажетъ «нѣтъ», хотя и исправитъ дѣлаемое ей утвержденіе, но въ такомъ видѣ: поднесетъ свою руку къ носу того лица, о которомъ идетъ рѣчь и скажетъ: «вотъ носъ». Кромѣ словъ, имѣющихъ для Маши опредѣленное значеніе и связанныхъ правильно съ опредѣленными представленіями, каковы: носъ, ротъ, стулъ и т. д., есть еще нѣкоторыя слова, которыхъ значеніе Машей не сознается правильно, но которыя все-таки соединяются по ассоціаціи съ опредѣленными образами. Такъ, напримѣръ, слово «позови» вызываетъ у Маши такую реакцію: она побѣжитъ изъ комнаты, какъ будто съ какою-то цѣлью; иногда, выбѣжавъ, что-нибудь крикнетъ, иногда же и не крикнетъ, а просто вернется, точно что-нибудь сдѣлавши. Истиннаго пониманія значенія слова «позови» она, слѣдовательно, не обнаруживаетъ, но все-таки это слово связано въ ея психикѣ съ извѣстнымъ рядомъ дѣйствій. Затѣмъ, очень часто, вслѣдъ за слышимымъ ею словомъ, она говоритъ другія слова, находящіяся какъ будто въ логической связи съ первымъ. Такъ, напримѣръ, нерѣдко послѣ слова «пятакъ» она говоритъ: «косушечку выпить». Конечно, это нисколько не указываетъ на то, чтобы Маша понимала значеніе слова: пятакъ; это—лишь механическое воспроизведеніе сочетаній между нервными элементами, хранящими слѣды прежнихъ возбужденій, часто повторявшихся совмѣстно.

Нѣсколько большее пониманіе словъ замѣчается у Маши, когда она взволнована; если у нея отнять нравящуюся ей вещь, то она нерѣдко кричитъ «отдай», какъ будто понимая значеніе этого слова. Слова, сопровождающіяся выразительной жестикуляціей, Машей понимаются вообще легче, чѣмъ безъ жестикуляціи.

Отъ описанія рѣчи Маши всего естественнѣе перейти къ про-

явленіямъ ея умственной дѣятельности, и тутъ прежде всего нужно остановиться на способности къ вниманію.

Раздѣляя вниманіе на пассивное и активное, нужно признать что пассивное вниманіе Маши привлекается далеко не всѣми дѣйствующими на нее стимулами. Такъ, напримѣръ, сильный стукъ, иногда даже надъ самымъ ея ухомъ, часто не привлекаетъ ея вниманія, а входъ въ отдѣленіе врачей для визитациі привлекаетъ его.

Разбирая, какія впечатлѣнія привлекаютъ ея вниманіе болѣе и какія менѣе, можно отмѣтить, что, кромѣ непосредственныхъ, сильныхъ воздѣйствій на органы чувствъ, вниманіе ея привлекается гораздо больше явленіями ей знакомыми, чѣмъ незнакомыми: явленіе незнакомое, хотя и довольно интенсивно дѣйствующее на органы чувствъ, сравнительно меньше привлекаетъ ея вниманіе, чѣмъ явленіе знакомое, хотя и не столь интенсивное. Кромѣ того, ея вниманіе привлекается сильно и такими явленіями, которыя вызываютъ рѣзкую и очевидную реакцію въ окружающихъ: такъ, напримѣръ, стукъ въ дверь или звонокъ у двери, вызывающій обыкновенно суетливую бѣготню сидѣлокъ, стремящихся отворить дверь, или приходъ врачей—привлекаютъ и ея вниманіе.

Что касается до активнаго вниманія, то оно у Маши крайне слабо. Нельзя, однако, сказать, чтобы его не было совсѣмъ. Такъ, если заставить ее отвѣчать на нѣкоторые вопросы, то она слушаетъ, а иногда отвѣчаетъ, что можетъ (чаще всего названія тѣхъ или другихъ предметовъ). При этомъ, выраженіе ея лица, фиксація глазъ, положеніе головы—указываютъ на то, что она дѣлаетъ напряженіе, чтобы слушать, и что она дѣйствительно старается сконцентрировать свою воспримчивость. Точно также, когда она производитъ рядъ актовъ въ опредѣленной послѣдовательности, напримѣръ, подражаетъ шитью, то это соединено съ извѣстной степенью активной концентраціи вниманія. Но, во всякомъ случаѣ, эта активная концентрація очень слаба, можетъ длиться лишь очень короткое время и притомъ является только подъ вліяніемъ какого-нибудь внѣшняго побужденія, внушенія въ томъ или другомъ видѣ, а не самостоятельно. Когда Маша предоставлена самой себѣ, то, видимо, вниманіе ея совершенно пассивно, да и функція пассивнаго вниманія очень слабо выражена. Большею частію, она совершенно автоматически ходитъ по саду или по корридору, и по смѣняющейся мимикѣ и бормо-

танью трудно заключить, притягивается ли хоть сколько-нибудь ея бодрствующее сознание тѣми автоматически возникающими, безсвязными образами изъ давно прошедшаго, которые выражаются въ трудно разбираемыхъ словахъ ея и жестахъ, или они лишь рефлекторно отражаются въ ея движеніяхъ, совершенно не вызывая хотя бы очень неяснаго сознанія.

Переходя къ описанію состоянія интеллектуальной дѣятельности Маши и принимая въ основу раздѣленіе ея на четыре акта—полученіе образовъ, сохраненіе ихъ, ассоціацію и продуктивность,—мы можемъ прийти къ заключенію, что у Маши первый актъ, полученіе образовъ, несомнѣнно происходитъ. Органы чувствъ ея, какъ было сказано, функционируютъ правильно, и она воспринимаетъ черезъ нихъ много разнообразныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ, какъ это видно изъ наблюденія за Машей, развиваются и конкретныя представленія, какъ простыя, такъ и нѣкоторыя сложныя, каковы представленія о столѣ, стулѣ, носѣ и пр. Повидимому, больше всего представленій получено Машею черезъ органъ зрѣнія, нѣсколько меньше черезъ органъ слуха и очень мало черезъ осязаніе, обоняніе и вкусъ. Представленій, полученныхъ черезъ органъ рѣчи, черезъ словесный языкъ, она, повидимому, имѣетъ весьма небольшое количество.

Однако, образованіе и полученіе представленій, особенно сложныхъ, чрезвычайно затрудняется, повидимому, особеннымъ состояніемъ памяти.

Память Маши очень своеобразна. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ получаемыхъ ею впечатлѣній сохраняются надолго и затѣмъ воспроизводятся, какъ было сказано, въ ея словахъ и дѣйствіяхъ; очень часто воспроизводятся ею съ удивительной точностью нѣкоторыя впечатлѣнія, полученныя въ давно прошедшее время; слова: «что-жъ ты скотину не гонишь» съ послѣдовательной суетливой бѣготней,—фраза: «ну вотъ, и пошелъ въ лѣсъ»—все это слѣды очень давнихъ впечатлѣній, хранившіеся въ глубинѣ психической организаціи Маши и затѣмъ воспроизведенные совершенно автоматически, какъ бы рефлекторно. Какъ было сказано, Машею запоминаются не только отдѣльныя впечатлѣнія, но и послѣдовательный рядъ ихъ, но память послѣдовательности уже значительно слабѣе. Выучившись извѣстному ряду послѣдовательныхъ дѣйствій, въ родѣ шитья, Маша безъ упражненія скоро и разучивается.—Еще слабѣе память сочетанія словъ съ

предметами. Какъ было сказано, названій знаетъ Маша чрезвычайно мало, а именъ людей, за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ сидѣлокъ, совсѣмъ не знаетъ; даже на свое имя «Машута» или «Машуточка» она далеко не всегда обертывается.

Такимъ образомъ, хотя чисто органическая память и существуетъ у Маши, въ смыслѣ храненія простыхъ впечатлѣній, но уже запоминаніе послѣдовательности явленій—слабо, а воспроизведеніе, соединенное съ узнаваніемъ, — ничтожно. Повидимому, сложныя представленія, въ которыхъ связующимъ цементомъ должно быть какое-нибудь *соотношеніе* отдѣльныхъ входящихъ въ него элементарныхъ представленій, ею совсѣмъ не помнятся, т.-е. не сохраняются и не воспроизводятся. Поэтому, та сторона памяти, которая нужна для узнаванія, у Маши ничтожна, вслѣдствіе чего Маша и знаетъ такъ мало словъ съ опредѣленнымъ значеніемъ и новыя впечатлѣнія, такъ сказать, скользятъ по ядру ея психики, не захватываясь имъ, или, употребляя термины Вундта, лишь перцепируясь, а не апперципируясь.

Это, конечно, находится въ соотношеніи и съ третьей стороною интеллектуальной дѣятельности, съ сочетаніемъ представленій. Процессъ сочетанія представленій у Маши очень интересенъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ у нея съ чрезвычайно рѣзкою существованіе механическаго сочетанія представленій: вслѣдъ за даннымъ впечатлѣніемъ, за сказаннымъ или услышаннымъ ею словомъ, — она говоритъ ту или другую реплику, находящуюся въ связи съ первымъ словомъ въ силу ассоціаціи по совмѣстности. Этихъ сочетаній, обязанныхъ совмѣстности полученія впечатлѣній, у Маши очень много, и они-то обуславливаютъ почти все содержаніе ея душевной жизни. Но за то у нея въ высшей степени мало сочетаній другого, болѣе высшаго порядка. Изъ нихъ попадаютъ сочетанія по сходству, но ихъ уже немного; къ нимъ принадлежитъ, на примѣръ, то, что какой бы ключъ ни показать Машѣ, большой или маленькій, она скажетъ «ключъ»; этими сочетаніями по сходству обуславливается узнаваніе Машею носа и глазъ на картинѣ и т. д. Еще меньше у Маши сочетаній такихъ, для которыхъ нужно существованіе какого либо соотношенія между представленіями, напр. сочетаній по причинной зависимости. Такихъ у нея почти совершенно нѣтъ, или, если они и бываютъ, то существуютъ лишь очень короткое

время и настолько не прочны, что почти не оставляютъ послѣ себя слѣда. Вслѣдствіе этого Маша не можетъ, напримѣръ, считать; сколько ее ни учили счету, она постоянно путаетъ и, видимо, не имѣетъ понятія о счетѣ. Оттого, хотя у Маши и есть въ нѣкоторой степени способность различенія и узнаванія, но она существуетъ лишь относительно немногихъ предметовъ, и для различенія у нея служатъ лишь грубыя, чисто внѣшнія свойства предметовъ. Различія и сходства предметовъ по какому-нибудь соотношенію—Маша не постигаетъ. При существованіи грубыхъ признаковъ сходства и различія предметовъ, у Маши возможенъ и актъ сужденія, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ сужденіе это и ограничивается лишь констатированіемъ грубой связи. На вопросъ: «что это?» Маша отвѣтитъ часто правильно: ключъ, столъ, носъ. Но это почти все; да и такого рода сужденія существуютъ у нея лишь въ очень небольшомъ количествѣ и бывають (на это я обращаю особенное вниманіе) лишь при прямомъ обращеніи къ ней, слѣдовательно, при особомъ напряженіи ея активнаго вниманія, т. е. лишь очень, очень рѣдко. Въ продолженіе же громадной части времени, активное вниманіе ея бездѣйствуетъ, и акта сужденія совсѣмъ не происходитъ.

Если сужденія у Маши существуютъ въ такомъ ограниченномъ количествѣ, то тѣмъ болѣе ограничено количество умозаключеній, силлогизмовъ. За исключеніемъ очень немногихъ случаевъ, въ родѣ вышеупомянутаго, когда Маша сказала мнѣ: «пусти, батюшка», что произвело на меня впечатлѣніе результата умозаключенія,—я почти не видалъ въ дѣятельности Маши признаковъ дѣйствительнаго умозаключенія. Если у нея и приходится наблюдать какъ бы цѣлесообразныя дѣйствія, которыя у нормальныхъ людей обусловливаются умозаключеніемъ, — то всегда есть какіе-нибудь признаки, по которымъ можно убѣдиться, что у Маши эти дѣйствія не цѣлесообразны, а автоматичны и обусловливаются лишь воспроизведеніемъ видѣнныхъ ею цѣлесообразныхъ дѣйствій другихъ людей. Даже при старательномъ напряженіи ея вниманія, почти не удастся получить признаковъ, указывающихъ на дѣйствительное существованіе умозаключенія. Только во время аффектовъ умственная дѣятельность какъ будто повышается, и слова ея, а также и дѣйствія, болѣе соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ.

Въ связи съ слабымъ развитіемъ процесса сужденія находится и то, что у Маши замѣчается полное отсутствіе тѣхъ сложныхъ представленій, въ которыхъ связующимъ цементомъ долженъ быть «смыслъ», «причинная зависимость» и «цѣлесообразность», т. е. понятій. Если у нея и бывають сужденія, которыя у нормальныхъ людей даютъ основаніе для развитія понятій, то сужденія эти слишкомъ мимолетны и рѣдки; они не хранятся въ психикѣ и потому скользятъ мимо нея безслѣдно, не оставляя прочныхъ слѣдовъ въ видѣ понятій; притомъ, какъ сказано, и эти сужденія бывають лишь при искусственномъ возбужденіи активнаго вниманія Маши, а при обычномъ теченіи ея душевной жизни ихъ совсѣмъ нѣтъ. У нея нѣтъ поэтому и возможности образоваться новымъ представленіямъ изъ запаса хранящихся въ ея психикѣ представленій, безъ вліянія внѣшнихъ стимуловъ. Отсюда—отсутствіе сообразительности, такъ какъ то, что въ дѣйствіяхъ Маши можетъ быть объяснено хотя бы ничтожнымъ запасомъ сообразительности, почти всегда можно толковать и какъ результатъ подражанія и воспроизведенія по памяти примѣровъ дѣйствій людей, бывшихъ въ такомъ же положеніи. Рассказывають про попугая, который, будто бы, попавъ въ рѣчку, сталъ звать перевозчика, такъ какъ ему приходилось слышать, какъ люди находящіеся на берегу звали его. Но это, конечно, не сообразительность, а лишь механическое подражаніе цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ. Такъ и у Маши. Въ связи съ этимъ недостаткомъ сообразительности, умозаключеній и понятій, находится, конечно, и крайняя бѣдность содержанія умственной жизни Маши. Все то, что составляетъ содержаніе умственной жизни человѣка, даже крайне глупаго, у Маши отсутствуетъ; никакихъ самыхъ простыхъ, обиходныхъ понятій у нея нѣтъ. Это, въ полномъ смыслѣ слова, *tabula rasa* для понятій, да и не только «газа», но такая, на которой нельзя ничего писать, на которой понятія совсѣмъ не могутъ образоваться. Даже простой предусмотрительности, столь обычной у многихъ животныхъ, у Маши нѣтъ.

Переходя къ описанію явленій, относящихся къ области душевнаго чувства, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что душевныя чувства у Маши вообще очень примитивны. Несомнѣнно, что она можетъ испытывать чувство удовольствія и неудовольствія; но трудно опредѣлить, обусловливаются ли у нея различныя чувствованія какими-нибудь внѣшними впечатлѣніями, или

почти исключительно ощущениями, связанными съ процессами органической жизни. Что она испытываетъ иногда удовольствіе и неудовольствіе отъ внѣшнихъ впечатлѣній, доказывается тѣмъ, что она, напримѣръ, радуется при игрѣ съ подареннымъ ей краснымъ яйцомъ, съ видомъ удовольствія ѣсть сладкое и, наоборотъ, часто проявляетъ всѣ признаки неудовольствія, когда ей приходится надѣвать старое, полинявшее платье. Чаще всего, однако, какъ удовольствіе, такъ и неудовольствіе не опредѣляются у нея внѣшнимъ мотивомъ; особенно это относится къ чувству неудовольствія. Такія впечатлѣнія, какъ уколъ въ руку, вкусъ горечи и т. п., чаще всего не вызываютъ въ ней никакого неудовольствія; это чувство чаще всего бываетъ у нея совершенно безъ внѣшняго повода и, хотя изливается на какой-нибудь внѣшній предметъ или на самое себя, то вовсе не потому, чтобы этотъ предметъ былъ дѣйствительною причиною ея неудовольствія.

Неудовольствіе выражается у Маши въ угрюмости лица, въ ворчливости, въ удаленіи отъ людей, въ отмахиваніи, въ бросаніи предметовъ, разрушеніи ихъ, въ стремленіи раздѣться, въ колотушкахъ самой себѣ и очень рѣдко въ колотушкахъ другимъ людямъ, и то исключительно тѣмъ, которые въ это время стараются надѣть на нее платье или дѣлаютъ что-нибудь подобное. Самостоятельно на людей она не набрасывается, въ чемъ, пожалуй, тоже можно видѣть недостатокъ активности. При сильномъ гнѣвѣ у Маши раздуваются ноздри, она крайне сердито бормочетъ, или нечеловѣчески взвизгиваетъ и начинаетъ кусать себѣ руку и царапать лицо, иногда до крови. Обыкновенно такой взрывъ гнѣва бываетъ непродолжителенъ; его можно прекратить, отвлекши вниманіе Маши какою-нибудь картинкою, яблокомъ, надѣвши на нее новое платье и т. п.

Чувство удовольствія выражается у нея въ веселой мимикѣ и въ жестикуляціи, въ наклонности бѣжать къ людямъ, въ пѣніи и смѣхѣ. Такъ какъ у Маши преобладаетъ пріятное настроеніе, то наклонность ея къ смѣху очень велика. Смѣхъ является и самостоятельно, и по подражанію. Онъ поражаетъ утробкой; Маша всегда, когда смѣется, заливается смѣхомъ; простой улыбки у нея нельзя замѣтить. Притомъ, въ манерѣ смѣяться видна черта неосмысленности, такъ что по характеру ея смѣха невѣроятно, чтобы онъ былъ реакціей на какую-нибудь смѣшную

идею; это простой автоматическій актъ, свидѣтельствующій лишь — и то не всегда — о повышенномъ самочувствіи.

Настроеніе Маши большею частью ровное, веселое: она смотритъ на все довольно благодушно и, какъ сказано, часто хохочетъ. Иной разъ, правда, настроеніе ея нѣсколько хуже, и она не такъ много смѣется, чаще произноситъ слова укоризны съ соотвѣтствующею мимикой, напоминающей брющающую и дѣлающую внушительное наставленіе женщину. Иной же разъ настроеніе ея становится совсѣмъ дурнымъ, и она приходитъ въ гнѣвное раздраженіе. Въ это время она, какъ будто, бранится съ кѣмъ-то, говоритъ бранныя, иногда неприличныя слова, бросаетъ стулья, колотитъ ихъ, колотитъ себя, снимаетъ и бросаетъ свое платье, иногда плачетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходъ въ гнѣвное настроеніе является у Маши безъ всякаго замѣтнаго повода, иногда же по поводу того, что ей не даютъ надѣвать какого-нибудь нравящагося ей платья или новыхъ ботинокъ.

Изъ внѣшнихъ стимуловъ, вызывающихъ тѣ или другія чувства у Маши, нельзя не отмѣтить, что нѣкоторые изъ тѣхъ стимуловъ, которые вызываютъ у нормальнаго человѣка ощущенія эстетическаго чувствованія, и у Маши вызываютъ намекъ на эти чувствованія. Такъ, ей нравится красный цвѣтъ; она очень любитъ цвѣтныя новыя платья, любитъ картинки, красное яичко и плачетъ, когда его разобьетъ. Она часто напѣваетъ и съ выраженіемъ удовольствія прислушивается къ пѣнію. Пріятный запахъ духовъ она втягиваетъ носомъ съ удовольствіемъ. Наоборотъ, ощущеніе нечистоты ей непріятно. Одно время Маша, страдая разстройствомъ кишечника, пачкала свои юбки. Это, видимо, вызывало въ ней очень сильное безпокойство, и она постоянно обращала на нихъ свое вниманіе.

Здѣсь умѣстно отмѣтить отношеніе Маши къ музыкѣ. Ей, какъ сказано, пѣніе пріятно; точно также, повидимому, и игра на рояли вызываетъ въ ней удовольствіе. При этомъ, во время игры веселыхъ деревенскихъ мотивовъ, Маша начинаетъ плясать, размахивая руками, слегка притопывая и помахивая платкомъ. Если отъ веселаго мотива быстро перейти къ грустному, то пляска не всегда прекращается, а часто продолжается; но нужно замѣтить, что начинается она всегда при веселой мелодіи.

Обращаясь теперь къ другимъ сторонамъ эмоціональной сфе-

ры Маши, я долженъ прежде всего отмѣтить, что Маша вообще представляетъ изъ себя существо очень добродушное, милое, возбуждающее общую симпатію. Какихъ-либо злыхъ проявленій у нея нѣтъ. Хотя нельзя сказать, чтобы она очень стремилась къ обществу, но все-таки, когда она видитъ людей, входящихъ въ отдѣленіе, она чаще направляется къ нимъ, чѣмъ бѣжитъ отъ нихъ. Впрочемъ, она не имѣетъ привычки постоянно находиться рядомъ съ другими людьми. Въ саду она большею частью ходитъ одна, совершенно безцѣльно, иногда поднимая и бросая сучья, листья, снимая и надѣвая платокъ и т. п. Если ее позвать и усадить, она подойдетъ и сядетъ, какъ будто, съ удовольствіемъ, но скоро опять пойдетъ продолжать свою безцѣльную ходьбу.

При добродушномъ обращеніи къ ней, она кланяется, киваетъ головой, говоритъ «здравствуй», протягиваетъ руку и, видимо, чувствуетъ себя хорошо въ присутствіи другихъ людей, но черезъ минуту, двѣ, отходитъ прочь, чтобы бродить, или переставлять что-нибудь въ комнатѣ.

Боязни людей и вообще кого бы то ни было у нея совсѣмъ нѣтъ. Если надъ ея головой или передъ ея лицомъ продѣлывать движенія, похожія на побои, то она не выказываетъ рѣшительно никакого страха; если даже съ угрожающимъ видомъ подносить кулакъ къ самому ея носу, она нисколько не боится. Правда, при этомъ она произноситъ фразы, указывающія, что видъ кулака вызвалъ у нея по ассоціаціи какія-то воспроизведенія изъ давно прошедшаго, слышаннаго ею, но совершенно автоматически: «ударъ, матушка, ударъ, бить-то не позволяютъ теперь»; иногда прибавитъ очень неприличное слово, видимо, не понимая его значенія, а воспроизводя, подобно фонографу. Если кто-нибудь изъ больныхъ заманетъ на нее или ударитъ ее, Маша часто не высказываетъ никакой реакціи и продолжаетъ стоять на мѣстѣ. Получивъ одинъ разъ неожиданно довольно сильный ударъ отъ одной больной, она только остановилась, развела руками, проговорила: «вотъ поди жь-ты» и, повидимому, тотчасъ забыла объ этомъ.

Наклонности разрушать что-либо и портить у Маши нѣтъ. Напротивъ, у нея замѣтна привычка къ приведенію въ порядокъ; по крайней мѣрѣ, послѣ обѣда она убираетъ столъ, устанавливаетъ стулья,—хотя все это дѣлаетъ очень неосмысленно: начиная протирать окно, только его размазываетъ, переставля-

васть стулья безцѣльно и т. д. Во время раздраженія, однако, у нея бываютъ и разрушительныя наклонности: она бросаетъ все, что попадется, иногда рветъ платье; но это бываетъ только въ гнѣвѣ и притомъ въ теченіе короткаго времени. Любовь къ нѣкоторымъ предметамъ у нея есть, но въ слабой степени. Постоянно любимыхъ предметовъ у нея нѣтъ, но нѣкоторыя вещи, напримѣръ, платье краснаго цвѣта, если она носила его нѣсколько дней, она не всегда легко отдаетъ. Одинъ разъ она сердилась, когда ей вмѣсто краснаго, загрязненнаго платья дали новое, полинявшее, и не хотѣла его надѣвать. Если ей самой дать выбирать платье или ботинки, она выберетъ обыкновенно то, что поновѣе. Она обнаруживаетъ пристрастіе къ платкамъ и салфеткамъ и послѣднія часто беретъ со стола и уносить съ собою въ карманѣ. Любитъ также яблоки и прячетъ яблоко подъ подушку, завернувъ его въ платокъ. Любитъ картинки и игральныя карты. Одинъ изъ студентовъ, посѣщавшихъ клинику и полюбившій клиническихъ больныхъ, подарилъ Машѣ, на Святой, красное яичко, и Маша очень любила его и постоянно носила съ собою. Впрочемъ, когда оно испортилось, Маша о немъ не вспомнила.

По поводу этого яйца можно сказать и о существованіи наклонности къ играмъ. Способности и влеченія къ *последовательнымъ* играмъ, такъ замѣтныхъ у нѣкоторыхъ молодыхъ животныхъ, у Маши совсѣмъ нѣтъ. Какъ сказано, она проводитъ большую часть своего времени въ движеніи, но ничего, имѣющаго отгѣнокъ творчества и фантазіи, свойственныхъ играмъ, въ этихъ движеніяхъ нѣтъ. Однако, небольшую способность къ игрѣ можно было бы отмѣтить и у Маши. Такъ, то красное яйцо, которое подарилъ Машѣ студентъ, было внутри съ сюрпризомъ, такъ-что при сотрясеніи стучало. Машѣ очень нравилось вытащить яйцо изъ кармана и постучать надъ ухомъ. Когда это яйцо сломалось и ей стали давать обычныя, куриныя яйца, она также подносила къ уху и трясла ихъ.

Отношеніемъ къ этимъ яйцамъ можно иллюстрировать и существованіе у Маши различныхъ привычекъ. Красное яйцо, какъ видно, доставляло ей удовольствіе; если она разбивала его, то плакала, выражала неудовольствіе. Но если его взять у нея такъ, чтобы она не замѣтила, она не спохватится, какъ будто его и не было. Однако, если снова показать его, она обрадуется и

даже начнетъ его цѣловать. Такимъ образомъ, видно, что привычки существуютъ у нея въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя впечатлѣнія, повторяющіяся много разъ, вызываютъ въ ней извѣстное расположеніе; но тѣмъ не менѣе отсутствіе привычныхъ впечатлѣній не возбуждаетъ въ ней тревоги и неудовольствія.

Привычки къ людямъ и привязанности у нея тоже очень мало, хотя намеки на это существуютъ. Она относится къ надзирательницѣ и сидѣлкамъ привѣтливо, ласкаетъ ихъ, цѣлуетъ, гладитъ надзирательницу, но не стремится къ нимъ, какъ нѣкоторыя привязчивыя животныя, и не выражаетъ скуки въ ихъ отсутствіи. Впрочемъ, однажды, забѣжавъ случайно въ комнату больной надзирательницы, которую она не видала около недѣли, она выражала чувство живѣйшей радости, цѣловала, обнимала ее и прыгала; но если она эту же надзирательницу не видитъ 2—3 мѣсяца, она, при встрѣчѣ, повидимому, не узнаетъ ея. Больше всѣхъ Маша имѣетъ тяготѣніе къ одной изъ старыхъ сидѣлокъ, давнишней служительницѣ клиникъ, хотя та относится къ ней совершенно такъ же, какъ и остальные. Особой привязанности къ мѣсту и обстановкѣ у Маши нѣтъ: переведенная въ другую больницу, въ другую среду и помѣщеніе, она совсѣмъ не выказываетъ, что у нея остается воспоминаніе о старомъ.

Если такъ поверхностна у Маши привязанность къ людямъ, то нерасположеніе къ нимъ еще поверхностнѣе. Ни разу не пришлось наблюдать, чтобы у нея было нерасположеніе или ненависть къ кому-нибудь. Повидимому, пріятныя впечатлѣнія, которыя Маша получаетъ отъ другихъ людей, оставляютъ у нея больше слѣда, чѣмъ непріятныя. Непріятныя сглаживаются весьма быстро, а сумма пріятныхъ все-таки оставляетъ, по всей вѣроятности, въ душѣ ея кое-что, потому что она, несомнѣнно, гораздо болѣе тяготѣетъ къ здоровымъ, отъ которыхъ получаетъ больше пріятныхъ впечатлѣній, чѣмъ къ больнымъ. Но повторяю, что и это тяготѣніе очень не глубоко, гораздо меньше, чѣмъ то бываетъ, напримѣръ, у собакъ, и совсѣмъ не можетъ равняться съ привязанностью собаки къ хозяину.

При отсутствіи памяти о людяхъ, поверхностности чувства привязанности, конечно, не можетъ быть и рѣчи о дружбѣ. Психическая жизнь Маши не достигаетъ такой степени, чтобы могло развиваться что-либо подобное. Даже простого сочувствія къ другимъ людямъ, она, по уровню своей психической жизни, испы-

тывать не можетъ, главнымъ образомъ, потому, что у нея совершенно отсутствуетъ пониманіе происходящаго около нея. Одно, что у нея, вѣроятно, есть, это то, что можетъ быть названо элементарной основой сочувствія,—способность, и то слабая, испытывать настроеніе окружающей среды, своеобразная внушаемость. Если около нея смѣются, то она разсмѣется и становится веселѣе; но, конечно, и это развито лишь въ очень слабой степени: очень часто около нея бывають рыданія и другія проявленія отчаянія, и она относится къ нимъ вполне равнодушно. Какихъ-либо признаковъ активнаго проявленія сочувствія во все время не удалось у нея подмѣтить.

Да и вообще всѣхъ высшихъ душевныхъ чувствованій, требующихъ для своего существованія—активности, у нея совсѣмъ не существуетъ; нѣтъ поэтому, конечно, того, что можно было бы назвать какою-нибудь доблестью, храбростью, но нѣтъ и соответствующихъ дурныхъ свойствъ: гордости, тщеславія и т. д. Самолюбія, какъ активнаго проявленія, у нея тоже нѣтъ, но нѣтъ сомнѣнія, что ей пріятно, когда съ ней говорятъ ласково, когда ее гладятъ, когда съ ней весело здороваются; однако и это глубокаго слѣда у нея не оставляетъ и не вызываетъ активнаго желанія къ повторенію. Ревности и зависти совершенно не замѣтно. Но если нѣтъ этихъ дурныхъ свойствъ, то, соответственно этому, нѣтъ и чувства солидарности, такъ какъ, конечно, нельзя назвать таковымъ то, что она часто подражаетъ другимъ въ ихъ дѣйствіяхъ и дѣйствуетъ съ ними согласно. Это послѣднее случилось замѣчать довольно часто. Такъ, какъ было сказано, Маша часто стряхиваетъ соръ со стола вмѣстѣ съ сидѣлкой, представляетъ стулья и т. п. Одно время въ клиникѣ была больная, очень любившая молиться; она иногда брала съ собою другую больную: обѣ вмѣстѣ становились передъ образомъ и кланялись въ землю; Маша обыкновенно тоже присоединялась къ нимъ и начинала дѣлать движенія, соответствующія крестному знаменію, и кланяться въ землю съ свойственной ей утрировкой. Но и этого нельзя назвать проявленіемъ солидарности; вѣроятно, это лишь отраженіе впечатлѣнія давно прошедшаго времени, молитвы въ деревенской церкви, и подражаніе.

Тщеславія у Маши нѣтъ. Но нельзя сказать, чтобы Маша совсѣмъ была безразлична къ нарядамъ. Ей нравится, когда ей дадутъ новое, красное платье. Одинъ разъ, она сильно сердит-

лась, когда его унесли, и ни за что не хотѣла надѣвать другого, рвала его и бросала, успокоившись только тогда, когда принесли новое, хорошее платье.

Чувствованія, связанныя съ представленіемъ о собственности у Маши, вѣроятно есть, хотя слабы. Она различаетъ вещи, которыми пользовалась, отъ другихъ: напримѣръ, свое платье отъ другихъ платьевъ, но такое различеніе существуетъ у нея лишь относительно очень немногихъ предметовъ; взять у нея ея вещи обыкновенно не составляетъ никакого труда; она отдаетъ безъ всякаго протеста, хотя, впрочемъ, не всегда: если стараться взять у нея изъ кармана яблоко или игральныя карты, она отбивается и сердится; если эти вещи вынуть, то она кричитъ «отдай» и, схвативъ, убѣгаетъ, становясь подъ защиту сидѣлки. Нѣкоторыя вещи она хранитъ—подъ подушкой или въ карманѣ. Чужія вещи она, если и беретъ, то совершенно автоматически. Какъ сказано, во время ѣды она перемѣшиваетъ часто свое кушанье съ чужимъ и никогда не сердится, если взять у нея хлѣбъ или что-либо другое.

Беззаботность у нея полнѣйшая, предусмотрительности нѣтъ и слѣда. О лживости или хитрости нѣтъ и рѣчи. Чувства справедливости въ истинномъ смыслѣ этого слова—нѣтъ. Но говоря объ этомъ, я не могу не отмѣтить, что въ ея дѣйствіяхъ тяготѣніе къ тому, что по обычной человѣческой мѣркѣ относится къ хорошему, гораздо болѣе замѣтно, чѣмъ тяготѣніе къ дурному. Чѣмъ это обуславливается, трудно сказать. Можетъ быть, тѣмъ, что Маша какъ ни какъ, а воспримчива къ интонаціи, съ которою съ нею разговариваютъ, и благодаря тому, что мимикой и интонаціей ей можно внушить, хотя не надолго, пріятное настроеніе или вызвать нѣсколько непріятное, этимъ пользовались для пріученія ея къ необходимымъ хорошимъ дѣйствіямъ. Вѣроятно, отъ постепеннаго накопленія слѣдовъ у нея и развились нѣкоторые императивы и общее, хотя и смутное, чувствованіе того, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ. Благодаря этому, ее и удалось пріучить къ чистоплотности, и эта привычка уже сдѣлалась ея потребностью. Конечно, этого нельзя назвать сознательнымъ чувствомъ долга, въ смыслѣ чувствованія, связаннаго съ сознаниемъ своихъ обязанностей; у Маши сознанія обязанностей нѣтъ; признаковъ, напоминающихъ упреки совѣсти, у нея не замѣтно. Но, если и нѣтъ сознанія обязанностей, то все-таки, потребность выполненія нѣкоторыхъ опредѣленныхъ дѣйствій у нея

замѣтна. Это можно видѣть уже изъ того, что Маша исполняетъ нѣкоторыя приказанія: если сказать ей «позови», она побѣжитъ, если сказать «отдай»—отдастъ. Повидимому, при внушительной интонаціи, съ выраженіемъ лица, соответствующимъ осужденію и неудовольствію, у Маши является какое-то смутное безпокойство, похожее на то, какое бываетъ у собакъ, у которыхъ чувство безпокойства за виновность замѣчается при укорахъ со стороны хозяина; но оно гораздо менѣе интенсивно, чѣмъ у собакъ. Это, конечно, указываетъ на зачаточное чувствованіе долга. Въ связи съ этимъ находится и послушаніе, которое вообще у Маши существуетъ въ той степени, въ какой это возможно при крайнемъ недостаткѣ представленій и при полномъ отсутствіи пониманія. Правда, вліяніе приказанія большею частью существуетъ лишь короткое время, но оно все-таки существуетъ.

Что касается до способности подавленія дурныхъ побужденій, то вообще нужно сказать, что дурныхъ побужденій у Маши немного; поступки ея въ большинствѣ случаевъ нельзя назвать дурными или хорошими—они безразличны; они суть проявленія подвижности, ни на что не направленной. Нѣкоторые изъ этихъ поступковъ могутъ быть механически неудобны для окружающихъ, напр. бѣготня, перестановка стульевъ и т. п., и въ такомъ случаѣ Маша подъ вліяніемъ приказанія можетъ ихъ прекратить: она сядетъ, и можетъ сидѣть долго, покуда ей приказываютъ. Такимъ образомъ, способность прекращать тѣ или другія дѣйствія у нея существуетъ, но, конечно, это происходитъ не изъ сознанія того, что ея дѣйствіе дурно, или кому-либо мѣшаетъ; такого сознанія у нея, повидимому совсѣмъ нѣтъ. Какъ сказано, управлять Машей можно приказаніемъ и внушеніемъ ей того или другого чувствованія интонаціей и мимикой; это почти всегда на нее дѣйствуетъ (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда Маша разгнѣвана). Этимъ только достигается дисциплина Маши, а не причиненіемъ ей боли. Хотя мнѣ не случалось видѣть, чтобы Машу отучали отъ чего-нибудь причиненіемъ ей боли, но я не думаю, чтобы этотъ способъ вообще могъ быть для нея пригоденъ, такъ какъ она мало помнитъ непріятности и совсѣмъ не боится ударовъ. Во всякомъ случаѣ, какой-либо надобности въ этомъ средствѣ для дисциплины Маши и не чувствовалось, потому что все, чего у нея удалось достигнуть, достигнуто при помощи повторнаго внушенія, путемъ интонаціи и мимики, то одобрительной, то запре-

тительной. Но, конечно, для допущенія вліянія этого внушенія нужно признать хотя бы и туманное чувствованіе, что есть что-то, что должно дѣлать и чего—не должно. Но если это и такъ, если и вѣрно, что у Маши, можетъ быть, существуетъ какое-то туманное чувствованіе того, что должно и чего не должно,—слѣдуетъ признать, что это чувствованіе у нея очень смутно и не можетъ быть дифференцировано въ какія-нибудь отдѣльныя чувствованія, какъ стыдъ, чувство собственности и тому подобныя. Стыдливости у нея совсѣмъ нѣтъ; хотя у нея, путемъ обученія, удалось развить привычку къ аккуратности въ одеждѣ, но это не обусловливается стыдливостью. Нерѣдко случается, что Маша, приводя въ порядокъ опустившійся чулокъ, при публикѣ поднимаетъ платье далеко выше, чѣмъ слѣдуетъ, и хотя, на замѣчаніе, что «такъ стыдно», повторяетъ «стыдно, матушка», но дѣйствія ея совершенно не соотвѣтствуютъ ея словамъ.

Говоря о томъ, что Маша обладаетъ способностью, хотя и подъ вліяніемъ внѣшняго стимула, подавлять нѣкоторыя побужденія и измѣнять направленія своихъ дѣйствій, мы вступили въ описаніе явленій, относящихся къ сферѣ воли. Впрочемъ, описывая явленія эмоциональной сферы, невозможно избѣжать этого, такъ какъ нельзя не касаться вызываемыхъ чувствованіями стремленій, да и самое сужденіе о степени развитія того или другого чувства часто основывается на интенсивности того или другого стремленія. Въ виду этого мы уже и изъ предыдущаго описанія знаемъ многое, что касается состоянія сферы воли у Маши. Тѣмъ не менѣе, для полноты изложенія, слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько замѣчаній, касающихся этой области.

По отношенію къ волевымъ проявленіямъ у Маши, какъ видно было и изъ предыдущаго, можно отмѣтить только элементарныя проявленія ея; она имѣетъ произвольныя движенія, довольно хорошо координированныя. Она можетъ управлять сфинктерами, можетъ удерживать свои движенія, т.-е. оставаться въ полномъ покоѣ. Она можетъ совершать сложные двигательные акты, требующіе значительной доли ловкости; она сама ѣстъ, сама одѣвается, здороваается, подавая руку, наконецъ, выражаетъ, хотя и крайне бѣдно, въ словесныхъ звукахъ содержаніе своей душевной жизни.

Въ этомъ заключаются внѣшнія проявленія дѣятельности Маши. Внутреннія проявленія ея тоже существуютъ. Маша можетъ

какъ было сказано, сконцентрировать содержаніе душевной жизни на чемъ-нибудь одномъ, имѣть, слѣдовательно, нѣкоторую способность вниманія, хотя, въ большинствѣ случаевъ, вниманіе ея кратковременно, и для возбужденія его нужно вліяніе внѣшняго стимула.

Такимъ образомъ, рядъ дѣйствій, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, у Маши существуетъ. Спрашивается, что же собственно служитъ мотивомъ дѣйствій Маши? Главнымъ, самымъ обычнымъ мотивомъ дѣйствій служитъ непосредственное разряженіе возбужденія, существующаго въ нервныхъ центрахъ. Маша бѣгаетъ, бормочетъ, большею частью, подъ вліяніемъ одной автоматической потребности въ движеніи. Разнообразіе въ движеніяхъ, производимыхъ ею въ силу этой автоматической потребности, обусловливается частью современными внѣшними впечатлѣніями, частью слѣдами прежнихъ впечатлѣній, возстановляющихся изъ запаса. Нѣкоторыя изъ движеній, происшедшихъ такимъ образомъ, составляютъ сложные акты, вошедшіе въ привычку, и повторяющіеся при разнообразныхъ условіяхъ, иногда кстати, иногда не кстати. Но нѣкоторыя изъ движеній Маши принадлежатъ къ другой категоріи и обусловливаются другого рода мотивами. Мы видѣли, что нѣкоторыя внушенія со стороны окружающихъ вызываютъ въ Машѣ особое состояніе, которое заставляетъ ее иногда останавливать свои движенія и измѣнять ихъ. Подъ вліяніемъ такого состоянія, Маша въ большинствѣ случаевъ повторяетъ въ той или другой послѣдовательности различные заученные ею акты, но это же состояніе, вызванное внушеніемъ, смутнымъ чувствомъ обязанности, является условіемъ для обученія Маши какимъ-нибудь новымъ дѣйствіямъ и для развитія способности задержки нѣкоторыхъ стремленій. При совершеніи дѣйствій подъ вліяніемъ такого мотива, у Маши бываетъ иногда замѣтно состояніе нерѣшительности, соотвѣтствующее тому, какое бываетъ у нормальныхъ людей, чувствующихъ, что отъ нихъ хотятъ, чтобъ они что-то сдѣлали, но они не знаютъ, что именно, не имѣютъ определенной цѣли. Нужно, впрочемъ, прибавить, что это бываетъ замѣтно у Маши далеко не всегда. Гораздо чаще Маша очень рѣшительно дѣлаетъ что-нибудь, хотя бы и совсѣмъ не подходящее: ей говорятъ: «принеси», а она отвѣчаетъ: «здравствуй»—и подаетъ руку. Тѣмъ не менѣе, существованіе туманнаго чувства, по-

буждающаго къ выбору того или другаго дѣйствія, у Маши иногда замѣтно. Это чувство внушается, какъ было сказано, интонаціей и живой энергической мимикой говорящаго съ Машей лица и, слѣдовательно, является исключительно при внѣшнемъ воздѣйствіи. Внутренними же стимулами оно не возбуждается. Почти ни разу не было замѣчено, чтобы дѣйствія Маши могли обуславливаться такими представленіями, какъ представленіе о вредѣ и пользѣ, или вообще разсудочными актами, и, какъ сказано, если дѣйствія Маши и носятъ характеръ цѣлесообразныхъ и разсудительныхъ дѣйствій, то это только потому, что они суть подражанія, образцами для которыхъ служатъ дѣйствія разумныхъ людей. Ихъ цѣлесообразность поэтому лишь внѣшняя. Дѣйствительной цѣлесообразности въ нихъ нѣтъ, что и доказывается тѣмъ, что дѣятельность Маши не можетъ быть приложена къ чему-нибудь разумному, наприм., къ работѣ. Несмотря на то, что Маша очень подвижна и не лѣнива, работать она не можетъ, вслѣдствіе отсутствія пониманія и смысла дѣйствій. Самая простая работа—вытираніе стеколь—производится ею настолько бессмысленно, что она только третъ и размазываетъ по стеклу, а не вытираетъ его. Прибирая стулья въ комнатѣ, она только бессмысленно переставляетъ ихъ. Маша, какъ сказано, съ виртуозностью воспроизводитъ движенія шитья, но шить съ иглой она не можетъ: она не можетъ усвоить того, что нужно провести иголку съ ниткой сквозь ткань.

Такимъ образомъ, осмышленіе совѣмъ не бываетъ мотивомъ дѣйствій Маши. Иногда бываетъ мотивомъ смутное чувство обязанности, послушаніе. Но и это только при внѣшнемъ воздѣйствіи, при старательномъ напряженіи ея вниманія со стороны окружающихъ лицъ, слѣдовательно, сравнительно въ очень небольшомъ числѣ случаевъ. Чаше же всего дѣйствія ея являются автоматическимъ воспроизведеніемъ заученныхъ или привычныхъ движеній.

Въ заключеніе описанія состоянія Маши, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о состояніи ея сознанія. Не вдаваясь въ опредѣленіе того, что такое сознаніе, чего я касаюсь въ другой своей работѣ *), я долженъ однако упомянуть, что въ томъ, что даетъ психическимъ процессамъ признакъ сознательности, я различаю, главнымъ образомъ, двѣ стороны: одна—интенсивность

*) Курсъ Психіатріи. Москва, 1893, стр. 46 и слѣд.

даннаго процесса, другая — своеобразное гармоничное сочетание приобрѣтеннаго изъ опыта, сочетание «знаній» (со-знаніе).

Что касается до первой стороны, то у Маши существуетъ извѣстная степень сознанія, такъ какъ всѣ тѣ психическіе акты, которые возможны при низкой степени ея душевнаго развитія, представляютъ, какъ и у здоровыхъ людей, колебаніе состояній бодрствованія и сна, и во время бодрствованія она испытываетъ массу впечатлѣній и реагируетъ на нихъ, чего нѣтъ въ состояніи сна. Но и во время бодрствованія сознаніе ея крайне неясно, потому что и знаній-то у нея почти нѣтъ, да и невозможно то гармоничное сочетание знаній, которое нужно для яснаго сознанія,—невозможно вслѣдствіе громаднаго дефекта въ процессѣ ассоціаціи представленій, о которомъ было сказано выше. Вслѣдствіе этого, сознаніе ея во всю жизнь не достигло такой степени, чтобы она могла сознать самое себя, т.-е. чтобы у нея явилось самосознаніе, свойственное даже очень маленькимъ дѣтямъ.

Сопоставляя все вышеизложенное, нужно прийти къ заключенію, что по уровню психическаго развитія Маша стоитъ на очень низкой степени. Въ самомъ дѣлѣ, психическая жизнь ея въ 45 лѣтъ не развилась даже до составленія какихъ бы то ни было понятій, она не имѣетъ сознанія самой себя, она почти не имѣетъ словъ съ опредѣленнымъ значеніемъ, и рѣчь ея не служитъ для общенія. Хотя она и имѣетъ представленія и образы, но проявленія психической жизни ея почти исключительно суть акты автоматическіе, почти рефлекторные. Такимъ образомъ, Маша по уровню своего развитія должна быть причислена къ рѣзко выраженнымъ формамъ идиотизма, именно идиотизма въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а не тупоумія.

Къ группѣ *идіотозъ въ тѣсномъ смыслѣ слова* должна быть причислена Маша—по психіатрической классификаціи. Но такъ какъ я въ этой статьѣ имѣю въ виду не спеціальныя медицинскія цѣли, а главнымъ образомъ чисто психологическія, и желаю указать, какіе психологическіе вопросы затрогиваетъ наблюденіе такой микроцефалки, какъ Маша, то я и не могу ограничиться однимъ описаніемъ явленій, наблюдаемыхъ у Маши, и обычной медицинской діагностикой, а долженъ остановиться на *анализѣ* нѣкоторыхъ явленій, которыя я считаю особенно важными въ ея психологіи.

С. Корсаковъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

„Пространство“ Лобачевского.

Въ прошедшемъ 1893 году исполнилась столѣтняя годовщина со дня рожденія нашего знаменитаго математика Н. И. Лобачевского. Это побудило многихъ внимательно оглянуться на дѣятельность нашего великаго ученаго. Родной ему Казанскій университетъ устроилъ въ его память торжественное празднество; другіе русскіе университеты и различныя ученые учрежденія во всѣхъ концахъ міра единодушно помянули его добрымъ словомъ; въ журналахъ появились статьи и замѣтки, въ которыхъ характеризовалось и оцѣнивалось дѣло, имъ совершенное. Мнѣ кажется, и философскому журналу нельзя пройти его память молчаніемъ. Открывая новое поле для геометрическихъ изслѣдованій, Лобачевскій коснулся такихъ вопросовъ, которые выходятъ изъ узкой рамки специальности и получаютъ широкой философскій интересъ.

Въ чемъ смыслъ открытія, сдѣланнаго Лобачевскимъ? Онъ началъ свои работы съ изслѣдованія, такъ называемаго, Эвклидова постулата о пересѣкаемости наклонныхъ и перпендикулярныхъ линій между собою *). Этотъ постулатъ давно обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что онъ не имѣетъ въ себѣ признака непосредственной очевидности, и что въ то же время онъ никогда не могъ быть доказанъ, не смотря на многочисленныя

---

*) Этотъ постулатъ у Эвклида формулируется такимъ образомъ: «Если двѣ прямыя линіи встрѣчаются съ третьей такъ, что сумма внутреннихъ угловъ, лежащихъ по одну сторону третьей, меньше двухъ прямыхъ угловъ, то двѣ первыя прямыя, по достаточномъ продолженіи, встрѣтятся по ту сторону третьей прямой, на которой сумма внутреннихъ угловъ меньше двухъ прямыхъ».

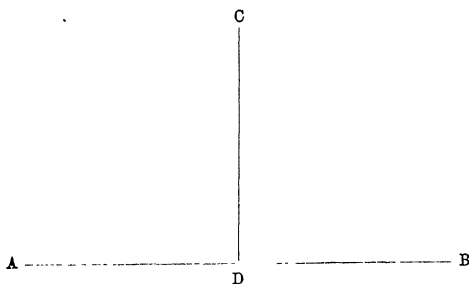
попытки многихъ великихъ геометровъ. И вотъ, Н. И. Лобачевскій, первый изъ нихъ, совсѣмъ отвергнувъ этотъ постулатъ и на предположеніи, прямо ему противоположномъ, основалъ новую геометрію, столь же стройную въ цѣломъ, какъ и Эвклидова геометрія. Знаменитый современникъ Лобачевскаго Гауссъ своимъ авторитетнымъ заявленіемъ, что мысли Лобачевскаго суть мысли его самого, лишь выраженныя въ другой формѣ, — обратилъ вниманіе всѣхъ ученыхъ на новую науку и этимъ заставилъ ихъ критически отнестись ко всей существующей системѣ геометріи. Совершался переворотъ въ геометрическихъ идеяхъ. Съ перваго взгляда представлялось, что онъ грозилъ опасностью наукѣ, опасностью подорвать вѣру въ доселѣ незыблемыя математическія истины, опасностью разрушить такое вѣками созданное гармоническое цѣлое, какимъ являлась Эвклидова геометрія. Однако, опасность эта оказалась воображаемой; кризисъ кончился не уничтоженіемъ старой геометріи, а только расширеніемъ геометрическихъ идей о пространствѣ. Пришлось убѣдиться, что представленіе о пространствѣ, составленное по Эвклиду, не есть единственное, что оно только одно изъ многихъ возможныхъ представлений, которыя одинаково можно себѣ составить о немъ, не вступая въ противорѣчіе ни съ логикою, ни съ опытомъ. Черезъ это для геометра-философа явилась проблема — привести эти представленія къ одному общему и найти тѣ условія, при которыхъ одно изъ нихъ переходитъ въ другое; для геометра-эмпирика возникла другая проблема: опредѣлить тотъ типъ пространства, который осуществленъ въ нашей реальной физической вселенной. Въ виду огромной важности и трудности этихъ задачъ, мы, конечно, не можемъ питать надежды разрѣшить ихъ въ нашей краткой замѣткѣ, но думаемъ, что попытка разобраться въ накопившихся до сихъ поръ выводахъ и отдать себѣ отчетъ въ современномъ состояніи разсматриваемаго вопроса будетъ не бесполезной.

Главная цѣль нашей замѣтки, — сдѣлать возможно болѣе понятнымъ представленіе о пространствѣ, вытекающее изъ геометріи Лобачевскаго. Впрочемъ, здѣсь нужно сдѣлать оговорку: говоря о представленіи пространства, мы употребляемъ слово «представленіе» едва ли точно и законно. Геометрическое пространство по какой бы то ни было системѣ, — пространство Лобачевскаго, или Эвклида, это одинаково — скорѣе только мыслится нами,

нежели представляется, — оно есть отвлеченное понятие, а не действительное, конкретное представление. Мы воображаемъ, или представляемъ отдѣльныя разстоянія, фигуры, тѣла, но не можетъ быть рѣчи о представленіи пространства, какъ абсолютно однороднаго, безграничнаго цѣлаго: для этого силы нашей фантазіи оказываются слишкомъ слабыми. Однако, путемъ символовъ и аналогій, мы можемъ всё-таки приблизить отвлеченно мыслимое содержаніе геометрическихъ истинъ къ уровню того, что доступно и нашему воображенію; наконецъ, въ окружающей насъ природѣ мы можемъ отыскать такія соотношенія между явленіями, которыя довольно наглядно изображаютъ различные способы пониманія пространства въ его цѣломъ.

Представленіе о пространствѣ Лобачевскаго, какъ мы увидимъ, болѣе другихъ нуждается въ такомъ уясненіи на конкретныхъ примѣрахъ и аналогіяхъ.

Опредѣленіе параллельныхъ линій отличается отъ другихъ опредѣленій въ геометріи совершенно своеобразнымъ характеромъ. Чтобы выяснить его особенности, сопоставимъ это опредѣленіе съ какимъ-нибудь другимъ, наприм., съ опредѣленіемъ перпендикулярныхъ линій. Мы назовемъ линію CD (чер. I) пер-

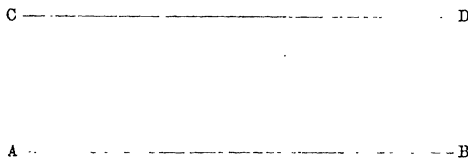

Черт. I.

пендикулярною къ AB тогда, когда она образуетъ съ этою послѣдней по обѣ стороны два равныхъ угла. Признакъ, приписываемый въ этомъ случаѣ прямымъ линіямъ, находится непосредственно передъ нашими глазами: онъ подлежитъ провѣркѣ опытомъ, насколько опытъ компетентенъ въ подобнаго рода вопросахъ, и возможность его подтверждается самыми простыми соображеніями. Если вообразимъ, что CD двигается спра-

ва налѣво, изъ одного наклоннаго положенія въ другое, то сначала правые углы будутъ меньше лѣвыхъ, а потомъ лѣвые — менѣе правыхъ. При этомъ непрерывность перехода указываетъ на необходимость того момента, при которомъ и тѣ и другіе должны быть равны.

Совсѣмъ другое дѣло, когда мы перейдемъ къ опредѣленію параллельныхъ линій. Мы называемъ линію CD параллельною къ AB (черт. II), когда она не встрѣтится съ нею, какъ бы далеко мы ни продолжали обѣ прямыя въ ту или въ другую сторону. Здѣсь признакъ, приписываемый параллельнымъ линіямъ, вовсе не можетъ быть усмотрѣнъ ни нашимъ зрѣніемъ, ни даже способностью представленія, или воображеніемъ. И дѣйствительно, когда мы хотимъ начертить параллельныя линіи, мы останавливаемся нашими умомъ на совершенно другомъ признакѣ. Мы стараемся провести прямую CD такъ, чтобъ она всегда была въ одномъ и томъ

Черт. II.

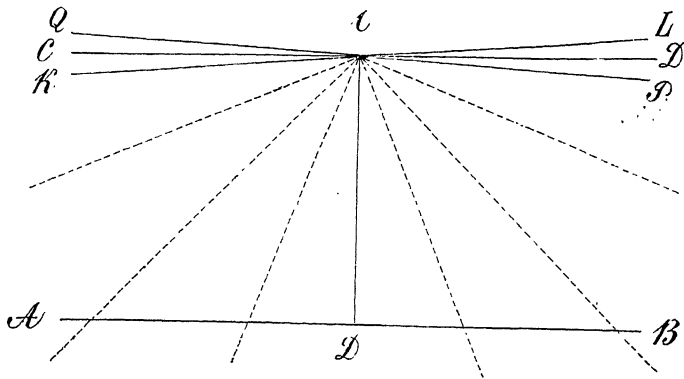
же разстояніи отъ AB. Но тутъ насъ встрѣчаетъ другое затрудненіе: взять такой признакъ за опредѣляющій мы не имѣемъ никакого права, потому что возможность такихъ, находящихся всегда на одномъ разстояніи другъ отъ друга линій не можетъ быть выведена изъ элементарныхъ аксіомъ и теоремъ. А съ другой стороны, признавъ параллельныя линіи просто за такія, которыя никогда не пересѣкаются, мы не будемъ имѣть никакихъ дѣйствительныхъ поводовъ утверждать, что какія-нибудь данныя линіи никогда и нигдѣ не пересѣкутся. Чтобъ убѣдиться въ такомъ полномъ отсутствіи пунктовъ пересѣченія у какихъ-нибудь линій, намъ нельзя прибѣгнуть къ внѣшнему опыту, — то, что можетъ произойти на безконечныхъ разстояніяхъ отъ насъ, очевидно, никакому наблюденію не подлежитъ; точно также не поможетъ намъ въ этомъ отношеніи и внутренній опытъ воображенія: какъ я уже указывалъ, наша способность представленія заключена въ очень тѣсныя границы, и, во всякомъ случаѣ, наша фантазія едва ли можетъ имѣть притязанія на болѣе отчетливый образъ пространства, чѣмъ

какой мы получаемъ изъ внѣшняго воспріятія. Наконецъ, нельзя указать и какихъ-нибудь умозрительныхъ соображеній въ пользу непремѣнной допустимости въ пространствѣ никогда не пересѣкающихся линій.

Отсюда возникаетъ возможность различныхъ гипотезъ въ этой области. Представимъ себѣ точку O и прямую AB (черт. III). Мы можемъ съ совершенно одинаковымъ правомъ сдѣлать одно изъ трехъ предположеній: во-первыхъ, что всѣ прямыя линіи, какъ бы онѣ ни были проведены черезъ точку O , будутъ пересѣкаться съ AB ; во-вторыхъ, что только одна изъ нихъ (CD) и именно та, которую мы чертимъ съ скрытымъ, хотя и съ необоснованнымъ логически убѣжденіемъ въ ея равноудаленности отъ AB на всемъ своемъ протяженіи, — не пересѣчетъ эту послѣднюю, и, наконецъ, въ-третьихъ, что цѣлая группа линій, начиная отъ KL и до PQ не встрѣтитъ въ своемъ продолженіи прямую AB . И вотъ, эти предположенія, изъ которыхъ ни одному мы не имѣемъ неоспоримыхъ оснований отдать преимущество, совершенно неожиданно одну непреложную геометрію замѣняютъ тремя гипотетическими геометріями. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что такая тройкая возможность понимать отношеніе линій, несомнѣнно, очень важная для геометріи, не имѣетъ большого значенія для нашихъ реальныхъ представленій о пространствѣ, съ которыми мы сжились съ незапамятныхъ временъ. Однако, дѣло получаетъ иной видъ, если подумаемъ, какая тѣсная связь существуетъ между теоріею параллельныхъ линій и вопросомъ о безконечности. Для насъ станетъ ясно, что три гипотезы о параллельныхъ линіяхъ порождаютъ собою три гипотезы о пространствѣ въ его цѣломъ. Чтобы составить себѣ понятіе о нихъ, мы прослѣдимъ свойства прямой, составляющей элементъ каждаго изъ предполагаемыхъ пространствъ, причемъ будемъ называть *Римановымъ* пространствомъ то, которое вовсе не допускаетъ параллельныхъ линій, *Эвклидовымъ* — пространство, допускающее черезъ одну точку къ данной прямой лишь одну параллельную, и наконецъ, пространствомъ *Лобачевскаго* — такое пространство, въ которомъ къ одной и той же прямой черезъ одну точку могутъ быть проведены нѣсколько параллельныхъ линій. Названія этихъ различныхъ пространствъ происходятъ отъ тѣхъ великихъ именъ, которыя связаны съ развитіемъ указанныхъ гипотезъ.

Представимъ теперь опять точку O (черт. III) и прямую AB ;

пусть прямая OD , опущенная отъ O на AB , движется вокругъ точки O справа налѣво. Прямая, указанная на чертежѣ, будутъ при этомъ условіи представлять послѣдовательныя положенія этой движущейся прямой. Положимъ, что мы имѣемъ прежде всего дѣло съ прямой Риманова пространства. Въ этомъ случаѣ, въ какомъ бы положеніи ни оказалась двигающаяся прямая, она всегда должна пересѣкаться съ прямой AB . И ясно, что точки пересѣченія этихъ двухъ прямыхъ должны передвигаться по AB непрерывно, вмѣстѣ съ постепеннымъ движеніемъ линіи OD . Возникаетъ неизбѣжный вопросъ: какимъ образомъ эта точка

Черт. III.

послѣдовательныхъ и непрерывныхъ пересѣченій, двигаясь сначала влѣво отъ D , попадаетъ потомъ на правую отъ нея сторону? Очевидно, этого нельзя себѣ представить иначе, какъ допустить, что концы прямой AB какъ-то и гдѣ-то сходятся другъ съ другомъ; а это можно вообразить только такъ, что обѣ стороны прямой AB на громадныхъ разстояніяхъ постепенно загибаются и сближаются между собою. Что же это значить? Выходитъ, что прямая Риманова пространства является намъ кругомъ чрезвычайно большаго радіуса и имѣетъ конечную величину.

Предположимъ далѣе, что AB есть прямая Эвклидова пространства. По-прежнему, вращая OD налѣво, мы такъ же, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, будемъ тѣмъ самымъ двигать непрерывно и точку послѣдовательныхъ пересѣченій въ томъ же направленіи: она будетъ двигаться на той же лѣвой сторонѣ линіи AB , пока двигающаяся прямая OD не приметъ положенія

ОС, которое въ Эвклидовой геометріи мы считаемъ линіей параллельною АВ. Очевидно, что, при ея приближеніи къ этому положенію, ея точка пересѣченія съ АВ будетъ постепенно удаляться отъ точки D на разстояніе болѣе всякой данной величины, а въ математикѣ предѣлъ такихъ величинъ называется безконечностью. Слѣдовательно, въ рассматриваемомъ случаѣ мы имѣемъ право сказать, что прямая, принимая положеніе ОС, пересѣчетъ АВ въ безконечно далекомъ разстояніи. Еще одинъ самый малый шагъ,—и точка пересѣченія прямой, исходящей изъ О, и линіи АВ, переходитъ на правую сторону отъ D. Такимъ образомъ мы и здѣсь поставлены въ необходимость признать, въ виду неизбежной непрерывности точекъ пересѣченія, что концы прямой АВ сходятся, но сходятся въ безконечно удаленной точкѣ; а отсюда получается понятіе о прямой Эвклидова пространства, какъ о кругѣ съ безконечно большимъ радіусомъ.

Наконецъ, если прямая OD движется въ пространствѣ Лобачевскаго, то она достигаетъ предѣла всякой данной конечной величины ранѣе, чѣмъ въ пространствѣ Эвклида, а именно, уже тогда, когда она приметъ, наприм., положеніе ОК (черт. III). При этомъ положеніи разстояніе точки пересѣченія отъ D достигаетъ уже безконечности, и въ этомъ смыслѣ мы назовемъ ОК первой параллельной линіей къ АВ. При дальнѣйшемъ перемѣщеніи нашей линіи она принимаетъ рядъ послѣдовательныхъ положеній, которыя вовсе не пересѣкаются съ АВ. Послѣдняя изъ такихъ линій будетъ ОР. Очевидно, она представитъ предѣлъ тѣхъ линій, которыя пересѣкаются съ АВ, идя направо отъ ОК и будетъ указывать вторую безконечно-удаленную точку на АВ. Эта линія ОР есть вторая параллельная къ АВ.

Математики, въ цѣляхъ обобщенія и соблюденія принципа непрерывности, говорятъ, что въ промежуткѣ между параллельными Лобачевскаго движущаяся прямая пересѣкаетъ АВ въ точкахъ идеальныхъ, и, при помощи такого, непонятнаго съ перваго взгляда и условнаго термина, прямую Лобачевскаго подводятъ къ формѣ, которая была указана въ предыдущихъ двухъ случаяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ этой точки зрѣнія, прямая Лобачевскаго является также кругомъ, у котораго одна половина, отъ первой безконечно-удаленной точки К до второй безконечно-удаленной Р состоитъ изъ реальныхъ, дѣйствительныхъ точекъ пересѣченія, а другая половина между тѣми же безконечно-уда-

ленными точками состоитъ изъ точекъ идеальныхъ. Повторяемъ, что съ перваго взгляда такое представленіе о прямой кажется просто символическимъ, условнымъ, а, пожалуй, и не нужнымъ, даже вреднымъ въ виду нѣкотораго ореола какъ бы мистической таинственности, связанной съ терминомъ «идеальныя точки»; однако, нѣкоторыя соображенія, которыя я сейчасъ приведу, покажутъ, что такая прямая такъ же мыслима, какъ и двѣ предыдущія.

Прежде всего спросимъ себя, что такое безконечность въ математическомъ смыслѣ. Несомнѣнно, это не есть та абсолютная безконечность, о которой разсуждаютъ философы: въ математикѣ существуютъ безконечности различныхъ порядковъ. Такъ называемая, безконечность перваго порядка, т.-е. именно та, о которой мы сейчасъ говорили, совершенно уничтожается передъ значеніемъ безконечности втораго порядка; эта послѣдняя есть ничто передъ безконечностью третьаго порядка и т. д.

Съ другой стороны, наши обыкновенныя конечныя величины своимъ значеніемъ обращаютъ въ нуль тѣ величины, которыя мы называемъ безконечно-малыми; эти въ свою очередь могутъ принадлежать къ различнаго рода порядкамъ съ такимъ же отношеніемъ между собою. Можетъ показаться, что такая система безконечностей представляетъ собою лишь группы обыкновенныхъ чиселъ, отличающихся другъ отъ друга лишь своей относительной величиной. Въ самомъ дѣлѣ, для нашего воображенія милліонъ верстъ можетъ уже представиться безконечностью; милліонъ милліоновъ верстъ могъ бы, съ этой точки зрѣнія, быть именно тѣмъ, что мы назовемъ безконечностью втораго порядка. Милліонная часть дюйма представлялась бы намъ въ этомъ случаѣ безконечно-малой величиной 1-го порядка; величина въ милліонъ разъ меньшая—безконечно-малую 2-го порядка. Однако, такое разсужденіе будетъ математически совершенно невѣрнымъ. Между этими безконечностями нашего воображенія нѣтъ опредѣленныхъ границъ, и всѣ онѣ измѣряются единицами одного и того же характера. Напротивъ, математическія безконечности отдѣляются другъ отъ друга опредѣленно и рѣзко, и методы, ихъ измѣряющіе, не сходны между собою.

Представимъ себѣ какое-нибудь конечное разстояніе. Оно можетъ быть для насъ очень велико или очень мало, но взявъ какую-нибудь конечную длину за единицу мѣры, мы всегда мо-

жемъ его измѣрить; перемѣщая постепенно избранную единицу, мы рано или поздно дойдемъ отъ одного конца даннаго разстоянія до другого. Но предположимъ, что мы захотимъ мѣрить это разстояніе математической точкой. Что тогда выйдетъ? Какое бы громадное число точекъ мы ни уложили другъ около друга, наше разстояніе все-таки будетъ болѣе всякаго даннаго ихъ количества.

Въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находится точка по отношенію къ конечному міру, находится конечная длина по отношенію къ міру бесконечно большому. Какъ для точки конечная длина составляетъ предѣлъ возможныхъ величинъ, такъ для конечной длины этотъ предѣлъ составляетъ бесконечная линія; но съ другой стороны, какъ по отношенію къ точкѣ за этимъ предѣломъ все же существуетъ пространство, удаляющееся отъ нея во всѣ стороны, такъ не будетъ логическаго противорѣчія и въ томъ предположеніи, что за бесконечностью на нашей прямой пространство еще не прекращается. Мы имѣемъ право это пространство, лежащее за бесконечностью, какъ предѣломъ извѣстныхъ намъ конечныхъ величинъ, назвать «идеальнымъ», и это будетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что хотя умъ нашъ и долженъ признать его существованіе, но мы не можемъ выражать разстоянія находящихся въ немъ точекъ никакимъ числомъ, потому что они превосходятъ то предѣльное число, которое для насъ есть уже бесконечность, т.-е. больше всякаго представимаго для насъ числа. Мы будемъ называть это пространство, лежащее далѣе постигаемаго нами предѣла, *пространствомъ по ту сторону бесконечности*. Съ разсматриваемой точки зрѣнія, линіи, про которыя мы говоримъ, что онѣ не пересѣкаются, на самомъ дѣлѣ могутъ пересѣкаться, именно, въ пространствѣ по ту сторону бесконечности, а слѣдовательно, ихъ точка пересѣченія должна оставаться для насъ какъ бы не существующей.

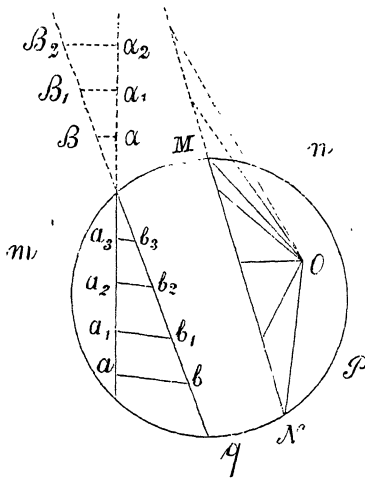
Теперь ясно, какое понятіе мы можемъ составить о прямой Лобачевскаго. Прямая эта простирается въ ту и другую сторону до бесконечности; по ту сторону этихъ бесконечностей пространство продолжается, а слѣдовательно, продолжается въ обѣ стороны и прямая, которая своими концами сходится такъ, какъ это имѣетъ мѣсто и въ прямой Римана, и какъ это можно отвлеченно предположить и для прямой Эвклида.

Получивши понятіе о прямыхъ, принадлежащихъ нашимъ тремъ

типическимъ пространствамъ, мы должны постараться выяснитъ понятіе и о самыхъ этихъ пространствахъ, какъ о комплексахъ такихъ линій. И это мы можемъ сдѣлать тройкимъ образомъ: во-первыхъ, мы можемъ *мыслить* эти пространства, и наши мысли изобразить символически; во-вторыхъ, мы можемъ *представить* ихъ, опираясь на нѣкоторыя аналогіи; въ-третьихъ, мы можемъ *видѣть* въ природѣ нѣкоторые геометрическіе образы, имъ подобныя.

Все сказанное нами о прямой Лобачевскаго даетъ намъ возможность символизировать его понятіе о пространствѣ такимъ

Черт. IV.

образомъ: представимъ себѣ на плоскости кругъ $m\ n\ q$ (чер. IV). Будемъ думать, что этотъ кругъ составленъ изъ бесконечно-удаленныхъ точекъ и слѣдовательно представляетъ собою тотъ предѣлъ, который отдѣляетъ пространство по сю сторону бесконечности отъ пространства по ту ея сторону. Всѣ прямыя опираются на этотъ кругъ двумя концами и, слѣдовательно, имѣютъ двѣ бесконечно-удаленныя точки, какъ, наприм., прямая MN . Черезъ точку O мы можемъ провести много прямыхъ, пересѣкающихся съ MN , двѣ ей параллельныя OM и ON и много

линій, для насъ съ нею не пересѣкающихся, но которыя на самомъ дѣлѣ встрѣчаются съ нею по ту сторону бесконечности. Замѣтимъ еще, что при этихъ предположеніяхъ отрезки, заключенные между параллельными линіями, какъ наприм., ab , $a_1 b_1$, и т. д. перемѣщаясь въ сторону бесконечности, постепенно уменьшаются, въ бесконечности обращаются въ нуль, а по ту ея сторону снова увеличиваются принимая положенія $\alpha\beta$, $\alpha_1\beta_1$, $\alpha_2\beta_2$, обратныя прежнимъ.

Въ пространствѣ Эвклида той части чертежа, которая лежитъ внѣ круга $m\ n\ q$ и которая соотвѣтствуетъ ультра-бесконечному пространству, совсѣмъ не должно быть; поэтому, чтобы

изъ предыдущаго символа получить изображеніе пространства Эвклида, нужно было бы расширить окружность круга до безконечности. Если бы мы это сдѣлали, прежнія параллельныя МН и ОМ остались бы параллельными и теперь, но онѣ неизбежно приняли бы ту характеристичную форму, которую мы привыкли считать за признакъ параллельности: отрѣзки между ними, перемѣщаясь во всѣ стороны, оставались бы вполнѣ одинаковыми.

Можно идти далѣе въ нашей символической схемѣ, удаляя совсѣмъ нашъ предѣльный кругъ съ той плоскости, на которой мы строимъ наше изображеніе. Тогда безконечность исчезаетъ совсѣмъ, и мы получимъ изображеніе Риманова пространства. Если мы перейдемъ отъ символическихъ изображеній къ представленію дѣйствительныхъ элементовъ того или другаго пространства, то проще всего начать съ пространства Римана. Прямая линія этого пространства замкнута. По какому бы направленію мы ни двигались вдоль такой прямой, сохраняя его постоянно, мы чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время пришли бы опять къ той же точкѣ, изъ которой выступили въ самомъ началѣ. Это было бы единственнымъ доказательствомъ замкнутости линій. Чтобы видѣть линію, какъ замкнутую, мы должны были бы выйти изъ одномѣрнаго пространства, такъ сказать, въ пространство двухмѣрное, въ которомъ прямая, какъ кругъ большаго радіуса, была бы доступна нашему созерцанію. Двухмѣрное пространство это въ свою очередь замкнуто, будучи комплексомъ такихъ же замкнутыхъ линій. Находясь въ немъ, мы точно также не можемъ представить его въ его цѣломъ и продолжаемъ судить о его конечности, только передвигаясь по разнымъ направленіямъ и постоянно возвращаясь къ однимъ и тѣмъ же точкамъ исхода. Но допустимъ, что мы сошли съ него въ пространство трехмѣрное: тогда мы однимъ взоромъ обнимаемъ его, какъ шаръ большаго радіуса. Путемъ, подобнымъ сейчасъ описанному, человечество пришло къ увѣренности въ шарообразности земли. Первоначальное убѣжденіе, что земля есть плоскость, неограниченная со всѣхъ сторонъ, было разрушено послѣ того, какъ кругосвѣтныя путешествія стали обыкновеннымъ фактомъ,—хотя въ то же время мы не можемъ прямо наблюдать шарообразности земли, не имѣя возможности отдѣлиться отъ ея поверхности. Наоборотъ, шарообразность другихъ, аналогичныхъ съ нею, планетъ мы уже непосредственно видимъ

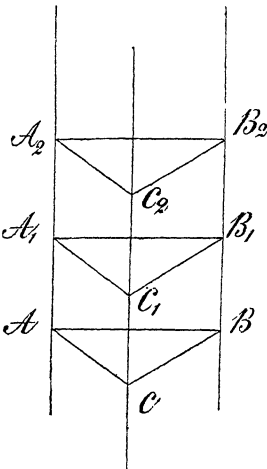
своими собственными глазами. Съ точки зрѣнія Римана, такой-же рядъ соображеній, какъ о пространствѣ двухмѣрномъ, можно приложить и къ пространству трехмѣрному. И оно должно быть замкнутымъ и конечнымъ и переходить, такъ сказать, само въ себя, какъ это усматривается въ кругѣ или въ шаровой поверхности. Находясь постоянно въ немъ самомъ, мы не можемъ представить формулу его границъ,—подобно тому, какъ первобытные люди не могли вообразить истинной формы земли. Нужно выйти изъ него въ четвертое измѣреніе, чтобъ созерцать его вполне, какъ нѣкоторое цѣлое. Тогда мы увидали бы Риманово пространство въ томъ же родѣ, какъ видимъ шаровую поверхность, причѣмъ, однако, его образъ столь же отличался бы отъ дѣйствительной шаровой поверхности, какъ эта послѣдняя сама отличается отъ круга.

Итакъ, пространство Римана само по себѣ оказывается конечнымъ. Но безконечность можетъ быть усмотрѣна и въ немъ, хотя совсѣмъ въ иномъ отношеніи. Римановская прямая или окружность, будучи конечна, есть только элементъ Римановской плоскости или шаровой поверхности. Въ свою очередь, Римановская плоскость или шаровая поверхность конечна, но опять таки составляетъ элементъ пространства 3-хъ измѣреній. Если далѣе признать возможность пространства многихъ измѣреній,—а отвлеченная логика ума этому не противорѣчитъ,—то и Риманово пространство 3-хъ измѣреній, будучи конечнымъ, составляетъ лишь элементъ пространства 4-хъ измѣреній. Подобное же разсужденіе возможно повторить о каждомъ новомъ измѣреніи пространства, и поэтому мы не можемъ положить предѣла для этого особаго рода безконечности пространства.

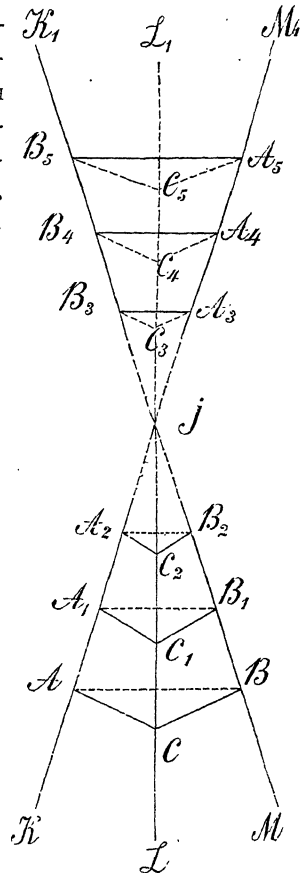
Съ Эвклидовымъ пространствомъ, безграничнымъ во всѣ стороны, мы такъ сроднились, что намъ кажется всегда возможнымъ представить его въ его цѣломъ безъ всякихъ недоразумѣній. Однако, въ сущности оно сложнѣе предыдущаго по своей природѣ; чтобы было возможно его созерцать вполне,—мало того, что слѣдовало бы выйти, какъ и прежде, въ случаѣ пространства Римана, въ четвертое измѣреніе, но нужно было бы самому наблюдателю стать существомъ безконечнымъ; и такому безконечному существу Эвклидово пространство представилось бы законченнымъ цѣлымъ, какъ Риманово, а Риманово обратилось бы въ безконечно-малый атомъ.

Пространство Лобачевского особенно трудно представимо для насъ, въ силу существованія той его части, которая лежитъ по другую сторону безконечности; однако, нѣкоторыя особенности этого пространства все же могутъ быть отчасти выяснены для насъ довольно простымъ построениемъ. Представимъ себѣ въ нашемъ обыкновенномъ, Эвклидовомъ пространствѣ три параллельныхъ линіи, и на нихъ три точки A , B и C (Черт. V), опредѣляющія треугольникъ ABC . Если эти точки равномерно двигаются вдоль нашихъ параллельныхъ линій, то передвигается и этотъ треугольникъ, при чемъ, однако, онъ остается вполне равенъ самъ себѣ, куда бы и на какихъ бы разстояніяхъ ни происходило это перемѣщеніе. Въ пространствѣ Лобачевского такое перемѣщеніе происходитъ не такъ.

Параллельныя линіи въ немъ постепенно сближаются по мѣрѣ того, какъ онѣ подходятъ къ безконечности J (Черт. VI), а потому и треугольникъ ABC , перемѣщаясь въ этомъ направленіи, принимаетъ все меньшіе и меньшіе размѣры, пока на без-

Черт. V.

Черт. VI.

конечно-удаленной поверхности не сдѣлается безконечно-малымъ.

Что же сдѣлается съ этимъ треугольникомъ, когда онъ перейдетъ за эту безконечность? Чертежъ показываетъ, что онъ будетъ по ту сторону J снова увеличиваться, но при этомъ получить положеніе, обратное первоначальному. Размѣры его при дальнѣй-

шемъ передвиженіи будутъ постепенно увеличиваться до безконечности. Однако, въ силу того, что было сказано о прямыхъ Лобачевского, намъ будетъ понятно, что концы K , L и M должны совпасть съ концами K_1 , L_1 и M_1 , а поэтому треугольникъ ABC не останется въ идеальномъ (лежащемъ за J) пространствѣ; пройдя идеальное пространство, черезъ противоположную границу безконечно удаленной поверхности, онъ долженъ снова вернуться въ его реальную часть, принявъ свое первоначальное положеніе и постепенно суживая свои размѣры.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ физическихъ явленій, которыя по своимъ геометрическимъ особенностямъ представляютъ любопытныя аналогіи съ геометрическими отношеніями, долженствующими характеризовать каждое изъ трехъ типическихъ пространствъ. Эти явленія очень поучительны: они позволяютъ какъ бы воочию созерцать окружающій насъ міръ то въ пространствѣ Римана, то въ пространствѣ Эвклида, то въ пространствѣ Лобачевского.

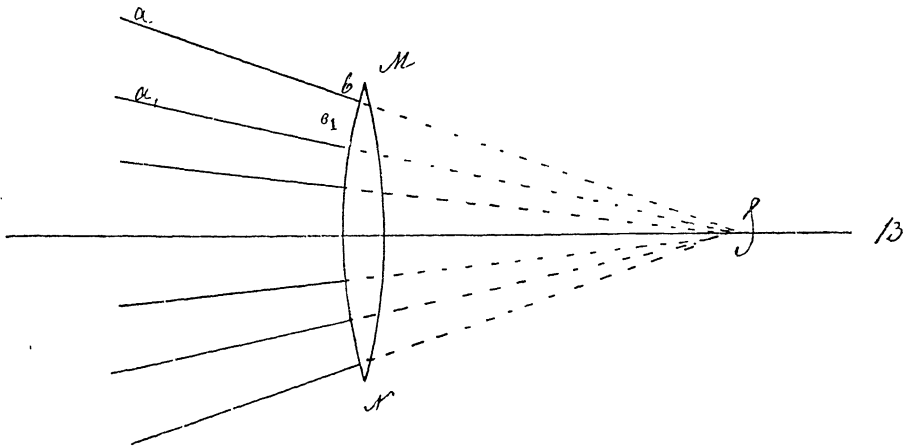
Именно такой разнообразный видъ получаютъ окружающіе насъ предметы, когда мы смотримъ на нихъ сквозь оптическія стекла. Конечно, всякій понимаетъ, что мы видимъ въ этомъ случаѣ не самые предметы, а только ихъ изображенія, обусловленныя пересѣченіемъ лучей, преломленныхъ этими стеклами. Возьмемъ, напр., двояко-вогнутое стекло и взглянемъ черезъ него на какую-нибудь даль. Все, что находится въ этой дали, соберется для насъ, принявъ очень малые размѣры, около одной изъ точекъ, которая называется главнымъ фокусомъ. Постараемся наблюдать, съ геометрической точки зрѣнія, за перемѣнами въ образахъ видимой нами картины, и мы убѣдимся, что въ нихъ мы воспринимаемъ тѣ же самыя перемѣненія и соотношенія, которыя теоретически должны быть построены въ пространствѣ Римана.

Обыкновенное стекло, которое можно назвать стекломъ двояко-плоскимъ, не вноситъ извращеній въ предметы, сквозь него видимые, а потому между усматриваемыми образами наблюдаются тѣ же отношенія, какъ и въ самыхъ предметахъ. Другими словами, черезъ простое стекло мы воспринимаемъ отношенія, характеризующія геометрію Эвклида.

Съ особеннымъ вниманіемъ мы остановимся на явленіяхъ, которыя замѣчаются въ двояко-выпуклыхъ стеклахъ: именно въ нихъ мы найдемъ нѣчто такое, что можетъ служить до нѣкоторой

степени иллюстраціей къ геометрическимъ явленіямъ пространства Лобачевскаго. Когда мы разсматриваемъ предметы въ двояко-выпуклое стекло или, какъ его называютъ, въ лупу, то, какъ и въ случаѣ двояко-вогнутаго стекла, мы видимъ не самые предметы, а только ихъ изображенія. При перемѣщеніи предметовъ перемѣщаются и ихъ изображенія. Вотъ эти-то перемѣщенія изображеній и представляютъ большой интересъ съ нашей точки зрѣнія.

Для большей простоты и ясности мы покажемъ, какъ должно перемѣщаться изображеніе одной свѣтящейся точки. Пусть MN представляетъ двояко-выпуклое стекло (черт. VII), АВ—его главную оптическую ось. На ней въ направленіи отъ А къ В, направо отъ стекла, находится свѣтящаяся точка. Лучи, идущіе отъ нея, па-

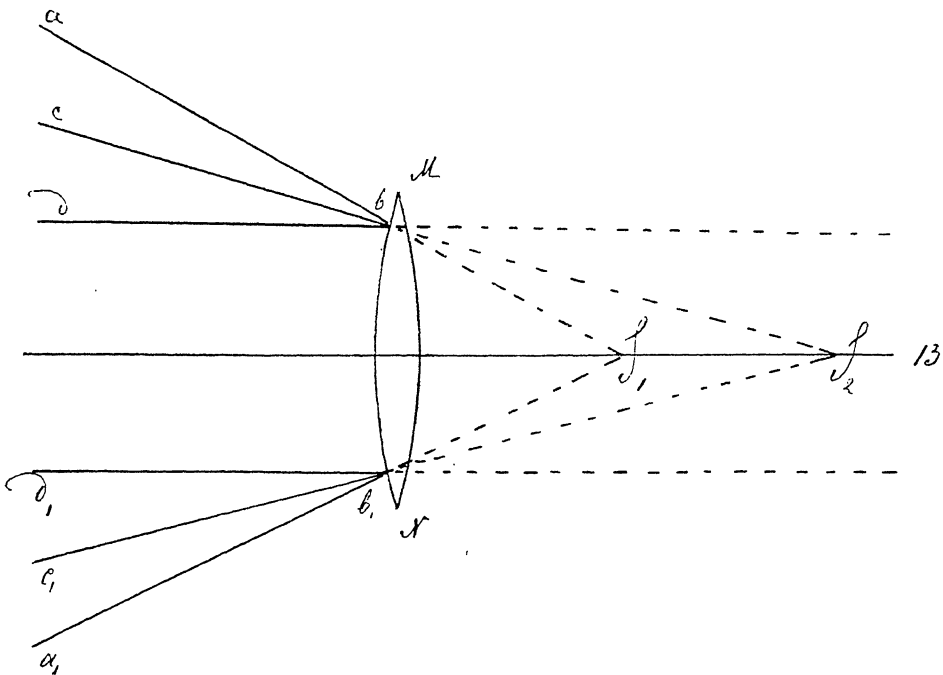

Черт. VII.

даютъ на правую поверхность лупы и, преломляясь, расходятся по направленіямъ $ab, a_1 b_1, \dots$. Глазь, находясь съ лѣвой стороны отъ лупы, подъ впечатлѣніемъ расходящихся лучей увидитъ фиктивную точку въ S, т. е. тамъ, гдѣ пересѣкались бы лучи, еслибъ ихъ продолжить за стекло. Ощущеніе этой фиктивной точки ничѣмъ не отличается отъ ощущенія точки реальной. Если реальную точку перемѣщать по главной оптической оси вправо, то лучи, попадающіе въ нашъ глазъ, будутъ наклоняться другъ къ другу, становясь менѣе и менѣе расходящимися, вслѣдствіе чего изображеніе точки будетъ быстро удаляться вправо отъ первоначальнаго своего положенія. Наконецъ, когда лучи сдѣлаются парал-

тельными, изображеніе удалится какъ бы въ безконечность, совсѣмъ исчезнувъ изъ области нашего воспріятія.

На черт. VIII мы видимъ первоначальное изображеніе S_1 , которое получается отъ пересѣченія лучей ab и $a_1 b_1$; затѣмъ, изображеніе S_2 , болѣе удаленное, которое получается отъ пересѣченія лучей cb и $c_1 b_1$, менѣе расходящихся; и, наконецъ, лучи db и

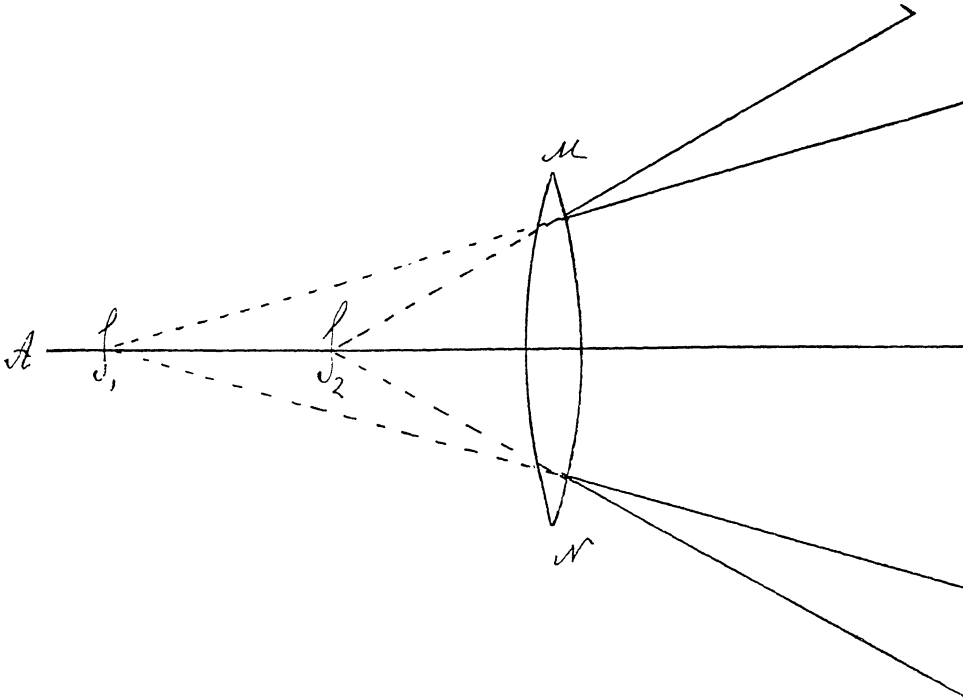

Черт. VIII.

$d_1 b_1$, параллельные главной оптической оси, которые пересѣкаются съ нею въ безконечности.

Возникаетъ вопросъ: что будетъ съ изображеніемъ, когда реальную точку мы передвинемъ еще дальше и этимъ самымъ заставимъ изображеніе, такъ сказать, перейти за безконечность? Очевидно, что лучи послѣ своего параллельнаго положенія сдѣлаются сходящимися (черт. IX), и точка ихъ пересѣченія появится уже налѣво отъ лупы, сначала влѣво далеко, а потомъ все ближе и ближе къ поверхности стекла (точки S_1 , S_2). Характеръ изображенія при этомъ совершенно измѣняется. Это уже не будетъ фиктивная точка, которую мы наблюдали черезъ стекло, — здѣсь

мы будем имѣть точку дѣйствительную, которую можно получить на бумагѣ. Такимъ образомъ, можно сказать, что *субъективное* изображеніе въ этомъ случаѣ превращается въ *объективное*. Это объективное изображеніе перейдетъ по правую сторону лупы, если сама свѣтящаяся точка передвинется отъ лупы налѣво, и оно, вмѣстѣ съ движеніемъ свѣтящейся точки, будетъ все болѣе и болѣе отдаляться отъ стекла, пока не исчезнетъ въ безконеч-

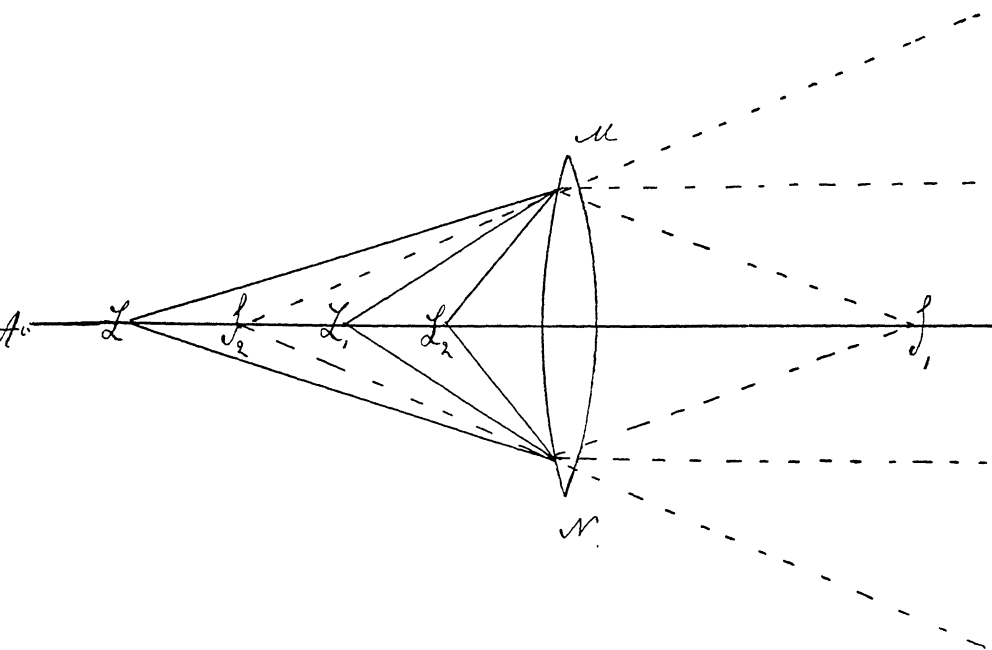
Черт. IX.

ности. Когда мы передвинемъ свѣтящуюся точку еще дальше, параллельные лучи обратятся въ расходящіяся, и мы увидимъ новое превращеніе изображенія изъ объективнаго въ субъективное. На черт. X изображено три положенія свѣтящейся точки налѣво отъ лупы: L , L_1 и L_2 ; первому соотвѣтствуютъ сходящіяся лучи и изображеніе S_1 ; второму—параллельные лучи, а, слѣдовательно, исчезновеніе изображенія въ безконечности; третьему—расходящіяся лучи, т.-е. то положеніе, когда глазъ, находящійся направо

отъ лупы, увидитъ фиктивное изображеніе S_2 . Эта фиктивная точка, при движеніи точки реальной, пройдетъ все пространство по лѣвую сторону лупы и, какъ бы проникнувъ чрезъ стекло, появится отъ нея направо, послѣ чего достигнетъ того самаго мѣста, съ котораго мы начали слѣдить за ея передвиженіемъ.

Итакъ, мы видимъ, что изображеніе свѣтящейся точки проходить всю оптическую ось отъ безконечности до безконечности два раза: сначала какъ субъективное, потомъ—какъ объективное. Различіе между передвиженіемъ изображенія нашей точки и

Черт. X.

движеніемъ точки по прямой Лобачевского, заключающееся въ томъ, что въ первомъ случаѣ точка совершаетъ свой реальный и идеальный путь все по одной и той же главной оптической оси, конечно, не важно. Намъ легко вообразить эти пути несовпадающими, если хотимъ получить представленіе ближе къ дѣлу.

Сопоставляя эти явленія съ основными положеніями геометріи Лобачевского, мы можемъ сказать, что, рассматривая предметы черезъ двояковыпуклое стекло, мы въ нѣкоторомъ родѣ наблю-

даемъ геометрическіе образы какъ бы въ пространствѣ Лобачевскаго. Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами представляются два міра изображеній. Одни будутъ нами видимы непосредственно, другія явятся на бумагѣ. И тѣ и другія, перемѣщаясь, измѣняютъ свои размѣры, и если какое-нибудь изображеніе переходитъ изъ одного міра въ другой, оно принимаетъ обратное положеніе, совершенно подобно тому, какъ выше разсмотрѣнный нами треугольникъ ABC на чертежѣ VI.

Такимъ образомъ, наука допускаетъ три типа пространства; каждый изъ нихъ можно мыслить, отношенія каждаго можно выразить въ наглядныхъ символахъ и аналогіяхъ. Возникаетъ неизбѣжный вопросъ: къ какому изъ разсмотрѣнныхъ нами типовъ принадлежитъ наше дѣйствительное, физическое пространство? Многіе ученые указываютъ на опытъ, какъ на путь къ рѣшенію этого вопроса, и поэтому рядомъ съ геометрией отвлеченной признають существованіе геометріи экспериментальной, или физической. Нѣкоторые идутъ еще дальше и считаютъ сомнительною примѣнимость абстрактныхъ аксіомъ вообще къ реальной природѣ. Такъ, напр., свойство неизмѣняемости геометрическихъ образовъ при ихъ перемѣщеніи иногда отвергается въ силу того соображенія, что всякіе физическіе предметы, будучи переносимы съ одного мѣста на другое, никогда вполнѣ не сохраняютъ своей первоначальной величины и формы. Вслѣдствіе вліянія температуры и другихъ физическихъ дѣятелей, тѣла неизбѣжно, хотя и очень незначительно, или расширяются, или сжимаются, или испытываютъ какія-нибудь другія перемѣны. Однако, ясно, что выводитъ изъ этого факта какое-либо заключеніе о геометрическихъ свойствахъ тѣлъ есть простое недоразумѣніе: во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы можемъ указать физическія причины происшедшихъ измѣненій, дѣйствующія даже и тогда, когда предметъ остается на своемъ мѣстѣ; въ такихъ измѣненіяхъ поэтому никакъ нельзя видѣть результата свойствъ самого пространства. Можно сказать больше: если бы даже геометрическая измѣняемость дѣйствительно существовала, мы не могли бы объ этомъ узнать изъ опыта: вѣдь и физическія перемѣны въ длинѣ, поверхности и объемѣ тѣлъ только потому и узнаются, что мы заранѣе убѣждены въ геометрической неизмѣняемости пространства и, отвергая это его свойство, мы должны были бы навсегда отвергнуть опытъ, какъ средство ни къ чему негодное.

Иначе, повидимому, стоитъ дѣло съ вопросомъ о параллельныхъ линіяхъ; съ перваго взгляда можетъ показаться, что опытъ могъ бы кое-что выяснитъ въ этой проблемѣ. Конечно, какъ было уже сказано выше, провѣрить опытомъ пересѣкаемость или непересѣкаемость линій на безгранично-огромныхъ разстояніяхъ для насъ невозможно, но изъ гипотезъ, лежащихъ въ основаніи различныхъ типовъ геометріи, вытекаетъ различіе относительно одного вывода, который весьма соблазнителенъ для попытокъ опытнаго рѣшенія вопроса. Какъ всякому извѣстно, въ нашей Эвклидовой геометріи доказывается, что сумма угловъ треугольника всегда равна двумъ прямымъ угламъ. Въ другихъ геометріяхъ эта теорема отвергается. Римановскіе треугольники имѣютъ углы, сумма которыхъ болѣе,—у Лобачевского она менѣе двухъ прямыхъ.

Лобачевскій, а за нимъ и многіе другіе, полагали, что путемъ астрономическихъ наблюденій, въ которыхъ размѣры треугольниковъ могутъ быть чрезвычайно велики, вопросъ о достовѣрности теоремы о суммѣ угловъ можетъ получить эмпирическое рѣшеніе. Самъ Лобачевскій вычислялъ углы такого треугольника, стороны котораго превосходили величину радіусовъ земной орбиты. Правда, онъ нашель, что сумма угловъ такого треугольника менѣе двухъ прямыхъ на $0,003''$, однако, и самъ усумнился въ точности своихъ вычисленій. Въ основѣ всякихъ подобныхъ попытокъ опять лежитъ нѣкоторое недоразумѣніе: думаютъ, что съ увеличеніемъ размѣровъ треугольниковъ возможность ошибиться устраняется. Но вѣдь истина можетъ скрываться отъ насъ не только оттого, что наши экспериментальныя средства недостаточны, но и оттого, что недостаточна сама природа нашей познавательной способности. Въ другомъ мѣстѣ мы уже приходилось указывать, что психофизическій законъ Вебера имѣетъ значеніе прерывное, и что въ силу его господства надъ нашими чувственными воспріятіями, мы не въ состояніи ощущать внѣшнихъ измѣненій въ ихъ непрерывномъ развитіи, а всегда воспринимаемъ ихъ только скачками, при значительномъ приростѣ первоначальнаго раздраженія. А это значитъ, что различія пространственныхъ величинъ мы всегда воспринимаемъ только приблизительно, только въ извѣстныхъ предѣлахъ, какими бы инструментами мы при этомъ ни пользовались. Съ этой точки зрѣнія, мы никогда не можемъ быть увѣрены, что экспери-

ментальный путь дѣйствительно привелъ насъ къ положительному или отрицательному рѣшенію указаннаго вопроса: наши выводы всегда могутъ представиться результатомъ простого обмана чувствъ.

Итакъ, экспериментальная геометрія должна отказаться отъ притязаній положительнымъ образомъ рѣшить вопросъ о принадлежности нашей вселенной къ тому или другому изъ разсмотрѣнныхъ нами типовъ пространства. Ея выводы имѣютъ значеніе лишь настолько, насколько они убѣждаютъ насъ, что въ практическомъ отношеніи наше обычное представленіе о пространствѣ оказывается вполнѣ достаточнымъ, и что поэтому въ нашихъ измѣреніяхъ и вычисленіяхъ мы можемъ, не колеблясь, опираться на геометрію Эвклида.

Н. Шишкинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Обзоръ книгъ.

Jos. Royce. The Spirit of modern Philosophy. Boston and New-York, 1893, pp. XV+519.

Трудъ Ройса, выдержавшій въ короткое время четыре изданія, интересенъ и по его своеобразности, и какъ выдающій образецъ американской философіи.

Двѣ черты характеризуютъ современное направленіе этой послѣдней — идеализмъ и широкое знакомство съ данными естествознанія. То и другое, повидимому, между собою тѣсно связано. По условіямъ американской культуры, изученіе естественныхъ наукъ—потребность жизни. Съ другой стороны, сутолока этой жизни заставляетъ созерцательные умы искать отдыха и успокоенія внѣ наличной дѣйствительности, т. е. въ области идеализма. При этомъ, вслѣдствіе общеизвѣстной религіозности американцевъ, ихъ идеализмъ носитъ сильную религіозную окраску.

Ройсъ среди своихъ американскихъ собратьевъ занимаетъ видное, если не первое, мѣсто. Его прежній трудъ, The Religious Aspect of Philosophy, Boston 1887, обратилъ на себя вниманіе одинаково въ Америкѣ и въ Европѣ глубиной и вмѣстѣ ясностью мысли, критическою проницательностью, широкой и разносторонней эрудиціей, мастерскимъ изложеніемъ. Новый трудъ служитъ какъ бы продолженіемъ перваго и еще ярче выдвигаетъ блестящія качества автора.

Книга распадается на три части: введеніе, историческую часть и изложеніе собственного міровоззрѣнія автора.

Во введеніи Ройсъ устанавливаетъ свой взглядъ на философію. Она «не есть самонадѣянное стремленіе объяснить таинства міра посредствомъ сверхчеловѣческаго разумѣнія или необычайной изворотливости, но обязана своимъ происхожденіемъ и значеніемъ попыткѣ дать разумный отчетъ объ отношеніи нашей личности къ наиболѣе важнымъ задачамъ жизни» (р. 1). Мы философствуемъ, какъ скоро критически взвѣшиваемъ нашу дѣятельность. Но наша дѣятельность—прежде всего наша жизнь. Жизнь заключаетъ въ себѣ страсти, вѣрованія, сомнѣнія, рѣшимость дѣйствовать (courage). Критическое изслѣдованіе смысла и значенія всѣхъ этихъ проявленій и есть философія. Разнообразіе и противорѣчивость философскихъ системъ объясняются, съ одной стороны, чрезвычайною сложностью задачъ, предлагаемыхъ жизнью, а съ другой стороны, тѣмъ, что на каждую истину можно смотрѣть съ противоположныхъ и даже противорѣчивыхъ точекъ зрѣнія, которыя, однако, объясняются и примиряются въ высшемъ философскомъ синтезѣ, какъ его понимаетъ идеализмъ.

Историческая часть даетъ критическое изложеніе ученій Спинозы, Канта, Фихте, романтической школы (т.-е. Новалиса, Шлегелей, Шеллинга), Гегеля, Шопенгауэра и представителей ученія объ эволюціи. Руководительною нитью при этомъ служитъ желаніе представить постепенный возвратъ (rediscovery) къ проникновенію во внутреннее содержаніе и смыслъ жизни, утраченному преимущественно въ періодъ скептическихъ и рационалистическихъ увлеченій XVIII в.

По объему этотъ историческій обзоръ составляетъ главное содержаніе книги, но центръ тяжести не въ немъ, а въ послѣдней части. Чужія ученія интересуютъ автора, лишь поскольку служатъ «внушеніями» для его собственнаго.

Въ основаніи послѣдняго лежитъ взглядъ, что все сущее есть проявленіе единаго, вѣчнаго, безусловнаго Духа (Self). Все есть Духъ, все въ немъ, чрезъ него и для него; помимо него, внѣ его и безъ него нѣтъ ничего. Зримая вселенная есть какъ бы его риза. «Все конечное болѣе или менѣе неясно, темно, сомнительно. Одно только достовѣрно, что существуетъ безконечный Духъ (infinite Self), разрѣшитель всѣхъ задачъ, совершенный мыслитель, знающій, что мы подразумеваемъ даже тогда, когда наши знанія совершенно сбивчивы и не полны, заключающій насъ въ себѣ, представляющій себѣ вселенную въ ея единствѣ,—

такъ что для него въ единомъ вѣчномъ моментѣ ясна всякая прошедшая и будущая, всякая отдаленная и темная истина, близко далекое и забытое,—мыслящей всю природу и содержащей всѣ вещи,—Логосъ, обладатель міра» (р. 374).

Мысль эту Ройсъ развиваетъ и доказываетъ рядомъ сложныхъ и разработанныхъ доводовъ. За невозможностью здѣсь входить въ нихъ, мы ограничимся краткой формулировкой основныхъ его положеній, придерживаясь ради большей точности, главнымъ образомъ, составленной самимъ авторомъ схемы, помѣщенной въ концѣ книги (рр. 480—482).

Наиболѣе важный результатъ предшествующаго философскаго движенія авторъ видитъ въ установленіи той непреложной истины, что всякій объектъ предполагаетъ субъектъ, т.-е. существуетъ лишь какъ идея. Эта истина—основное положеніе идеализма.

Идеализмъ имѣетъ двѣ стороны. Онъ, во-первыхъ,—аналитическій, и во-вторыхъ, синтетическій идеализмъ. Подъ первымъ подразумѣвается идеализмъ въ смыслѣ Беркли; подъ вторымъ—ученіе о всеобщемъ Духѣ, какъ вселенскомъ мыслителѣ.

Задача аналитическаго идеализма—показать, посредствомъ изученія элементовъ, составляющихъ наши вѣрованія, что если реальный міръ вообще познаваемъ, то онъ долженъ быть въ своей исконной природѣ міромъ идей, то-есть фактовъ, могущихъ существовать только для духовныхъ существъ (*for minds*). Иными словами, познаваемый міръ *существуетъ*, лишь поскольку одушевленные существа актуально *познаютъ его существующимъ*.

Предположеніе реальности чего-то по существу непознаваемаго заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, такъ какъ подразумѣваетъ соотвѣтствіе между собою и тѣмъ фактомъ, возможность познанія котораго отрицается, а между тѣмъ познаніе есть не что иное, какъ сознаніе соотвѣтствія между фактами сознанія. Агностицизмъ устранится, какъ скоро убѣдимся, что міръ есть *только* совокупность идей. Никакой матеріи, отличной отъ этой совокупности, не существуетъ. Говорить о такой матеріи, хотя бы лишь какъ о требующей рѣшенія задачъ, значитъ говорить нелѣпость. Для всякой разумной задачи существуетъ рѣшеніе; для неразумной задачи не можетъ быть и рѣшенія. Пытаться отвѣтить на вопросъ, что такое матерія, отличная отъ идей, такъ же бессмысленно, какъ пытаться найти цѣлое число, равное квадратному корню изъ 65 (р. 365).

Агностицизмъ, однако, борется тѣмъ возраженіемъ, что никто не можетъ знать никакой иной реальности, кромѣ своего собственнаго я, и что потому, строго говоря, нельзя ничего утверждать ни о какой внѣшней реальности.

Отвѣчать на это возраженіе слѣдуетъ въ томъ смыслѣ, что оно вполне основательно, но не вполне понимается тѣми, кто видитъ въ немъ скептической доводъ. Разсматриваемое въ его истинномъ свѣтѣ, оно служитъ лишь завершеніемъ синтетическаго идеализма, такъ какъ ставитъ на видъ, что существуетъ лишь единое вселенское я, то-есть Логосъ, или Вселенная-Духъ. Конечное я познаетъ истину внѣ своей ограниченности именно потому, что составляетъ органическую часть полнаго я.

Ключомъ для распознанія мірового содержанія служитъ опытъ, правильное пониманіе котораго устраняетъ предрасудокъ, будто идеализмъ есть ученіе объ иллюзій или же предоставляетъ конечныя я ихъ собственному произволу. Идеализмъ требуетъ: 1) чтобы мы истолковывали опытъ въ терминахъ ученія о Мірѣ-духѣ, однако такъ, чтобы 2) мы были въ зависимости отъ опыта при раскрытіи той истины, которая для насъ, существъ конечныхъ, должна неизмѣнно оставаться «внѣшней» истиной— вслѣдствіе того, что она составляетъ содержаніе духа, объединяющаго наши я, какъ свои части; именно поэтому она всегда и повсюду является истиной для всякаго разумнія.

Философія опыта полагаетъ такимъ образомъ свою задачу въ томъ, чтобы различать между тѣмъ, что есть реально «внѣшняго» и «внутренняго» въ нашемъ конечномъ опытѣ, то-есть, между «фактами» и нашей частной точкой зрѣнія на факты.

Но если міръ внѣшняго опыта есть міръ *фактовъ*, то что такое фактъ? Фактъ представляется прежде всего какъ нѣчто, для постиженія чего необходимо описаніе въ извѣстнаго рода общихъ терминахъ. Принципъ обыкновеннаго реализма требуетъ не проявлять никакихъ чувствъ или волненій при выясненіи истины вещей, но быть *точнымъ въ описаніи того, каковы вещи*. Этотъ принципъ находитъ въ идеализмѣ полное оправданіе. Не *оцѣнка*, а *описаніе* служитъ выраженіемъ внѣшней истины. Здѣсь идеализмъ раздѣляетъ основное предположеніе всякаго вообще естествовѣдѣнія. Описательное мышленіе улавливаетъ всеобщія точки зрѣнія на вещи въ противоположность мимолетнымъ и скоропреходящимъ.

Только что упомянутымъ предположеніемъ подразумѣвается, что міръ по *существу своему можетъ быть описанъ* въ общихъ терминахъ. Но въ общихъ терминахъ возможно описывать лишь то, что слажено и упорядочено, то-есть то, что соотвѣтствуетъ закону. Поэтому наука предполагаетъ всеобщность и неуклонность законовъ природы. И такъ какъ наиболѣе точныя описанія возможны лишь для процессовъ механическаго типа, совершающихся въ *пространствѣ* и *времени*, то наука рассматриваетъ вещи—какъ части механизма природы. Съ такой точки зрѣнія, и человѣкъ есть лишь вещь среди вещей, произведеніе природы, съ нервнымъ механизмомъ, но безъ свободной воли.

Однако этотъ взглядъ неадекватенъ, такъ какъ вѣрнѣе лишь отчасти. Болѣе точный анализъ показываетъ, что *описывать* можно лишь то, что предварительно *оцѣнено*, что поэтому должны существовать всеобщіе типы оцѣнки и что, слѣдовательно, *идеалы* должны лежать глубже, чѣмъ *механизмъ*. Природа лишь въ томъ случаѣ можетъ допускать относительную оцѣнку, если воплощаетъ цѣли и имѣетъ цѣну.

Такимъ образомъ, *естественный порядокъ* долженъ быть также и *нравственнымъ порядкомъ*, и міръ абсолютнаго Духа долженъ намъ представляться въ двоякомъ видѣ, въ своемъ временномъ и своемъ вѣчномъ существованіи, или, иначе, какъ міръ *закона* и какъ міръ *нравственной оцѣнки*. Человѣкъ есть вмѣстѣ и часть механизма природы, и часть нравственнаго порядка; его дѣйствія опредѣлены во времени, но нравственно свободны.

Различіе между естественнымъ и нравственнымъ порядкомъ приводитъ къ вопросу о природѣ зла и грѣха и причинахъ пессимизма.

Зло и грѣхъ необъяснимы лишь для узкаго міровоззрѣнія. Но кто способенъ отрѣшиться свой взоръ отъ наличной дѣйствительности и окинуть имъ жизнь всей вселенной, тотъ безъ труда пойметъ ихъ необходимость въ общемъ строѣ мірозданія. Примыкая къ Шопенгауэру и Гартману, Ройсь уподобляетъ міровой процессъ музыкальной симфоніи, въ конечной гармоніи которой примиряются и устраняются всѣ разногласія. «Безконечный Духъ, созерцающій вселенную во всей ея цѣльности, долженъ содержать, долженъ заключать въ себѣ, долженъ сознательно обладать всѣмъ ея духовнымъ міромъ, подобно тому, какъ музыкальное сознаніе въ своей оцѣнкѣ послѣдовательности звуковъ содержитъ не

только единичныя ноты, не только звуки, какъ они по-одиночкѣ возникаютъ во времени, но всю симфонію, которой диссонансы могутъ быть такимъ образомъ моментами въ вѣчномъ совершенствѣ цѣлаго» (р. 456).

Съ этой точки зрѣнія, грѣхъ имѣетъ не кажущееся, но реальное существованіе. Но въ такомъ случаѣ можно ли говорить о святости божественнаго порядка вселенной? На этотъ вопросъ мы, не колеблясь, должны отвѣчать утвердительно, если вспомнимъ, что понятія грѣховности и святости опредѣляются потворствомъ и противоборствомъ грѣховному побужденію. Въ томъ же нравственномъ порядкѣ, въ которомъ существуетъ побужденіе къ грѣху, существуетъ и сила къ преодоленію этого побужденія. Какъ скоро «я противостою ему, ненавижу его, подавляю его, преодолеваю его, *я дѣлаю его частью моего болѣе широкаго нравственнаго совершенства* (goodness). Существованіе моего злого побужденія получаетъ оправданіе тотчасъ же, *какъ скоро я его ненавижу и его осуждаю*. Осужденіе и преодоленіе злой воли дѣлаетъ ее частью доброй воли» (р. 459).

Такимъ образомъ, пессимизмъ не имѣетъ въ нравственной области достаточнаго основанія. Но его коренная причина — не въ существованіи грѣха, а въ существованіи безсмысленнаго случая, въ борьбѣ съ которымъ мы безсильны. Для повседнежнаго міровоззрѣнія «невозможно даже отдаленное оправданіе его произвола». Но если мы проникнемся «глубокимъ идеализмомъ», то найдемъ утѣшеніе и успокоеніе въ сознаніи, что всѣ мы какъ по тѣлу, такъ и по духу, составляемъ части одного неразъемлемаго организма, Логоса, который вмѣстѣ съ нами страдаетъ, но, стоя «сверхъ времени и торжествуя въ вѣчной славѣ разумѣнія, прозирающаго назадъ и впередъ чрезъ безконечныя вѣка и безчисленныя міры, находитъ среди всѣхъ ужасовъ времени свой міръ, а слѣдовательно, и нашъ» (р. 471).

Таково въ общихъ чертахъ міровоззрѣніе Ройса. Необходимо однако, предупредить, что нашъ блѣдный пересказъ не даетъ понятія ни о богатствѣ содержанія книги, ни о силѣ и выразительности изложенія. Чтобъ оцѣнить ее какъ слѣдуетъ, въ нее нужно вчитаться. И мы советуемъ сдѣлать это всѣмъ, интересующимся философійей. Въ современной литературѣ найдется не много трудовъ, изученіе которыхъ было бы такъ плодотворно для проникновенія въ глубь философскихъ вопросовъ, какъ книга Ройса. Съ

нимъ далеко не всякій и не во всемъ согласится. Но всѣ его парадоксы такого рода, что не могутъ не побудить мысль читателя къ самостоятельной разработкѣ тѣхъ задачъ, которыя имъ предлагаются.

Въ исторической части специалисты, быть можетъ, найдутъ для себя не много новаго. Но для лицъ, не вполне знакомыхъ съ новою философіей, эта часть можетъ служить отличнымъ введеніемъ. Въ общемъ авторъ слѣдуетъ Виндельбанду. Наиболѣе самостоятеленъ и интересенъ отдѣлъ «о возникновеніи ученія объ эволюціи».

Нельзя не отмѣтить, что авторъ вовсе не упоминаетъ о Фехнерѣ, ревностномъ поборникѣ мировоззрѣнія совершенно сходнаго съ тѣмъ, которое отстаиваетъ Ройсъ. Это упущеніе обращаетъ на себя тѣмъ больше вниманія, что работы Ройса служатъ какъ бы исполненіемъ завѣта Лейпцигскаго мудреца, что *Nachtsansicht* должно уступить мѣсто *Tagesansicht*,—темная ночь материализма яркому дню идеализма. Но Фехнеръ, хотя и одинъ изъ болѣе гениальныхъ мыслителей послѣдняго времени, извѣстенъ болѣе какъ психофизикъ, чѣмъ какъ метафизикъ, и объ этомъ нельзя не пожалѣть.

А. Гиляровъ.

Schmekel. Die Philosophie der mittleren Stoa in ihrem geschichtlichen Zusammenhange. Berlin, 1892, pp. VIII+483.

Стоицизмъ—одно изъ болѣе любопытныхъ и плодотворныхъ явленій древней жизни. Для язычниковъ онъ замѣнялъ разлагающуюся религію, для христіанъ онъ важенъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ платонизмомъ подготовлялъ пути къ распространенію апостольскаго ученія. Въ исторіи метафизики онъ представляетъ первую разработанную систему монизма. Въ логикѣ онъ себя увѣковѣчилъ, положивъ начало ученію о понятіяхъ. Нравственное значеніе его настолько извѣстно, что довольно здѣсь напомнить имена Эпиктета и Марка Аврелія. Но, несмотря на громадное культурное значеніе стоической философій, она до сихъ поръ изслѣдована сравнительно очень слабо. Нѣтъ даже полного собранія фрагментовъ, сохранившихся отъ стоиковъ. Существуютъ лишь сборники отрывковъ отдѣльныхъ представителей этой школы, не всѣхъ и не совсѣмъ полные *).

*) Изъ не вошедшихъ въ библиографію послѣдняго изданія Ибервега отмѣ-

указать ни на одно вполне удовлетворительное изложение его учений. У Целлера этотъ отдѣлъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ. Обыкновенно строгій въ различеніи послѣдовательныхъ наслоеній, Целлеръ въ общей характеристикѣ стоицизма не проводитъ никакой опредѣленной грани между его древнѣйшими и позднѣйшими представителями, хотя послѣдніе жили совсѣмъ въ другой умственной средѣ, чѣмъ первые. Трудъ Гирцеля не оставляетъ цѣльнаго впечатлѣнія, а Ожеро въ своей монографіи вноситъ не мало изъ собственнаго богатства, иногда сомнительнаго.

При такой скудости литературы (о старой мы не говоримъ), всякій новый трудъ по стоицизму заслуживаетъ вниманія. Но работа Шмекеля заняла бы почетное мѣсто и въ богатой литературѣ. Авторъ поставилъ себѣ задачей изложить ученія средняго стоицизма—Панэція, Посидонія, Гекатона, Мнесарха, Діонисія. Этой задачѣ, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, на первый взглядъ не соотвѣтствуетъ широкое заглавіе труда, но на дѣлѣ оно обѣщаетъ не больше, чѣмъ даетъ содержаніе. Шмекель не только критически оцѣнилъ и исчерпалъ всѣ источники, необходимые для знакомства съ этими ученіями, не только далъ подробное ихъ изложеніе, но и представилъ въ яркой картинѣ ихъ связь съ раннимъ стоицизмомъ и ихъ значеніе для послѣдующей культуры. Изъ отдѣловъ, посвященныхъ культурнымъ вопросамъ, особенно цѣнны два: «Die Mystik» и «Die römische Aufklärung». Въ заключеніе авторъ даетъ сжатый обзоръ философскаго движенія до и послѣ стоицизма съ цѣлью выяснить историческое положеніе этого послѣдняго. Въ этомъ обзорѣ онъ дѣлаетъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній. Такъ, въ ученіяхъ Платона, Аристотеля и стоиковъ онъ видитъ вѣтви одного ствола—органическое сліяніе Элейской и Гераклитической космологии на почвѣ Сократовой философіи понятій, причемъ это сліяніе у Платона выразилось въ формѣ трансцендентности, у стоиковъ—въ формѣ имманентности, а Аристотель пытается совмѣстить ту и другую форму. Но особенно важны указанія на значеніе скептическаго движенія для разработки позднѣйшихъ формъ стоицизма.

По своей специальной задачѣ и слишкомъ ученой внѣшности

тимъ появившіяся за послѣдніе годы: Teletis reliquiae, ed. prol. scr. O. Heuse, Frib. 1889. Pearson, the Fragments of Zeno and Cleanthes. Lond. 1891.

книга Шмекеля найдетъ меньше читателей, чѣмъ сколько заслуживаетъ. Но тотъ, кто съ ней познакомится, не раскается.

А. Гиляровъ.

Aulard. *Le Culte de la Raison et le Culte de l'Être suprême* (1793—1794). Paris, 1892, pp. VIII+371.

Этюдъ скорѣе историческій, чѣмъ философскій. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить его здѣсь, такъ какъ это первая попытка дать подробное и документальное изложеніе событія, въ которомъ многіе видятъ высшее торжество философскихъ идей XVIII в. Авторъ не отрицаетъ его философскаго значенія, но разсматриваетъ вопросъ, главнымъ образомъ, съ политической точки зрѣнія. Опираясь на множество современныхъ памфлетовъ, манифестовъ, программъ, летучихъ листовъ и пр., ниѣмъ до него не изученныхъ, онъ доказываетъ, что «и культъ Разума, и культъ Высшаго Существа были не одною только философскою или религіозною попыткой, безъ корня въ прошломъ Франціи и безъ связи съ событіями, не насиліе надъ исторіей и расой, но необходимое, главнымъ образомъ, политическое слѣдствіе положенія борьбы, въ которое была поставлена революція сопротивленіемъ стараго порядка новому духу» (pp. VII—VIII). Въ философскомъ отношеніи любопытны указанія на отраженіе идей Руссо и энциклопедистовъ въ міровоззрѣніи Робеспьера и другихъ руководителей террора. Къ сожалѣнію, авторъ, хотя и добросовѣстный ученый, довольно плохой стилистъ, такъ что интересное содержаніе у него порой является въ не совсѣмъ привлекательной формѣ.

А. Гиляровъ.

Wundt. *Vorlesungen über die Menschen-und Thierseele.* Zweite umgearbeitete Auflage. Hamburg und Leipzig. 1892, стр. 495.

Первое изданіе «Лекцій о душѣ человѣка и животныхъ» было въ свое время переведено на русскій языкъ и, какъ извѣстно, не прошло безъ вліянія на нашу психологическую литературу. По случайности, извѣстной тѣмъ, кто знакомъ съ исторіей нашего просвѣщенія, Вундтъ за это сочиненіе былъ отнесенъ въ одну группу съ материалистическими писателями 60-хъ годовъ (Бюх-

неромъ, Молешоттомъ, Фохтомъ и др.), и книга его «Одушѣ челоуѣка и животныхъ» до послѣдняго времени разсматривалась, какъ сводъ воззрѣній материалистической психологіи и по этой причинѣ цѣнилась очень высоко и уже давно успѣла сдѣлаться библиографическою рѣдкостью. Въ настоящее время эта книга въ значительной передѣлкѣ вышла вторымъ изданіемъ. Вундтъ въ предисловіи приводитъ причины, побудившія его приступить ко второму изданію этой книги. Мотивы эти, по нашему мнѣнію, представляютъ интересъ для всѣхъ почитателей этого замѣчательнаго изслѣдователя, какъ любопытный отрывокъ изъ исторіи развитія его идей.

«Содержаніе этихъ лекцій въ первомъ изданіи, вышедшемъ тридцать лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Вундтъ,—оказалось устарѣвшимъ не только вслѣдствіе развитія той науки, которая составляетъ ихъ предметъ, но также вслѣдствіе развитія моихъ собственныхъ научныхъ познаній и убѣжденій. 30 лѣтъ тому назадъ экспериментальная психологія была только программой будущаго, для выполненія которой, по впервые тогда проложенному Фехнеромъ пути къ психофизикѣ, было сдѣлано еще очень мало и выполнимость которой со всѣхъ сторонъ встрѣчала сомнѣнія. Я самъ, еще мало-опытный въ трудныхъ задачахъ того психологическаго анализа, который постепенно выработался рука объ руку съ экспериментальными методами, приступалъ къ исполненію ея больше съ благими намѣреніями, чѣмъ съ должнымъ искусствомъ. Такимъ образомъ произошло то, что я на эту работу за много лѣтъ до появленія перваго изданія моей «Физиологической психологіи», въ которой я пытался рѣшить ту же задачу осторожнѣе и въ болѣе скромныхъ предѣлахъ, привыкъ смотрѣть, какъ на юношескій грѣхъ, о которомъ я по временамъ и потому еще былъ поставляемъ въ необходимость вспоминать съ неудовольствіемъ, что то и дѣло различныя изложенныя тамъ гипотезы и воззрѣнія были смѣшиваемы съ убѣжденіями, впоследствии мною пріобрѣтенными. Если я теперь, не взирая на эти условія, мало благопріятныя для новой обработки, рѣшился сдѣлать это и предпочелъ ее болѣе подходящей задачѣ изданія новаго труда, преслѣдующаго ту же самую цѣль, то въ этомъ случаѣ опредѣляющими оказались два мотива: во 1-хъ, мнѣ казалось, что, несмотря на недостатки въ цѣломъ и во многихъ подробностяхъ, относительно нѣкоторыхъ частей изложенія въ преж-

немъ трудъ мнѣ теперь не удалось бы достигнуть той ясности и свѣжести изложенія, которая обыкновенно присуща первому выраженію мыслей; во 2-хъ, все то содержаніе прежняго труда, которое не соотвѣтствовало или прямо противорѣчило моимъ теперешнимъ убѣжденіямъ, тяготѣло надо мною, какъ нѣкоторая вина, отъ которой я хотѣлъ бы отдѣлаться какъ можно скорѣе. Поэтому я считаю нужнымъ высказать, что всѣ тѣ воззрѣнія прежняго изданія, которыя не перешли въ новое, я не признаю болѣе за свои».

Укажемъ на нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, наиболѣе существенныя измѣненія въ этомъ изданіи. Авторъ выпустилъ все, что у него было въ первомъ изданіи относительно *психологій народовъ*, на томъ основаніи, что эта отрасль психологій настолько расширилась, что можетъ составлять совершенно независимую область.

Наиболѣе интереснымъ является прибавленіе 15, 16 и 17 лекцій, гдѣ Вундтъ излагаетъ вновь свое ученіе о *воли*, *апперцепціи*, *вниманіи*; хотя здѣсь ничего существенно новаго не вносится въ сравненіи съ тѣмъ, что было изложено по этимъ вопросамъ въ «Физиологической психологій», «Этикѣ», «Системѣ философіи» и въ мелкихъ статьяхъ, но здѣсь все это изложено въ популярной формѣ; то же самое нужно сказать о главѣ 21, гдѣ объясняется отношеніе между ассоціаціей и апперцепціей. Вообще, эта книга въ той формѣ, какъ она теперь является, должна быть разсматриваема какъ популяризація теорій Вундта, изложенныхъ въ другихъ его сочиненіяхъ въ формѣ доступной только лицамъ, имѣющимъ спеціальную подготовку.

Е. Челпановъ.

Цигенъ. Физиологическая психологія въ 14 лекціяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. Милославскаго подъ редакціей В. Ѡ. Чижа. Спб. 1893. 190 стр.

«Руководство физиологической психологій», какъ названа означенная книга въ нѣмецкомъ оригиналѣ, представляетъ изъ себя довольно полный сводъ той части психологій, которая соприкасается съ физиологіей, и, какъ таковая, вполне удовлетворяетъ своей цѣли; она можетъ служить руководствомъ физиологической психологій для начинающаго, потому что въ ней изложено въ краткихъ чертахъ и общедоступно все наиболѣе суще-

ственное въ психологіи этого направленія. Что книжка дѣйствительно удовлетворяетъ своему назначенію, показываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что она уже вышла вторымъ изданіемъ (первое изданіе появилось въ 1890 г.) и недавно переведена на англійскій языкъ. Намъ кажется, что автору при краткости, которой онъ придерживался, слѣдовало бы избѣгать полемики, совершенно невозможной при такихъ условіяхъ. Между тѣмъ авторъ въ предисловіи говоритъ слѣдующее. «Изложенное здѣсь ученіе значительно отличается отъ преобладающей въ Германіи доктрины Вундта и находится въ тѣсной связи, съ такъ называемой, ассоціативной психологіей англичанъ. Въ Германіи только одинъ Мюнстербергъ, и то въ послѣднее время, представилъ возраженія противъ ученія объ апперцепціи, столь характернаго для школы Вундта. Введя для объясненія психологическихъ процессовъ особую вспомогательную величину—апперцепцію, Вундтъ избѣжалъ многихъ затрудненій: вездѣ, гдѣ онъ встрѣчалъ трудно объяснимый психическій процессъ, онъ тотчасъ же приписывалъ его апперцепціи. Подобный приѣмъ, однако, равносильнъ отказу отъ всякаго психо-физиологическаго объясненія. Цѣль этой книги показать, что вспомогательная величина Вундта совершенно излишня и что всѣ психическія явленія могутъ быть объяснены безъ нея».

Послѣ такого заявленія читатель вправе ожидать разбора ученія Вундта, который былъ бы тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что ученіе объ апперцепціи есть, въ самомъ дѣлѣ, основной пунктъ психологіи Вундта и въ настоящее время является въ Германіи предметомъ раздора психологическихъ школъ. Къ сожалѣнію, въ книгѣ Цигена нѣтъ никакого намека даже на желаніе болѣе или менѣе ясно изложить ученіе Вундта, встрѣчается лишь варіированіе только что приведеннаго возраженія. На стр. 41 говорится: «Апперцепція является какъ бы верховною душой, замѣчающей всѣ низшіе психическіе процессы, оцѣнивающей, связывающей и сравнивающей ихъ».—Стр. 129: «Теорія апперцепціи принимаетъ, что рѣшающее значеніе имѣетъ апперцепція, какъ нѣчто управляющее ассоціаціей, воздѣйствующее то на одно, то на другое представленіе и съ высоты своего трона направляющее борьбу ассоціацій въ ту или другую сторону. Не трудно видѣть, что этимъ вводится въ процессъ ассоціаціи какая-то совершенно загадочная гипотетическая способность души, признаніе которой немислимо для

естественно-научной психологіи». Авторъ не поясняетъ, почему именно признаніе апперцепціи немислимо для естественно-научной психологіи. — Стр. 141: «Все, что не можетъ быть объяснено путемъ простой ассоціаціи, приписывается дѣятельности высшей душевной способности, которая остается, впрочемъ, совершенно неизвѣстной. Всѣ доказательства, приводившіяся въ опроверженіе ученія о душевныхъ способностяхъ, примѣнимы и къ метафизической апперцепціи. Здѣсь тоже въ основаніе цѣлаго ряда процессовъ кладется нѣчто активное, долженствующее служить ихъ причиной. Вундтъ придалъ позже своему ученію физиологическую окраску, предположивъ, что апперцепція локализуется въ лобныхъ доляхъ головного мозга, но этимъ онъ еще болѣе доказалъ несостоятельность своего ученія. Душевная способность, не имѣющая матеріальной подкладки и управляющая совершенно самостоятельно, локализуясь въ извѣстномъ мѣстѣ мозга, какъ будто пріобрѣтаетъ современную естественно-научную окраску и становится подъ защиту физиологіи мозга».

Здѣсь все несправедливо: апперцепція не имѣетъ никакой связи съ метафизикой въ томъ презрительномъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ авторъ. Далѣе, несправедливо заявленіе автора, что «Вундтъ придалъ «позже» своему ученію физиологическую окраску». Вундтъ никогда не смотрѣлъ на процессъ апперцепціи, какъ на такой, который находится внѣ всякой связи съ явлениями физиологическими. Этотъ упрекъ ясно показываетъ, что напрасно авторъ ставитъ задачей своей книги такое поверхностное опроверженіе взглядовъ Вундта.

По мнѣнію автора, всѣ явленія вполнѣ хорошо объясняются и одними законами ассоціаціи. Какъ образчикъ его объясненія, приведемъ слѣдующій. Указавъ на обычную форму умозаключеній, авторъ говоритъ (140 стр.): «Несомнѣнно, что всѣ правильныя умозаключенія могутъ быть подведены подъ эту или же другую соотвѣтственную логическую схему. Тѣмъ не менѣе, нельзя согласиться съ тѣмъ, что наше обыкновенное мышленіе происходитъ при посредствѣ такихъ схемъ. На самомъ дѣлѣ, оно сводится къ ассоціаціи представленій: «Кай» — «человѣкъ» — «смертенъ». Мы видимъ, наприм., «Кая»; съ зрительнымъ ощущеніемъ ассоціируется сперва представленіе «человѣка», а затѣмъ другое представленіе — «смертенъ». Слѣдовательно, умозаключеніе, какъ и сужденіе, есть только особая форма ассоціаціи и притомъ такая,

которая психологически почти не имѣетъ особаго отличительнаго характера». Всякій можетъ видѣть, что это—простое *указаніе* на существованіе ассоціаціи въ процессѣ умозаключенія и не даетъ удовлетворительнаго рѣшенія одного изъ сложнѣйшихъ вопросовъ психологіи.

Мы хотѣли бы указать еще на слѣдующій недостатокъ. Хотя на стр. 19 авторъ указываетъ на то, что *ощущеніе* и *воспріятіе*—одинъ и тотъ же процессъ, однако, намъ кажется, что приведенныхъ имъ основаній слишкомъ недостаточно для того, чтобы разсматривать въ одной главѣ «о зрительныхъ ощущеніяхъ» простыя цвѣтотыя ощущенія и сложные процессы локализации. Съ точки зрѣнія даже генетической психологіи, въ интересахъ ясности, слѣдовало бы излагать эти вопросы отдѣльно. Далѣе, въ вопросѣ о воспріятіи пространства авторъ погрѣшаетъ противъ исторіи. Полемизируя съ *нативистической* гипотезой воспріятія пространства, онъ излагаетъ ее въ такомъ видѣ, что она будто бы признаетъ, что «каждой точкѣ сѣтчатой оболочки отъ рожденія соотвѣтствуетъ извѣстная точка въ полѣ зрѣнія». На самомъ же дѣлѣ, эта точка зрѣнія, господствовавшая еще во времена І. Мюллера и Э. Вебера, въ настоящее время совершенно оставлена: очевидно, современная нативистическая точка зрѣнія Штумфа и Геринга осталась неизвѣстной автору.

Несмотря на указанные недостатки этой книги, мы рѣшаемся рекомендовать ее тѣмъ, кто желаетъ ознакомиться въ элементарной формѣ съ наиболѣе выдающимися явленіями современной физиологической психологіи.

Переводъ книги сдѣланъ хорошо,—только имена писателей въ нѣсколькихъ мѣстахъ извращены: такъ, Крисъ названъ Кріасомъ, Фирордтъ — Фіерордтомъ, а извѣстный изслѣдователь мускульнаго и осязательнаго чувства, Гольдшейдеръ, вездѣ названъ Гольдшнейдеромъ.

Е. Челпановъ.

II. Обзоръ журналовъ.

The Monist. A quarterly magazine. Vol. 3. № 1—3. Chicago.

E. D. Core. Будущее мысли въ Америкѣ.

Авторъ думаетъ, что чрезмѣрное развитіе политической жизни въ Соединенныхъ Штатахъ вредно для другихъ областей жизни. Такъ какъ судьба и карьера общественнаго дѣятеля зависитъ отъ того, насколько чутко онъ слѣдитъ за общественнымъ мнѣніемъ и насколько его взгляды согласуются съ общепринятыми, то свобода мысли подавляется. Оттого же науки теоретическія, и въ особенности философскія, далеко отстали отъ техническихъ знаній. Копь думаетъ, что въ этомъ дѣлѣ существенную помощь могутъ оказать церкви различныхъ исповѣданій. Самое разнообразіе исповѣданій, ихъ споры—въ высшей степени полезны въ этомъ отношеніи, и «какъ теологія была въ Европѣ матерью философіи, такъ будетъ и здѣсь». Конечно, наибольшее значеніе получаютъ тѣ догматы, которые заключаютъ въ себѣ высокія моральныя идеи.

Felix L. Oswald. Умственныя муміи.

Статья указываетъ на трудность распространенія идей самыхъ возвышенныхъ, но противорѣчащихъ традиціямъ общества, выработаннымъ исторіей; положеніе иллюстрируется многочисленными историческими примѣрами.

Pr. Richard Garbe. Индусскій монизмъ. Кто были его основатели, жрецы или воины?

На основаніи подробнаго анализа нѣсколькихъ мѣстъ изъ Упанишадъ авторъ доказываетъ, что основателями великой религіозно-метафизической системы монизма въ Индіи были не брамины, а воины; изъ касты послѣднихъ вышли Будда и Джайна,

основатель религиознаго ученія, получившаго также большое распространеніе. Къ нимъ же принадлежалъ и Кришна, культъ котораго игралъ важную роль въ позднѣйшемъ браманизмѣ и котораго въ послѣдствіи брамины почитали подъ именемъ бога Вишны.

Paul Carus. Идея необходимости, ея основаніе и ея область.

Эта статья—одна изъ многочисленныхъ попытокъ соединить свободу и детерминизмъ. Авторъ находится на точкѣ зрѣнія, близкой къ спинозовскому монизму. При всѣхъ измѣненіяхъ во внѣшнемъ мірѣ сохраняется нѣкоторое тождество (sameness), формулируемое великими обобщеніями современнаго естествознанія: законами сохраненія матеріи и энергіи. На этомъ тождествѣ основывается и неизмѣнное дѣйствіе законовъ природы, которые, разсматриваемые «подъ формой вѣчности», являются атрибутами міроваго начала. Случайность есть или дѣйствіе, совершенное безъ намѣренія, или явленіе, предугадать которое мы, по состоянію нашего знанія, не могли. Трансцендентальной свободы нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, мы не можемъ себѣ ее представить по формальнымъ законамъ нашего мышленія. Законы природы выражаютъ собой внутреннюю сущность предметовъ, къ которымъ они прилагаются: какъ (how) два тѣла тяготѣютъ другъ къ другу, выражается механическимъ закономъ, почему (why) они тяготѣютъ—зависитъ отъ ихъ природы. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ никакой разницы между явленіями психическими и физическими. Психологическая свобода, разумное самоопредѣленіе есть единственное условіе нравственности, а расширеніе человѣческаго знанія увеличиваетъ власть человѣка надъ окружающею его природою, дѣлаетъ его болѣе свободнымъ. Статья написана очень живо; жаль только, что когда автору приходится анализировать какое-нибудь понятіе, онъ прямо беретъ его опредѣленіе изъ философскаго лексикона, а оно—иногда слишкомъ кратко, иногда слишкомъ произвольно.

Pr. S. Morgan. Теорія «αὐτά».

Излагается докладъ Стинея «Объ отношеніяхъ между естествознаніемъ и онтологіей» (on the Relation between Natural Science and Ontology). Объекты опыта суть продукты умственнаго синтеза, производящія причины этихъ объектовъ суть реальности (αὐτά). Природа есть совокупность первыхъ, міръ—послѣднихъ.

Въ природѣ нѣтъ причинности, и законы природы лишь тѣни (shadows) законовъ міра. Мысль не принадлежитъ къ природѣ, она есть истинная реальность; чувственный объектъ, причину котораго она составляетъ—вибраціи мозговыхъ молекулъ—ея коррелятъ въ природѣ. Мы не можемъ постигнуть реальности, но можемъ предполагать, что она есть мысль, отражающаяся въ природѣ, какъ движеніе.

Christine Frankline. Интуиція и разумъ.

Авторъ опровергаетъ мнѣніе, что эти двѣ способности обыкновенно развиваются въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Интуиція имѣетъ происхожденіе въ разумѣ; дѣйствія, совершающіяся безсознательно, являются слѣдствіемъ или накопленнаго опыта предшествующихъ поколѣній, или опыта индивидуальнаго. Исслѣдованія въ лабораторіи Вундта, произведенныя Н. Н. Ланге, А. С. Бѣлкинымъ и другими, показали, что сознательныя реакціи на раздраженія занимаютъ почти вдвое болѣе времени, чѣмъ безсознательныя (разница болѣе при слуховыхъ, чѣмъ при зрительныхъ раздраженіяхъ). Направленіе вниманія на органъ, подвергнувшійся раздраженію, удлиняетъ реакцію. Такимъ образомъ, когда дѣйствіе становится автоматичнымъ, происходитъ значительный выигрышъ во времени.

W. Ferrero. Жестокость и жалость въ женщинахъ.

Авторъ показываетъ вліяніе полового подбора на преобладаніе въ женщинѣ нѣжныхъ эмоцій надъ чувствомъ жестокости, эмоціями гнѣва и мести.

John Dewey. Предразумокъ необходимости.

Указывается на телеологическій характеръ понятія необходимости. Это понятіе—результатъ простого отвлеченія, которое мы совершаемъ, отвлекая существенныя условія явленія отъ случайныхъ обстоятельствъ. Критерій существенности и случайности—чисто субъективный и притомъ практической: способствованіе результату, котораго мы желаемъ. Понятія о причинѣ и слѣдствіи суть такія же абстракціи, отвлекаемыя отъ общаго теченія міровыхъ явленій. Необходимость, въ ея примѣненіи къ явленіямъ, есть только наибольшая достовѣрность, не достигающая, однако, степени несомнѣнности.

Кромѣ перечисленныхъ статей, въ разбираемыхъ номерахъ помѣщены слѣдующія: Эволюція любви Ch. Peine, Пан-

психизмъ и панбіотизмъ—Paul Carus, Религія и новѣйшее знаніе—Iodl, Религія и наука—Paul Carus (помѣщенная въ измѣненномъ видѣ въ Philosophische Monatshefte и изложенная въ предыдущей книжкѣ «Вопросовъ Философіи и Психологіи») и Четвертое измѣненіе—Schubert'a.

С. Н.

Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. Von H. Ebbinghaus und A. König. V томъ. 1893 г.

Этого журнала, о которомъ уже намъ приходилось говорить, только-что закончился пятый томъ. Въ этомъ томѣ, какъ и въ предыдущихъ, заключается рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій по важнѣйшимъ вопросамъ психологіи и психофизиологіи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ статья Гиллебранда (стр. 1—59)—«О постоянствѣ пространственныхъ величинъ сѣтчатки». Дѣло идетъ о давнемъ спорѣ между *нативизмомъ*, утверждающимъ существованіе постоянныхъ связей между опредѣленными точками сѣтчатокъ (такъ-наз. «соотвѣтствующія точки»), и между *эмпиризмомъ*, отрицающимъ постоянство этихъ связей. Авторъ въ этомъ спорѣ становится на сторону Геринга (нативиста) и оспариваетъ теорію Гельмгольца (эмпирика). Онъ приводитъ цѣлый рядъ остроумныхъ соображеній и опытовъ, говорящихъ противъ Гельмгольца. Его взгляды сводятся къ слѣдующему. По опредѣленію Геринга, плоскость, въ которой локализируются всѣ точки, видимыя обоими глазами одиночно, не кажушіяся ни позади, ни впереди фиксируемой точки, можетъ быть названа *основною плоскостью* (Kernfläche). Фиксируемая точка можетъ быть названа *основною точкой* (Kernpunkt) зрительнаго пространства.

Если какая-нибудь видимая нами точка лежитъ передъ, на, или позади основной плоскости, то ея локалізація по отношенію къ основной плоскости (при исключеніи всѣхъ мотивовъ опыта) обуславливается только различіемъ обѣихъ точекъ сѣтчатокъ, на которыхъ лежатъ оптическія изображенія соотвѣтствующихъ внѣшнихъ точекъ,—другими словами, локалізація точки по отношенію къ основной плоскости должна быть понимаема какъ физиологическая функція опредѣленной пары мѣстъ сѣтчатокъ. Въ этомъ смыслѣ, мы можемъ опредѣленной парѣ мѣстъ сѣтчатокъ приписать пространственную величину и утверждать, что

эта пространственная величина постоянна, т.-е. что она присуща этой парѣ мѣстъ сѣтчатокъ независимо отъ смѣны локализациі самой основной плоскости.

Локализациа въ глубину бинокулярно обсьими глазами фиксируемой точки, а вмѣстѣ съ тѣмъ главной плоскости, не опредѣляется возбужденіемъ, но находится въ зависимости отъ схождения зрительныхъ осей и ряда измѣняющихся эмпирическихъ мотивовъ. Локализациа всѣхъ прочихъ бинокулярно одиночно-видимыхъ пунктовъ по отношенію къ основной плоскости зависитъ отъ несоотвѣтствія изображеній сѣтчатокъ и вмѣстѣ съ этимъ есть уже моментъ *первичнаго ощущенія*. Если двѣ точки двухъ сѣтчатокъ такъ связаны другъ съ другомъ, что соотвѣтствующій простой зрительный объектъ лежитъ въ основной плоскости, то это, поскольку дѣло идетъ о локализациі первичнаго ощущенія, происходитъ всегда и при всѣхъ условіяхъ—все равно, измѣняется ли и какъ измѣняется локализациа основной плоскости. *Пространственная величина, которая присуща такой парѣ точекъ сѣтчатокъ, въ этомъ смыслѣ постоянна.*

Вторая статья принадлежитъ Эббинггаузу—«Теорія цвѣтоваго видѣнія» (145—238). Статья эта первоначально была прочитана на психологическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ (1892). Она, по нашему мнѣнію, представляетъ, несомнѣнно, нѣчто новое и явилась какъ разъ во время. По справедливому замѣчанію автора, споръ между двумя самыми знаменитыми теоріями цвѣтового зрѣнія, между теоріей Юнго-Гельмгольцевской и Геринговской, еще до сихъ поръ не разрѣшенъ. Въ самое послѣднее время было весьма трудно отдать предпочтеніе той или другой теоріи. Эббинггаузъ изъ многочисленныхъ данныхъ дѣлаетъ попытку дать новое объясненіе причинъ цвѣтоваго видѣнія. Теорія его, на первый взглядъ напоминающая теорію Геринга, въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ отличается отъ нея. Эббинггаузъ, приведя разнообразныя возраженія противъ теорій Гельмгольца и Геринга, въ слѣдующемъ видѣ формулируетъ свою теорію.

Видѣніе цвѣтовъ происходитъ, благодаря *тремъ* свѣтоощущающимъ веществамъ, находящимся въ самыхъ наружныхъ слояхъ ретины и обладающимъ различною распространенностью, различною свѣтопоглощательною способностью и различною степенью разлагаемости.

Одно изъ нихъ,—*бѣлая субстанція* (Weisssubstanz) распростра-

нена по всей сѣтчаткѣ и въ то же время наиболѣе чувствительна къ свѣту. Она поглощаетъ цвѣтовые лучи почти всего видимаго спектра, главнымъ же образомъ, лучи, обладающіе среднею длиною волнъ. Свѣтъ, поглощенный ею, служитъ къ тому, чтобы разлагать ее. При разложеніи ея освобождается энергія въ формѣ, способной возбуждать нервы; результатъ этого возбужденія обнаруживается въ нашемъ сознаниі, какъ ощущеніе яркости (*ощущеніе бѣлаго* или *сѣраго*). Эта субстанція безпрестанно разлагается посредствомъ внѣшнихъ или внутреннихъ возбужденій и въ то же время безпрестанно возобновляется организмомъ вновь. Для сознанія дѣлаются замѣтными здѣсь, какъ и вообще при другихъ зрительныхъ субстанціяхъ, только процессы *разложенія*, но не *возобновленія*. Въ этомъ пунктѣ теорія Эббингауза отличается отъ теоріи Геринга, по мнѣнію котораго—у насъ существуютъ также особыя ощущенія, соотвѣтствующія процессамъ возобновленія, или, какъ онъ называлъ, *ассимиляціи* вещества.

Вторая субстанція содержится во внѣшнихъ членикахъ такъ называемыхъ, зрительныхъ клѣтокъ (палочкахъ и колбочкахъ). Она не распространяется вплоть до краевъ периферіи сѣтчатки, не такъ чувствительна, какъ бѣлая субстанція, но за то существуетъ въ очень обильномъ количествѣ. Эта субстанція тождественна съ *зрительнымъ пурпуромъ* (*Sehrpurpur*); въ первоначальномъ состояніи она имѣетъ пурпуровый цвѣтъ и существуетъ въ двухъ разновидностяхъ, въ болѣе красной и въ болѣе фіолетовой. Она поглощаетъ лучи *желтокрасные до зеленыхъ лучей*. Определенными лучами и эта субстанція разлагается на послѣдніе продукты разложенія, но не сразу, а сначала превращается въ желтое вещество, а эта *зрительная желтая субстанція* затѣмъ далѣе разлагается посредствомъ лучей, начиная отъ *зеленаго и до фіолетоваго*. Воздѣйствіе этихъ процессовъ на зрительный органъ обнаруживается въ сознаніи двоякимъ образомъ. Прежде всего, при разложеніяхъ зрительнаго пурпура и зрительной желтой субстанціи совершенно такъ же, какъ и при бѣлой субстанціи, освобождается энергія. Это производитъ возбужденіе нервовъ, и его послѣдствія нами въ концѣ концовъ сознаются, какъ ощущенія яркости. Однородныя ощущенія, возникающія въ то же время каждый разъ, какъ разлагается бѣлая субстанція, этимъ только усиливаются. Въ этомъ случаѣ нервное возбужденіе принимаетъ своеобразный характеръ, который можетъ быть названъ, въ из-

вѣстномъ смыслѣ, ритмомъ возбужденія. Ощущеніе яркости, происходящее вслѣдствіе процесса разложенія, пріобрѣтаетъ отъ этого совершенно своеобразный оттѣнокъ, и именно, при разложеніи зрительнаго пурпура получается оттѣнокъ желтаго цвѣта, при разложеніи зрительной желтой субстанціи—оттѣнокъ голубого цвѣта. Оба эти ритма возбужденія не совмѣстны другъ съ другомъ; они имѣютъ нѣчто антагонистическое и взаимно другъ друга разрушаютъ. Если зрительный пурпуръ и желтая зрительная субстанція разлагаются одновременно, т.-е. мы видимъ желтый и голубой цвѣтъ смѣшанными, то одинъ цвѣтовой оттѣнокъ ослабляетъ другой. Голубой и желтый суть поэтому противоположные цвѣта. При извѣстномъ количественномъ отношеніи обоихъ возбужденій хроматическій характеръ ощущенія совершенно пропадаетъ.

Третья субстанція, *красно-зеленая*, находится у человѣка только во внѣшнихъ членикахъ колбочекъ; она имѣетъ поэтому самую ограниченную распространенность, но болѣе легко разложима, чѣмъ зрительный пурпуръ; отъ природы она обладаетъ зеленымъ цвѣтомъ. Физическія свойства этой субстанціи и ея значеніе для зрѣнія нужно представлять совершенно аналогично со свойствомъ и значеніемъ зрительнаго пурпура. При соотвѣтствующемъ освѣщеніи первоначальная зеленая субстанція переходитъ въ красный промежуточный продуктъ. Этотъ продуктъ разрушается далѣе лучами волнъ средней длины. При обоихъ этихъ разложеніяхъ освобождается энергія, воздѣйствіе которой на нервный аппаратъ доходитъ до сознанія какъ ощущеніе яркости. При обоихъ возбужденіе передается на нервъ съ специфическимъ побочнымъ характеромъ, съ особеннымъ ритмомъ, вслѣдствіе котораго ощущеніе яркости пріобрѣтаетъ хроматическій оттѣнокъ. Разложеніе первоначальной субстанціи мы ощущаемъ, такимъ образомъ, какъ *красное*, возбужденіе промежуточнаго продукта—какъ *зеленое*. Оба специфическихъ ритма имѣютъ и здѣсь также нѣчто антагонистическое, другъ друга разрушающее, такъ что при соотвѣтственномъ смѣшеніи краснаго и зеленаго хроматическіе характеры обоихъ ощущеній нейтрализуются, и мы ощущаемъ только сумму ихъ яркостей, какъ бѣлое.

Этимъ, по мнѣнію Эббингауза, объясняются явленія смѣшенія цвѣтовъ, явленія частной и полной цвѣтовой слѣпоты.

Гохэйзенъ: «О мускульномъ чувствѣ у слѣпыхъ» (240—282). Въ понятіе о «мускульномъ чувствѣ» мы вкладываемъ рядъ способностей, которыя даютъ намъ возможность получать свѣдѣнія объ отношеніи частей нашего тѣла другъ къ другу, о положеніи ихъ въ пространствѣ и о сопротивленіяхъ, которыя онѣ встрѣчаютъ при активныхъ движеніяхъ.

Какъ извѣстно, слѣпые должны узнавать положеніе своихъ членовъ при помощи «мускульнаго чувства», которое, по предположенію, должно быть доведено у нихъ до особенно высокой степени. Съ цѣлью опредѣлить состояніе мускульной чувствительности у слѣпыхъ, Гохэйзенъ и предпринялъ рядъ изслѣдованій. Онъ это дѣлалъ посредствомъ особаго прибора, изобрѣтеннаго Гольдшейдеромъ и дающаго возможность отмѣчать даже самыя незначительныя движенія того или другого органа, а слѣдовательно, и сокращенія того или другого мускула.

Изъ результатовъ этихъ изслѣдованій самымъ интереснымъ нужно признать слѣдующій. Слепой имѣетъ болѣе тонкое мѣстное чувство (*Ortsinn*), чѣмъ зрячій (чувствительность *кожи* въ распознаваніи величины раздвиганія ножекъ циркуля въ извѣстныхъ опытахъ Вебера у него тоньше). Разница, однако, не такъ велика, какъ нужно было бы ожидать. Такъ какъ, безспорно, чувство мѣста можетъ быть утончено посредствомъ упражненія, то удивительно, что у слѣпыхъ, несмотря на постоянное употребленіе этого чувства, оно лишь незначительно тоньше, чѣмъ у зрячихъ; двигательное же чувство обнаруживаетъ у нихъ гораздо болѣшую тонкость. Для объясненія этого факта нужно предположить: или что мѣстное чувство, при обыкновенной степени его развитія, вполне достаточно для изслѣдованія слѣпыми предметовъ посредствомъ ощупыванія, или что познание посредствомъ ощупыванія, основывается не на одномъ только этомъ чувствѣ, но еще на какомъ-либо другомъ факторѣ периферической чувствительности, и именно, по всей вѣроятности, на чувствительности *суставовъ*. Какъ стало извѣстно изъ изслѣдованій Гольдшейдера, мы сознаемъ положеніе нашихъ членовъ, благодаря чувствительности, присущей *суставамъ*, а не *мускуламъ*, какъ это предполагалось прежде.

По предположенію автора, слѣпой — въ процессѣ осязанія даже при чтеніи — пользуется не только чувствомъ мѣста (имѣющимъ чисто-осязательный характеръ), но и другими ощущеніями, ко-

торыя обыкновенно принято называть «мускульнымъ чувствомъ». Вслѣдствіе пользованія чувствительностью суставовъ, слѣпой можетъ довести свое познаніе предметовъ, приобретаемое имъ посредствомъ ощупыванія, до удивительной утонченности.

Въ концѣ тома приложена полная библиографія психофизиологической литературы за 1892 годъ (стр. 420—492), которая даетъ возможность ориентироваться въ ней, даже при всей ея разбросанности въ настоящее время.

Е. Челпановъ.

Новыя книги, присланныя въ редакцію:

Вегетаріанская кухня. М. 1894. XXXVI+181+IX стр. Ц. 70 к.

Введенскій, Аленскій. П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды.—Серг. посадъ, 1893. 20 стр. Ц. 25 к. (оттискъ изъ «Богословск. Вѣстн.»).

Его же. Демоніонъ Сократа.—Серг. посадъ, 1893. 35 стр. Ц. 40 к. (отт. изъ журнала «Вѣра и разумъ»).

Его же. О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893. 41 стр. Ц. 40 к. (отт. изъ журнала «Вѣра и Разумъ»).

Его же. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева съ приложеніемъ рѣчи о жизненно-практическихъ принципахъ философа.—Серг. посадъ, 1893. 82 стр. Ц. 60 к.

Его же. Западная дѣйствительность и русскіе идеалы (письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики «Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ».—Серг. посадъ. 1894. 208 стр. Ц. 1 р. (изъ «Богословскаго Вѣстника»).

Его же. Рѣчь передъ защитой диссертации: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М. 1891. 22 стр. Ц. 30 к.

Гауссъ, Бельтрами, Риманъ, Гельмгольцъ, Ли, Пуанкаре. Объ основаніяхъ геометріи. — Изданіе Физико-математическаго Общества къ столѣтнему юбилею Н. И. Лобачевского. Казань. 1892. XVII+121 стр. Ц. 1 р.

Говсъевъ А. А., д-ръ. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ. 1894. II+333 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Громека, М. С. О Л. Н. Толстомъ. Критич. этюдъ по поводу

романа «Анна Каренина». Изд. пятое, дополненное двумя заключительными главами, впервые появляющимися въ печати. М. 1894. 211 стр. Ц. 80 к.

Демковъ. О ходѣ урока и духѣ обученія (оттискъ изъ № 8 Педагогич. Сборника за 1893 г.).

Жиловъ. Ученіе св. отца нашего Іоанна Златоустаго противъ роскоши. Спб. 1894. 96 стр. Ц. 15 к.

Кожевниковъ, В. А. Безцѣльный трудъ, «не-дѣланіе» или дѣло? Разборъ взглядовъ Э. Золя, А. Дюма и гр. Л. Н. Толстого на трудъ. М. 1893. 52 стр. Ц. 20 к.

Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893. LVII+296 стр. Ц. 2 р.

Любошицъ, С. Б. И. С. Тургеневъ. Одесса, 1893. VII+44 стр. Ц. 35 к.

Покровскій, Е. А. д-ръ., Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія молодежи. М. 1893. 40 стр. Ц. 20 к.

Рибо. Различныя формы характера. Перев. съ франц. Д. Н. Стефановскаго. Харьковъ, 1894. 63 стр. Ц. 35 к.

Тонарсній. Международный съѣздъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму въ Парижѣ въ 1889 г. Ц. 10 к. (отг. изъ жур. «Вопросы Философіи и Психологіи»).

Чичеринъ, Б. Н. Основанія логики и метафизики. М. 1894. 367 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Психологическое Общество.

СІХ. Извлеченіе изъ протокола засѣданія 30 октября 1893 года.

Засѣданіе было открыто въ 8¹/₂ час. вечера въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при исполняющемъ обязанности секретаря В. Н. Ивановскомъ, товарищѣ секретаря Н. М. Горбовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: П. В. Безобразова, П. Д. Боборыкина, Н. В. Бугаева, О. П. Герасимова, Н. А. Елеонскаго, Н. А. Звѣрева, П. А. Каленова, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, Н. П. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, Г. И. Россолимо, Ѳ. А. Саввей-Могилевича, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, Е. А. Шмидта и гг. членовъ-соревнователей: А. А. Андреевой и А. В. Павлова. Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Н. Я. Гротомъ прочитанъ былъ «Докладъ» комиссіи по передачѣ съ 1-го ноября 1893 г. журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» въ собственность Психологическаго Общества. По поводу отдѣльныхъ пунктовъ «Доклада» Н. Я. Гротомъ даны были объясненія, а затѣмъ Общество постановило слѣдующія рѣшенія:

1) По ст. 2-й «Доклада»—предоставить ближайшее завѣдованіе всѣми хозяйственными дѣлами журнала двумъ его редакторамъ—проф. Н. Я. Гроту и проф. Л. М. Лопатину, а непосредственное завѣдованіе конторой и ближайшій контроль надъ ея операціями просить принять на себя секретаря редакціи, дѣйств. члена Общества В. Н. Ивановскаго, на что послѣдній изъявилъ свое согласіе.

2) По ст. 3-й «Доклада» постановлено: число членов редакціоннаго по журналу «Вопросы Фил. и Псих.» комитета опредѣлить въ количествѣ пяти и просить войти въ составъ его, помимо двухъ редакторовъ журнала, дѣйств. членовъ Общества: В. П. Преображенскаго, С. С. Корсакова и В. А. Гольцева, какъ специалистовъ по наукамъ философскимъ, біологическимъ и общественнымъ. Остальные три пункта той же статьи приняты безъ измѣненій.

3) По ст. 4-й «Доклада» постановлено: избрать въ ближайшемъ годичномъ распорядительномъ засѣданіи (въ январѣ 1894 г.) ревизионную комиссію для повѣрки въ слѣдующемъ декабрѣ мѣсяцѣ всѣхъ хозяйственныхъ дѣлъ и книгъ журнала, а гг. редакторовъ его—просить четыре раза въ годъ докладывать Обществу (по установившейся традиціи) о ходѣ журнальныхъ дѣлъ.

4) По ст. 6-й «Доклада» рѣшено: поручить совѣту Общества составить проэктъ благодарственнаго адреса дѣйств. члену Общества, издателю журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» А. А. Абрикосову, и предоставить въ распоряженіе совѣта необходимую на выполненіе адреса сумму.

3. Предсѣдателемъ прочтено письмо Харьковскаго проф. философіи Э. А. Зеленогорскаго, въ которомъ онъ предлагаетъ къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества заслуженнаго проф. Харьковскаго Университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики—Ивана Петровича Сокальскаго, а также извѣщаетъ о предстоящемъ въ октябрѣ 1894 г. столѣтнемъ юбилеѣ смерти Г. С. Сковороды, украинскаго философа, и передаетъ просьбу Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества—къ лицамъ, имѣющимъ какія-либо изъ неизданныхъ сочиненій Сковороды, о присылкѣ таковыхъ для предпринимаемаго теперь юбилейнаго собранія его сочиненій.

4. Предложенъ къ баллотировкѣ въ дѣйств. члены Псих. Общества (С. С. Корсаковымъ и Г. И. Россолимо) психіатръ д-ръ Яковъ Алексѣевичъ Боткинъ, отъ котораго получены три брошюры его сочиненія для библіотеки Общества.

5. Произведена была баллотировка въ дѣйств. члены Общества лицъ, предложенныхъ въ предыдущемъ засѣданіи. Избраны: П. Н. Милюковъ (всѣми 19 голосами), В. А. Вагнеръ (18 противъ 1) и З. А. Горская (19 голосами).

6. Предсѣдатель сообщилъ, что имъ послана отъ имени Мо-

сковскаго Психологическаго Общества телеграмма Казанскому Математическому Обществу, по поводу празднованія имъ 100-лѣтняго юбилея дня рожденія геометра Лобачевскаго, и что имъ выражено привѣтствіе дѣйств. члену Псих. Общества Льву Ивановичу Поливанову на празднованіи 25-лѣтія его гимназіи.

7. Былъ возбужденъ вопросъ о способѣ публикованія во всеобщее свѣдѣніе (въ жур. «Вопр. Фил. и Псих.») протоколовъ засѣданій Общества. Рѣшено печатать «Извлеченія изъ протоколовъ», опуская все неинтересное для публики, а затѣмъ помѣщать отдѣльно «Изложенія преній», происходящихъ на засѣданіяхъ, предваряя ихъ краткой передачей содержанія читанаго въ засѣданіи доклада, или «положеніями» докладчика.

9. Дѣйств. членъ П. Д. Боборыкинъ прочелъ докладъ «Формулы и термины въ области прекраснаго».

10. Въ преніяхъ принимали участіе дѣйств. члены: А. А. Токарскій, О. П. Герасимовъ, Г. А. Рачинскій, Л. М. Лопатинъ, С. С. Корсаковъ, Н. А. Звѣревъ и В. Н. Ивановскій. Засѣданіе закрыто въ 12 час. вечера.

Извлеченіе изъ доклада комиссіи по передачѣ съ 1-го ноября 1893 г. журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ въ собственность Психологическаго Общества.

Членами означенной комиссіи состояли: Н. А. Звѣревъ, В. П. Преображенскій, С. С. Корсаковъ, В. А. Гольцевъ и Л. М. Лопатинъ.

Въ засѣданіи 23 октября 1893 года, комиссія, при участіи редактора журнала, Н. Я. Грота, постановила слѣдующее:

1. Довести до свѣдѣнія Общества, что уполномоченные имъ въ засѣданіи 16 октября сего года лица, дѣйств. члены Общества: С. С. Корсаковъ, В. А. Гольцевъ и В. Н. Ивановскій заключили 21-го сего октября съ издателемъ журнала А. А. Абрикосовымъ нотаріальный договоръ о передачѣ права изданія журнала съ 1-го ноября 1893 года и навсегда въ собственность Московскаго Психологическаго Общества, и что тѣ же лица 25-го сего октября приняли отъ А. А. Абрикосова въ собственность Общества пожертвованные ему А. А. Абрикосовымъ экземпляры журнала за прежніе годы по особому списку, при семъ прилагаемому, и въ завѣдованіе Общества находящіяся на комиссіи

при конторѣ журнала: изданія журнала, Труды Психологическаго Общества и философскія сочиненія постороннихъ лицъ, причемъ наличность книгъ оказалась, согласно съ квитанціями, вѣрной, а на отданные въ книжные магазины экземпляры имѣются на лицо коммисіонныя квитанціи этихъ магазиновъ.

2. Просить Общество предоставить ближайшее завѣдованіе всѣми хозяйственными дѣлами журнала двумъ редакторамъ его: проф. Н. Я. Гроту и проф. Л. М. Лопатину, а непосредственное завѣдованіе конторой и ближайшій контроль надъ ея операціями поручить секретарю редакціи, дѣйств. члену общества В. Н. Ивановскому. Относительно способовъ руководства дѣлами конторы гг. редакторы войдутъ съ нимъ въ соглашеніе непосредственно.

3. Просить Общество подвергнуть въ ближайшемъ засѣданіи обсужденію вопросъ о будущемъ составѣ и обязанностяхъ редакціоннаго комитета журнала, имѣющаго приступить къ отправленію своихъ обязанностей съ 1-го ноября сего года. При этомъ коммисія выражаетъ слѣдующія желанія: 1) чтобы число лицъ комитета въ виду выхода изъ него прежняго издателя А. А. Абрикосова и его уполномоченнаго, казначея Общества Н. А. Абрикосова, а также ради удобства веденія редакціоннаго дѣла, было уменьшено до пяти, а именно: двухъ редакторовъ журнала и еще трехъ лицъ которыя являлись бы представителями: а) наукъ философскихъ, б) наукъ физико-математическихъ, в) наукъ социальныхъ и юридическихъ; 2) чтобы впредь всѣмъ членамъ редакціоннаго комитета доставлялись для просмотра статьи, предполагаемыя редакторами для напечатанія въ журналѣ, въ рукописяхъ или гранкахъ, съ обозначеніемъ срока, къ которому онѣ должны быть возвращены въ контору редакціи, и съ условіемъ, что въ случаѣ невозвращенія статьи къ намѣченному сроку, редакторы будутъ имѣть право печатать (или отвергать) такія статьи безъ дальнѣйшихъ сношеній съ членами комитета. Срокъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ, двухдневный—для статей, не относящихся къ специальности члена комитета, и семидневный—для статей, входящихъ въ область его специальности, причемъ статьи квалифицируются какъ «спеціальныя» и «неспеціальныя»—редакторами журнала; 3) рѣшеніе вопроса о составѣ отдѣльныхъ книжекъ журнала и о порядкѣ въ нихъ статей должно быть всецѣло предоставлено редакторамъ, а въ случаѣ ихъ разногласія—редакціонному комитету; 4) вопросъ о размѣрѣ гонорара за статьи долженъ быть

также предоставленъ рѣшенію редакторовъ журнала, а въ случаѣ какихъ-либо затрудненій—редакціонному комитету. Прежнія правила относительно этого, печатавшіяся на обложкѣ журнала, должны быть соотвѣтственно переработаны.

4. Просить Общество (по предложенію Н. Я. Грота и Л. М. Лопатина) объ избраніи имъ въ ближайшемъ годичномъ распорядительномъ засѣданіи, въ январѣ 1894 г., ревизіонной комиссіи для провѣрки въ декабрѣ мѣсяцѣ всѣхъ хозяйственныхъ дѣлъ и книгъ журнала и о порученіи редакторамъ его, по установившейся традиціи, четыре раза въ годъ докладывать Обществу о ходѣ дѣлъ журнала.

5. (Статья доклада касается мелкихъ хозяйственныхъ дѣлъ журнала).

6. Комиссія предлагаетъ Психологическому Обществу выразить благодарность дѣйствительному члену Общества А. А. Абрикосову поднесеніемъ адреса, подписаннаго всѣми членами Общества, сочувствующими дѣлу изданія журнала и находящимися въ Москвѣ.

СХ. Извлеченіе изъ протокола засѣданія 13-го ноября 1893 г.

Засѣданіе было открыто въ 8^{1/2} час. вечера въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при исполняющемъ обязанности секретаря В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. А. Абрикосова, Н. А. Абрикосова, Я. А. Боткина, Н. В. Бугаева, В. Р. Буцке, А. С. Бѣлкина, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, Н. П. Постовскаго, Н. И. Ржондковскаго, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго и члена-соревнователя В. Н. Фаминскаго.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.
2. Предсѣдатель сообщилъ:

1) О смерти Дмитрія Аркадьевича Столыпина, пожертвовавшаго Обществу въ 1889 г. первую премію за сочиненіе по философіи и давашаго издававшемуся при участіи Общества журналу субсидію въ 1.000 р. на покрытіе дефицита за первый годъ изданія. Члены Общества почтили память покойнаго вставаніемъ.

2) О томъ, что, по соглашенію съ конторой «Энциклопедическаго Словаря», издаваемого въ Петербургѣ Брокгаузомъ и Эфро-

номъ, подписчики журнала «Вопр. Фил. и Псих.», подписывающиеся на этотъ «Словарь» черезъ контору журнала, пользуются уступкой въ 10⁰/₀ съ объявленной цѣны выпусковъ «Словаря» (3 р.), которыхъ до сихъ поръ вышло 20.

3. Предсѣдателемъ доложена бумага отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, препровождающая въ Москов. Психолог. Общество два экземпляра (для редакціи и для типографіи) установленнаго разрѣшенія на изданіе Психологическимъ Обществомъ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» безъ предварительной цензуры.

4. Произведена баллотировка въ дѣйствительные члены Общества лицъ, предложенныхъ на предыдущемъ засѣданіи. Избраны: Иванъ Петровичъ Сокальскій и докторъ Яковъ Алексѣевичъ Боткинъ (оба 11 голосами противъ одного).

5. Дѣйствительный членъ В. Р. Буцке прочелъ рефератъ, озаглавленный: «Анализъ условій мѣста и времени при ассоціаціи идей».

6. Происходили пренія по поводу реферата, въ которыхъ приняли участіе: А. А. Токарскій, Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, С. С. Корсаковъ и Н. В. Бугаевъ.

Засѣданіе закрыто въ 11¹/₂ час. вечера *).

СХІ. Извлеченіе изъ протокола засѣданія 11-го декабря 1893 г.

Засѣданіе открыто въ 8¹/₂ час. вечера подъ предсѣдательствомъ исправляющаго должность товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина, при исполняющемъ должность секретаря В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйств. членовъ: Н. А. Абрикосова, А. В. Адольфа, П. Д. Боборыкина, Я. А. Боткина, Н. В. Бугаева, В. Р. Буцке, П. В. Безобразова, М. В. Безобразовой, В. Е. Гиацинтова, Н. А. Звѣрева, Н. А. Иванцова, М. С. Корелина, П. А. Каленова, С. С. Корсакова, И. Ф. Огнева, Г. А. Рачинскаго, Н. И. Ржондковскаго, А. А. Токарскаго и член.-соревнов. А. Θ. Гартвига и А. С. Гончаровой.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Исправляющій должность секретаря Общества В. Н. Ивановскій передалъ свою должность вернувшемуся изъ-за границы

*) Изложеніе преній, происходившихъ по поводу рефератовъ П. Д. Боборыкина и В. Р. Буцке, будетъ дано въ слѣдующей книгѣ журнала.

секретарю Общества Н. А. Иванцову, который и приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей.

3. Доложены благодарственные письма проф. Харьковскаго университета И. П. Сокальскаго и В. А. Вагнера за избраніе ихъ въ дѣйств. члены Общества.

4. Полученъ отчетъ мѣстнаго распорядительнаго комитета, организованнаго Физико-Математическимъ Обществомъ въ Казани для составленія капитала имени Н. И. Лобачевского.

5. По предложенію предсѣдателя Общества и редактора «Вопр. Философ. и Псих.» Н. Я. Грота (доложенному Л. М. Лопатинымъ), Общество обратилось къ дѣйств. члену А. А. Абрикосову съ просьбой принять участіе въ веденіи ревизіи по денежнымъ дѣламъ означеннаго журнала, на что А. А. Абрикосовъ выразилъ свое согласіе.

6. Л. М. Лопатинъ заявилъ Обществу, что Н. Я. Гротъ по болѣзни читать своего реферата, назначеннаго на это засѣданіе, не можетъ, и предложилъ желающимъ изъ членовъ Общества высказать свои мнѣнія по поводу тезисовъ Н. Я. Грота.

Въ обсужденіи послѣднихъ приняли участіе дѣйств. члены: П. Д. Боборыкинъ, Л. М. Лопатинъ, Г. А. Рачинскій, В. Р. Буцке и Н. А. Звѣревъ.

Засѣданіе закрыто въ 10¹/₂ час. вечера.

Тезисы Н. Я. Грота

по вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи.

1. Параллелизмъ психическихъ и физическихъ явленій существуетъ лишь въ самой общей формѣ, а именно, въ томъ смыслѣ, что психическія явленія въ предѣлахъ индивидуальной душевной жизни организма сопровождаются извѣстными физиологическими измѣненіями, и физиологическія измѣненія въ организмѣ въ свою очередь отражаются различными впечатлѣніями на душевной жизни индивидуальнаго существа.

2. Но говорить о параллелизмѣ въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ и даже въ какомъ-либо конкретномъ смыслѣ невозможно. Категоріи душевной жизни и внутренняго опыта безусловно противоположны категоріямъ физическаго существованія и внѣшняго опыта. Подчиненность душевной жизни категоріямъ

чувственнаго воспріятія внѣшней дѣйствительности, т. е. матеріальныхъ предметовъ и ихъ движеній, не доказана.

3. Вообще, легче доказать, что весь міръ, включая матерію, мозгъ и нервную систему, есть совокупность ощущеній и представленій души, чѣмъ доказать полный параллелизмъ физической и душевной жизни, который для настоящаго психолога есть лишь координація однихъ воспріятій (о мірѣ и матеріи, т.-е. внѣшнихъ) съ другими (внутренними).

4. Можно говорить о параллелизмѣ и соотвѣтствіи всѣхъ ощущеній человѣка между собою, но не о параллелизмѣ душевныхъ состояній съ явленіями, которыя познаются нами только чрезъ ощущеніе, а сами по себѣ (т.-е. не какъ явленія нашего духа) намъ совершенно неизвѣстны и недоступны и «внѣ ощущеній» для насъ не существуютъ.

5. Ученіе о параллелизмѣ душевныхъ состояній и фізіологическихъ процессовъ всегда скрываетъ за собою убѣжденіе въ полной зависимости душевныхъ явленій отъ анатомическихъ и фізіологическихъ, т.-е. матеріальныхъ, условій, — убѣжденіе, враждебное психологіи въ настоящемъ значеніи слова, ибо оно отрицательно предрѣшаетъ вопросъ о самобытности и независимости духовнаго начала и подразумѣваетъ реальное бытіе матеріи и міра въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ воспринимаемъ нашими чувствами.

6. Слѣдуетъ говорить не о параллелизмѣ, а о взаимномъ соотношеніи и взаимной зависимости духовнаго и фізическаго существованія человѣка, насколько это послѣднее становится доступнымъ нашему познанію чрезъ особый разрядъ нашихъ же ощущеній, внѣшнихъ и органическихъ.

7. Изученіе этого соотношенія и взаимной зависимости составляетъ предметъ *психофізіологіи*, на ряду съ которою чистая *фізіологія* столь же мало утрачиваетъ свою независимость, какъ и *чистая психологія*, т.-е. изученіе душевной жизни *внѣ* всякихъ соотношеній ея съ фізіологическими процессами, — подобно тому, какъ органическая, или фізіологическая химія не уничтожаетъ самостоятельности задачъ химіи и фізіологіи, — какъ математическая физика не устраняетъ необходимости отдѣльныхъ наукъ математики и физики, и проч.

8. Психофізіологія не открываетъ ни истиннаго содержанія, ни законовъ самой душевной жизни человѣка, изучаемыхъ соб-

ственно психологіей. Она составляет только вступительную главу психологіи, необходимый для полноты знаній мостъ, перекинутый отъ низшей науки—физиологіи—къ высшей, психологіи, чрезъ пропасть, ничѣмъ не заполнимую, если только не признать все существующее «исключительно нашимъ представленіемъ».

9. Поэтому вопросъ о самостоятельности и самобытности душевной жизни есть основной вопросъ психологіи, и изгонять его изъ психологіи въ область метафизики, которая сама всецѣло основана на «психологіи идей чловѣка, теоріи ихъ происхожденія и, соотвѣтственно этому, объективной цѣнности», значитъ извращать задачи психологіи и лишать ее главнаго орудія для рѣшенія самыхъ основныхъ ея проблемъ.

Письмо въ редакцію.

Въ виду неточной передачи въ 18 кн. «Вопросовъ философіи и психологіи» содержанія моего реферата, читаннаго въ Обществѣ 13 марта 1893 года, надѣюсь, редакція не откажетъ помѣстить приложенные при семъ тезисы, въ которыхъ выражена сущность моего сообщенія. Мое пребываніе за границей мѣшало мнѣ сдѣлать это ранѣе.

Москва
1893. XII. 23.

Съ полнымъ уваженіемъ
Николай Иванцовъ.

Тезисы къ реферату д. чл. Н. А. Иванцова.

«Четыре метода» Милля.

1. Индукціей Милль называетъ всѣ процессы мысли, въ которыхъ послѣдними посылками служатъ частности, т. е. данныя чувственнаго опыта, все равно заключаемъ ли мы отъ частнаго къ формулѣ общей (индукція въ узкомъ смыслѣ), или, согласно этой формулѣ, отъ частнаго къ другимъ частностямъ (дедукція).

2. Если всѣ утвержденія, въ основѣ которыхъ лежатъ данныя чувственнаго опыта, суть наведенія, изъ этого еще не слѣдуетъ что наведеніе есть все, что въ умѣ творится.

3. Главный предметъ индуктивнаго изслѣдованія состоитъ въ открытіи причинныхъ отношеній между явленіями.

4. Къ непосредственному открытію причинныхъ отношеній между явленіями (безъ помощи дедукціи изъ предшествующихъ

индукцій) ведетъ только экспериментъ (опытъ искусственный), а не простое наблюденіе.

5. Методовъ экспериментальнаго изслѣдованія причинъ явленій существуетъ четыре, а именно: методы согласія, различія, остатковъ и сопутствующихъ измѣненій.

6. Въ основѣ этихъ методовъ лежатъ слѣдующія правила: 1) Если два или болѣе случая изслѣдуемаго явленія согласны только въ одномъ какомъ-либо обстоятельстве, то обстоятельство, въ которомъ одномъ всѣ эти случаи согласны, и есть *причина* (или *дѣйствіе*) даннаго явленія. 2) Если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе происходитъ, и случай, въ которомъ оно не происходитъ, сходны во всѣхъ обстоятельствахъ, кромѣ одного, встрѣчающагося только въ первомъ, то обстоятельство, въ которомъ оба случая различны, и есть *дѣйствіе*, или *причина*, или необходимая часть причины, даннаго явленія. 3) По отвлеченіи отъ какого-либо явленія той части, которая по предварительнымъ индукціямъ оказалась дѣйствіемъ извѣстныхъ antecedentовъ, оставшая часть явленія будетъ *дѣйствіемъ* остающихся antecedentовъ. 4) Явленіе, измѣняющееся согласно измѣненію другого явленія, есть или *причина* или *дѣйствіе* этого явленія, или связано съ нимъ какою-либо причинною связью.

7. Эти методы, какъ ясно изъ ихъ правилъ, ведутъ къ открытію причинныхъ отношеній между явленіями и ни къ чему другому.

8. Это суть методы *экспериментальнаго* изслѣдованія, ибо простое наблюденіе не въ состояніи доказать причинной связи. Милль такъ и называетъ ихъ «четырьмя методами *экспериментальнаго* изслѣдованія».

9. Ясно, что «четыре метода» не могутъ быть методами *всякой* индукціи безъ различія частнаго содержанія.

10. Къ противоположнымъ утвержденіямъ дали поводъ слѣдующія фразы Милля: 1) о теоремѣ, что двѣ прямыя линіи не способны замыкать пространства, Милль говоритъ, что это есть правильное индуктивное заключеніе «*conformable to the method of concomitant variations*»; 2) что четыре метода «*are the only possible modes of experimental inquiry*».

11. Но 1) слово «*conformable*» значитъ просто «сообразный», а не «сдѣланный по»; (иначе фразу: «We have the law of conservation of energy conformable to the law of conservation of energy»

matters»—пришлось бы перевести такъ: мы имѣемъ законъ сохраненія энергіи, сдѣланный по закону сохраненія вещества).

2) Слово «*experimental*» значитъ именно «*экспериментальный*», а не просто «опытный» въ широкомъ смыслѣ слова.

12. Нельзя доказывать несостоятельности математическихъ теорій Милля неприложимостью къ математическимъ положеніямъ четырехъ методовъ экспериментальнаго изслѣдованія причинъ явленій. Ибо, если математическія положенія, согласно Миллю, не имѣютъ ничего общаго съ утвержденіями причинной связи, то и говорить о приложимости къ нимъ «четырехъ методовъ» не имѣетъ смысла.

Новая книга Б. Н. Чичерина.

Передъ нами новый замѣчательный трудъ Б. Н. Чичерина— «Основанія логики и метафизики» (Москва, 1894 г.), въ которомъ нашъ уважаемый мыслитель въ необычайно сжатой и строго логической формѣ развиваетъ основы своей философіи. Книга посвящается «молодымъ русскимъ философамъ, какъ наслѣдіе поколѣній, занимавшихся философіей въ нашемъ отечествѣ». Почитатели Б. Н. согласятся, что его полувѣковая неутомимая дѣятельность на поприщѣ русской мысли даетъ ему право на такое посвященіе. Въ его книгѣ мы находимъ развитіе тѣхъ философскихъ идеаловъ, которые одушевляли нашихъ литературныхъ дѣятелей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, — это первое поколѣніе мыслящихъ русскихъ людей, среди котораго философія получила жизненный интересъ и значеніе. Одинъ изъ младшихъ дѣятелей этой плодотворной эпохи русскаго просвѣщенія, Б. Н. Чичеринъ доселѣ является живымъ представителемъ ея, вѣрнымъ хранителемъ ея завѣтовъ. Онъ пережилъ не мало глубокихъ перемѣнъ въ общественной мысли нашей, видѣлъ не мало измѣненій въ умственныхъ и политическихъ движеніяхъ Европы. Но онъ не смущался никакими разрушительными и реакціонными движеніями, какъ бы могущественны они ни казались, — и сохранилъ идеалы своей юности, свою свѣтлую вѣру въ разумъ и право, свою непоколебимую увѣренность въ ихъ грядущемъ торжествѣ. Эта увѣренность не была выводомъ холоднаго рачіонализма, но живымъ вѣрованіемъ въ разумныя начала человѣческой мысли и жизни. То былъ широкій идеализмъ, признающій конечную гармонию разума и дѣйствительности.

Безъ такого идеализма, безъ такой вѣры невозможна никакая

осмысленная плодотворная дѣятельность ни въ области мысли, ни въ области общественной, невозможно стремиться ни къ разумному пониманію дѣйствительности, ни къ осуществленію въ ней разумныхъ идеаловъ правды и добра.

Въ глубокомъ идеализмѣ, умственномъ и нравственномъ, лежитъ источникъ той необычайной энергіи мысли, съ которой Б. Н. Чичеринъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ трудился надъ построениемъ своей философской системы. Несмотря на многочисленные голоса, призывавшіе за всю эту эпоху къ созиданію самобытной русской философіи, которая должна была, какъ нагая истина, явиться сама собою изъ кладезя народной мудрости и воцариться надъ развалинами «западной» науки,—система «западника» Б. Н. Чичерина есть до сихъ поръ единственная цѣльная и законченная философская система, созданная въ Россіи, система, отличающаяся внутреннимъ и формальнымъ единствомъ, обнимающая энциклопедически всѣ области человѣческаго вѣдѣнія *).

Въ этомъ отношеніи строго систематической трудъ Б. Н. является особенно поучительнымъ для тѣхъ молодыхъ русскихъ философовъ, которымъ онъ его завѣщаетъ. Если недостаточно имѣть систему, когда нѣтъ мыслей, нѣтъ оригинальнаго философскаго содержанія, то недостаточно имѣть оригинальныя философскія мысли и нѣкоторый литературный талантъ, чтобы создать философію, имѣющую научное значеніе. Взятая сами по себѣ, въ своей связи съ логическимъ цѣлымъ человѣческой мысли,—такія отдѣльныя, «оригинальныя идеи» становятся часто ложными и недостаточными. Тамъ, гдѣ подобныя мысли не допускаютъ систематизации, онѣ, очевидно, неясны, сбивчивы, неполны, противорѣчивы: связать ихъ, продумать ихъ систематически значитъ убѣдиться въ этомъ. Но отъ такой провѣрки никакой мыслитель уклоняться не долженъ, и тамъ, гдѣ онъ вѣритъ въ свои идеи, ему нечего бояться такой провѣрки. Наше знаніе должно быть логично и положительно въ своемъ цѣломъ. Привести въ систему наши отдѣльныя знанія, продумать систематически наше міросозерцаніе значитъ прежде всего—подчинить его систематической провѣркѣ, рассмотреть, насколько оно соотвѣтствуетъ

*) Философія В. С. Соловьева, несмотря на свою художественную цѣлности и необычайный логическій талантъ ея автора, еще не получила законченнаго выраженія.

логическимъ требованіямъ разума и основнымъ началамъ положительнаго знанія.

Правда, и недовѣріе къ системамъ имѣетъ свое основаніе.

Утомленная множествомъ метафизическихъ построеній, воздвигавшихся и падавшихъ другъ за другомъ, современная мысль извѣрилась въ системахъ. Системы абсолютнаго знанія быть не могутъ; нашъ умъ ограниченъ, наши знанія развиваются. Система абсолютнаго знанія есть только вѣчное требованіе, идеалъ нашего разума. Построяя наше міросозерцаніе по образу этого идеала, мы невольно обольщаемъ себя: мы поступаемъ такъ, какъ будто наше положительное знаніе полно, и искажаемъ дѣйствительность нашимъ одностороннимъ пониманіемъ; или же мы поступаемъ такъ, какъ будто наше пониманіе дѣйствительности вполне рационально, и скрываемъ отъ себя логическія противорѣчія, антиноміи нашихъ основныхъ понятій. Подобные упреки, по всей вѣроятности, будутъ сдѣланы и ученію Б. Н. Чичерина, которое можно бы назвать «философіей абсолютнаго систематизма». Основная задача его состоитъ въ томъ, чтобы, «разложивъ предметъ на составные элементы, построить ихъ такъ, чтобы они подходили подъ логическую схему», причемъ не только построеніе, но иногда и самый анализъ опредѣляется такою задачей и подчиняется отвлеченному схематизму.

Но пусть стремленіе ограничить человѣческое знаніе какою-либо одной системой есть неудачная попытка *). Это не упраздняетъ логическаго требованія системы и не освобождаетъ философа отъ обязанности если не систематическаго изложенія своихъ мыслей, то во всякомъ случаѣ отъ систематическаго мышленія, которое есть научное мышленіе. Систематизація знаній и философскаго міросозерцанія возможна не иначе, какъ посредствомъ опредѣленія основныхъ началъ опыта и знанія, т. е. посредствомъ научной разработки логики и метафизики. Эта мысль была съ большою силой высказана Б. Н. въ его сочиненіи—«Единство науки и положительная философія», извѣстномъ читателямъ нашего журнала. Она же развивается и въ настоящемъ трудѣ нашего

---

*) Подобную попытку, во всякомъ случаѣ, нельзя приписывать нашему уважаемому мыслителю, который не думаетъ скрывать отъ себя, что предпринятая имъ задача систематизація человѣческаго знанія «превышаетъ силы отдѣльнаго человѣка» (10).

мыслителя. Мы приведемъ тѣ краснорѣчивыя слова, въ которыхъ онъ самъ характеризуетъ свою задачу.

«Девятнадцатый вѣкъ представляетъ, относительно метафизики, два совершенно противоположныхъ теченія. Первая его половина отличалась такимъ увлеченіемъ метафизическими началами, подобное которому едва ли можно найти въ исторіи мысли. Система возникла за системою, одна глубже и величественнѣе другой. Кажется, мысль проникла во всѣ тайны бытія и все свела къ высшему, вытекающему изъ разума единству. И вдругъ, на этой высотѣ, произошелъ поворотъ. Мысль приняла обратное движеніе. Метафизика была отвергнута, какъ негодный хламъ; единственнымъ источникомъ познанія признанъ былъ опытъ.

«Люди, знакомые съ исторіею развитія человѣческаго мышленія, не могли сомнѣваться въ томъ, что эта новая односторонность будетъ столь же недолговѣчна, какъ и первая. Легкомысленные поклонники настоящей минуты могли считать исключительный эмпиризмъ послѣднимъ словомъ науки и видѣть въ метафизикѣ отжившую точку зрѣнія, окончательно сланную въ архивъ; для болѣе глубокаго и основательнаго взгляда, это было не болѣе какъ временное увлеченіе, за которымъ должна была послѣдовать новая реакція. И точно, эта реакція теперь наступаетъ. Чистый эмпиризмъ далъ все, что онъ могъ дать. Оказалось, что не только онъ совершенно неспособенъ свести къ единству противоположныя явленія мысли и матеріальнаго бытія, не только въ области внутренняго опыта онъ приводитъ къ полному извращенію явленій и послѣдовательно къ отрицанію самой логики, но даже въ той сферѣ, гдѣ онъ празднуетъ величайшія свои побѣды, въ области матеріальныхъ явленій, онъ самъ не можетъ обходиться безъ метафизическихъ началъ и, вмѣсто отрицанія, приводитъ къ ихъ подтвержденію. Понятія о матеріи, о силѣ, объ атомахъ, о потенциальномъ и дѣятельномъ состояніи, о законѣ, какъ владычествующей въ мірѣ необходимости, суть понятія метафизическія, и опытная наука не только ихъ не отвергаетъ, а, напротивъ, полагаетъ ихъ въ основаніе всѣхъ своихъ выводовъ.

«При такихъ результатахъ, не мудрено, что мыслители различныхъ народностей и направленій начинаютъ обращаться къ метафизикѣ, ожидая отъ нея высшаго объединенія человѣческаго знанія. Это—знаменье времени; въ немъ выражается сознаніе недостаточности односторонней точки зрѣнія и требованіе исхода.

До сих поръ, однако, это сознаніе остается однимъ чаяніемъ. Для того, чтобы оно стало научнымъ началомъ, надобно, чтобы сама метафизика сдѣлалась положительною наукою, имѣющею свои вполне достовѣрныя основанія и свои совершенно твердые пути. Недостаточно говорить о необходимости метафизики: надобно представить ее какъ неотразимый фактъ. Матеріалы для этого научнаго построенія существуютъ въ изобиліи; ихъ доставляетъ исторія философіи въ своемъ всемірномъ развитіи. Но необходимо эти матеріалы разработать, отдѣлить въ нихъ существенное отъ несущественнаго, прочное отъ преходящаго, и свести ихъ къ единству, согласному съ современными требованіями.

«Такова неустранимая задача, которая предстоить современнымъ философамъ, — задача, безъ исполненія которой мысль не подвинется ни на шагъ. Но какъ приняться за разработку метафизики, не утвердивъ предварительно логики на непреложныхъ началахъ?... Казалось бы, относительно послѣдней, между людьми, стоящими на твердой научной почвѣ, не должно существовать разногласія. Въ самомъ дѣлѣ, возможна ли какая-нибудь точная и достовѣрная наука безъ твердыхъ логическихъ основаній?... И эта наука можетъ быть изслѣдована совершенно точнымъ и достовѣрнымъ образомъ, ибо предметъ ея дается непосредственнымъ самосознаніемъ мысли, которая, познавая вещи, сознаетъ при этомъ свои способы дѣйствія и свои пути. Всякое пріобрѣтенное человѣкомъ достовѣрное знаніе служить живымъ выраженіемъ логическихъ законовъ, а потому съ перваго взгляда можетъ показаться, что тутъ для сомнѣнія нѣтъ мѣста. А, между тѣмъ, на дѣлѣ мы видимъ не то. Именно, эта основная наука подвергается такимъ разнорѣчивымъ толкованіямъ и такимъ изумительнымъ искаженіямъ, какъ никакая другая. Формально она не отвергается, какъ метафизика; но по существу она отрицается всею школой чистыхъ эмпириковъ. Ибо что такое ученіе всей англійской школы, съ Миллемъ и Бэнномъ во главѣ, какъ не отрицаніе всякаго логическаго начала и низведеніе разума на степень чистой бессмыслицы? Когда положеніе, что двѣ величины, равныя третьей, равны между собою, выводится изъ привычки, пріобрѣтаемой ежедневнымъ опытомъ, то что же остается для логической дѣятельности? Разумъ не только перестаетъ быть дѣятельною силой и превращается въ чистую доску; онъ становится просто нулемъ. Внѣшнія впечатлѣнія, получившія фиктивную самостоятельность подъ

заманчивымъ прозвищемъ факта, таинственнымъ образомъ сходятся и расходятся въ пустой средѣ, именуемой человѣческою мыслью, и производятъ безсмысленныя сочетанія, которыя, въ силу привычки, укореняются и воспроизводятся въ другихъ подобныхъ же случаяхъ. При такомъ полномъ отрицаніи всякаго разумнаго начала, то есть, начала, вытекающаго изъ разума, какъ таковаго, мудрено ли, что всѣ логическія дѣйствія получаютъ совершенно превратный видъ? Самая математика выдается за науку, получающую свои начала изъ опыта и дѣйствующую путемъ наблюденія вырабатывающихся изъ опыта умственныхъ представленій, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности въ ней нѣтъ ни едиаго опытнаго начала и всѣ ея дѣйствія чисто умозрительныя. Эмпирическая логика, отвергающая всякій умозрительный элементъ, въ сущности, есть отрицаніе логики... Вундтъ справедливо замѣтилъ, что ассоціацію представленій, не руководимыхъ никакимъ разумнымъ началомъ, въ томъ видѣ, какъ она является у эмпириковъ, лучше всего наблюдать въ бреду сумасшедшаго»...

Не многимъ выше ставить авторъ и нѣмецкую школу.

«При такомъ положеніи вещей остается перестроить логику заново»— такова задача, рѣшенію которой авторъ, по возможности, стремится способствовать въ своемъ настоящемъ сочиненіи.

Въ краткомъ библиографическомъ отчетѣ мы не можемъ излагать необыкновенно содержательную, глубоко задуманную книгу Б. Н. Несмотря на мастерскую ясность и математическую сжатость формы, къ которой онъ выражаетъ свои мысли, мы нерѣдко жалѣемъ о краткости отдѣльныхъ параграфовъ, иногда потому, что чрезвычайно сочувствуемъ ихъ содержанію и желали бы болѣе подробнаго ихъ развитія, иногда, наоборотъ, потому, что заключающіяся въ нихъ опредѣленія кажутся намъ необоснованными. Читатель, правда, можетъ найти желаемыя разьясненія въ другихъ произведеніяхъ нашего философа. Но именно въ виду систематичности и отвлеченности изложенія желательно было бы имѣть ихъ въ самомъ текстѣ. Мы думаемъ, что трудъ читателя былъ бы значительно облегченъ, еслибы почтенный авторъ рѣшился нѣсколько увеличить объемъ своей книги. Краткость чувствуется и въ самыхъ полемическихъ примѣчаніяхъ, столь удачно иллюстрирующихъ мысль автора: нѣкоторыя изъ нихъ слѣдовало бы развить или выпустить вовсе, такъ какъ иначе они могутъ показаться голословными.

Подробный критическій разборъ книги Б. Н. потребовалъ бы развитія цѣлой системы логики и метафизики. Мы поневолѣ должны ограничиться лишь нѣсколькими пунктами, имѣющими общее значеніе.

Исходною точкой нашего философа служить «Логика» Гегеля. Онъ считаетъ эту «Логикѣ» непоколебимою въ ея основаніяхъ. Превратить ее въ точную, положительную науку, которая бы разрабатывалась на подобіе математики, «должно составлять ближайшую задачу философіи, и нѣтъ философа, достойнаго этого имени, который могъ бы ее обойти *). Этой-то задачѣ и посвящены «Основанія логики и метафизики». Тѣмъ не менѣе все ученіе Б. Н. значительно разнится отъ философіи Гегеля и содержитъ въ себѣ много элементовъ, ей совершенно чуждыхъ. Капитальный вопросъ объ отношеніи философіи къ религіи, наприм., разрѣшается совершенно иначе, чѣмъ у Гегеля, и, какъ мы полагаемъ, несравненно вѣрнѣе и глубже **). Но въ сферѣ отвлеченной философіи отношеніе Б. Н. къ его великому предшественнику представляется намъ нѣсколько инымъ, чѣмъ ему самому. Онъ продолжаетъ отчасти испытывать его обаяніе даже тамъ, гдѣ онъ самъ правильно указываетъ его недостатки. Въ другихъ отношеніяхъ онъ, напротивъ того, болѣе расходится съ Гегелемъ, чѣмъ самъ предполагаетъ.

Такъ, онъ утверждаетъ и, по нашему мнѣнію, вполне справедливо, что поглощеніе логики метафизикой составляетъ ошибку Гегеля. Самъ Б. Н. пытается различить ихъ и излагаетъ ихъ каждую порознь. Но какъ вяжется съ этимъ утвержденіе, что такое «поглощеніе логики метафизикой привело Гегеля къ неправильнымъ построеніямъ *въ частностяхъ*»***)? Если отдѣлить логику отъ метафизики, то что останется отъ Гегелева панлогизма? Единство логическаго и метафизическаго, тождество чистаго мышленія и бытія есть основное начало философіи Гегеля. Поэтому нельзя признавать, что «Логика» его грѣшитъ только въ частностяхъ и непоколебима въ своихъ основаніяхъ, если отрицать то самое, въ чемъ состоитъ ея основаніе. Съ другой стороны, сохраняя принципиальное согласіе съ Гегелемъ, очевидно, нельзя выдѣ-

*) Единство науки, стр. 330.

**) См. Метаф.ч. III, кн. 2, гл. 2 и извѣстное сочиненіе автора—«Наука и религія». Москва 1879.

***) Стр. 220. Курсивъ нашъ.

лить должнымъ образомъ метафизику изъ логики и логику изъ метафизики. На самомъ дѣлѣ, если вторая часть книги Б. Н., его «метафизика», представляетъ оригинальную переработку Гегелевой *Логики*, то не трудно убѣдиться, что первая часть нашей книги—«логика»—представляется *метафизикой* человѣческаго ума, специальнымъ отдѣломъ метафизики. Существенное отличіе заключается, главнымъ образомъ, въ методѣ и задачахъ изложенія, которое въ «логикѣ» отправляется отъ анализа логическихъ формъ, способностей и законовъ, восходя къ метафизическимъ началамъ опыта и знанія вообще *). Какъ ни естественно стремленіе нашего философа исключить изъ метафизики хотя бы формальную логику, — въ первой части его книги познавательные процессы мысли рассматриваются далеко не съ одной формальной стороны. Въ то же время всѣ реальныя категоріи, или опредѣленія сущаго, сводятся къ чисто-логическимъ формамъ, т.-е. къ логическимъ понятіямъ, законъ причинности непосредственно отождествляется съ закономъ достаточнаго основанія и т. д. Такимъ образомъ, уже въ первой части логическое смѣшивается съ метафизическимъ. Соотвѣтственно тому, критическій вопросъ объ отношеніи логическихъ формъ къ метафизическимъ началамъ, по нашему мнѣнію, не затронуется достаточно глубоко.

Но при такихъ условіяхъ какъ же обособить логику? Нашъ авторъ пытается достигнуть такого обособленія посредствомъ психологіи, но въ результатѣ дѣло отъ этого мало выигрываетъ, хотя и понятіе, и содержаніе логики значительно расширяются. Б. Н. опредѣляетъ логику — какъ науку о мышленіи и даже признаетъ ее частью психологіи въ широкомъ смыслѣ (*Логика, введеніе §§ 1 и 2*), внося въ нее анализъ способностей мышленія и тѣхъ конкретныхъ психологическихъ формъ сознанія (какъ память, чувство, воля), въ которыхъ можетъ присутствовать логическій элементъ. Намъ кажется, однако, что обычное опредѣленіе логики, какъ науки о формахъ познанія, несравненно точнѣе и вполне обособляетъ логику отъ психологіи, — обнимая въ себѣ ученіе о понятіяхъ и о законахъ и методахъ ихъ сочетанія **). Если остаться при этомъ

*) Особенно интересной показалась намъ 4-я часть, ярко выясняющая значеніе метафизическихъ началъ во всемъ человѣческомъ знаніи — математикѣ, естествознаніи, этикѣ и социальныхъ наукахъ.

**) Если логическими процессами и законами опредѣляется не только познаніе истины, но и воля, и само творчество, какъ указываетъ Б. Н., то чистой логикѣ до этого нѣтъ дѣла.

обычномъ и вполнѣ точномъ опредѣленіи логики, нельзя будетъ смѣшивать логическихъ формъ съ психологическими, какъ это дѣлаетъ отчасти нашъ авторъ*),—и придется точнѣе поставить критическій вопросъ объ отношеніи ихъ къ метафизическимъ формамъ или началамъ. Значеніе психологическихъ экскурсовъ въ логикѣ можетъ быть очень спорнымъ. Тамъ же, гдѣ принципиальное разграниченіе между метафизикой и логикой установлено не достаточно строго, анализъ способностей и формъ мышленія легко превращается въ особую метафизику душевныхъ явленій, которую мы и находимъ въ соотвѣтственныхъ главахъ нашей книги. Подобная метафизика, совершенно лишняя въ логикѣ, къ тому же неизбежно односторонняя, такъ какъ психологическія явленія не могутъ исчерпываться логическими отправлениями. Послѣднія не могутъ быть поэтому приняты за основаніе классификаціи душевныхъ явленій—иначе получится совершенно произвольный схематизмъ, искажающій факты. Примѣромъ подобнаго насилуванія фактовъ можетъ служить отдѣлъ объ ощущеніи (кн. I, гл. 2, §§ 3—12), гдѣ авторъ, слѣдуя своей отвлеченной схемѣ, признаетъ въ человѣкѣ всего четыре внѣшнихъ чувства и доказываетъ, что ихъ не можетъ быть ни болѣе, ни менѣе.

Поглощеніе логики метафизикой, можетъ быть, и ошибочно,—но это не помѣшало Гегелю, исходя изъ сознательнаго признанія ихъ единства, создать систему чрезвычайно послѣдовательную. Поэтому мы не можемъ согласиться и на нѣкоторыя частныя поправки гегелевой Логики, предлагаемая нашимъ философомъ. Такъ, наприм., вопреки его мнѣнію, мы думаемъ, что Гегель былъ совершенно правъ, считая чистое отвлеченное понятіе бытія—несравненно болѣе общимъ и абстрактнымъ опредѣленіемъ сущаго, нежели болѣе специфированныя опредѣленія количества. Б. Н. опредѣляетъ количество—какъ «соединеніе и раздѣленіе тождественнаго» и постольку допускаетъ, что количество предполагаетъ нѣкоторое качество—бытіе вообще, съ котораго и начинается Гегель **).

*) Противно общепринятой терминологіи, Б. Н. понимаетъ подъ логическими формами всевозможныя формы сознанія, въ которыхъ можетъ присутствовать логическій элементъ. Въ книгѣ о логическихъ формахъ онъ трактуетъ о впечатлѣніяхъ, ощущеніи, чувствахъ, волѣ, представленіи, творчествахъ и т. д.

**) Б. Н. ссылается на исторію философіи, въ которой мысль развивалась логически: Пифагоръ съ своею философіей числа предшествовалъ элейтамъ

Основная логическая схема Б. Н., которую онъ думаетъ замѣнить Гегелевъ законъ развитія, несмотря на всѣ свои достоинства, также врядъ ли имѣетъ безусловныя преимущества передъ нимъ. Гегель, какъ извѣстно, признаетъ три момента въ развитіи понятій—непосредственное, безразличное единство, его разложеніе или отрицаніе и синтезъ. Вездѣ, гдѣ мы находимъ развитіе какой-либо идеи, мы находимъ эти три момента: сначала она представляется непосредственно, затѣмъ наша рефлексія различаетъ въ ней нѣсколько противоположныхъ опредѣленій, которыми отрицается первоначальное опредѣленіе; наконецъ, мысль снова возвращается къ единству—но не къ прежнему, въ которомъ никакія различія не понимались, а къ единству конкретному, понимающему въ себѣ различіе. Этотъ законъ развитія представляется намъ совершенно вѣрнымъ. Въ исторіи философіи онъ находитъ себѣ на каждомъ шагѣ подтвержденія. И Б. Н., говоря о развитіи метафизики вообще, самъ указываетъ на три ступени, черезъ которыя это развитіе проходило.

Но сознавая, что этотъ законъ развитія не исчерпываетъ собою метафизики, сознавая, что отвлеченно-діалектическое построеніе понятій не даетъ еще совершеннаго пониманія сущаго, нашъ философъ попытался дополнить законъ Гегеля и для этого прибавилъ къ его тремъ моментамъ четвертый. Повидимому, онъ разбилъ второй моментъ Гегеля—моментъ разложенія, на два момента (двѣ противоположности), исходя изъ того вѣрнаго замѣчанія, что Гегель обыкновенно принимаетъ за первый моментъ одну противоположность, а за второй другую (220).

Однако, формула Б. Н. Чичерина имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ законъ развитія его великаго предшественника: именно, изъ закона развитія она превращается въ апіорную схему классификаціи существующаго. Какъ добывается эта схема?

«Дѣйствія разума, говоритъ Б. Н., двояки: соединеніе и раздѣленіе. Всякая логическая операція состоитъ или въ томъ, или въ другомъ, а чаще всего заключаетъ въ себѣ оба вмѣстѣ. Поэтому опредѣленія единства и множества суть основныя начала

съ ихъ діалектикой бытія и Гераклиту съ его ученіемъ о вѣчномъ процессѣ (с. 222 и 233). Но вѣдь Пивагору предшествовала философія Анаксимандра, въ ученіи котораго сущее опредѣлялось какъ непредѣльное (и неопредѣленное) бытіе, заключающее въ себѣ потенциально противоположныя качественныя опредѣленія и находящееся въ вѣчномъ процессѣ.

разума при познаніи какого бы то ни было предмета. Но эти два противоположныя опредѣленія, въ свою очередь, связываются двумя противоположными путями: посредствомъ соединенія и посредствомъ раздѣленія. Первое даетъ конкретное сочетаніе единого и многого, второе—ихъ отношеніе. Эти четыре начала, которыя, очевидно, не что иное, какъ необходимые способы дѣйствія разума, какъ силы разлагающей и слагающей всякое содержаніе, представляютъ такимъ образомъ двѣ перекрещивающіяся противоположности. Они образуютъ общую логическую схему для познанія всякаго предмета, а тѣмъ болѣе для познанія логическихъ операций. Когда анализъ далъ намъ эти начала, мы можемъ быть увѣрены, что мы получили полноту логически необходимыхъ элементовъ познанія, а вмѣстѣ и необходимыя ихъ отношенія (стр. 7)».

«По самой отвлеченности этой схемы подъ нее подводится всякое содержаніе, и этимъ подведеніемъ обнаруживается какъ ея полнота, такъ и логическая группировка подлежащихъ изслѣдованію элементовъ» (стр. 15). На самомъ дѣлѣ, даже при естественномъ подведеніи такихъ элементовъ подъ отвлеченную схему можетъ легко обнаружиться одна неопредѣленность этой схемы, которую авторъ даетъ въ слѣдующей наглядной формулѣ:

единство
отношеніе + сочетаніе
множество.

Три момента Гегеля слѣдуютъ другъ за другомъ, и въ діалектическомъ развитіи понятій мы не можемъ начинать съ любого изъ этихъ элементовъ, не извращая логическаго порядка. Въ нихъ выражается процессъ развитія,—его начало, середина и конецъ. Схема В. Н., напротивъ того, представляетъ ту особенность, что мы по произволу можемъ принимать за исходную точку любое изъ четырехъ опредѣленій, переходя логически къ остальнымъ: ими опредѣляются не моменты развитія, а какъ бы четыре различныя стороны сушаго.

Читатель видитъ, какъ существенно отличается эта схема отъ схемы Гегеля. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ поправкой, а съ совершенно иною формулой—двухъ перекрещивающихся противоположностей. Отличіе является еще большимъ, когда мы узнаемъ, что этой отвлеченной схемѣ соотвѣтствуютъ четыре причины, или, точнѣе, четыре формы причинности Аристотеля, какъ реальныя

опредѣленія абсолютнаго: это, какъ извѣстно, матеріальная, формальная, производящая и конечная причины. Какимъ образомъ совпадаютъ эти двѣ четверицы—логическая и реально-метафизическая, и почему та или другая изъ причинъ Аристотеля соотвѣтствуетъ «отношенію», «сочетанію», «множеству» или «единству»,—осталось намъ не совсѣмъ понятнымъ, несмотря на гл. 5 3 ч. «Логики» и 3 ч. «Метафизики». Во всякомъ случаѣ, попытка восполнить логику Гегеля метафизикой Аристотеля представляется глубоко задуманной хотя, можетъ быть, и не вполне удавшейся.

Мы отмѣчаемъ эти пункты, казавшіеся намъ спорными и заслуживающими внимательнаго обсужденія, конечно, не для того, чтобъ умалять значеніе того капитальнаго труда, о которомъ мы даемъ краткій отчетъ. Самое отношеніе Б. Н. къ Гегелю, несмотря на всѣ возраженія, которыя можно сдѣлать нашему мыслителю, свидѣтельствуетъ о его глубокомъ пониманіи задачъ современной философіи. Быть можетъ, Б. Н. знаменуетъ собою начало возвращенія къ Гегелю, которое давно заставляетъ себя ждать. Во всей исторіи философіи нѣтъ мыслителя, котораго понимали бы менѣе, чѣмъ Гегеля, несмотря на необыкновенно сильное, не всегда сознаваемое вліяніе, оказываемое имъ на современную мысль. Съ другой стороны,—хотя Гегеля и возможно защищать отъ нѣкоторыхъ упрековъ, дѣлаемыхъ ему Б. Н.,—намъ кажется, всѣ они исходятъ изъ вѣрнаго сознанія неполноты гегелевскаго панлогизма и необходимости его восполненія. Въ нѣкоторыхъ главахъ и параграфахъ разбираемаго сочиненія такое сознаніе сквозитъ очень ярко, и выходъ, предлагаемый нашимъ философомъ, задуманъ смѣло и глубоко.

Поблагодаримъ же его за его новую прекрасную книгу и пожелаемъ ей побольше мыслящихъ читателей, готовыхъ надъ ней поработать.

Кн. С. Н. Трубецкой.

Извѣстія и замѣтки.

❖ Въ наступившемъ семестрѣ 1894 г. въ *Юрьевскомъ* университетѣ проф. *Озе* читаетъ исторію древней философіи, часть 2-я (2 часа) и исторію новой философіи (4 часа). Кромѣ того, съ этого же семестра началъ чтеніе лекцій и. д. доцента *Е. А. Бобровъ*, объявившій психологію (3 часа) и colloquium (философскія собесѣдованія, чтеніе рефератовъ и разборъ классическихъ мѣстъ изъ сочиненій великихъ современниковъ)—1 часъ.

Поправки. Въ предыдущей (20) книжкѣ «Вопросовъ Философіи и Психологіи» примѣчаніе на стр. 31 перваго отдѣла (въ статьѣ В.А. Вагнера—«Психологическая природа инстинкта») должно быть перенесено десятью строками ниже къ словамъ: «сравнительной психологіи»...

Въ помѣщенномъ въ той же книжкѣ «Указатель содержанія журнала за четыре года его существованія» пропущена статья проф. **С. С. Корсанова**: «Международный конгрессъ по психіатріи въ Парижѣ въ 1889 г.», помѣщенная въ № I, стр. 23 — 44 (второго отдѣла).
